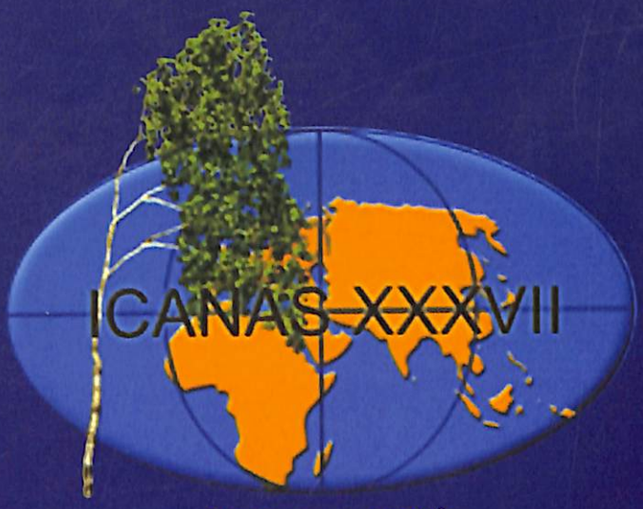

MOSCOW 2004

ICANAS XXXVII

И-43

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВОСТОКОВЕДОВ

INTERNATIONAL CONGRESS OF ASIAN AND NORTH AFRICAN STUDIES

ТЕЗИСЫ ABSTRACTS

III

МОСКВА 2004 - MOSCOW 2004

Тезисы докладов расположены в порядке поступления. Чтобы найти тезисы, пользуйтесь алфавитным указателем авторов, помещенным в конце последнего тома.

Тезисы, поданные с опозданием, будут опубликованы в дополнительном томе.

The abstracts are arranged in the order of their submission. To locate an abstract, use Authors' Index at the end of last volume.

The abstracts submitted after the deadline will be published in a separate volume.

Составители:
Авдаков *И.Ю.*
Булатов А.С.
Васильев Д.Д.
Дубаев М.Л.

Compilers:
Avdakov I.J.
Bulatov A.S.
Vasilev D.D.
Dubaev M.L.

Издано Секретариатом XXXVII Междунардного конгресса востоковедов
Россия, 103753 Москва, ул. Рождественка 12.
Тел. 7(095) 928 57 64, Факс: 7(095) 925 77 88
http:// www. orientalistica.ru/icanas
E-mail: orgcom@orc.ru

Printed by Organizing Committee of ICANAS XXXVII
12 Rozhdestvenka Str., Moscow 103753, Russia
Tel.: 7(095) 928 57 64, Fax: 7(095) 925 77 88
http:// www. orientalistica.ru/icanas
E-mail: orgcom@orc.ru

© ICANAS XXXVII, 2004

ГРИЦКИХ И.В.

Экспансия и демократия:
опыт Великобритании и Японии
теоретический аспект

Вопрос о будущем демократии на Востоке на сегодняшний день остается крайне актуальным, и прежде всего в связи с текущей ситуацией «экспансии демократии». В то же время современное обществоведение использует, на наш взгляд, неоправданно упрощенное представление об истоках демократии, для которого характерны европоцентризм (Т. Манн, Г.В.Ф. Гегель, М. Вебер и др.) и биологизм (в попытках «привить» демократию «отстающим» обществам).

В то же время некоторые соображения заставляют рассматривать демократию в качестве преходящего социального феномена.

Если принять доказанной связь между демократией и экономической системой, руководствующейся законами конкуренции и частной собственности, а также идею о тесной взаимосвязи между успехами национальной экономики и внешнеэкономической экспансией (Дж. Гобсон, В.И. Ленин, И. Франк, Ф. Бродель, И. Валлерстайн), логично сформулировать **гипотезу о внешнеэкономической обусловленности феномена демократии**.

Подробное исследование обстоятельств развития демократии в Великобритании во II половине XIX века показало, что индикаторы демократизации напрямую соотносятся как с индикацией экономических успехов, так и с динамикой развертывания внешней экономической и колониальной экспансии. Секрет роста среднего класса (основы стабильного демократического общества) заключается в его связи с «общенациональным колониальным предприятием» – извлечении выгоды из использования внешнеэкономических источников дохода всеми слоями общества метрополии, на чем и выстраиваются отношения «социального партнерства». Непосредственные формы реализации указанной схемы в Великобритании II половины XIX в. воплощаются в коммерческих колониальных предприятиях: вклады в колониальные банки, акционерные инвестиционные фонды, покупка государственных акций и вклады в сберегательные кассы, также размещавшие свои активы за границей.

Положения данной концепции применимы и для объяснения успехов развития демократических (плюралистических) институтов Японии.

Формирование демократических традиций здесь началось задолго до насильственного «открытия» европейцами. Опираясь на наблюдения и анализ японского феномена Л.С. Васильевым можно заметить значительные сходства судьбы Японии с судьбами ведущих европейских держав того времени. Во-первых – это особая роль торговли и мореплавания, которые хоть номинально и занимали «приниженное положение», но, тем не менее, поддерживались всесильными князьями-даймё. Последние предоставляли соответствующие льготы торговцам, заботились о развитии морской торговли. К XVII веку это вылилось в организацию крупных торговых домов, в том числе и зна-

менитых впоследствии Мипуи и Сумитомо и значительному увеличению доли населения, занятого в торговле и промышленности.

На первых порах (XIII-XIV вв.) расцвету портовых городов содействовали японские пираты, позже – международная торговля. Рост численности городов (с 40 в XIV в. до 269 в XVI в.) свидетельствует об успехах в этом направлении. Значение внешнеэкономического фактора просматривается наиболее рельефно в XVIII веке, когда в формально «закрытой» стране наибольшее влияние набирают торговые города и княжества южной Японии, которые процветали благодаря контрабандной торговле так, что сегуны уже ничего не могли с этим поделать. Таким образом, уже накануне европейского вмешательства в южных районах Японии сложилась собственная промышленность (в том числе и военная), стимулированная внешнеэкономической экспансией. В новейшей истории Япония фигурирует в группе стран, осуществляющих активную экспансивную политику.

Таким образом, демократия, как сложный социальный феномен и в Японии, и в Великобритании оказывается вписанной не в рамки национального характера или религиозных доктрин, а в контекст международных экономических отношений в сочетании с внутренней (domestic) социально-экономической ситуацией.

Последовательное применение предложенной концепции позволяет, с одной стороны, несколько поколебать сложившуюся уверенность в косности и невосприимчивости к демократии стран Востока, а с другой, – поставить вопрос о правомерности претензий демократии на мировое господство.

ЩЕРБАКОВ В.Д.
(Россия)

Источники нестабильности в бассейне Каспийского моря и механизмы их нейтрализации

К странам Каспийского бассейна относятся: Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркмения и Иран.

Правительства названных государств предпринимают усилия, ведут активную деятельность по следующим направлениям: экономика; трубопроводный и судоходный транспорт; гидрология, метеорология и навигация; экология; международное право и суверенитет; военная политика; использование вооруженных сил, как национальных формирований стран региона, так и возможного использования вооруженных сил США и НАТО.

Укажем основные проблемы, которые могут привести в регионе к нестабильности, если их не решать.

1. Аспекты международного права.

Спорным являются взгляды стран региона по разделу Каспия и определению его статуса. Подписана рамочная конвенция по охране окружающей среды, согласованна конвенция по вопросам метеорологии, разработан проект положений, связанных с судоходством в бас-

сейне Каспийского моря, ратифицировано трехстороннее соглашение между Россией, Казахстаном и Азербайджаном о разграничении дна Каспийского моря. Страны также поддержали идею России о создании региональной структуры по борьбе с терроризмом. Однако остались разногласия по разделу дна моря, по использованию толщи воды, по защите и использованию биоресурсов.

Разработаны лишь основы конвенции по правовому статусу Каспийского моря. Завершить эту работу должен саммит глав государств каспийской «пятерки».

2. Определение национальных секторов в Каспийском море, то есть установление государственных границ.

Россия настаивает на применении «модифицированного принципа срединной линии». Нас поддерживают Азербайджан, Казахстан, Туркмения. Иран, который при таком подходе теряет несколько перспективных нефтегазовых месторождений, придерживается другого мнения.

3. Прокладка по дну моря трубопроводов для транспортировки нефти и газа.

Россия предлагает прокладку трубопроводов осуществлять на основе согласия всех пяти стран. В этом вопросе Россию поддерживает только Иран. Другие государства планируют выполнять или уже реализуют свои национальные проекты.

Туркмения – «трансафганский» для подачи газа транзитом через Афганистан в Пакистан. Азербайджан участвует в проекте строительства нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. К этому проекту присоединяется и Казахстан.Реализация проекта Баку – Тбилиси – Джейхан фактически исключает Россию из Каспийского транспортного узла в формирующийся мировой значимости «транспортный коридор Север-Юг». К тому же это означает для России существенный экономический урон (исчисляется сотнями миллионов долларов ежегодно) и лишает возможности политического влияния в этом регионе.

4. Милитаризация региона.

Соответственно, для решения названных проблем страны будут стремиться наращивать (каждая в отдельности) военный потенциал.

Причем государства Каспийского бассейна будут наращивать военный потенциал за счет внутренних источников, а Туркмения, Азербайджан, Казахстан и Иран за счет привлечения военной силы США и НАТО.Естественно, накопленный военный потенциал будет привлекаться к решению спорных региональных вопросов.

Мы назвали проблемы в бассейне Каспийского моря, которые затрагивают интересы пяти стран. Но если не решать названные проблемы, то они могут выйти за рамки интересов «пятерки», могут стать глобальными с непредсказуемыми последствиями.

Следовательно, безопасность и стабильность в Каспийском регионе зависит от политической воли и практических действий не только России, Ирана, Туркмении, Азербайджана, Казахстана, но и всех стран, а противостояние может привести к ослаблению как каждой отдельно взятой страны, так и мирового сообщества в целом.

MOKOULSKI Mark A.
(Moscow)

Human Genome and History of the Mankind

Мокульский М.А.
(Москва)

Геном человека и история человечества

В истории науки 2000-й год отмечен блестящим научным и техническим результатом – расшифровкой генома человека. С информационной точки зрения, геном – т.е. совокупность наследственных данных организма представляет собой линейный текст, написанный четырехбуквенным алфавитом. Носителями текста являются молекулы ДНК. Геном человека содержит около трех миллиардов букв и определение их последовательности и было названо расшифровкой генома.

Уже на ранней стадии работы когда были прочитаны короткие фрагменты генома человека (и других живых существ) стала ясна огромная ценность генетических текстов для решения самых разных задач - от установления личности или родства и обнаружения врожденных болезней до проблем эволюции живой природы, происхождения человечества и истории его распространения по Земле. На этой стадии было построено генетическое древо человечества, установлено, что предки современного человека появились в Южной Африке примерно 130 тысяч лет назад, были нанесены на карту потоки первых миграций человеческих племен и датированы основные этапы глобальной миграции, в частности - разделение (60-70 тыс.лет назад) исходной популяции на три группы, давшие начало трем расам – африканской, монголоидной и европеоидной. Было показано, что современное население Европы состоит на 80% из потомков племен эпохи палеолита, пришедших с Ближнего Востока и лишь на 20% - из потомков поселенцев постледникового периода. Прослежено сходство и различие генетической эволюции и эволюции языков (в рамках эпохи, к которой применимы методы глоттохронологии). Получено множество других данных о деталях переселений, слияний и исчезновений популяций вплоть до Нового Времени. Родились новые ветви науки – этногеномика и геногеография.

Эти выводы были получены на основании расшифровок фрагментов генома, выполненных в конце прошлого века, когда было прочитано всего несколько процентов генома и сейчас, когда геном расшифрован почти полностью, они будут уточнены и, возможно, исправлены. Очевидно, что геном человека хранит ценную информацию о нынешнем состоянии человечества и о его долгой истории. Это хорошо поняли фармацевтические кампании, объявляя о начале эпохи постгеномной фармакологии, о создании методов генодиагностики и генотерапии. На промышленное использование достижений молекулярной генетики ими уже направлены огромные средства.

В ближайшие годы следует ожидать самых серьезных результатов от применения методов молекулярной генетики для решения проблем антропологии, истории, социальных и демографических исследований. Постгеномная эпоха наступает и для этих наук.

NOVAKOVA O.V.
(Moscow)

**The diffusion of Christianism (Catholicism)
In the countries of Confucius civilization
(XVI-XVII centuries)**

Новакова О.В.
(Москва)

**Распространение христианства (католицизма)
в странах конфуцианского мира**

1. Встреча христианского вероучения, бывшего сутью и смыслом западной культуры и истории, с Востоком произошла в период с середины по конец 16 в.

Начиная с этого времени в странах Азии – Индии, Сиаме, Китае, Японии и Вьетнаме получает определенное распространение западная культура и проповедь христианского вероучения, выявившая цивилизационно-культурные и менталитетные отличия стран Востока и Запада до их противоположности, в частности, в странах конфуцианского мира, центром которой был Китай.

2. Архаическая религия Китая уже со времен Конфуция утратила всякий трансцендентный смысл и трансформировалась в чистую космологию, в ритуализацию и обрядность, возведенные в культ различных уровней – от государственного до общинного.

Сакральный характер власти правителя – сына Неба, множественность религий – буддизм, даосизм и конфуцианская этико-философская доктрина, опиравшиеся на местные верования, прежде всего в духов, и на уровне семьи – культ предков, – все это имело большую схожесть в Китае и во Вьетнаме.

3. Но из всех стран конфуцианского мира только во Вьетнаме была создана вьетнамская католическая церковь, которой в настоящее время уже более трехсот лет. Вьетнамские христианские общины – настоящий феномен в Азии, первый большой успех в распространении христианства на азиатском континенте.

4. Для понимания этого феноменального явления необходимо изучение религиозной жизни и организации самого вьетнамского общества, основу которого составляет многодетная патриархальная семья. Ее традиционная прочность и незыблемые устои, почитание старших придавали большую силу вьетнамскому обществу, достигшему большой степени сплоченности.

5. Для понимания процесса восприятия христианства странами конфуцианского мира необходимо отметить также, что происходил отбор наиболее близких, понятных и приемлемых элемен-

тов нового вероучения. Через первых миссионеров происходило знакомство и первые контакты двух культур, двух цивилизаций: Запада и Востока.

ДИДЕНКО И.М.
(Украина)

Монгольский след в украинской культуре (XVII–XX ст.)

В независимой Украине изучение собственной культуры в широком международном контексте активизировало поиски ее контактов не только с Европой и Ближним Востоком, но и Центральной Азией. Имеются многочисленные исторические свидетельства существования контактов украинской культуры с монгольской, калмыцкой, бурятской культурами. Филофей Лещинский, выпускник Киево-Могилянской академии, митрополит сибирский и тобольский, привил Украине интерес к буддизму, открыл первую в Бурятии школу по изучению монгольского языка, отправлял в Ургу выпускников Киево-Могилянской академии для изучения монгольский культуры, учения и обрядности буддизма. В XVIII и XIX ст. состоялись философские дискуссии украинцев и монголов по проблемам веры и культуры. Сами буддисты внесли вклад в распространение буддизма в Украине (А. Доржиев и др.). Интерес к монгольской культуре и буддизму запечатлен в трудах Л. Украинки, И. Франко, М. Грушевского, М. Волошина, А. Кримского.

ЛУКАШ О.
(Киев)

Индия и особенности процесса регионализации в Южной Азии

Регионализация как ведущая тенденция современного мирового развития приобретает особое значение в условиях развернувшейся глобализации и качественно нового этапа мировой цивилизации. Эта тенденция чрезвычайно важна и актуальна с точки зрения исследования, поскольку с большой долей вероятности в будущем она может трансформировать современную мировую систему в многополярную и многоцивилизационную.

Индия как второй «мировой гигант» после Китая, демонстрируя в последние годы значительную динамику экономического развития, высокие темпы роста ВВП и претендуя на роль самостоятельной подсистемы новых международных отношений, несомненно, может сыграть особую роль в общемировом процессе регионализации.

В этой связи представляется важным проанализировать особенности регионализации в Южной Азии, а также охарактеризовать такие основные компоненты этого процесса, как формирование региональной державы на примере Индии и специфику регионального сотрудничества (возможностей интеграции) на примере южноазиатских стран.

Интересным является также исследование вопросов о том, противоречат ли друг другу названные компоненты регионализации в Южной Азии? Относится ли этот регион к разряду тех, где региональная держава появилась в результате политической напряженности и повышенной конфликтности, а следствием этого явилась замедленная, вялотекущая интеграция? Какую роль сыграли в этом регионе экономические, политические (военно-политические), культурно-цивилизационные факторы, определяющие регионализацию как ведущую тенденцию? Совпадает ли процесс регионализации в Южной Азии со стратегической целью внешней политики Индии – превращением страны в державу глобального значения?

Отвечая на эти вопросы, необходимо принимать во внимание следующие особенности и специфику развития этого региона: 1) асимметричность, проявляющуюся, прежде всего, в различных уровнях экономического развития стран региона (Индия, Пакистан, с одной стороны, и «малые», менее экономически развитые страны, с другой стороны); 2) огромная масса населения (сегодня в регионе проживает около 1/4 населения планеты, что составляет 1,4 млрд. чел.) и высокий уровень бедности; в Южной Азии производится лишь 2% мирового валового продукта, 400 млн. человек живет в условиях ниже уровня бедности, около 50% взрослого населения неграмотны и 50% детей недоедает; 3) гетерогенность – страны Южной Азии разнятся не только по своему экономическому развитию, государственному устройству, но и религиозной принадлежности; здесь представлены: «величайшая в мире индийская демократия», где основная часть населения индуисты, «социалистическая», в основном буддийская Шри Ланка, буддийский, но монархический Бутан, монархический Непал, в котором соседствуют индуизм и буддизм; исламские республики – Пакистан, Бангладеш, Мальдивы; 4) однотипность характера национальных хозяйств этих стран, малая степень их взаимной дополняемости, что, естественно, сдерживает экономическое сотрудничество; экономически самая сильная Индия достигла наибольших успехов в области «большой науки» и тяжелой промышленности; обе эти сферы в значительной степени оторваны от насущных потребностей остальных стран региона. 5) закрытость экономик: почти для всех государств Южной Азии характерен высокий уровень тарифной защиты рынков, что препятствует развитию взаимной торговли (объем торговли в рамках региона составляет только 1% общемирового); отсутствует масса избыточного капитала.

Принимая во внимание только часть перечисленных обстоятельств и особенностей, многие исследователи и эксперты делают вывод о том, что перспективы создания в регионе прочного экономического союза четко не очерчены. Реальную картину рассматри-

ваемой проблемы можно объективно представить только на основе детального анализа состояния и потенциальных возможностей процесса регионализации в Южной Азии.

К позитивным факторам в экономической области, наблюдаемым в последнее время, можно отнести состоявшийся в январе 2004 г. 12-й саммит СААРК (Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии), в которую входят все 7 стран региона. Определенным успехом этого саммита можно считать подписание договора о зоне свободной торговли в Южной Азии (САФТА), а также принятие дополнительного протокола к хартии по борьбе с терроризмом. Договор о зоне свободной торговли должен вступить в силу 1 января 2006 г.

САФТА заменил договор о преференциальной торговле (САПТА), подписанный в 1993 г. и нацеленный на либерализацию торговли через систему льгот. Предполагается, что САФТА ликвидирует пограничные преграды и выведет торгово-экономическое сотрудничество в регионе на более высокий уровень. В частности, всем государствам – участникам СААРК, кроме Индии и Пакистана, предоставляется статус «наименее развитой страны», предусматривающий дифференцированный подход к решению задач развития их экономик. Индии и Пакистану предоставляется статус «более развитых стран». САФТА должен обеспечить свободное передвижение товаров через границу, снижение тарифов, отмену пограничных налогов и таможенных сборов и др. ограничений. Договором предусматривается гибкая система мер по обеспечению количественных и других ограничений импорта в рамках организации. Предусмотрена система гарантий и правил, а также решение конфликтных ситуаций.

На саммите также были провозглашены и более отдаленные планы экономического сотрудничества: достижение к 2015 г. таможенного союза, а к 2020 г. – экономического союза, установление открытых границ и общей валюты в Южной Азии. Все это выглядит несколько гипотетически на фоне перечисленных проблем. Однако, как свидетельствует история (в том числе опыт самой Индии), без здравой доли амбициозности трудно осуществить прорыв в любой сложной сфере деятельности.

КОШЕЛЕВ В.С.
(Беларусь)

Два лика политического ислама

В последние десятилетия всплеск политического ислама привлек пристальное внимание политиков, средств массовой информации и всего научного сообщества. Этот религиозно-политический феномен получил в мировой историографии различные названия и интерпретации. Исламский фундаментализм, интегризм, воинствующий ислам, политический ислам – только некоторые из

них. Наиболее приемлемым и корректным, с нашей точки зрения, является понятие «политический ислам», весьма перспективным – термин «исламизм» («исламистские движения»).

Движения политического ислама в новейшее время можно разделить на три группы. *Первая группа* – радикальные фундаменталисты, которые ведут настоящую войну с законной властью, используя откровенно террористические методы: похищение людей, убийства, взрывы и т.п. Их акции направлены не только против правительственных чиновников, но и против иностранных подданных. Они не делают различий между «своими» и «чужими», рассматривая собственные правительства как олицетворение тлетворного и разлагающегося Запада.

Вторая группа – умеренные фундаменталисты. Они предпочитают апеллировать к беднейшим слоям населения, открывают школы, больницы, благотворительные фонды, принимают активное участие в развитии социальной инфраструктуры. Все это призвано, с их точки зрения, показать преимущества исламского духа и мусульманской морали. В этой сфере умеренные нередко успешно конкурируют с правительством.

Третья группа – так называемые легальные фундаменталисты. Они надеются войти в парламент и местные органы государственной власти и с их помощью реализовать социальную реформу и исламский идеал в рамках существующей системы. В Алжире Исламский фронт спасения несомненно пришел бы к власти в 1992 г., если бы не вмешались военные. В начале 1990-х годов партия Хизболла также достигла большого успеха на парламентских выборах в Ливане. Естественно, такое деление в известной степени является условным, поскольку представители одной и той же группы могут использовать одновременно разнообразные методы борьбы в самом широком диапазоне – от радикальных и экстремистских до умеренных и конституционных. Даже Хамас в Палестине, известная своими террористическими акциями, допускает тактику временного прекращения военных действий, не отказываясь в принципе от «священной войны».

Несмотря на споры относительно дефиниций явления и их идентичности, совершенно очевидным представляется то, что общий курс исламских движений все более учитывается во внутренней и внешней политике различных государств, в решении проблем международной безопасности. Важнейшим рубежом в истории политического ислама стала исламская революция в Иране, в результате которой была свергнута прозападная монархическая власть и создана первая в современной истории теократическая исламская республика. Следующее знаковое событие произошло в виде террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. Мир впервые столь масштабно и зримо узнал террористический облик исламизма. Сеть организаций, наподобие аль-Каиды, представляют серьезную угрозу США, другим западным странам, правитель-

ствам мусульманских стран и простым мусульманам, желающим мирной жизни. Всем ясно, что террористические группы должны быть отслежены, а их члены привлечены к суду.

Гораздо менее ясно, как мировая общественность должна относиться к другому лику исламистского движения – ненасильственному. Эта сторона представлена политическими движениями, которые основываются на исламских принципах, но заявляют, что своих целей хотят достичь мирными средствами, в демократической борьбе с неисламскими политическими партиями. Эта часть исламистского движения часто игнорируется, но она очень важна.

Можно ли верить заявлениям этих движений о ненасилии? Можно ли принимать их как законных участников демократической политики? Или они лишь хотят победить на демократическом поле и затем установить политическую систему, отрицающую демократию и права человека? На эти вопросы нельзя дать однозначный и адекватный для всех ответ. Но отвечать необходимо по мере эволюции и изменений, происходящих в исламистских движениях, и с учетом растущей значимости другого, ненасильственного лика исламизма.

КОШЕЛЕВА Н.В.
(Беларусь)

Ислам в США

В современную эпоху крайне обострилась проблема адаптации традиционного общества к новым условиям. Важнейшим элементом такого общества является религия. Традиционные и новые религии пытаются найти свою нишу в формирующемся постиндустриальном мире. Усилилась роль религиозного фактора в социально-политических процессах, и без его системного анализа эти процессы невозможно ни понять, ни тем более прогнозировать. В последние годы особенно активизировался ислам, число последователей которого превысило 1 млрд. человек. Ислам давно вышел за пределы своего традиционного ареала. Сегодня эта религия, во многом чуждая западным ценностям, усиливает свое влияние в Европе и Соединенных Штатах Америки. Для США проблема взаимодействия с миром ислама становится особенно острой, поскольку страна, пытаясь выступать от имени всего Запада в мировом диалоге культур и народов, сама в этно-конфессиональном отношении уже не совсем соответствует понятию западно-христианской цивилизации.

Процесс создания американской мусульманской общины, растянувшийся на все двадцатое столетие, имеет свою внутреннюю логику и периодизацию, относительно которых в американской историографии существуют различные мнения и концептуальные подходы. Мусульманская община США неоднородна. Она

представляет собой культурно-этническое разнообразие, в котором выделяются две крупные группы мусульман: мусульмане-иммигранты и коренные мусульмане-афроамериканцы. Мусульман-иммигрантов в первую очередь волновали проблемы адаптации в чужом обществе, боязнь утраты своей культурной идентичности. Афроамериканцы же восприняли мусульманскую религию как идеологию протеста и использовали ее для борьбы за свои социальные и гражданские права. Обе группы развивались автономно, преследовали разные цели и действовали разными методами.

Мусульмане-иммигранты и мусульмане-афроамериканцы параллельно создавали свои организационные структуры, характер и содержание деятельности которых значительно отличались друг от друга. Первые иммигрантские группы и организации были созданы для поддержания и сохранения привычной для мусульман культурной среды и первоначально не играли заметной роли в американском обществе.

Совершенно иной характер имеют организации афроамериканских мусульман, и в особенности организация «черных мусульман», «Нация ислама». Социально ориентированная с момента своего создания, эта организация явилась примером синтеза ислама с доктриной панафриканизма. Как и многие другие афроамериканские мусульманские группы, она изначально поддерживала сепаратистские идеи и стремилась к полной независимости от остального американского общества. В 60-е гг. XX в. появилось много других афроамериканских групп, использовавших ислам в качестве идеологического фундамента для политической борьбы.

Характерной чертой современной мусульманской общины США является наращивание политической активности, которое осуществляется двумя путями. Первый, конституционный, путь предполагает полную интеграцию мусульман в американское общество, участие в политическом процессе, то есть решение текущих проблем мирными методами. Второй путь – это политический, или радикальный ислам, который стимулирует сепаратистские тенденции в мусульманской общине США. Изначально он был присущ «черным мусульманам». С 90-х гг. XX в. усиление радикальных тенденций стало прослеживаться и в иммигрантской среде. Это связано с общей активизацией политического ислама в мире, а также с проводимым правительством США внешнеполитическим курсом. Американская мусульманская община в своем развитии достигла того уровня, когда ее участие в американском политическом процессе представляется не только желательным, но и неизбежным. В противном случае, имеющиеся в ней сепаратистские тенденции могут привести к доминированию радикального ислама, что явится угрозой стабильности американского общества. Косвенные данные о связях некоторых американских мусульманских организаций с международным терроризмом являются убедительным тому подтверждением.

ДЖОЙ Я.
(Киев)

«Ади Грантх» – антология религиозных текстов средневековой Индии (к 400-летию первой редакции)

Одним из наиболее ярких религиозных текстов средневековой Индии является, несомненно, «Ади Грантх», в котором отражена история развития сикхизма. Это своеобразная антология религиозной поэзии, которую составил в 1604 г. (в первой редакции) 5-й гуру сикхов Арджун (1563–1606). Работа по записыванию отобранных для «Ади Грантх» произведений была выполнена учеником Арджуна – Бхаи Гурдасом (1579–1637). Важной особенностью этого памятника является то, что его основу составили тексты представителей разных конфессий – сикхских гуру, индуистских бхактов, а также последователей суфизма. Тексты антологии написаны в поэтической форме, напоминающей гимны.

В наше время авторитет «Ади Грантх» признают не только сами сикхи, а и значительное число верующих различных конфессий Индии. В «Ади Грантх» получили свое преломление и противоречивые процессы общественного развития Индии тех лет. В этой книге изложены идеи и пути решения важнейших проблем, волновавших страну в средние века, а также воззрения, оказавшие влияние на развитие общины сикхов, религиозно-философской и социально-политической мысли Индии в последующие столетия.

Еще в XVII ст. были предприняты попытки изучения и комментирования сикхами произведений основателя сикхизма, первого сикхского гуру – Нанака, а также главного религиозного текста сикхов – «Ади Грантх». Однако только в XIX ст. англичанами были осуществлены более широкие научные исследования сикхизма и его священной книги. В частности, Дж. Кэннингхем, офицер британской Ост-Индийской компании, издал «Историю сикхов» (1849), а после увидела свет фундаментальная шеститомная работа М. Маколиффа «Религия сикхов» (1909). Англичанину принадлежит и первая попытка перевода «Ади Грантх» на европейские языки. В 1877 г. Э. Трампп перевел приблизительно третью часть «Ади Грантх» на английский язык.

В российской индологии в советское время изучением сикхизма, а также анализом и переводом частей «Ади Грантх» занимался известный индолог И.Д. Серебряков, который в 1963 г. издал научное исследование «Пенджабская литература». Другой востоковед – И.С. Рабинович в работе «Сорок веков Индийской литературы» (1969) также касался некоторых вопросов анализа «Ади Грантх». Однако в этих исследованиях анализировалась не роль этого текста как религиозного и исторического источника, а преимущественно давался литературоведческий анализ и рассматривались вопросы развития панджабского языка.

В последнее время были изданы исследования по проблемам генезиса сикхизма и переводы частей «Ади Грантх», а также всего текста этого памятника. В издательстве «Мотилал Банарсидас», которое пропагандирует индийское гуманитарное наследие, в 1996 г. вышел двухтомный перевод «Ади Грантх» на английский язык. Для исследователей сикхизма интересным может быть и тот факт, что этот текст распространяется современными техническими средствами: в интернете ряд сайтов предлагают полный оригинальный текст и переводы его на английский язык.

«Ади Грантх», как своеобразная антология религиозных текстов, в состав которой вошли произведения на многих языках и диалектах, несет в себе и некоторые трудности для интерпретации, анализа и адекватного перевода на современные языки. Поэтому исследователи, главным образом, обращаются только к некоторым частям этого сборника. Известный индолог И.С. Рабинович отмечал, что в состав «Ади Грантх» входят произведения более сорока поэтов, а английский индолог Ф. Пинкотт определил, что объем этого памятника составляет 15 575 строф (stanzas) или 3384 гимна.

Представляется актуальным и своевременным проанализировать «Ади Грантх» как своеобразный и уникальный источник по изучению сикхизма, а также определить его роль и значение в исследовании истории средневековой Индии. Анализируя «Ади Грантх» как исторический источник, необходимо принимать во внимание характер исторических фактов, содержащихся в нем. В частности, индийские исследователи Н.К. Синха и А.Ч. Банерджи в своей работе «История Индии» (1952) включили это произведение в перечень источников по истории «сикхских гуру и учения сикхов». Однако они предостерегали о возможных проблемах, связанных с использованием этого памятника в качестве научного источника. В рассматриваемом религиозном тексте следует отличать действительность от вымысла, достоверные свидетельства современников от легенд, созданных в более позднее время.

Многоплановость и многохарактерность «Ади Грантх» также оказывает влияние на интерпретацию исторических фактов, представленных в ней. Этот текст, прежде всего, литературное произведение с присущей ей формой изложения. Индолог И.Д. Серебряков, говоря об этом памятнике, подчеркивал взаимосвязанность и соединение в ней фольклорных и литературных общностей, устных и письменных традиций. Таким образом, анализируя «Ади Грантх», необходимо учитывать форму изложения этого памятника, а также лингвистические особенности, присущие панджабской литературе.

Структурно «Ади Грантх» делится на три части: вводную, основную и заключительную. Гимны основной части разделены на тридцать одну группу, соответственно мелодиям, на которые они должны исполняться. Композиционно, по утверждению И.С. Рабиновича, «Ади Грантх» походит на «Ригведу» и, возможно, последняя

послужила моделью для священной книги сикхов. Интересным может быть сопоставление функциональной нагрузки, с оной стороны, «Ади Грантх» в сикхизме и, с другой стороны, Вед в индуизме и Корана в исламе. «Ади Грантх» ярко демонстрирует, что, развиваясь на грунте индуистской духовной культуры, с присущим индуизму поиском «Истины», сикхизм в то же время вобрал в себя строгость и определенность ислама, в котором утверждались значимость и важность текста в ритуале, необходимость его для «духовного» совершенствования каждого адепта.

Суммируя изложенное выше, можно определить «Ади Грантх» как антологию религиозных текстов средневековой Индии с элементами религиозного синтеза. Сложность и неоднозначность этого памятника как своеобразного сборника религиозных текстов выдвигают и определенные трудности для интерпретации, анализа и адекватного перевода его на современные языки.

Хотя «Ади Грантх» не является священной книгой для всех индийцев, она занимает почетное место в культурном наследии Индии. Этот памятник был и остается наиболее ярким текстом индийского средневековья, в состав которого вошли произведения последователей разных религий – индуизма, ислама, сикхизма. Несомненно, его можно рассматривать и как многоплановый, уникальный источник для изучения истории, политического устройства, философии и литературного наследия средневековой Индии, ее цивилизационно-культурных контактов с другими народами, а также происходящих в тот период процессов культурно-религиозного взаимовлияния и взаимообогащения.

ОДЕРИХА В.В.
(Ждановичи)

Проблема суннитско-шиитских отношений в Ираке в Новейшее время

Наиболее многочисленная шиитская община арабского мира проживает в настоящее время в Ираке. Тем не менее, вплоть до настоящего момента, шииты были фактически отстранены от реальной власти. Англичане, создавшие в 1921 г. Иракское королевство, предпочли опереться на суннитскую элиту, сформировавшуюся еще в период османского правления. Установленный в Ираке парламентский режим на деле оказался фикцией, поскольку маскировал господство суннитской элиты. Переворот 1958 г., установивший в Ираке республику, не поколебал основ суннитского доминирования в системе государственной власти. Это можно объяснить преобладанием суннитов в офицерском корпусе. Тем не менее, установившийся в 70-е гг. авторитарный режим Саддама Хуссейна стремился, хотя бы внешне, сгладить суннитско-шиитские противоречия путем выделения шиитам квот в парламенте и правительстве. В определенной степени это способствовало лояльности иракских

шиитов режиму в годы ирано-иракской войны 1980-1988 гг. Тем не менее, эти противоречия не были преодолены и стали одной из причин краха баасистского режима в Ирке весной 2003 г.

АВИДЗБА А.Ф.
(Сухум)

О «национальном интересе» малых стран в условиях глобализации (на примере Абхазии). К постановке проблемы

Глобализация как тенденция в развитии мирового исторического процесса, возникнув в 15 веке, к началу 21 столетия приобрела труднопредсказуемые тогда масштабы. В современном мире все связано со всем, и все зависят от всех.

Глобализация – явление весьма не простое и неординарное, как иногда ошибочно представляется. Когда речь идет о глобализации, необходимо помнить о существовании глобализации не только в ее общемировом, всепланетарном измерении, но и о наличии региональной, которую, в свою очередь, можно подразделить на континентальную, межконтинентальную и субконтинентальную глобализацию.

Приверженцами общемировой глобализации являются страны и государства, обладающие огромным военно-политическим и экономическим потенциалом и стремящиеся к всемирной гегемонии.

А малым странам, как Абхазия, приходится выживать под напором проявлений всех этих разновидностей глобализации, интересы которых почти всегда в корне разнятся на деле, если даже на словах провозглашается обратное. Поэтому умение балансировать между, зачастую, прямо противоположными взглядами и мотивациями становится тяжелым, но необходимым этапом в проведении собственной линии в политике малыми странами и народами.

Не секрет, что после распада биполярной мировой политической системы и начала складывания многополярности, Абхазия превратилась в одну из арен столкновения геополитических интересов крупных игроков на мировом политическом ринге. Эти процессы вокруг Абхазии, по меткому выражению заокеанского политика Строуба Тэлбота, превратили ее в «геополитическую заключенную».

Чтобы выжить в данной ситуации, Абхазии нужно учитывать интересы всех заинтересованных игроков, тем не менее, как представляется, существует настоятельная необходимость проведения политики выживания исходя из своего «национального интереса». Последний, по мнению специалистов, от государственного интереса, более того «ни одно государство, пренебрегающее своим национальным интересом как движущей силы политики, не может выжить» (Шлезинджер).

А «главный национальный интерес всякого государства состоит в обеспечении безопасности, в самосохранении нации, народа» (Э. Поздныков), что, в свою очередь, исходя из сегодняшних реалий, возможно лишь при наличии собственных, наполненных смыслом атрибутов и символов государственности, как необходимой формы содержательной части государства.

Ясно, что не в интересах Абхазии и подобных ей стран, быть поглощенной как общепланетарной, так и проявлениями региональной глобализации. Им от этого не легче, здесь не приходится выбирать, т. к. в обеих случаях они теряют «я» своих народов и наций, что, безусловно же, противоречит их «национальному интересу».

В современных условиях общественного бытия и межгосударственных взаимоотношений малым странам просто опасно, да и невозможно, существовать без значимых и значительных покровителей. Ясно, что этими покровителями могут быть только крупные державы или союзы и ассоциации таковых, которые при этом исходят, прежде всего, конечно же, из своих «национальных интересов». И чем больше они проявляют и выказывают понимание «национального интереса» малых стран, тем больше у них шансов стать желанными покровителями.

В современном мире преобладает мнение, которое и становится, почти всегда, мотивом поведения, что от желания малых стран ничего не зависит, а все решает сила и могущество больших и мощных государств. Оно то, оно так, но, все же, не совсем верно сбрасывать со счетов и мнение самих малых стран, хотя бы по вопросам, напрямую затрагивающим их «национальный интерес», и, наверное, не стоит забывать о том, что «насильно мил не будешь». А это что-то да значит.

АВИДЗБА В.Ш.
(Сухум)

Художественная литература
в первой абхазской газете «Апсны»
(1919-1921 гг.)

Первая абхазская газета «Апсны» выходила в сложный и тяжелый период истории Абхазии – господства грузинского меньшевистского правительства (июнь 1918 г. – март 1921 г.). Она начала выходить благодаря усилиям группы передовой абхазской интеллигенции, выступившей с требованием перед меньшевистским руководством о разрешении издания газеты на абхазском языке, 27 февраля 1919 года вышел первый номер абхазской еженедельной газеты «Апсны».

Газета «Апсны» выходила до установления советской власти в Абхазии (4-ое марта 1921 г.). За этот временный промежуток вышло всего 85 номеров газеты.

В настоящее время из-за уничтожения во время войны учреждений (Центрального государственного архива Абхазии и Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа), в которых хранились полные комплекты газеты, найдены не все номера. В нашем распоряжении находятся те номера газеты «Апсны», которые сохранились в личных архивах (Бгажба Х.С., Хашба М.Л. и Агумаа А.С.). Всего таких номеров 80.

Таким образом, нами обнаружено преобладающее количество номеров газеты, что, безусловно, позволяет нам выявить как ее основное идеологическое направление, так и представленный в ней жанровый и тематический состав.

Характерно, что, как и для любой другой газеты, преобладающими жанрами и в газете «Апсны» выступали публицистические статьи и корреспонденции. Однако, наряду с ними на страницах этой газеты представлено значительное количество произведений художественной литературы.

Нужно отметить, что из представленного в газете литературного материала в количественном отношении преобладает поэзия. Она представлена в основном в стихотворном, басенном и песенном жанрах. Всего в имеющихся в нашем распоряжении номерах газеты было опубликовано 117 поэтических произведений. Из них – 113 на абхазском и 4 на русском языках. В том числе переведенных на абхазский язык 22 стихотворения и басен. Авторами стихотворений, опубликованных в газете «Апсны», являются – основоположник абхазской литературы Д.И. Гулиа (32 произведения), М. Хашба (14), И. Когониа (6), Ш. Хокерба (5), В. Дарсалиа (4), М. Лакербай (3) и большое количество людей, напечатавших в газете по одной или несколько стихотворений, но позже оставивших литературную деятельность. В их число входят и авторы произведений, подписанных под различными псевдонимами («Тхасоу», «Джгердский»), чьи личности или их точные имена нам еще не удалось установить.

В числе наиболее часто переводимых на абхазский язык были: из русской литературы – И.А. Крылов, Л.Н. Толстой, А.В. Кольцов, В.А. Жуковский, из грузинской литературы – А. Церетели, И. Чавчавадзе.

По сложившейся традиции, принято считать, что за исключением рассказа Д. Гулиа «Под чужим небом» (1919 г.) почти целое десятилетие прозаические жанры в абхазской литературе не были созданы. Однако, опубликованные в газете «Апсны» произведения малой прозаической формы говорят об обратном. Таковых в данной газете мы отметили свыше 25 произведений. В большинстве своем прозаические произведения относятся к жанру так называемого устного рассказа, или иначе – устной истории. В них авторы пытаются рассказать о событиях, имевших место в реальной жизни. Зачастую эти произведения сопровождены поясняющим подзаголовком «реально произошедшее событие». Неординарность пересказываемого случая, ее детализация позволяет авторам создавать

произведения, граничащие между очерком и художественным рассказом. Безусловно, в каждом конкретном случае доля одного или другого различна. Однако, очевидно, что попытки освоения прозаических жанров в этот период были ещё не единичными.

В газете было опубликовано пять произведений драматического жанра. Из них одно – «Махаджир» С. Чанба является оригинальным творением, а остальные четыре являются переводными. Это переводы, осуществленные Д.И. Гулиа с грузинского языка, «Двое нищих» (Д. Ацкурели), «Ненастный день» (В. Баланчивадзе), с русского «Да здравствует свобода!» (В.Д. Захаров) и М. Хашба «Детская сцена», переведенная также с русского языка.

Таким образом, обнаруженный в газете «Апсны» материал позволяет рассматривать её и в качестве важного литературного источника и формирования по-новому взглянуть на некоторые вопросы становления абхазской литературы и ее жанрового состава.

АДЖИНДЖАЛ Е.К.
(Сухум)

Деколонизация Абхазии и международное право

В международном праве установлено, что самоопределение приложимо только к народам, которые находились в положении колониальной зависимости. В СССР входили 20 автономных республик. Из них 16 были в составе РСФСР. А три были распределены между этнически «родственными» им республиками. Каракалпакия входила в Узбекистан, Нахичевань – в Азербайджан, Аджария – в Грузию. А вот введение Абхазии в состав Грузии не было определено этнополитическими факторами. Главное, сама Грузия была унитарной республикой! Так, что Абхазия в масштабе СССР – единственная бесправная коммунистическая колония Грузии. Отсюда – правовой, физический и культурный геноцид абхазов со стороны Грузии. Ответы абхазов – многочисленные митинги и забастовки: 1957, 1965-1967, 1978, 1988-1989 гг.

Грузинские политики в отношении Абхазии употребляют словосочетание «агрессивный сепаратизм» ссылаясь на Декларацию о критериях признания новых государств в Восточной Европе и бывшего Советского Союза: «ЕС и государства, в нее входящие, не будут признавать новообразований, появившихся в результате агрессии» (Брюссель, 11 мая 1991 г.). Это положение не имеет никакого отношения к Абхазии. Ибо, в 1917 году, когда в Российской империи произошел переворот, Абхазия, которая входила в ее состав с 1810 года, с целью обретения независимости правовым, демократическим путем, избирает парламент (АНС), принимает Конституцию, объявляет Декларацию о независимости. Однако, в 1918 году Грузия, которая не имела государственно-правовых отношений с ней, пошла войной на Абхазию. Накануне распада СССР Абхазия, так-

же демократическим путем, через принятие участие в референдуме от 17 марта 1991 года, официально отошла от Грузии. Наконец, 23 июля 1992 года Абхазия принимает Конституцию, утверждает Герб и Флаг республики. А 14 августа того же года Грузия напала на Абхазию. И кто же тут агрессор?

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2699 (XXI), принятой 17 октября 1917 года, после изложения о праве народов на самоопределение, и о том, что необходимо положить конец колониализму и т.д., читаем: «Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее нарушение территориальной целостности независимых государств, **соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов**». Грузия, не соблюдающая права Абхазии на самоопределение, имеет ли право претендовать на территориальную целостность?

В 1992-1993 годах представители грузинской диаспоры в Абхазии (пятая колонна) с оружием в руках воевали против своих соседей, знакомых, сослуживцев и т.д. Поэтому при освобождении Сухума и Восточной Абхазии (хотя абхазские войска и не контактировали с местным гражданским населением и солдат) грузины из-за опасения возмездия за содеянное, самостоятельно покинули ее. Таким образом они стали преступниками в бегах. Поэтому, не может быть и речи о их массовом возвращении в места прежнего проживания. Здесь применим лишь персональный подход к каждому, на основе индивидуальной карточки УВКБ.

Абхазская государственность была ликвидирована внешними агрессивными силами. Ее восстановление справедливо и соответствует международному праву. Признание Абхазии де-юре не должно вызывать опасений, что оно может послужить прецедентом, в частности для субъектов Российской Федерации и т.д.

АРГУН Ю.Г.
(Сухум)

О демократических принципах управления в абхазском обществе

В связи с всеобщей демократизацией в постсоветском пространстве в печати стали появляться утверждения, будто «Абхазия не располагает набором необходимых условий для становления демократии». Авторы такого рода утверждений плохо знают историю Абхазии, традиционную культуру абхазского народа, его ментальность и предмет, о котором пытаются рассуждать.

Как известно, истоки демократии уходят в античную эпоху, они связаны как с Древней Грецией, так Римской республикой. Абхазия традиционно была связана с этими государствами. Еще в VI в. до н.э. на месте современного Сухума на базе более древних местных поселений греки основали город Диоскурию, которая играла значительную экономическую и политическую роль на всем

побережье Кавказа. Здесь уже со II в. до н.э. чеканилась собственная монета. В более позднее время на территории Абхазии были основаны Гюэнос и Питиунт. Христианская идеология в Абхазию проникает с самого начала его зарождения. В Абхазии христианство становится официальной религией с начала VI в.

В позднеантичный период существовало самостоятельное абазгское вооруженное формирование в составе византийской армии под названием Ala prima Abasgorum – «Первая когорта абазгов». Византийский император Юстиниан открыл специальную школу в Константинополе для детей правителей Абазгии, в которой они обучались греческой грамоте и разным наукам. Кроме того в Константинополь посылались священники и дьяконы для получения там религиозного воспитания и ознакомления с науками. Надо полагать, что получая греческую грамоту, дети правителей Абхазии не могли не получать знания о принципах демократического управления, с тем, чтобы, вернувшись домой, использовать свои познания в управлении страной.

Поэтому становится понятно, почему в XVIII и XIX вв. владетельные князя Абхазии, при обсуждении важнейших вопросов страны и народа, рядом с собой сажали представителей из независимых крестьян, обладавших большим авторитетом и уважением, отличившихся мудростью и умением четко выражать мнение народа. Владетель, как правило, предоставлял им слово и считался с их мнением.

Традиционно вся жизнь в абхазском обществе была пронизана демократическими принципами, основой общественного строя была сельская община «акыта», которая сохраняла пережитки архаических форм общины – родовой и соседской, члены которой были взаимосвязаны коллективной собственностью на леса и пастбища, водные ресурсы, взаимопомощью. Вся жизнь регламентировалась нормами обычного права: сход сельских общинников и общинный суд.

Абхазские народные собрания и народное судопроизводство служили своеобразной школой ораторского искусства. Здесь издревле ценилось умение выражать мысли точно, красиво, логично, образно, убедительно, просто. Народный суд «создает среди абхазцев выдающихся ораторов», – отмечал К.Д. Мачавариани.

Традиционный абхазский народный суд, народное правосудие абхазцев – это важнейшее составное звено апсуара, школа большой культуры народа. Народ на своих сходах соблюдал установленный обычаем порядок. Царизм, сталинский тоталитарный режим пытались уничтожить демократические принципы в абхазском обществе, но народ противился этому. По остроте и постоянству обсуждаемых вопросов на этих народных сходах и соответствующих обращениях в высшие инстанции, равным абхазским, пожалуй, бывший Советский Союз не знал.

О демократическом характере абхазского общества говорит и положение женщины. Абхазская женщина занимала как в семье, так и в общества особое положение в соответствии с нормами обычного права. Оно характеризовалось устойчивой правовой связью замужней женщины с отцовским родом, что давало ей дополнительную защиту со стороны родственников. Во многих исторических и фольклорных эпизодах абхазская женщина выступает не только как хранительница очага, продолжательница рода, но также как защитница отечества, рода, семьи, примирительница в различных конфликтах. Подобным уважительным отношением к женщине «не могли бы похвастаться многие народы мира».

Вышеприведенные факты подтверждают, что сегодня в Абхазии имеются все необходимые благоприятные условия для дальнейшего развития демократических принципов управления. Основы демократии складывались здесь на протяжении многих столетий. Для формирования полноценного современного гражданского общества, как атрибута демократии, необходима ее поддержка со стороны международного сообщества, а также многочисленной абхазской зарубежной диаспоры, которая также нуждается в поддержке ее репатриации.

ГАБЕЛИЯ А.Н.
(Сухум)

Из истории греческой колонизации Абхазии

Вопрос греческой колонизации Абхазии является важным и узловым в древней истории края, по которому наметились две точки зрения.

Согласно одной точки зрения, греческие города, появившиеся в эпоху «Великой греческой колонизации», рассматриваются как типичные греческие полисы, аналогичные тем, которые были образованы в Северном Причерноморье (А.И. Болтунова, Ю.Н. Воронов). Другие же авторы считают, что поселения городского типа появились в Колхиде задолго до прихода сюда греков и независимо от них, а затем на протяжении всей своей дальнейшей истории оставались не греческими, а в первую очередь, местными. (О.Д. Лордкипанидзе, М.П. Инадзе).

К настоящему времени не решен и вопрос об этапах и времени первых контактов населения Абхазии с греками. По мнению многих исследователей, ссылающихся при этом на миф об органавтах, доколонизационные связи греческого мира с местным населением начались еще в ахейскую эпоху. Однако, в последнее время все чаще высказывается справедливое сомнение в столь ранней датировке этого мифа в его кавказской части, в то время как первые контакты восточнопричерноморских племен с греческим миром, как указывают археологические материалы, не могут быть датированы временем ранее VIII-VII вв. до н.э. (Г.Р. Цецхладзе).

Для изучения греческой колонизации в каждом конкретном регионе, особенно на начальном этапе колонизации, важное значение имеет определение демографической и экологической ситуации в колонизуемых греками областях. Демографическая ситуация часто влияла на ход колонизации, во многом определяла экономическую ориентацию колонистов. Сравнительное изучение ситуации на северном и восточном побережьях Черного моря дает интересную картину и во многом поясняет разнообразие хода греческой колонизации и своеобразие в отдельных регионах.

С характером и временем греческой колонизации Восточного Причерноморья тесно связывают и проблему «Колхидского царства». Грузинские ученые считают, что накануне греческой колонизации в Западной Грузии существовало достаточно сильное политическое объединение, которое изменило привычный характер колонизации. Некоторые авторы, даже устанавливают довольно точную дату возникновения Колхидского царства – 20-е годы VI в. до н.э. (М.П. Инадзе). Между тем, археологические материалы свидетельствуют о появлении греков на восточном берегу Черного моря еще в начале VI в. до н.э., т.е. до предполагаемого образования царства.

Греке-римская письменная традиция сообщает о существовании в Абхазии двух греческих городов – Гюэнос и Диоскуриада.

Первое упоминание о Гюэносе мы встречаем в труде, приписываемом автору IV в. до н.э. Скилаку, жителю города Корианда, изучен он и по археологическим материалам. Раскопки показали, что Гюэнос представлял крупное поселение городского типа, возникшее не позднее первой половины VI в.до н.э. (С.М. Шамба).

Одним из важнейших пунктов при рассмотрении процесса греческой колонизации Абхазии является Диоскуриада, локализуемая большинством исследователей в районе современного Сухума. Этот, древний, овеянный легендами город в Северо-Восточном Причерноморье давно привлекал и вызывал интерес не только у современников, но и в последующие времена. Самые ранние письменные сведения об этом городе сообщает греческий писатель IV в. до н.э. Псевдо-Скилак, он, перечисляя города в Колхиде, указывает, что Фасис и Гюэнос были эллинскими, а относительно Диоскуриады обозначение «Эллинский» не употребляет, и это дало повод некоторым исследователям считать, что Диоскуриада была основана не позже 40-30 г. VI в. до н.э.

Ценные материалы по истории греческой колонизации Абхазии получены из Эшерского городища, находящемся в селе Нижняя Эшера в 10 км к северу от центра Сухума, в последние годы здесь найдены образцы архаической восточно-греческой и аттической керамики (Г.К. Шамба, В.Р. Эрлих).

И так, история Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху характеризовалось тесным взаимодействием греческих и местных начал в экономике, политике, культуре и идеологии, про-

исходивших в условиях общеисторической обстановки и это позволяет рассматривать данный регион в качестве органической части эллинистического мира.

ДАСАННА Д.М.
(Сухум)

Некоторые вопросы изучения абхазских фамилий

В последние годы вопросы изучения абхазских фамилий приобретают в Абхазии актуальность и привлекают всё большее внимание исследователей. Знание истории и этнографии абхазских фамилий, семантики, структуры и происхождения фамильных имён имеет большое теоретическое и практическое значение для характеристики этно-фамилиогенеза абхазов и установления их этногенетических и этнокультурных взаимосвязей с другими народами Северного Кавказа и Закавказья.

Предварительные результаты изучения актуальных вопросов фамильной проблематики сводятся к следующему:

1. Традиционный социальный институт «фамилия» у абхазов издревле известен под названием «ажвла», что по смыслу соответствует понятию «семя», а в буквальном переводе означает «содержащий старое» («а-жв-ла»: «а» – приставка определённости; «жв» – старый; «ла» от «алара» – содержаться, находиться внутри чего-то). Согласно представлениям абхазов история отдельно взятого народа есть всеобщая и полная история всех его составляющих фамильных групп, что блестяще подтверждается данными абхазского языка, где «ажвла» означает «фамилию», а «ажвлар» (в буквальном переводе – «фамилии») – «народ».

2. «Ажвла» («фамилия») – это объединение близких патрилинейных родственников, считающихся людьми «одной крови и вены», ведущих своё начало от одного предка или корня, носящих общее наименование и сохраняющих в той или иной форме общественное и идеологическое единство.

3. Фамильные имена в абхазской антропонимии подразделяются на две основные группы:

а) образованные при помощи фамильно-патронимических формантов (иными словами, формантные фамилии – ФФ);

б) образованные без фамильно-патронимических формантов (иными словами, бесформантные фамилии – БФ).

4. В абхазской антропонимии ФФ (Абухба, Инал-ипа, Хециа, Ануа, Ашхараа и другие) занимают значительное место. Из формантов группы ФФ наиболее распространены патронимический формант «-ба» (па), что означает «сын» и фамильный формант «-иа».

5. По способу образования ФФ подразделяются на группы, в образовании которых наряду с фамильными основами участвуют: формант «-аа» (Аимхаа, Арстаа, Аублаа, Бигуаа, Гуаджаа и др.),

форманты «-ба» и «-аа» – показатель множественности (Какубаа, Качабаа), формант «-ба» и локативный суффикс «-д(т)» (Албат, Халбад), форманты «-б(ба)-п (па)» и «-иа» (Накопиа, Тамбиа, Хахубиа и др.), форманты «-ба» и «-иа» вместе со срединным суффиксом происхождения «-л(лы)» (Шарбалиа), формант «-ба» и показатель множественного числа «-р» (Ампар, Дбар, Чукбар и др.), форманты «-б(п) →ба (па)» и «-уа», что означает «люди» (Джопуа, Харабуа и др.), форманты «-дз» и «-аа» (Брандзаа, Сандзаа и др.), формант «-иа» (Малиа, Хециа, Гулиа и др.), формант «-ипа» (Инал-ипа, Дзапш-ипа, Шат-ипа), суффикс происхождения «-л» и формант «-аа» (Апшьлаа, Лагулаа, Харчлаа), суффикс происхождения «-л» и формант «-иа» (Гулиа, Дарсалиа, Кутелиа), формант «-пха» (Инапха), формант «-уа(-оу)» (Ануа, Ашхаруа, Дзадзуа, Матуа), формант «-хуа», что означает «сын» (Самахьхуа, Хатхуа) и др.

6. По своему этимологическому значению все вышеуказанные форманты, суффиксы и иные элементы относятся к абхазскому языку и означают: формант «-аа» наделён обобщённо-множественным значением (например Агрба – Аграа «Агрбовы»), формант «-ба» происходит от слова «апа» (сын, потомок), формант «-иа» связан со словом «аира» (рождение, родиться) и используется в значении «рождённый», формант «-уа» происходит от слова «ауаю» (человек). Из указанных формантов лишь формант «-хуа» происходит от адыгского слова «къуэ» (сын).

7. Модель БФ обычно состоит из одной единственной фамильной основы или образовывается путём сложения двух различных основ (Арлан, Барцын, Капш, Маан, Смыр, Чкок и др.).

8. Особенностью абхазской антропонимии является использование ряда фамильных имён как с фамильно-патронимическими формантами, так и без них (Блабба-Блаб, Кайтанба-Кайтан, Смырба – Смыр). Наличие или отсутствие формантов в этих фамильных именах может быть объяснено традицией, согласно которой в абхазской речи имена и фамилии наиболее известных личностей в сочетании произносятся без окончания фамилий.

9. Абхазские фамилии патронимического происхождения в XIX – первой половине XX века усилиями грузинского духовенства были переделаны с присвоением их носителям чуждых фамильных имён. Таким образом абхазы из патронимии Шьашвырхуа получили фамилию Киркинадзе, Басныk-ипа-Сичинава, Хуар-ипа – Конджариа, Лыкшвы-ипа-Папцава, Джугдар-ипа – Хварцкиа, Махьал-ипа – Гериа, Дындык-ипа – Арчелиа, Гуджгиар-ипа – Зарданиа и т.д. Изменению подверглись и исконно-абхазские фамилии Самурзаканской Абхазии (современного Гальского района Абхазии, находящегося на границе с Мегрелией). Такие древнеабхазские фамилии, как Абрскил, Калги, Килба, Лацушба, Тужба, Цымцба, Шакрыл, Джопуа, Капш (всех не перечислить) были изменены на Булискерия, Колбая, Киланава, Лацузбая, Тузбая, Сиргинава, Шария или Шакрилбая, Джобава, Кавшбая.

10. По своему происхождению абхазские фамильные имена подразделяются на несколько различных групп. Среди них наиболее известны:

1) фамильные имена, образованные от названий растений и животных (или же фамильные имена тотемического происхождения) (Аджба, Амичба, Мушба, Хециа, Цугба и др.);
2) фамильные имена этнического происхождения (Аланиа, Зухба, Осиа, Садзба, Хатхуа, Шармат, Берзениа и др.);
3) фамильные имена патронимического происхождения (Инал-ипа, Миканба, Шат-ипа и др.);
4) фамильные имена матфиоиейного происхождения (Инапха, Нанба и др.);
5) фамильные имена, образованные от рода занятий родоначальника (Ажиба, Ардзинба, Ахиба, Цихичба и др.);
6) фамильные имена, связанные с лексемами, обозначающими «скалу», «горную местность» (Абухба, Харабуа – Ахарабуа, Ашхараа от Ашьхаруаа).

ДЖАПУА З.Д.
(Сухум)

Змей и его избранница
(Новая мифологическая интерпретация нартского сюжета о чудесном рождении героя из камня)

Нартский сюжет о *чудесном рождении героя из камня* таит в себе весьма архаические мифоэпические представления. По мнению исследователей, в нем следует видеть древнейший мифологический сюжет, возможно, восходящий к неолиту, к расцвету матриархата (Е.М. Мелетинский, Ш.Д. Инал-ипа, Ш.Х. Салакая и др.); корни его связаны с древними мифами о Митре и Зевсе Псевдо-Плутарха, Павсания и Арнобия (В.Ф. Миллер, Н.С. Трубецкой); он восходит к древнему хурритскому эпосу «Песнь об Улликумми» (Е.М. Мелетинский, В.Г. Ардзинба).

В наиболее целостных вариантах сюжета о рождении Сасрыкуа уже с момента отправления Сатаней к реке все описания ее образа предвещают «встречу» с «пастухом» – страстная, зазывная внешность, клуб шерсти, веретено из целого дерева, прясла из целого валуна и т.п. Пространственными зонами в описании «встречи» Сатаней и «пастуха» служат река и противоположные берега. На одной стороне реки находится Сатаней, а на другой – «пастух». Река предстает как рубеж между сторонами, как пограничная зона эпического пространства.

Приметы образа «пастуха» (поза во время сна – свернувшись, гигантские брови и т.п.) характеризуют его как демоническое существо потустороннего мира: змея – хранителя воды, а приметы

образа Сатаней – как сексуальную избранницу этого хтонического покровителя плодородия. Отсюда вытекает, что здесь мы имеем тот же мотив мифологического змея в его первоначальной форме и своеобразном выражении, характеризующийся отсутствием змееборца. По определению В.Я. Проппа, змееборство возникло как видоизменение другого, бывшего до него, мотива, ему предшествовало иное архаическое состояние змея. Тогда же змей (или другое чудовище) мыслился не как змей-насильник, а как хтоническое божество плодородия, как благое существо, которое одаривает героя магическими способностями (поглощая и выхаркивая его), подает воду (управляет водой во благо людям). На этой «предзмееборческой» стадии один из характерных (или, быть может, наиболее характерных) атрибутов змея – сексуальная, фаллическая символика, связь с рождением.

Выясняется, что именно такое первоначальное состояние мотива змея (благого змея-дарителя, чудесного оплодотворителя) засвидетельствовано в нартском сюжете о чудесном рождении героя из камня. В этой связи примечательно, что Сатаней не приводят к «пастуху» в качестве жертвы, а сама приходит к нему с сексуальными вожделениями (ср. ее обнаженное тело, столь яростно возбуждающее «пастуха»). В сюжете и «пастух», и Сатаней как бы взаимовлияют, предстают как создатели или символы плодородия. Иными словами, инициатива в сексуальном избрании исходит не только (порой даже не столько) от «пастуха», но и от Сатаней.

МААН О.В.
(Сухум)

Храм «Елыр-ныха»

Зарождение религии связано с возникновением и развитием родового общества. Этим обусловлена та исключительная роль, которая придавалась еще в недавнее время родовым святыням.

К культу родовых святынь восходят и святилища, получившие в Абхазии общенародное признание: Елыр-ныха, Дыдрыпш-ныха, Лашкендар, Инал-куба, Псху-ныха и т.д.

В одной из абхазских легенд говорится о том, что после смерти Св. Георгия, люди разделили его кости. Там где имеется кость этого святого – это место и есть святилище – аныха.

В религиозной жизни Восточной Абхазии, как ее главный культовый центр, наибольшее признание получил и ныне действующий храм в с. Елыр – Елыр-ныха (Илорская церковь Св. Георгия IX-X вв.) в 3 км к востоку от г. Очамчыра.

Церковь была построена в местности, освященной культом языческих верований, и можно предполагать, что здесь некогда могло быть архаическое святилище.

По мнению исследователя Илорского храма А. Кация, дубовая

роща в с. Елыр считалась местом пребывания абхазского «племенного божества» «Елыр-ныха», в честь которого здесь в древности совершались торжественные моления и жертвоприношения.

Согласно нашим данным, место расположения Илорского храма в дубовой роще называлось аджра (ацьра). При возникновении спорных вопросов гражданского и уголовного характера, тяжбующиеся шли в рощу, это называлось аджрахь агара (ацьрахь агара, т.е. нести в дубовую рощу). Позднее, когда определился характер этого места как святилища, разбирающей спорные дела, ее стали называть елыр (т.е. разборка) или елыргарта (место разборки дел). У соседних сванов сохранилась древняя форма наименования этого святилища – Джигра (от абх. аджрахь агара). Это же название сваны сохранили и после того, как Илорская церковь была посвящена Св. Георгию, и до сих пор Св. Георгия они называют Джигра.

Таким образом, если в IX-X вв., с упрочением позиции христианства в Абхазии, храмы в основном строились в различных благоприятных местах, то это положение не распространилось на Елыр, и он был построен в священном, по народным представлениям, месте.

ТАРБА С.
(Сухум)

К вопросу о магических обрядах и действиях в народной медицине абхазов

В народной медицине абхазов наряду с рационально-эмпирическими методами лечения болезней, выделяются и религиозно-магические представления и действия, сочетающиеся в самых различных комбинациях. Для народной медицины характерно использование как чисто магических обрядов, так и приёмов магии, сопровождающих лечение лекарственными средствами. Здесь можно встретить следующие её подвиды: а) имитативная или гомеопатическая магия; б) вербальная магия; в) предохранительная (апотропеическая) магия.

Изучение обрядовой практики, связанной с рождением ребёнка, показывает, что в большинстве обрядов этой категории присутствуют элементы имитативной магии. К примеру, пропускание под корнями грецкого орехового дерева или под надочажной цепью, передача больного ребёнка из рук в руки имитирует его новое рождение. Земляное отверстие под грецким орехом или же надочажная цепь в данном случае имитирует материнское лоно. К этой же категории магических обрядов относится обычай в случае мора животных прогонять гурт сквозь прорытую в земле траншею, над которой устанавливали земляные ворота.

Среди магических приёмов подобного рода имеется также группа действий «очистительного» характера. Так, при вспыхива-

нии эпидемических заболеваний, абхазы нередко прибегали к спасительной силе огня. Обряд очищения огнём способствовал изгнанию нечистой силы и злых духов, а также избавлению человека от всех его недугов.

Для излечения и предупреждения болезней в народной медицине абхазов использовалась и гомеопатическая магия, основанная на законе подобия.

Так как корь ассоциируется с красным цветом, то считается, что болезнь переходит на предмет, которому она принадлежит по цвету. Больного корью укладывали в постель, накрывали красным одеялом, повсюду стелили красное. От укуса собаки излечивает собачья шерсть, которую нужно сжечь (в небольшом количестве) и приложить к больному месту. Иногда собачью шерсть, зашитую в сафьян, носили в качестве талисмана.

Практически при всех болезнях, действия сопровождались вербальным текстом, т.е. заговорами. Сравнительно большими по объёму являются заговоры от конкретных болезней, от сглаза, от желтухи, от оспы, от укуса бешеной собаки, заговоры против ран и т.д. Заговоры бывают лечебные и предохранительные. Основными особенностями абхазских заклинаний являются их ритмичная стихотворная структура, где широко используется аллитерация и иносказание. Широко используется в заклинаниях и цифровая магия.

В лечебной практике народной медицины большое значение имели амулеты и другие обереги (апотропеическая магия). Наиболее сильным оберегом считалось железо. Так, ребёнку под подушку клали пулю или холодное оружие, а на ручку люльки подвешивали небольшую кожаную сумочку, в которой были зашиты мелкие кусочки железа. Сильными оберегами считались чёрные бусы с белыми крапинками, речные камни с отверстиями, веточка дикой яблони, чеснок.

В различных вариантах в народной медицине практиковался и магический приём переселения болезни из человека в какое-нибудь животное или предмет. При появлении конъюнктивита у ребёнка к больному месту прикладывали тёплую мамалыгу, затем бросали этот кусочек собаке. Считается, что болезнь перейдёт к ней. Аналогично поступали и при лечении «свинки» у детей.

Магические обряды использовались и при лечении укуса змеи. Абхазы верили, что человек, освободивший лягушку из пасти змеи, наделялся способностью облегчать трудные роды (для чего ему необходимо было три раза перешагнуть через роженицу).

Множество симпатических средств использовалось при лечении бородавок, докучливого ячменя и прочих болезней.

В процессе изучения традиционных методов выявляется немало рациональных моментов, в особенности в искусстве применения лекарственных средств растительного, животного и минерального происхождения.

ГАЛЯУТДИНОВ И.Г.
САЛИХОВ А.Г.
(Уфа)

Востоковедные исследования в Башкортостане на современном этапе

Востоковедные исследования в Республике Башкортостан ведутся в различных научных и образовательных учреждениях. Одним из ведущих востоковедных учреждений является Академия наук Республики Башкортостан. Ее создание дало мощный толчок развитию гуманитарных наук в республике. Отделение гуманитарных наук АН РБ является координирующим центром исторических, лингвистических, литературоведческих, этнографических исследований. Академия наук Республики Башкортостан имеет два филиала (Стерлитамакский и Сибайский), при которых функционируют лаборатории по гуманитарным наукам. Ведутся подготовительные работы по созданию филологической лаборатории в Бирском госпединституте. При Отделении гуманитарных наук действуют Научные Советы по языкознанию, литературоведению, фольклористике и искусствоведению, истории, археологии и этнографии, педагогике и психологии, культуре и искусству.

В архивах и библиотеках Башкортостана хранятся множество восточных рукописей и старопечатных книг на старотюркском, арабском, персидском, башкирском языках. Перед археографами стоит большая задача по их каталогизации, описанию и исследованию. Издана первая часть каталога письменных памятников Фонда рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (ИИЯЛ УНЦ РАН). Ведутся работы по подготовке к изданию ее последующих частей.

Лаборатория лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН занимается созданием среды поддержки башкирского языка в информационных технологиях. В перспективе планируются разработка стандартов кодовых таблиц и раскладка клавиатуры для башкирского языка, организация консультаций по внедрению информационных технологий в башкирский язык, контроль за соблюдением стандартов.

В машинный фонд башкирского языка будут включены автоматизированная картотека, иллюстративно-текстовый лексикографический (автоматизированные толковые, двуязычные, диалектные, терминологические и синонимический, фразеологический частотные словари), грамматический, фонетический фонды и математическое компьютерное моделирование (квантитативно-статистический анализ лексической и грамматической систем языка, математическое моделирование морфологической и синтаксической систем, стилеметрия) башкирского языка.

В настоящее время Научное издательство «Башкирская энциклопедия» работает над созданием многотомной энциклопедии

«Башкортостан», которая явится систематизированным сводом знаний о прошлом и настоящем Башкортостана и башкирского народа. Научное издательство «Башкирская энциклопедия» готовит к изданию и другие виды энциклопедической и справочной литературы региона.

Одной из актуальных задач исторической науки является написание многотомной истории башкирского народа. В настоящее время ученые Академии наук Республики Башкортостан ведут разработку ее концепции.

В области современной истории Башкортостана историки предложили новые подходы по периодам коллективизации, Великой Отечественной войны, послевоенных лет, 60 – 80-х гг. прошлого столетия. Историкам необходимо углубить изучение современного этапа развития Республики Башкортостан.

Этнографы республики уделяют внимание малоизученным проблемам традиционной этнографии башкир. Исследуются традиционная пища и медицина башкир, скотоводческие обряды, культ птиц и животных, роль женщины в традиционных обществах. Продолжается сбор материала по материальной и духовной культуре, промыслам, брачно-семейным отношениям, традиционной медицине башкир.

Литературоведы разрабатывают проблемы теории и истории башкирской литературы. Подготовлены к изданию трехтомная «История башкирской литературы», «Избранные сочинения Ризаитдина Фахретдинова». Важным направлением научных исследований остается изучение взаимосвязей башкирской литературы с литературами других восточных народов. На основе материалов по истории индийской, иранской, арабской литератур с древнейших времен до середины XVII века издано учебное пособие «Восточная литература».

Языковедам предстоит изучить взаимодействие литературного и народно-разговорного языков, язык и стиль наиболее выдающихся поэтов и писателей. Насущной задачей лингвистики является подготовка «Историко-этимологического словаря башкирского языка». После принятия закона РБ «О языках народов Республики Башкортостан» назрела необходимость изучения опыта решения языковых проблем в многонациональных государствах. В настоящее время лингвистами ведется монографическое исследование синтаксического строя башкирского языка, продолжаются исследования в области терминологии, морфемики, морфонологии, словообразования.

Одним из ведущих направлений башкирского востоковедения с 90-х годов XX века продолжает оставаться изучение научного наследия и деятельности башкирских ученых-эмигрантов, внесших крупный вклад в развитие мировой ориенталистики.

Таким образом, перед учеными Башкортостана стоит множество конкретных проблем, требующих разрешения.

OSTROVSKY BORIS Y.
(Moscow)

On the system of the verb categories in persian and allied languages

The system of the verb categories of Persian, Dari and Tajik can be re-vealed either on the basis of the semasiological or onomasiological approach to the description of the grammatical semantics (i.e. from forms to meanings or vice versa). It is essential not to combine both approaches in one and the same description.

If the semasiological approach is followed no more than four verb categories can be found in Persian, namely, polarity, voice, personality (person and num-ber) and eventness (mood, tense and aspect). In case this approach is followed scrupulously enough even the mood cannot be separated from the tense and the aspect. The resulting system of the verb categories looks rather poor in content.

If the onomasiological approach is followed one can resort to the Jakob-sonian model of the verb categories description, though slightly modified. In the system of the verb categories which we have worked out on the basis of the Dari language (Afghanistan) four basic events (namely, narrated event, mes-sage, reference event and action) and five participants (namely, subject of nar-rated event, object of action, participant of the reference event, subject and ob-ject of the message) are established.

The verb categories are treated as features of either certain basic ele-ments (designator categories) or relations between certain basic elements (con-nector categories) which at least in one case determine the choice of finite forms, so that none of the features logically can be identified as another one. We find five such features in the designator categories (namely, content, shape, scale, polarity and modality) and two such features in the connector categories (namely, temporal and role relations between two basic elements). We distin-guish also between event categories and participant categories.

As a result we have a system of 21 verb categories (14 event categories an 7 participant categories) consisting of two to five grammems each. No doubt, such a system is rather complicated, but on the other hand it is logically non-contradictive and covers as many language phenomena as possible.

ОСТРОВСКИЙ Б.Я.
(Москва)

О системе глагольных категорий в персидском и близкородственных ему языках

Система глагольных категорий в персидском, дари и таджикском языках может быть вскрыта двояким образом: либо на основе семасиоло-гического, либо ономасиологического подхода к описанию грамматической семантики (т.е. либо от форм к значениям, либо от значений к формам). Существенно, чтобы эти два подхода в одном и том же описании не сме-шивались.

При семасиологическом подходе в персидском языке могут быть вы-делены всего четыре глагольные категории: полярность, залог, персональ-ность (лицо-число) и событийность (наклонение, время и вид), причем, если этот подход проводится последовательно, то даже наклонение не может быть обособлено от времени и вида. Подобная система глагольных форм выглядит как весьма бедная по содержанию.

При ономасиологическом подходе можно воспользоваться моделью описания глагольных категорий предложенной Р.О.Якобсоном, хотя и не-сколько модифицированной. В системе глагольных категорий, разработан-ной нами на материале языка дари, в качестве базовых элементов выби-раются четыре базовых события (сообщаемое событие, сообщение, собы-тие-ориентир и действие) и пять их участников (субъект сообщаемого со-бытия, объект действия, участник события-ориентира, субъект и объект сообщения). Глагольные категории трактуются как характеристики отдельных базовых элементов (категории-десигнаторы) либо отношений между базовыми элементами (категории-коннекторы) по определенным призна-кам, которые хотя бы в одном случае определяют выбор между финитными формами; при этом ни один из выделяемых признаков логически не может быть сведен к другому. У категорий-десигнаторов насчитывается пять та-ких признаков: состав (количество), форма (конфигурация), масштаб, по-лярность и модальность, а у категорий-коннекторов – два признака: темпо-ральные и ролевые соотношения между двумя базовыми элементами. Раз-личаются категории событийные (относящиеся к базовым событиям) и партиципантные (относящиеся исключительно к участникам базовых со-бытий).

В результате мы получаем систему из 21 глагольной категории (14 со-бытийных и 7 партиципантных), каждая из которых насчитывает от двух до пяти граммем. Разумеется, эта система довольно сложна, но зато, по-видимому, логически не противоречива и охватывает максимально воз-можное количество языковых явлений.

ГАНЖУРОВ В.Ц.
(Улан-Удэ)

Россия – Монголия:
отношения нового тысячелетия

Исторические события 90-х гг. XX в. коренным образом изменили сложившиеся взаимоотношения между Россией и Монголией. Распад СССР в 1991 г. и демократические преобразования 1990 г. в Монголии стали причиной «временного застоя» в двусторонних отношениях.

В Конституции Монголии (1991 г.) и в Концепции внешней политики Монголии (1994 г.) отмечается приоритетность поддержания дружественных отношений с двумя соседними государствами – Россией и Китаем. В этих документах подчеркивается, что

основная задача Монголии – поиск и реализация наиболее оптимального сочетания национальных интересов страны с общей тенденцией мирового развития.

Для Монголии в новых исторических условиях особенно важными являются отдельные положения Концепции внешней политики Российской Федерации (2000 г.) – формирование пояса добрососедства по периметру российских границ, провозглашение всевозрастающего значения Азии во внешней политике России, необходимость экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, т.е. регионов, непосредственно прилегающих к Монголии.

Важнейшим событием в российско-монгольских отношениях стал визит в ноябре 2000 г. в Монголию Президента Российской Федерации В.В.Путина. В ходе этого визита были проведены переговоры и подписаны основополагающие документы взаимоотношений двух стран в новых условиях. Президенты России и Монголии подписали Улан-Баторскую декларацию – программный документ, содержащий ориентиры развития двустороннего сотрудничества в XXI веке.

После визита Президента РФ в Монголию значительно активизировались двусторонние связи на всех уровнях. Достаточно отметить, что было проведено около 150 встреч на федеральном и региональном уровнях по конкретным вопросам двусторонних связей, в том числе осуществлены взаимные визиты руководителей исполнительной власти двух стран. (2002 г. – визит премьер-министра России М.М.Касьянова в Улан-Батор, 2003 г. – визит премьер-министра Монголии Н.Энхбаяра в Москву).

Заметно активизировались контакты между министерствами и ведомствами России и Монголии, возрос уровень торгово-экономических связей. Всего с начала 90-х гг. между нашими странами заключено свыше 100 новых договоров и соглашений уже в формате «российско-монгольские». Доля России во внешнеторговом обороте Монголии составляет более 25%.

Важную роль в развитии двусторонних связей играет межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В рамках Межправкомиссии работают несколько подкомиссий по энергетике, по транспорту, по межрегиональному и приграничному сотрудничеству.

Вопросы межрегионального и приграничного сотрудничества становятся все более активной и весомой частью всего спектра российско-монгольских отношений. Более 70% российско-монгольского товарооборота приходится на сопредельные с Монголией регионы России, активно развиваются связи в сферах образования, культуры, медицины, функционируют около 200 малых и средних совместных предприятий.

Важным событием в двусторонних отношениях явилось урегулирование задолженности Монголии перед Россией по кредитам СССР в переводных рублях. Причем решение этого вопроса про-

изошло на исключительно льготных для Монголии условиях с учетом принципов урегулирования задолженности, определенных во время визита Президента России В.В.Путина в Улан-Батор: учет специфики образования задолженности, существующая международная практика, традиционно дружественные отношения между нашими странами, а также учет реальных возможностей экономики Монголии. Важно особо подчеркнуть в этой связи заявление В.В.Путина о том, что урегулирование задолженности не должно лечь непосильным бременем на Монголию.

Динамика российско-монгольских связей свидетельствует о поступательном развитии дружественных отношений, основанных на добрососедстве и сотрудничестве двух стран, имеющих особый характер, многолетнюю историю и большие перспективы.

ГАНИЕВ Р.Т.,
ОВЧИННИКОВА Б.Б.
(Екатеринбург)

Лю Мау-Цай о тюрках-тугю
(Тукюе)

Лю Мау-Цай – германский востоковед китайского происхождения – свое исследование посвятил подборке китайских источников конкретно по истории восточных тюрок-тугю, которое увидело свет в 1958 г.[1]. С тех оно неоднократно привлекалось востоковедами при изучении древних тюрок и соседних с ними государств, но не в контексте общего содержания, а *лишь фрагментарно*. В своем Собрании Лю Мау-Цай привлек дополнительно к династийным историям, которые в свое время использовал Н.Я.Бичурин (Чжоу, Суй и Тан), ряд новых письменных источников, сведения из которых существенно дополняют общую историческую картину древних тюрков. Однако, монографическое освещение работы Лю Мау-Цая на русском языке нам не известно. Отсутствие полного текста на русском языке порой затрудняет использование собранных им китайских источников. В связи с этим и была предпринята попытка перевода всего текста монографии Лю Мау-Цая с немецкого языка, осуществленного Р.Т.Ганиевым. В настоящем сообщении мы остановимся на содержании и комментарии лишь первого тома Собрания Лю Мау-Цая.

Кратко характеризуя изложение Лю Мау-Цая сведений китайских источников по истории восточных тюрок, можно отметить, что им представлены извлечения из различных по характеру первоисточников, расположенных в хронологической последовательности. Это нашло отражение и в структуре работы, которая состоит из четырех частей, освещающих историю тюрок-тугю в определенные эпохи китайских династий.

Первая часть Собрания Лю Мау-Цая раскрывает историю восточных тюрок во времена династии Северного Вэй (386 – 534 гг.), Западного Вэй (535 – 556 гг.) и Северного Чжоу (556 – 581 гг.). Она

завершается событиями, когда с 552 г. тюрки-тугю завоевывают пространство Центральной Азии и долины Орхона, образуя Великий Тюркский каганат. *Вторая часть* освещает историю тюрок в эпоху династии Суй (581 – 618 гг.). Это был период расцвета и распада у них могущественного каганата. *Третья часть* охватывает историю тюрков-тугю во времена династии Тан (618 – 906 гг.). Танская империя в эту эпоху становится одним из наиболее мощных государств в средневековом мире. Это сказалось и на судьбе тюрков-тугю: Восточнотюркская держава перестала существовать и на ее обломках была создана империя Тан (Восточноазиатская империя), включающая в себя народы разных культур. *Четвертая часть* повествует о роли тюрок-тугю во времена Ву-тай (907 – 959 гг.). После длительной войны тюркоязычное племенное объединение – уйгуры, усилившиеся на столетие (до 840 г.) в Южной Сибири и Центральной Азии, были вытеснены кыргызами, которые подчинили себе территории и Тюркского, и Уйгурского каганатов на весьма длительное время – IX – XII вв. Заметим, что в IX – X вв. эти этнические группы, в том числе и тюрки-тугю, продолжали существовать на старых территориях, сохраняя, по возможности, свои обычаи и традиции. В начале X в. в Северном Китае возникает государство монголоязычных киданей (государство Ляо – 916 – 1125 гг.), вторжение которых на земли тюрков вызвало бегство тюрок-тугю от границ Китая на Запад.

Итак, Лю Мау-Цай в структуру первого тома своего Собрания включил подборку сведений о восточных тюрках-тугю (Ту-кюе) в соответствии с указанными выше династийными эпохами. При этом автор привлекает различные категории письменных источников, в которых находят отражение, порой, одни и те же сюжеты событийной жизни именно тюрков. Это, в свою очередь, позволяет современным исследователям-тюркологам провести сравнительный анализ биографических сведений, а также тех или иных фактов в истории восточных тюрков. Включенные в Собрание Лю Мау-Цаем письменные источники в виде династийных хроник – Чжоу-шу, Суй-шу, Танг-шу, Ву-тай-ши-ки по структуре четко делятся на следующие категории первоисточников: *повествования*, извлеченные из династийных хроник; *выдержки* о восточных тюрках из *имперских анналов* (пен-ки), расположенные по годам: Чжоу-шу, Пей-ци-шу; Суй-шу, Кю-танг-шу, Це-ч-тунг-кин, Ву-тай-ши-ки, Кю-ву-тай-ши-ки; *сведения* о предводителях тюрков-тугю, содержащиеся в *биографиях* (ли-чуан): Чжоу-шу, Пей-ци-шу, Пей-ши; Суй-шу; Кю-танг-шу и Танг-шу; *выдержки* из буддийских источников (Та-цянг-кинг); *выписки* из надписей храма тугю Чанг-ань во времена Северного Чжоу (556 – 581) Ванг Пао; *выборки из тетради* – Цунг-шу-ци-ченг, Та-танг Чуанг-йе ки-кю-чу от Вен Та-йя; *прошение к императору* за тугю от Чен Це-анг для Кяо Пу-кю; *служебные записки* относительно тугю в Кю-кянг Чанг-син-шенг вен-ци от Чанг Кю-линг (673 – 740); *императорские письма*.

Анализ этих материалов представляет значительный интерес и, несмотря на то, что вышеуказанные источники в основном совпадают по содержанию, все же они расходятся в деталях, порой дополняя друг друга. Все сведения, которые представлены Лю Мау-Цаем в его Собрании, без сомнения помогают восполнить некоторые пробелы по истории восточных тюрок (тугю=ту-кюе).

[1] Liu Mau-Tsai. Die Chinesischen Nachrishten zur Geshichte der Ost-Turken (Tu-kue). Wiesbaden, 1958.

ГАРМАЕВА С.И.
(Улан-Удэ)

К типологии буддистских традиций в прозе XX века

В этнокультурном контексте менталитета народов Байкальского региона в литературе этих народов не могла не сложиться и проявиться определенная типология буддистской модели мира. Формируясь в естественном ареале определенного конфессионального сознания человек, и художник в особенности, закономерно и естественно воспринимает многие ее каноны, идя при этом и во многом от подсознательного к осознанному и реалистическому.

Изучение прозы XX века – бурятской, монгольской и отдельных явлений южно-сибирской, тюркской литератур, дает возможность и основание увидеть как сами сложившиеся духовные ситуации этой модели, так и образные формы и средства ее изображения, тем более, что тематически основная проза Бурятии, Монголии и других в большей степени связана с прошлым жизни ее народов, когда религия была формой мышления и жизнеповедения.

Так, к примеру, жесткие кармические законы взаимообусловленности жизни в беспрерывной зависимой сансаре ее перевоплощений создавали логическую, нравственную предпосылку и основу своеобразных сюжетов поиска истины и связанной с ними идеи страдания и покаяния. В свою очередь, внутренний и внешний динамизм таких сюжетов способствовал развитию в прозе ареала в качестве ведущих таких жанров, как роман, повесть, рассказ. Формирующая основу типологической модели буддизма тема страдания – как путь постижения истины, была востребована, таким образом, многими жанрами прозы и решалась созданием сложных причинно-следственных кармических коллизий и конфликтов.

В русле этих поисков и их кармической обусловленности решались литературой и основные понятия поэтики. В качестве ее основных образных проявлений брались и художественно интерпретировались наиболее значимые номинанты и реалии этнокультуры. Идея кругообращения и беспрерывности потока жизни, связанная лишь с качеством ее последующих перерождений и перевоплощений, делала в прозе актуальными образы юрты, являющейся

одновременно микро- и макрокосмосом для живущих в ней. Писатели брали на свое художественное вооружение практически весь спектр ее многозначности – цвет, форму бесконечного круга, повторенные очагом, выходом в ее куполе, остовом, могущим поддерживать вход в нее солнца (тепла, добра и др.), луны (холода и др.) и многое другое. В связи с поэтикой юрты возникала и формировалась собственная мифопоэтика и поэтика художественного пространства и художественного времени прозы. Восходящая к мифологии сущность числа «один», связанная позже с буддистской идеологией единственности, неповторимости, а потому и бесценности жизни, живого, делают в прозе популярными образы коновязи, коня, степи. Кармическая тема страдания и поиска истины, как пути освобождения от него, делали актуальным и емким сам образ степи, безлюдного пустынного пространства (другой степь и не может быть), а значит и человека, в ней находящегося единственно с самим собой и со всем ее космосом, равно как никем и ничем не защищенным в ней и потому обреченным на спасение себя лишь самим. Поиск выстраданной истины не мог не формировать в типологической модели буддизма и определенных возможностей философского ее осознания, возможностей поиска ответов на нее. И проза делает реальной такую концепту поэтики, как художественная философия, которая находится в прозе центральноазиатского региона в стадии ее формирования и становления, но о которой уже можно говорить в связи с творчеством, к примеру, И.Калашникова.

Таким образом, содержание буддистских канонов вольно или невольно (как известно, художественное мышление во многом мышление интуитивное) приобретало специфические художественные формы и становилось содержанием прозы, моделируя в ней типологию определенных традиций и картины мира. Как это происходило в процессе становления прозы XX века, показывает художественная система многих произведений, созданных писателями Бурятии, Монголии и др. с 30-х – 80-х годов XX века.

ГАРРИ И.Р.,
ГАРРИ И.Е.
(Улан-Удэ)

Типологическое сходство Дзогчена и Сото-Дзэн как школ «прямого пути» в тибетском и японском буддизме

Многообразие сотериологических практик буддизма может быть сведено к двум генеральным направлениям: «постепенному пути» достижения Просветления в череде рождений (он в главном связан с совершенствованием нравственной добродетели и «накоплением» благих «заслуг», а для монастырей – с привлечением широких масс мирян) и «прямому пути» (его можно определить как

нацеленный на достижение просветленного состояния сознания в идеале уже в этой жизни путь медитативного подвижничества созерцателя-отшельника либо созерцателя «внутри» мирской жизнедеятельности). В целом можно говорить о том, что в процессе исторического развития буддизма в Тибете наиболее широкое распространение и главенствующее положение получил «постепенный путь» спасения (школа Гэлукпа), в то время как в Японии – «путь прямой», представленный школами Риндзай-Дзэн и Сото-Дзэн (далее **С**) – укоренившимся и получившим японское развитие чаньским учением Китая. Из них идеологически главенствующее положение благодаря большей поддержке правившего с начала XIII до второй половины XIX вв. военного сословия прибрела школа Риндзай, в то время как наибольшее распространение в массах в целом получили основанная Догэном школа **С**, имеющая и в наши дни наибольше число адептов-мирян. В качестве школы «*прямого пути*» *в тибетском буддизме* особое положение занимает школа Дзогчен (далее **Д**), адепты которой рассматривают ее как вершину буддийской мысли Тибета, в частности и потому, что в этом учении «прямой» и «постепенный» пути совмещены в единое непротиворечивое и гармоничное целое. Предлагаемые этой школой практики признаются и совершаются также и адептами «постепенных» школ (показательный пример тому – Далай-ламы Тибета, традиционно возглавляющие «постепенную» школу Гэлукпа). Наряду с потенциальной «быстротой» Освобождения, лежащей в основе привлекательности и возрастающего распространения учения **Д**, в настоящее время, как в странах Запада, так и в России существенным фактором выступает и авторитет Его Святейшества Далай-ламы XIV. В отличие от Риндзай, где «прорывы в Просветление» достигаются практикой «решения» непостижимых в рамках «здравого смысла» парадоксально-энигматических задач (*коанов*), в **С** акцент в практике был помещен на медитативное сосредоточение в позе лотоса без объекта созерцания, иначе говоря, на медитацию, «объектом» которой выступает весь мир в его целокупности здесь и сейчас. Такая практика была провозглашена явленным уже в самый миг ее исполнения Просветлением (пусть и не осознаваемым практикующим), созревающим во внезапное «великое Просветление, т.е. в испытывание «ясности и открытости» бытия такой интенсивности, что дуалистическое восприятие реальности «исчезает» в нем без следа, а вещи и явления, не искажаемыми «отдельным от мира» «собственным "я"», становятся «самими собой». Таким образом, можно сказать, что в «Медитации=Уже Просветлении» школы **С**, как и в практике «полного присутствия» в тибетском **Д**, «прямой» и постепенный» пути спасения получили очевидную гармонизацию. **С** и **Д** схожи как в стремлении до конца объять все религиозное пространство с точки зрения Абсолютной Истины (и в доктринальном и в человеческом измерении), так и создать «врата» «*практического* перехода» к ней от истины относительной, *понятной мирскому сознанию*. Это позволяет нам считать позиции обеих школ избегающими крайностей

и в *практическом плане* соответствующими именно срединному статусу между «прямым» и «постепенным» путями спасения, что отвечает изначальной проповеди Срединного Пути Буддой Шакьямуни. В этом смысле обе школы можно представить как наиболее репрезентативные в тибетской и японской традициях буддизма. На наш взгляд, показательно, что именно две названные школы достигли наиболее полного и тонкого «схватывания» проблемы Истинно-сущего и позитивно-диалектического проникновения в его «внутреннюю исполненность», совершенно изложенную в трудах патриархов школ – Догэна (XIII в.) и Лонченпы (XIV в.), в которых от средневековья и до наших дней в Японии и Тибете включают в круг своих учителей выдающиеся наставники практически всех других буддистских конфессий. Несмотря на бесспорность общемахаянского положения о тождестве практики и Просветления с точки зрения Абсолютной Истины буддизма, именно две названные школы выделяются среди других и сходны между собой, во-первых, в предоставлении любому человеку вне зависимости от его интеллектуальных способностей и образовательного уровня *возможности действительно инициировать* процесс его непосредственного единения с Абсолютной Истиной – Дхармой (восприятия в опыте окружающего мира как ее проповеди, жизнедействия как ее постижения, существ как ее воплощения). И, во-вторых, в сильнейшей акцентуации на именно практическом («телесном» – в противоположность умозрительному) движении к этому состоянию в медитативных практиках *сикан-тадза* (в **С**) и *ригпа* (в **Д**) как непреложном условии, сущности и непременном атрибуте Просветления. Этот принцип можно считать главнейшим в определении **Д** и **С** как типологически близких учений, невзирая на географические, временные и национально-психологические дистанции.

ГОМБОЕВА М.И.
(Чита)

Образ Неба в картине мира народов Байкальской Азии

Во все времена культура народов отражает не окружающую реальность – не мир, но картину мира. Эта картина имеет доминанту – Центральный образ. В культурной семантике народов Байкальской Азии, равно как и этногенетически связанных с данным регионом народов, основным, центральным образом картины мира является образ Неба (Тэнгри, Тёнри) или тэнгрианское мировоззрение (Селейменов, 1978).

Типологическое единство и сходство центрального образа картины мира народов – тэнгризм, принадлежащих к центрально-азиатской цивилизации, последовательно проявляется в типологическом сходстве культурной семантики, обусловленной кочевой культурой. Рассматривая центрально-азиатскую цивилизацию как носительницу своеобразной культурной семантики, мы обобщили

наиболее специфические мировоззренческие доминанты, наличествующие в данной системе, такие как: целостное мировоззрение, ориентированное на мирсистемные отношения (сакрализованный центр и множественные периферии), приоритет этического начала в регулирования взаимоотношений: «мир – человек», сакральность социально-ценных интересов и приоритетов, периферийность религиозных мировоззренческих построений. Все в целом способствовало введению понятия, отражающего целостность картины мира коренных народов Байкальской Азии – холизм центрально-азиатской культурной семантики.

Концептуализация центрально-азиатского холизма осуществлена на основе экспликации устойчивых культурных кодов, среди которых выявлено монистическое и не теистическое представление о мире, выраженное в целостном образе мироустройства – тэнгризме. Традиционная этнографическая наука в деле изучения своеобразия народов, имеющих истоки в Байкальской Азии, создала стереотипы, устоявшиеся псевдонаучные представления о мировоззренческих основаниях традиционного образа мира народов Байкальского региона центрально-азиатской цивилизации. Например, типичным методологическим клише российского бурятоведения являются теории о том, что традиционным мировоззрением бурят является шаманизм. Между тем, по мнению целого ряда российских исследователей, шаманизм рассматривается как периферийное явление в структуре традиционной культуры бурят, монголов (Скрынникова Т.Д.) или как реликт предыдущего протокультурного (палеолитического) слоя (Костецкий В.В.).

В развитии тэнгризма прослеживается три мировоззренческих пласта. Первый является наиболее архаическим, когда образ неба являлся базовым символом в картине мира номадической культуры. Наиболее яркой и последовательной доминантой холизма этого вида является представление о Небе как о таком универсуме, который все же не персонифицирован в конкретном божестве, а есть безличное, метафизическое начало.

Не случайно исследователи истории кочевых цивилизаций, которые, реконструируя религиозные мировоззрения тюрков и монголов, склоняются к выводу о наличии монистического, но не теистического мировоззрения у данных народов (Кычанов, Кляшторный, Масанов и др.).

Этот, более поздний период развития центрально-азиатского холизма назван Гегелем «существующее непосредственно-чувственным образом, но понимаемое как единая бесконечном мощь, возвышающаяся над многообразием мира» (Гегель, 1974).

Второй этап развития тэнгрианского мировоззрения оформлен в мировоззренческий принцип социального устройства и обоснования концепции власти – тэнгризм. В историко-хронологическом отношении он связан с периодом формирования кочевых государств центрально-азиатской цивилизации, соответственно с формированием идеологии управления.

Третий период развития центрально-азиатского холизма связан с культурной и мировоззренческой актуализацией образа Неба в религиозных реконструкциях. В частности, религиозная доктрина всеединства природных форм в виде философии «тэнризм» в Японии (Климова, 1998), конфуцианство в Китае, харизматическое обоснование власти у тюрков и монголов (Скрынникова, 1995, Масанов, 1995, Хазанов, 2000) – являются модификациями образа тэнгрианства.

ГОРОШКОВ Н.П.
(Воронеж)

Исмаил Гаспринский и формирование основ гражданского общества в мусульманском Крыму

По свидетельству современников, Крым, ставший к началу XX века родиной мусульманского реформаторства (джаддидизма), выделялся относительно высоким уровнем жизни, налаженной системой образования, богатой крымско-татарской литературой, развитой печатью и являлся «маяком» новой жизни на Востоке. Исключительная заслуга в трансформации традиционного мусульманского общества принадлежит крымскотатарскому просветителю Исмаилу Гаспринскому (1851-1914), который повел борьбу с отсталостью и невежеством масс по двум направлениям: путем внедрения печати на родном языке и реформы мусульманской школы. На первом направлении он добился существенных результатов, издавая в течение тридцати лет (1883-1914) русско-мусульманскую газету «Терджиман – Переводчик». На втором направлении: основанный на звуковом методе обучения «новый метод» («усуль-и-джеддид) привел к изгнанию из татарской школы схоластики. После внедрения «нового метода» начавшаяся долгая и упорная борьба между его сторонниками («джаддидами») и противниками («кадимистами») привела к пробуждению политического сознания среди тюркско-татарской интеллигенции. Плодотворная всесторонняя деятельность И.Гаспринского явилась, таким образом, основой для формирования основ гражданского общества в среде мусульман России.

ГРОМОВА Н.В.
ДАВИДСОН А.Б.
(Москва)

Африканистика как часть востоковедения

Африканистика была вычленена из востоковедных конгрессов в 1960 году после московского XXV конгресса по предложению известного советского африканиста И.И. Потехина, поддержанному ведущим африканистом США М. Херсковицем. Тогда, в 1960 году, который был «годом Африки», эта идея создания конгрессов африканистики выглядела оправданной, т.к. она подчеркивала ведущую роль Африки.

Однако эта идея не выдержала проверки временем. Конгрессы африканистов, начавшись в 1960-х годах, вскоре прекратились. Главное же, стало очевидным, что отрыв изучения истории, языков, литературы и культуры Востока и Северной Африки от изучения Тропической и Южной Африки не оправдан. Такой отрыв наносит ущерб как африканистике, так и востоковедению.

GURIEV T.A.
(Vladikavkaz)

On terms of sovereign rulers

1. Titles of rulers have diverse features – national, geographical, historic, religious, stylistycal, etc. In modern languages we find long rows of ideographic synonyms of this kind: *King, Emperor, Pharaoh, Van, Tsar, Mikado, Maharaja, Shah, Emir, Keiser, Aldar, Sultan, Huata Yamvo* and *Lukokesha, Negus* and many others, The semantic dominant of the group is usually a native term. In English it if King, in Russian – Tsar, in Ossetian (Alanian) – Aldar, in Turkish – Sultan, etc. Every member of the synonymic group has its own shades of meaning.

In his sonnet «Ozymandias» P.B.Shelly portrayed an ancient autocrat, Pharaoh, who addressed future generations: «My name is Ozymandias, king of kings...». K.Balmont translated the sonnet into Russian and used «tsar of tsars» instead of Shelly's «king of kings». Neither the author nor the translator utilized *pharaoh*, and each of them had his own reasons for this: the dominants of the synonymic groups are «king» in English, and «tsar» in Russian.

2. Some reign-titles are applied to rulers of certain regions or zones. Russian traditionally apply «tsar» to sovereigns of Russia and some adjacent countries – Bulgaria, Greece, Armenia, Georgia, while Rumania, Poland, France, Sweden, Spain and many others they consider a king-zone.

Sometimes in related languages they employ different terms to indicate leaders of other countries.

Mikado designates the rules of Emperor of Japan which has his own social status, and the rituals connected with Mikado are unlike any other emperor's. The same we can say of Negus, Maharaja, etc.

Lukokesha and Muata Yamvo belong to African civilization (Kubbel), and they have no suitable equivalents in other languages. Their semantic components are quite specific and no other term will render them adequately.

3. Terms produce a cryptic influence on people. When Temuchin was proclaimed Khakhan and was given a new name Chingiskhan he became an of the highest rank, and all other Mongolian kriceled before their new leader and sovereign. It is interesting to note that Babur assumed a new reign-title *Padishah* «when his fortunes were at a low ebb and he was lord of nothing at all» (Harold Lamb). It was a daring decision, and subsequent events showed that it marked a new period in the history of Babur's empire.

4. Titles are oftentimes perceived differently by various peoples. Pharaoh was considered a name for a just and fair ruler by Jews, while in Quran Pharaoh is a type of unjust, selfish, arrogant, and false leader «who poses a power in rivalry with that of Allah» (Abdullah Yusuf Ali). In Ossetian kadags (epic songs, sagas) and other folk-tales Malik stands for a ruler of an alien land; khans are often considered to be supreme arbitrators, etc.

5. The changeability of title-terms group is still another important aspect of the problem. Historic stratification of titles in every given language must be regarded separately and, at the same time, keeping in view the effect of interethnic contacts. E.g., due to Russian influence, the Ossetian synonymic set of terms under examination has suffered great changes; it has considerably increased, certain terms have been supplanted by new ones (cp. *khundager – sultan*), etc.

In the course of working on Ossetian reign-titles distribution maps of all sorts we had to overcome many doubts and difficulties.

6. We maintain that a special attention must be given to the problem of reign-titles in translation.

ГУСАЧ И.Р.
(Азов)

Турецкая поливная керамика XV – XVIII вв.

В докладе дается характеристика турецкой поливной керамики XV – XVIII вв. из крепости Азов, в течение более трех веков являвшейся самым северным военным опорным пунктом Османской империи. Фрагменты и целые изделия этой великолепной, расписанной вручную глазурованной посуды, производившейся в XV – XVIII вв. в крупных керамических центрах Малой Азии – городе Изнике и городе Кютахья, были обнаружены археологами во время раскопок на территории бывшей турецкой крепости в г.Азове. Автором доклада произведена классификация турецкого керамического материала из фондов Азовского музея-заповедника, дается история его производства и распространения по торговым путям, ведущим с Востока на Запад.

КАЛАНДАРОВ Т.С.
(Таджикистан)

Религиозный синкретизм
у народов Горного Бадахшана

Горный Бадахшан, а именно западную часть Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана населяют немногочисленные народы – баджуйцы, бартангцы, ваханцы, ишкашимцы, орошорцы, рушанцы, хуфцы, шугнанцы, язгулемцы. Они занимают небольшую пригодную для жизни человека территорию в труднодоступных высокогорных долинах притоков реки Пяндж.

Почти все западнопамирские народы исповедуют исмаилизм – одно из направлений шиитского ислама, проникший на Памир более десяти столетий назад. Несмотря на длительный период существования на Памире исмаилизма, в воззрениях и религиозной практике памирцев до сих пор бытуют верования, имеющие доисламские корни и генетически восходящие к манихейству, зороастризму и другим доисламским культам. Причина длительного существования древних языческих верований и культов кроется в особенностях исторического развития народов Горного Бадахшана. Это низкий уровень производства в прошлом, беспомощность перед природными катаклизмами, порождавшая чувства страха и бессилия, всеобщая неграмотность населения, которое воспринимало природные явления через призму суеверий. Патриархальные отношения и традиции, господствовавшие у западнопамирских народов и передававшиеся из поколения в поколение, также способствовали живучести многих языческих представлений.

В быту и производственной деятельности памирцев до настоящего времени большую роль играют различные обряды, связанные с верой в сверхъестественное воздействие на предметы природы, на животных и человека. Причем доминирующее значение имеют магические обряды лечебно-профилактического, аграрного и промышленного характера.

Ни доисламский, ни исмаилитский пласты не являются всеобъемлющими и сосуществуют в разных сферах духовной и материальной жизни памирцев. Как показывает практика, языческие верования, сохраняющиеся в религиозных воззрениях народов Горного Бадахшана наряду с исмаилизмом, языческими по своей сути уже не являются. Древние формы воззрений и обрядовые действия, существующие в рамках исмаилизма, доказали свою живучесть прежде всего тем, что они имеют отношение к насущным потребностям человека и отражают все аспекты его бытия, а также взгляды на мир. Таким образом, речь идет о сосуществовании у народов Горного Бадахшана господствующей религии – исмаилизма и домусульманских представлений и обрядов, их взаимовлиянии и взаимопроникновении, т.е. о синкретизме.

CHANG Johannes Han-Yin
(Taiwan)

Universals as Basis of Unity

Much of unity in the human world is achieved through power and domination, which assumes various forms such as coercive conquer, power-based negotiation, administrative control, and domination-based values diffusion, socialization, and assimilation. This kind of unity is realized on the basis of evaporation or repression of diversity and typically, in favor of the interests of the dominant individuals or social groups. In this paper, I argue that unity can also be accomplished in a more egalitarian manner – on the basis of universals, especially common interests.

I develop my argument within the framework of emergence that highlights the function of role-taking-based rationality in shaping the quality of social interaction and its emergents. Within this framework, I treat unity in diversity as a special form of emergence that arises as an achieved product of the exercise of role-taking-based rationality through conditional social interaction. Two expressions of this rationality are crucial for the emergence in question – hard and soft universals. "Hard universals" primarily refer to common interests that can be identified among diversified social groups through role-taking in a more or less straightforward manner. "Soft universals" mainly refer to interests which, although specific to each particular social group, can be recognized, respected and supported by other social groups through role-taking/identification in Mead's sense. I argue that unity developed on the basis of these universals can generate benefits for both more and less competitive groups involved.

I also discuss the role of a few major factors relevant to the construction and preservation of unity-related universals, including interpretation/meaning, power/democracy, and the dialectical relationship between being and non-being, between giving and taking, and between less and more.

I use the experience of Singapore and Taiwan, both positive and negative, to illustrate my theoretical propositions.

STRELKOVA G.V.
(Moscow)

From a literary heroine to a woman writer

One of the main heroes of Hindi novels is a modern educated and creative woman. In my paper on the basis of Hindi novels of the 20-50-s of the last century (written by Premchand, Jayashankar Prasad, Jayanendra Kumar, Nirala, Ajneya and Yashpal) I would like to show how a new image of a modern educated woman was introduced and developed, how changed the interpretation of this new heroine depending on the ideology and artistic intentions of the writers.

The new heroines are associated with a westernized style of life; many of them got European education and follow a pattern of a European woman – independent, struggling for her rights and self-sufficient though very romantic. As a rule, a heroine suffers a defeat and often dies because Indian society is not ready to accept positively her striving for independent and modern style of life. Writers describe such a heroine, paying great attention to her inner life. Some of them, like Jayanendra Kumar are considered to be creators of a psychological novel in Hindi and for them woman's motivations are most important. For others, like Ajneya, a heroine resembles a mirror in which a hero is reflected and then studied by the author. By the first half of the 20-th century a man-hero of Indian literature has gone through his way of adaptation of Western culture and now could help to do the same to his literary partner – a heroine of a new type

Still the most important is a conflict between a heroine and society. Schematically, depending on a transition from a traditional to a modern heroine and her connections with Indian society and taking into consideration its attitude to the West, we finally have 9 possible variants or types of this conflict reflected in Hindi novels of that period. This scheme will be discussed in the paper.

In the second half of the 20-th century, after India became independent, a whole generation of women writers appeared in Hindi literature. They continue to develop an image of a new heroine introduced by men-writers, but at the same time they find new subjects and a new approach to solving the most complicated problems which face literature and Indian society as a whole. Among them can be new artistic conceptions (like post-modernism) or social problems (like relations between a child and his divorced parents or life of a non-typical family consisting of a mother and a daughter only.) In a second part of my paper I plan to discuss, on a basis of novels by Krishna Sobti, Mannu Bhandari, Mamta Kalia and Alka Saravage, how specific is their artistic approach to a modern reality and their heroine who often overcomes taboos created by traditional society. The conflict continues to exist but it is often solved to a benefit of their heroine. The women writers themselves could be interpreted as heroines creating new reality, not only literary but vital also. It is important that many contemporary men-writers prefer traditional heroines and this approach paradoxically contrasts to an attitude of women writers. This creates a new conflict, both literary and social.

Стрелкова Г.В.
(Москва)

От литературной героини к писательнице

Один из главных героев романа хинди – современная, образованная и творческая личность. В своем докладе, на примере произведений, написанных в 20-30 годы XX века Премчандом, Джаяшанкаром Прасадом, Джаянендрой Кумаром и другими классиками современной литературы хинди, я намерена продемонстрировать, как развивался образ героини и менялась его интерпретация в зависимости от художественных и идеологических намерений автора. Новая героиня, ассоциирующаяся с европейским образом жизни, получившая образования, осознающая свое право на самостоятельную и независимую жизнь, терпит, как правило, поражение и уходит из жизни, так как индийское общество не готово положительно воспринимать ее стремление к независимому и современному образу жизни. Примечательно, что о новой героине пишут именно мужчины, которые особое внимание уделяют ее внутренней жизни. Некоторые из писателей, например, Джаянендра Кумар, считаются создателями психологического романа хинди и для них психологическая мотивация поведения женщины чрезвычайно важна. Для некоторых других, например, Агъеи, героиня словно служит зеркалом, отражающим героя, которого исследует автор. К первой половине

20-го века герой индийской литературы преодолел путь адаптации западной культуры и теперь может помочь своему литературному партнеру – героине нового типа также проделать этот путь.

Тем не менее, наиболее важной проблемой является конфликт между героиней и обществом. Схематично, в зависимости от трансформации традиционной героини к современной и ее отношений с индийским обществом, а также принимая во внимание отношение общества к Западу, можно выделить 9 возможных вариантов или типов конфликта, отраженных в прозе хинди того периода. Подобная схема будет обсуждаться в докладе.

Во второй половине XX века, после достижения Индией независимости, в литературе хинди появилась плеяда писательниц-женщин. Они продолжают развивать образ новой героини, представленный в произведениях писателей предшествующей эпохи, но при этом находят новые темы и новый подход к разрешению сложнейших проблем, стоящих перед литературой и индийским обществом в целом. Ими могут быть новые художественные концепции (например, пост модернизм) и социальные проблемы, такие как отношения между ребенком и его разведенными родителями или жизнь нетипичной семьи, состоящей лишь из дочери и матери, и др.

Во второй части доклада, на примере произведений Кришны Собти, Манну Бхандари, Мамта Калия и Алки Сараоге я намерена обсудить специфику художественного отображения действительности в романах, созданных писательницами, своеобразие их героинь, которые часто отвергают табу, созданные и сохраняемые традиционным обществом. Конфликт между ним и героиней продолжает существовать, но часто разрешается в пользу героини, тогда как поражение терпит герой. Сами писательницы могут быть интерпретированы как героини, творящие новую реальность – и не только литературную, но и жизненную. Примечательно, что многие современные писатели предпочитают традиционных героинь и это парадоксально противоречит подходу писательниц к выбору и трактовке героини современной прозы. Таким образом, возникает новый конфликт, как литературный, так и социальный.

ШИШКИНА Г.
(Россия)

Японская традиционная живопись и западный зритель

Восприятие национальной культуры за пределами ее бытования связано со множеством разных факторов, определяющих степень доступности ее явлений носителям других культур.

Целью данного сообщения является обозначение основных особенностей, определяющих отношение западного зрителя к феномену японской традиционной живописи.

На Западе проблематика восприятия искусства рассматривается в двух основных плоскостях – с позиции профессионального искусствоведения и психологии искусства, включающей весь спектр зрительского восприятия. В обоих вариантах искусство и его восприятие разделены определенными границами.

С точки зрения западной ментальности художник всегда первичен и возвышен, а зритель вторичен и гораздо менее значителен, те есть первый сродни повару, готовящему блюдо, а второй – потребителю, съедающему то, что ему предлагают и при желании высказывающему свое мнение по этому поводу. Таким образом сформировалась и утвердилась достаточно пассивная роль зрителя.

Продолжая это сравнение, можно сказать, что давний и стойкий интерес западной публики к японскому искусству объясняется тем, что зрители неизменно обнаруживают новые для себя "вкусовые" качества – свежие, оригинальные, порой неожиданные образы и трактовки, раскрывающие более тонкие и разнообразные возможности видения мира.

В связи с этим возникает вопрос о дифференцированности зрительской среды, о разных типах, уровнях и особенностях европейского восприятия и т.п. Эта очень интересная и важная проблематика остается за пределами данного сообщения, поскольку требует специального исследования.

Квинтэссенцией воздействия японского искусства выступает пример профессора Стефена Аддисса, современного американского исследователя, который был настолько поражен, впервые увидев дзэнскую живопись, что, оставаясь успешным музыкантом, начал изучать японское искусство и со временем вошел в число ведущих западных японистов. В одной из своих работ он писал в связи с этим:

"Что же такое есть в японской культуре, что способно так менять жизнь? Словами не ответить на этот вопрос. К ответу можно идти через видение, рассматривание, понимание".

Далее он пишет: "Если мы научимся смотреть, японское искусство может стать радостным, трансформирующим переживанием".

Аддис имеет в виду интерактивный характер японского искусства, в котором зрителю с его ощущениями и размышлениями отводится весьма значимое место, и он, если обладает достаточным интеллектуальным и художественным развитием, также как и художник, может исполнить роль "повара" и создать свою собственную трактовку произведения. Зрителю в японском искусстве оставляется пространство для личного творчества.

Восприятие – это внутреннее действие, работа ума и души. По разным причинам не каждый человек готов и способен к этому. Что касается японского искусства, и живописи в частности, то в этом случае от зрителя требуется открытость непривычному, осознание ограниченности общепризнанных стереотипов.

В свое время Эрнест Фенеллоза (1853-1908) настаивал на том, что американцам для понимания японского искусства необходимо рассматривать его с японской позиции. Он говорил о том,

что западные художники, культивируя приоритет формы и цвета, не дают возможности зрителям остановиться в своей постоянной спешке и просто поразмышлять, а в японской живописи за каждой линией и пятном можно увидеть красоту мысли.

То, что в конце 19 века было очевидно для немногих представителей Запада, сегодня легко понимаемо и принимаемо многими любителями искусства. Сегодняшний зритель, имея перед собой опыт искусства 20 века, более открыт линеарной условности, тушевой технике, пустотности японской живописи.

Российская публика мало знакома с японской живописью. За последние три десятилетия состоялись всего четыре выставки – в Москве и Санкт-Петербурге, на которых демонстрировались образцы Нихонга и старой традиционной живописи.

Зрительская аудитория столичных городов, конечно, более подготовлена к восприятию японской живописи, но в целом для всех российских любителей искусства характерно свойство сопереживания, желание понять авторский замысел, что весьма немаловажно для понимания другой культуры. Произведение, несущее в себе духовно-эмоциональный заряд, всегда будет интересно самой широкой части российских зрителей. Не случайно россиянами особенно тепло принимались произведения декоративной живописи на ширмах и работы мастеров Нихонга.

Одной из важнейших сторон взаимодействия разных культур является расширение кругозора, обогащение этического и эстетического представлений. В результате таких контактов возникает понимание и признание ценности иных взглядов на мир, иных форм их материального воплощения.

Все эти процессы начинаются с отдельных личностей, которые, при благоприятных условиях, могут в определенной степени влиять на формирование общественных критериев. Одним из профанических примеров подобного выступает мода.

Японская традиционная живопись, почти во всех ее формах, относится именно к тем художественным явлениям, которые способны, хотя бы частично, "встряхнуть" стереотипные взгляды западных зрителей и углубить, придать большую осмысленность их мировосприятию.

ТЕЛЕБАЕВ Г.Т.
(Казахстан)

Философские концепции Жусипа Баласагуни и Кожа Ахмета Йассауи в контексте арабской и тюркской культурных традиций

Для философской традиции, которая является автохтонной для территории современного Казахстана, наиболее важным представляется развитие в контексте арабской и тюркской культурно-исторических традиций, цивилизационных парадигм. Влияние арабской культуры происходило через ислам, арабский язык, куль-

турный взаимообмен, через арабских проповедников, учителей, суфиев. Тюркская традиция была исконной, "материнской" для этносов, населявших Казахстан. Одно из проявлений синтеза культур можно наблюдать в мыслительной традиции Степи, в которой органически сочетались исламские представления об Абсолюте и тюркские идеи о Тенгри, суфизм и шаманизм, мусульманский и кочевнический типы политической идеологии. Данный синтез в докладе рассматривается через призму анализа философских идей Жусипа Баласагуни и Кожа Ахмета Йассауи.

В философской системе Жусипа Баласагуни стержневым выступает выделение четырех "концептов", аллегорически представленных автором в виде четырех персонажей: Кюнтогды, Айтолды, Огдулмиш, Огдурмыш.

Первый из них – Кюнтогды – является главным и олицетворяет Солнце, Власть, Справедливость, Бесстрашие, Волю, Доблесть, Закон. Для Баласагуни все эти качества воплощены в правителе (Элике). Подобный подход есть выражение позиции государственника, сторонника единоличной и сильной власти. Вместе с тем, особое внимание уделяет Баласагуни такому принципу, как справедливость власти: "для достойного управления государством нужен справедливый закон, позволяющий "разделить вдоль волос"".

Второй принцип – Правдивость, Знание, Речь. Во властной иерархии ему соответствует должность Визиря, Советника, которая была при дворах как мусульманских, так и тюркских правителей. Сам Жусип Баласагуни имел почетное прозвище Хас-Хаджиба (Мудрого Советника) за свою деятельность при дворе Табгач-Богра-хана. Только мудрое правление может принести народу Богатство, Благоденствие, Счастье, которые также означают Айтолды.

Третий принцип олицетворяет Огдулмиш – Ученость, Мудрость, Ум. Здесь Баласагуни имел в виду ученых, значение в целом знаний, в том числе технических, для существования и развития государства. Наконец, Огдурмыш – Непритязательность, Отрешенность, Удовлетворенность – передается им термином "Канагат", вбирающем в себя эти смыслы. В политической иерархии – это отшельники, религиозные деятели, пастыри. Их значение в жизни государства Баласагуни видел, прежде всего, в нравственном воспитании народа.

В учении Кожа Ахмета Йассауи превалирующие позиции занимает тема человека. Человек, по Йассауи, есть основной "механизм", посредством которого происходит "возвращение" бытия к первоначальной целостности. Эта целостность нарушается, как известно, в процессе создания богом мира. "Совершенный человек", который и есть воплощение бога, становится в этой ипостаси "совершенным родом бытия". Вобрав в себя все формы божественной таинственной силы, человек является итогом, вершиной и завершением божественного творения. В этом смысле человек есть мера

всего существующего. В учении о человеке Йассауи обнаруживаются три культурно-философские традиции: античная (неоплатонистская), арабоязычная (суфийская) и тюркская.

Неоплатонизм оказал на концепцию человека Йассауи не прямое воздействие, а опосредованное, косвенное,[1] став одним из основных источников формирования суфийской концепции человека. Исторических сведений о том, что Йассауи был знаком с произведениями Плотина, Ямвлиха, или Прокла, нет, однако "эхо" их идей в его антропологических изысканиях несомненно слышится. Сама суфийская философская традиция была непосредственным контекстом, в котором формировалась философская теория Йассауи. Концепции "совершенного человека", ступеней эманации, "пути" и "остановок" есть, несомненно, общесуфийские философские парадигмы и их "следов" в учении Йассауи, конечно, великое множество..

Наконец, тюркская мыслительная традиция, предопределившая специфичность суфизма Йассауи, особенности его философской школы йассауйя, выступала в роли "фона", "общего духа", общей атмосферы, в которой формировались антропологические идеи мыслителя из Йассы.

ХОДЖАЕВА М.Ю.
(Таджикистан)

Новый фарсиязычный стих Моваранахре

Поэзия – важнейший показатель культуры и цивилизации человечества, представляющий собой синтез всех стремлений, чувств и размышлений одной нации и свидетельство того, что литература каждого народа характеризует уровень его эстетических критериев, художественного мышления, философии, нравственности.

Одним из самых значительных открытий Нимо Юшича в стихе явилось нарушение правил чередования стихов и свободное использование необычных рифм, что позднее наиболее ярко проявилось в творчестве Таваллули, Махди Ахавони Солиса, Симин Бехбахони, Фуруг Фаррухзод, Хушанга Ибтиходжи Соя, Ахмада Шомлу, Сухроба Сипехри и оказало влияние на литературу Моваронахра. С другой стороны, новаторство русских поэтов: А.Блока, В.Маяковского, Д.Бедного, С.Есенина, А. Ахматовой и некоторых поэтов советского периода не прошло бесследно мимо творчество поэтов Маваренахра.

В дополнение к этому, названные благотворные факторы и опора на основы нового стиха Мовараннахра, насчитывающего более восьмидесятилетнюю историю, создали возможность для раскрытия в стихе нового содержания, использования новой лексики. В процессе формирования и совершенствования новоro фарсиязычного стиха Моваренахра можно проследить четыре

этапа: первый этап связан с именами Садриддина Айни, Абулькасыма Лахути, Пайрава Сулаймони и с именем безвременно погибшего молодого представителя этой поэзии Хабиба Юсуфи, которые в своем творчестве заложили основы для зарождения и развития нового стиха.

Второе поколение поэтов: М. Турсун-заде, Б. Рахим-заде, А. Шукухи, Г. Мирзо, Мастон Шерали и другие продолжили поиски в создании новых форм стиха. Их произведения отличались искренностью, простосердечием, были пронизаны революционной тематикой и идеями борьбы за утверждение советской идеологии.

Последующее поколение поэтов представлено именами поэтов Мумина Каноата, Лоика Шерали, Гулрухсор, Гулназара Бозора Собира, Кутби Кирома, Саидали Маъмура, Убайда Раджаба, Хаёта Негмата и многих других. Наряду с традиционным стихом, они обращаются к созданию нового стиха и в своих творческих исканиях добиваются заметных успехов. Они творчески используют достижения стиха Ирана и Афганистана. Новаторские обретения поэтов в изображении и раскрытии поэтических образов, скрытого смысла стиха, его подтекста, рождение белого стиха также связано с именами поэтов этого периода.

Творческие поиски характерны для поэтов нового поколения, к которому можно отнести Камол Насрулло, Рахмата Назри, Низома Косима, Сиявуша, Фарзону, Озарахша, Адибу, Суруша, Шахнозу (Таджикистан), Шахзоду, Парисо (Самарканд), Паймона, Абдулло Субхона (Сурхандарья) и других..

В их творчестве прослеживается особое внимание к следующим элементам:

а) смысловое богатство стиха;
б) совершенные и неповторимые поэтические образы; совершенствование поэтического мастерства;
в) стремление к воплощению мистических идей; самопознание, национальное самосознание;
г) новые формы стиха, модификации жанров, построения стиха;
д) образ человека с сегодняшним миропониманием, внутренний мир которого раскрывается в стихе;
е) использование лексики и непоэтических оборотов, характеризующих социальную жизнь и современную технологию;
ж) использование различных манер в раскрытии и слиянии чувств лирического героя, символов, метафор и других средств художественной выразительности.

Таким образом, в современной фарсиязычной поэзии в пространстве Мовареннахра заслуженное признание получили два течения в современной поэзии - новый аруз и белый стих, благодаря которым в содержании и форме стиха, в художественном мастерстве поэтов произошли коренные изменения.

ИНОМХОЖАЕВ Рахмон
(Узбекистан)

Место прессы в движении национального возрождения в Афганистане

Если первые газеты – "Утреннее солнце Кабула" ("Шамс-ун-нахаре Кабул") и "Светильник новостей Афганистана" ("Сирадж-уль-ахбаре Афганистан") только лишь ознакомили людей с новым способом распространения информации, то следующая, третья по счету газета Афганистана "Сирадж-уль-ахбаре афгания" ("Светильник афганских новостей") сыграла значительную роль в развитии движения национального возрождения в этой стране.

Издатель и главный редактор газеты Махмуд Тарзи (1865-1933), поэт, просветитель, чьё мировоззрение сформировалось под влиянием турецкого просветительства (он жил в этой стране с 1885 по 1901 г.) придавал большое значение воспитательной, просветительской роли газеты. Он считал газету предметом первой необходимости для любой цивилизованной страны. "В настоящее время, - писал он в первом же номере газеты, - нет ни одного государства или народа, живущего общественной жизнью, за исключением диких и кочевых племен, который не имел бы собственной газеты" 1. Махмуд Тарзи придавал большое значение роли газеты в общественной жизни страны. "Пресса, - писая он, душа культуры, основа человечности"

Определяя главные направления содержания газеты, Махмуд Тарзи особо выделял ее воспитательную роль. "Газета такой воспитатель и учитель, – писал он, – который без принуждения и силы привлекает и приобщает людей к изучению наук". Он со страниц газеты многократно обращался к своим читателям с призывом овладевать знаниями, науками. "Что отличает человека от животного" - Писал он в одной из таких статей, - разум и логика. Что подобно зеркале шлифует разум и логику? Знание и просвещение. Что является источником знания и просвещения? Школа и медресе!" Важное место в содержании газеты занимало антиколониальное, патриотическое направление. Уже в первом номере газеты Махмуд Тарзи определил одной из главных её задач борьбу против врагов и недоброжелателей Афганистана. Он всячески старался поощрять патриотические, свободолюбивые порывы афганцев, побудить их к новой жизни, к независимости и свободе. В одной из своих многочисленных статей на страницах газеты Махмуд Тарзи с чувством гордости писал: "Афганец легко и хладнокровно может принять смерть, но он никогда, ни за что, никак не сможет переварить злобонные, вызывающие тошноту слова зависимость и покорность".

Благодаря верно избранному направлению на просвещение народа, ознакомление людей с новым, современным образом жизни цивилизованных народов, достижениями науки и техники, проповедуя идеи независимости Афганистана, антиколониальные

взгляды, газета завоевала популярность среди афганской светской интеллигенции, городских слоев, превратилось во влиятельную силу в общественной жизни страны. Как утверждает афганский ученый А. Хабиби, "когда в Кандагар поступил номер газеты со стихотворением "Заточенный соловей", в котором соловей символизировал страну, лишенную свободы, люди читали его на сходах, у некоторых появлялись слезы на глазах".

Эти факты свидетельствуют о том, что газета "Сирадж-уль-ахбар", издававшаяся с 1911 вплоть до декабря 1918 года, органы печати, появившиеся после завоевания независимости страной сыграли положительную роль в пробуждении народов Афганистана к новой жизни, стали действенным фактором движения за национальное возрождение в стране.

SHAMATOV Azad N.
(Узбекистан)

K sootnosheniyu ponyatiy "pryamoy" i "kosvennoy" interferencii v arealhnih issledovaniyah

Настоящая проблема представляется особенно актуальной при диахроническом рассмотрении "отдаленных результатов" средневековой интерференции в рамках генетически гетерогенных и типологически эквиполентных языковых микросоюзов. К их числу в первую очередь относимы центрально- и южноазиатские языки, которые взаимодействовали в ходе интеграционных процессов XI-XVIII вв., обусловленных глобальной трансляцией исламской культуры в ряде регионов Евразии и Северной Африки.

Указанные языки по существу представляют собой две гетерогенно сопоставимые макросистемы с общим универсальным компонентом тюркского и неарийского (дравидийского, аустроазиатского и тибето-бирманского) происхождения. Важной чертой здесь также является нивелирующая роль агглютинативного строя, присущего тюркским и дравидийским и приобретаемого некоторыми индоарийскими языками. Синтез тюркско-иранских элементов в Центральной Азии и индо-иранско-неарийских в Южной Азии приводит к формированию типологически сходных лексико-словообразовательных и фразеологических пластов наряду с принципиальной общностью в области синтаксиса.

На этом фоне прослежено влияние экстралингвистических (культурно-исторических) и собственно языковых факторов центральноазиатского происхождения на процесс становления ряда новоиндийских языков Южной Азии в эпоху XII-XVIII вв.

При этом наиболее конструктивную роль сыграла деятельность суфийских проповедников и наставников, выходцев из Центральной Азии, внесших особый вклад в формирование таких индоарийских языков, как хинди, урду, панджаби, бенгали, синдхи, маратхи и гуджарати, а также и ряда дравидийских- телугу,

тамильского и каннара, в чем большая заслуга принадлежала орденам Накшбанди, Чишти и Сухраварди, берущим начало в Центрально-азиатском регионе. ...

Таким образом, рассмотрение этих явлений на материале средневековой истории наиболее распространенных языков изучаемого ареала показывает, что косвенная интерференция более эксплицитно выявляется при анализе фактов прошлых состояний, тогда как прямая гораздо отчетливее различима при сегментации живой речи.

YEREKESHEVA, Laura
(Kazakhstan)

Central Asian Civilization and Identity Under New World Order: Challenge Or Answer?

The article argues that two tendencies - globalization and regionalization - stimulates the highlighting role of identity and civilizational factors that influence the world order. It takes Central Asian region as a case-study.

The analysis of the following problems is undertaken: - what makes the Central Asian civilization - is it a whole unit or a diversity of different subsystems; - what are its living and conflict potential; - what is the correlation between it and other civilizational systems such as orthodox Christianity and buddhist-confucian; - could eurasian factor be applied to the whole Central Asia or to some parts of it.

At the conclusion it is stated that under today's world order the civilizational and identity factors of the countries of the periphery don't "fit" the existing international system and becomes a risk factor for it. And on the contrary, the international structure itself becomes the challenge for the region and causes it to construct and shape its own answers, based on its civilizational, cultural identity.

ГАГЛОЙТЫ Ю.С.
(Южная Осетия)

Бронзовая фигурка оленя – предмет

I. Одной из интересных сторон при изучении той или иной культуры является исследование прикладного искусства, которое развито на Кавказе, и в особенности в его центральной зоне, с древнейших времен (кобано-тлийская культура XVI-V вв. до н. э.).

Среди многочисленных предметов обнаруженных в разных районах Кавказа привлекают внимание скульптурные изображения как домашних, так и диких животных.

На территории Южной Осетии уже XII-X вв. до н. э. (Техов Б. В.) археологически засвидетельствованы фигурки оленя, медведя, быка, коровы, козы, барана, лошади, собаки, птиц, фантастиче-

ских существ – грифонов, которые играли роль оберегов – апотропеев, хотя воплощали в себе как добрые, так и злые силы космоса, в той или иной мере влиявшие на человека, на его судьбу и при жизни, и после его ухода в загробный мир.

II. Широкое распространение в изобразительном искусстве кавказский народов изображение оленя получило с появлением в южнорусских степях и на Северном Кавказе уже VIII-VII вв. до н.э. скифо-сарматских племен, которые в VШ-V вв. до н. э. проникают и в Центральное Закавказье (Погребова М.И., Меликишвили Г.А., Техов Б.В.), где расположена и территория Южной Осетии, именно скифы и сарматы повлияли в целом на материальную культуру аборигенов Кавказа (в данном случае поздних кобанцев), в том числе и на зооморфный стиль изготовления предметов прикладного искусства.

Прекрасной иллюстрацией о развитом зооморфном искусстве на Кавказе в I тыс. до н. э. служит бронзовая фигурка – навершие в виде стоящего оленя, отличающаяся статичностью, жизненной правдивостью и экспрессией, хотя прослеживается и поза настороженности. Предмет найден в Цхинвальском районе Южной Осетии.

III. Фигурка оленя из Южной Осетии (сел. Прис) является плодом объединения в одно целое некогда пластических форм скифо-кавказского религиозного мира, причем прослеживается влияние скифского искусства, нашедшего на Кавказе благодатную почву на которой была взращена известная кобано-тлийская культура эпохи бронзы.

Объединение отдельных элементов пластики центрально-кавказской и скифской культур и могло дать интересующее нас изображение оленя – одного из тотемных животных предков осетин – скифов, встретивших на Кавказе родственные ираноязычные племена кобанцев и тлийцев.

В более позднее время на рубеже и в первых веках нашей эры в Закавказье начинают проникать небольшие группы ираноязычных племен, носителей сармато-аланской культуры. О чем свидетельствует как письменные источники, так и материалы археологических изысканий, выявляющие ряд значительных совпадений археологического материала из Центрального Закавказья, с северокавказскими, крымскими, древностями позднеантичной (III IV вв. н. э.) эпохи.

FEURSTEIN Wolfgang
(Germany)

Langues et cultures minoritaires du Caucase du Sud.
L'aspect ethno-linguistique, la menace de l'extinction
et les efforts de protection

Le sujet de ce rapport concerne les langues et cultures minoritaires du Caucase du Sud qui sont utilisées en Turquie du Nord et en Géorgie de l'Ouest.

Ce sont les **Lazes** avec leur langue **lazuri** qui habitent le littoral Est de la Mer Noire et qui ont aussi émigrés la Turquie de l'Ouest. Environ 250 000 Lazes ont une connaissance de leur langue, un grand nombre seulement rudimentaire.

Les **Mingrélicns** de la Géorgie de l'Ouest parle le **margaluri** qui forme avec le Laze, le Géorgien et le Svane une famille linguistique à part. Les pratiquants de cette langue sont estimés 500 000 minimum.

Les **Hémchines** islamisés dans les villages de la chaîne Pontique de l'Fst ont des traditions arméniennes. D'une population d'environ 100 000 personnes, un quart seulement parle la langue arménienne (dialecte de l'ouest).

Les **Géorgiens** islamisés en Turquie qui ont conservés leur langue comptent environ 350000 personnes. Ils habitent les régions historiques de la Géorgie ancienne du Sud et des liens d'émigration de la Turquie de l'Ouest.

La langue propre, les traditions et les faits historiques ont fondés une identité chez chacun de ces peuples ou peuplades. Il est nécessaire de jeter un coup d'œil sur les aspects d'ethnologie en relation avec les faits linguistiques. La mythologie et la toponymie sont ici d'une importance extraordinaire.

L'état a ignoré, ridiculisé et parfois opprimé ces langues et cultures. Seulement la langue officielle serait utile, les langues régionales comme «dialectes » inutiles et réservées aux éludes linguistiques. C'est pourquoi, les périodes du Laze et du Mingrélien commes langues écrites sont presque inconnues. Et c'est une des causes pour laquelle les langues natives de cette région sont en retraite d'une manière très rapide.

Néanmoins, un groupe dé jeunes Lazes en Turquie et en Allemagne s'est formé pour protéger leur langue et culture. On a publié des journaux, des dictionnaires et une grammaire. En Mingrélie on a imprimé un abécédaire en langue mingrélienne et une litérattire régionale. Il y a des efforts semblables chez les Hémehines et les Géorgiens de la Turquie.

En Allemagne, le "Cercle Katschkar, Société internationale pour les langues et cultures du Caucase du Sud" travaille pour la protection des langues menacées. Il faut expliquer ici la présentation de quelques projets actuels.

Y-a-t'il une chance réelle pour la survie de ces langue menacées? La vie régionale se trouve en dépendance directe des milieux techniques mondiaux, de l'économie, des faits sociologiques et politiques de l'état, de l'aide scientifique internationale et surtout de l'intention de chacun qui habite dans cette région. Des centres régionaux en langue et culture seraient absolument nécessaires où la jeunesse aurait la possibilité de recevoir des instructions scientifiques et pratiques concernant la culture propre. Une langue "riche" pour le savant reste souvent une langue "inutile" pour le natif. S'il n'existe pas un nombre suffisant de personnes qui transmettent la langue et la culture régionale à la génération suivante tous les efforts sont en vain.

La conférence sera donnée en langue française avec des résumés russes suivi d'une documentation brève en français, russe et allemand. Une série de diapositives voudrait montrer cette région si peu connue de langues et cultures minoritaires du Caucase du Sud.

MASYUKOVA Irina
(Russia)

The Israeli Society in the 21-st Century:
Problems and Perspectives
of the Russian-speaking Community

The massive Russian-speaking immigration from USSR/CIS in the 1990's has had an influence on the demographic, social and political development of Israel. Adaptation and integration of «Russian» immigrants are connected with successful decision of social problems: employment, accommodation, education etc. There is a topical problem of Jewish identity due to increase of Russian non-Jews among immigrants from CIS.

The perspectives of development of Russian-speaking community depend on different tendencies: of further integration into Israeli society and of its own communal isolation and originality.

At the 1970th the Soviet Jews more and more immigrated to Israel. In Soviet Union the great majority of the immigrants were classified as Jews, though they were actually of *mixed nationality* and some not considered Jews under traditional Jewish law. Some of them are not Jews, but are married or otherwise related to Jews. In order to solve the problem of Soviet immigrants who had intermarried, in 1970 amended the Law of Return to include as Jewish not only Jews but also the children and grandchildren of Jews, even if they are not Jews and the spouses of their children and grandchildren. In other words, including also non- Jewish spouses and descendants to the third generation [*Hok yesod: Amendment No. 2* (5730–1970)].

The Russian immigration in 1990th from the former Soviet Union (FSU) started by the end of 1989. and this influx can be considered a turning point in the Jewish immigration at the time of Gorbachev's recolutionary decision to allow Jews free emigration [*Alexander Benifand, «Jewish Emigration from the USSR in the 1990's»* in Basok&Brym (eds.), Soviet Jewish Emigration]. The size of the recent immigration wave and the rate of immigration were unprecedented.

As a result under the terms of the Law of Return (1950) and its amendments made to the Law in 1970, there are a number of theoretical and practical problems of Jewish Identity of Russian immigrants in Israel which begin with the registration of immigrants as «Russian» rather than «Jewish». These problems of mixed families are important part of religion-state relations in modern Israel. The situation with marriages (which are still controlled by the religious authorities) may hasten the introduction of civil marriage; creation of special religious courts to expedite conversions; the appointment of a public committee

to find a civil solution to the problems of couples who cannot be married according to Jewish law and have no alternative solution available to them in Israel.

A second issue in religion-state relation is support for instituting civil burial arrangements of mixed Russian families with a spouse, parent or child who was not Jewish according to the definition of the halacha. These problems raise the discussion about the efficacy of the Law of Return. The key fact about the immigrants of Former Soviet Union (FSU) is that the great majority of Russian immigrants (in spite of all the differences among them) have shaped themselves into a «Russian» sub-society and thus contributed to the centrifugal tendencies and to its pluralistic cultural character in the State of Israel.

Масюкова И.В.
(Россия)

Израильское общество в XXI веке:
проблемы и перспективы русскоязычной общины

Массовая русскоязычная иммиграция из СССР/СНГ в 1990-х годах значительно повлияла на демографическое и социально-политическое развитие Израиля. Адаптация и интеграция «русских» иммигрантов связана с успешным решением проблем трудоустройства, жилья, образования и т. д. В связи с увеличением числа неевреев среди иммигрантов из СНГ, наиболее актуальной стала проблема еврейской идентичности. Перспективы развития русскоязычной общины зависят, с одной стороны, от ее дальнейшей интеграции в израильском обществе; с другой – от сохранения своей общинной обособленности и самобытности.

В 1970-х годах постепенно стала возрастать численность еврейской иммиграции из СССР. Значительная часть иммигрантов состояла в смешанных браках; многие из них считались евреями в СССР, но не признавались таковыми с точки зрения традиционных еврейских законов. Для разрешения проблем советских евреев из смешанных семей и активизации иммиграции из СССР, в 1970 г. в Законе о возвращении (1950 г.) появилось дополнение, расширившее его формулировку, предоставляя право на репатриацию не только евреям, но также их детям и внукам, супруге/супругу, супругам детей и внуков, то есть включая родственников трех поколений независимо от национальности. Новый подъем иммиграции связан с началом перестройки и решением о свободной иммиграции евреев в период М. Горбачева. В начале 1990-х годов иммиграция в Израиль приняла массовый характер.

В Израиле на основе Закона о возвращении (1950 г.) и внесенных в 1970 г. поправок возникло множество проблем, как теоретических, так и практических, связанных с еврейской идентичностью русскоязычных иммигрантов. Наиболее актуальные среди них: вопросы идентичности в смешанных семьях; проблема создания института гражданских браков; решение проблем перехода в иудаизм и многие другие, затрагивающие отношения религии и

государства в современном Израиле. Весьма болезненной проблемой стал вопрос о захоронениях русскоязычных репатриантов, не являющихся евреями по традиционным иудейским канонам.

Многие жизненно важные проблемы адаптации русскоязычных иммигрантов вызывают острую дискуссию в израильском обществе и все настойчивее ставится вопрос об изменении Закона о возвращении. Большинство русскоязычных иммигрантов (несмотря на все различия между ними) представляют собой своеобразную русскоязычную общность, что способствует развитию культурного плюрализма и усилению центробежных тенденций в израильском обществе.

MEDVEDKO L.I.
(Moscow)

Outline of the Report
The Wars of "Terror-Antiterror"
in a New Paradigm of East-West

After American-British invasion into Iraque there is a threat of illegitimate use of force and sanctions against any state or ethnos, which are attributed to the "evil axe". As a result of this on geo-civilizational level Euroasia becomes the main theatre of "war terrorism-antiterrorism", in which there is no front, no rear. The ethnography of war becomes more important than its strategy. Demarcation of forces goes along the lines of ethnoses and civilizations. In this the system crises reveals itself. It develops on the net (social) and not on the system (state) levels. This stipulates the necessity of non linear approach to the new type of these wars on the basis of inter-scientific approach in close cohesion of politics, science and religion. Durable wars and crises in Afganistan, Iraque and in the South of post-Soviet territories develop simultaneously according to the laws of dynamics and self-organizing chaos. Such crises can not be resolved by use of force only and so-called democratic reforms by Western patterns.

Медведко Л.И.
(Москва)

«Войны «Террор-антитеррора» в
новой парадигме Восток-Запад

После американо-британского вторжения в Ирак создалась угроза противоправного применения силовых санкций против любого государства, этноса, причисляемых к «оси зла». В результате на геоцивилизационном уровне Евразия становится главным театром «войны терроризма-антитерроризма», в которой нет ни фронта, ни тыла. Этнография войны становится важнее стратегии. Размежевание сил в ней происходит на «разломах» этносов и цивилизаций. В этом проявляется системный кризис. Он развивается на сетевом

(общественном), а не на системном (государственном) уровнях. Это обуславливает необходимость нелинейного подхода к новому виду такой войны на междисциплинарной научной основе в сопряжении политики, науки и религии. Затянувшиеся войны и кризисы в Афганистане, Ираке и на южном постсоветском пространстве развиваются одновременно по законам динамизации и самоорганизации хаоса. Такие кризисы поддаются урегулированию при использовании только силовых методов и так называемого демократического реформирования по западному образцу.

LANDA R.G.
(Moscow)

The Mediterranean Region:
Common History and Culture

The Mediterranean region is the place of birth and meeting of the majority of human civilizations. The geographical and geopolitical uniqueness of the gigantic space stretched for the junction of the very three continents – Europe, Asia and Africa – made a considerable contribution to an extraordinary specific ethno-cultural situation in the region.

The historical knowledge along with archaeological, ethnographic an anthropological data make firm evidence of a rare variety of ethnic groups, confessions, races, cultures, socio-political and socio-economic forms of life which succeeded one another in the basin of the Mediterranean region and the Black Sea region, bound up with it. The region is also motherland for the majority of known to the world syncretic civilizations which have generated and synthesized traits of different cultures making ever-cogent evidences of possibilities to overcome barriers between races, languages, religions and spiritual worlds apparently impenetrable. That's why the process of assimilation, acculturation, mixture and mongrelization has created a unique look of the Mediterranean region. It allows us to point to the unity of history and culture of the region, to the cohesion of ties and traditions of all its countries and peoples.

Ланда Р.Г.
(Москва)

Средиземноморье:
общность истории и культуры

Средиземноморье – место рождения и встречи большинства человеческих цивилизаций. Географическая и геополитическая уникальность гигантского пространства на стыке сразу трех континентов – Европы, Азии и Африки – способствовала формированию в регионе чрезвычайно своеобразной этнокультурной ситуации.

Исторические сведения, данные археологии, этнографии и антропологии свидетельствуют о редком многообразии этносов, конфессий, рас, культур, социально-политических и общественно-экономических форм жизни, сменявших друг друга в бассейне Средиземноморья и связанного с ним Черноморья. Регион также является родиной большинства известных миру синкретических цивилизаций, которые обобщили и синтезировали черты культур разных народов, предоставив весьма убедительные доказательства возможности преодолеть будто бы непроницаемые барьеры между расами, языками, религиями и духовными мирами. Вот почему процессы ассимиляции, аккультурации, смешения и метисизации создали неповторимый облик Средиземноморья. Это позволяет говорить о единстве истории и культуры региона, о неразрывности связей и традиций всех его стран и народов.

KALINNIKOVA E.J.
(Moscow)

Who and What Rules the Ball
in the Creative Work of Salman Rushdie

The famous Indian writer Salman Rushdie (b. 1947), born in Bombay, is a man of rare charisma. He is not only a great master of belle letters but he is also a philosopher, erudite and has deep knowledge of all confessions.

In 1989 the religious leader of Iran Ayatolla Homeini sentenced Rushdie to death penalty. In his "fetva" he called the moslems to kill Rushdie, who insulted in his opinion Islam in his phantasmagorical novel "The Satanic verses" (1988). Even nowadays the name of the writer provokes heated discussions as the readers perceive the historic events and virtual world described in the novel not quite adequately.

Both in life and in Rushdie's books not everything can be described only in black and white. Very often evil turns into good, for example into an angel, and the symbol of good yields to the temptation and becomes Satan.

Sometimes the plots of his books with philosophical categories of Time and Space can be regarded as obstacles for understanding of global events. Rushdie is unpredictable: he shows the whole layers of historic events from the depth of ancient world to the present time and his geographical scope embraces the range from Medine, Khaab, Bombay, Karachi to London, New York and even the Moon.

There is no such a person on Earth who would have only positive or negative qualities. Salman Rushdie is not an exception. In opposition to the present tendencies of the same standards and globalization Salman Rushdie created his own original artistic world full of contradictions. Sometimes in his mystical whirl one can see Satan but also one can perceive the all-embracing Good.

His creative work is the synthesis of cultures and it leads the dialogue between East and West.

Калинникова Е.Я.
(Москва)

Кто и что "правит бал"
в творчестве Салмана Рушди

Известный индийский писатель Салман Рушди (1947 г.р.) – уроженец Бомбея – человек, обладающий редкой харизмой. Он не только мастер художественного слова, но философ-эрудит и глубокий знаток всех конфессий.

В 1989 г. духовный лидер Ирана Аятолла Хомейни приговорил Рушди к смертной казни. В изданной фетве он призвал мусульман убить Рушди, который якобы в романе-фантасмагории "Сатанинские стихи" (1988 г.) оскорбил религию ислам. До сих пор имя писателя вызывает ажиотаж и бурные дискуссии, ибо мир исторических реалий и виртуального мира произведения читатели воспринимают не всегда адекватно.

Как в жизни, так и в книгах Рушди бело-черные краски отсутствуют и часто злое начало преобразуется в добро, например, в ангела, а добрый символ уступает пагубным чарам и становится сатаной.

Часто барьером в понимании глобальных событий выступает сюжет с философскими категориями Времени и Пространства. Рушди непредсказуем: он производит срезы исторических слоев от глубокой древности и до наших дней, а географические меридианы объемлют пространства от Медины, Каабы, Бомбея, Карачи до Лондона, Нью-Йорка и даже космические дали Луны.

Нет человека на земле, который сочетал в себе лишь одни положительные качества или негативные черты. Таков и Салман Рушди. В противовес нивелирующим тенденциям глобализации и стандартизации Рушди создал свой оригинальный художественный мир, не лишенный противоречий. Иногда в мистических завихрениях может промелькнуть и чертовщина, но и сущему Благу он тоже уделяет внимание.

Его творчество – синтез культур, и оно поддерживает диалог Востока и Запада.

YAKOVLEV V.M.
(Moscow)

Principle of *gua* succession
in the "Book of Changes"
of Chou time.

Succession of linear symbols, preserved from Chou times in the "Book of Changes", is taken for accidental or conventional one; yet actually we face here a disturbed, or even broken, initially regular order. And though such order grew considerably eroded, after every ten hexagrams (five pairs of them) appear in the text the **marking** symbols, which properties single them out of the whole sequence. The "markers" either display internal symmetry, or are composed of complementary trigrams. These properties are more expressed in the regular sequence,

we restore. Hexagrams, that serve as markers in the existent text, are №№ 1 — 2, 11 — 12, 31 — 32, 41 — 42, 51 — 52, 61 — 62.

Ranging every ten symbols by pairs *(gua* under even numbers placed under those with uneven ones), we obtain a table, corresponding to Chinese traditional calendar *(jia yi* calendar). Four symbols, redundant for the purpose, make an incomplete double row.

Then we search for a rule, by which application such arrangement could be received, and find it to be possibly generated by successive combining of trigrams, taken from the regular eight trigrams sequence in the following order: *qian kun gen zhen kan li sun dui*, considering mutual reflection and complementarity of these trilinear symbols.

Procedure of generation of calendar arrangement of symbols of "I ching" consisted of minimum three operations: 1) generation of files, 2) rearrangement of files into columns, 3) linking the ranks. As a result we obtain the following table (see it at the next page):

Numbers are ascribed to a hexagram of an upper range of a double row, then to the lower one, and so on from left to right, from top downwards. Correlative combinations of "trunks" and "branches" of Chinese calendar will run in the similar order. The last four hexagrams are supernumerary here, but they are necessary in counting days of the year.

Now we can formulate the rule of the Chou "Book of Changes", according to which in the sequence of symmetrically reflective pairs of symbols there are positions allotted for hexagrams, joined in pairs by their complementarity: Succession of symmetrically reflective and of mutually complementary linear numerical symbols of the "Book of Changes" is periodical.

Яковлев В.М.
(Москва)

Принцип последовательности символов чжоуской "Книги Пермен".

Сохранившаяся ныне последовательность связанных попарно символов *(гуа)* в «Книге Перемен» («И цзине») считается случайной либо условной; в действительности же мы имеем дело с нарушенной, первоначально установленной и правильной последовательностью.

И хотя эта последовательность подверглась значительной эрозии, почти через каждые десять гексаграмм, или пять их пар, в тексте появляются, однако, **маркирующие** символы, которые обладают свойствами, выделяющими их из всей последовательности. Заметим, что эти маркирующие свойства будут более отчетливо выражены в реконструируемой нами правильной последовательности. В существующем же тексте маркирующими указанные периоды гексаграммами являются №№1 – 2, 11 – 12, 31 – 32, 41 – 42, 51 – 52 и 61 – 62 (эта пара стоит во главе неполного ряда).

Выстроив рядами пары в десятках *(гуа* с четными порядковыми номерами – под *гуа* с номерами нечетными) соответствующую традиционному китайскому календарю *(цзя и)* таблицу. Четыре избыточных символа представлены двойным неполным рядом.

Далее, мы ищем правило, по которому такого рода расположение могло быть получено, и находим, что оно было получено путем последовательного сочетания триграмм, выбранных из натурального их ряда и расположенных в следующем порядке: *цянь кунь гэнь чжэнь кань ли сунь дуйб* с учетом зеркальности либо дополнительности триграмм.

Теперь можно сформулировать правило Чжоуского «И цзина», благодаря которому в ряду зеркально-симмет-ричных пар отводятся позиции комплиментарным парам:

Последовательность зеркально-симметричных пар и комплиментарных пар графических чисел «Книги Перемен» является периодической.

Порядковый номер назначается сначала гексаграмме вверху двойного ряда, затем стоящей под нею, и так — слева направо, сверху вниз. В той же последовательности будут идти соответствующие этим символам сочетания «стволов» и «ветвей» китайского календаря. Четыре последних гексаграммы при этом не участвуют. Для счета же дней года необходимы все шестьдесят четыре гексаграммы.

В докладе мы демонстрируем весь процесс порождения первоначальной правильной последовательности символов «И цзина», относящейся, вероятно, к дочжоускому времени.

GOLIGUINA K.
(Moscow)

"Sou shen ji".
Mythological tales of 3-rd-6th Centuries
and the Problem of the Genesis of Topical Narrative

1. The main scholarly problem in the study of the early medieval Chinese prose is analyzing the genesis of that litarary phenomenon, that we call "the prose of the Six dynasties". Because of it's specific mass mentality and because of the fantastic lore of Chinese demonology reflected in this prose, for their characturistis Russian scholars use the term ""methological tales (or "mythical tales").

2. This type of oral narration about supernatural can be found in every literature or in every culture of the world. Russian specialists in folk-lore qualify them as "happenings", "fact", "true story" («быличка», «бывальщина», «быль» in Russian). The function of such oral stories – is information, it is as if reliable, trust worthy information. When such storues are existing in a oral form, it is not literature yet, not a venacular literature, and as a rule, even in written form they did not became literature at all. Mythological stories are only a form of mass

conciousness. Mass consiousness rooted in traditional culture, and we may concider mass consiousness as a typological universality, that can be found in every culture and in every period of history.

3. In archaic time and in early medieval time the literary forms (future literary genres) arise according to it's special fuctions, they played in society: in political life as "*яо*" «знамение» - "prophecy", in ritual cerenomies as "*lei*" (lamentation), "*diao*" (condolence); in social life as "*ch'uang*" ("biography"); *sho* "word", "speech"; "*nan*" – "refute speech", *bei* - ("memorial stela"). Function is a first stage of written form in culture.

4. The compound "*xiao sho*" has wide usage with variety of meaning depending on time and context. Literary theory often uses it as synonym to "prose". But the true meaning of the compound "*xiao sho*" is a "*xiao gen sho*" – "words or speaches of common people". I mean the involuntary words that were pronounced by people when they were inspired or influenced by Heaven and used as a tool for expression Will of Heaven. In early Chinese Astronomy and Cosmology there were conception of "the Mandate of Heaven". If we go further term *sho* is written with the determinant "word" and gexarammer Tui, so the meaning of term is concerning to celestial events and it had concern to the theory of correspondences between Heaven and ruler. So in the word *sho* ther is cultural context, it is a kind of «яо» [prophecy]. Common people was consided as an instrument of reception of Heaven Will. Through them Heaven shows it's agreement or disagreement with the policy of rulers.

The "xiao sho of the Six dynasties" established a new type of literary relation between history and oral folk-lore literature.

Голыгина К.
(Москва)

«Соу шэнь цзи»
Мифологические рассказы 3–6 вв. и
проблема генезиса сюжетного повествования

1. Главная проблема изучения ранней средневековой прозы – изучение генезиса литературного явления, в данном случае «прозы 6-ти династий». Из-за специфичного умонастроения и мифологической фольклорной демонологии русские исследователи для характеристики этой прозы используют термин «мифологический рассказ» (или «рассказ на темы мифа»).

2. Подобный тип устного повествования о сверхъестественном присутствует во всех литературах и культурах мира. Русские фольклористы называют его «быличка», «бывальщина», «быль». Функция подобных устных историй – информационная, это всегда информация, заслуживающая полного доверия. Пока подобные рассказы бытуют в устной форме – это еще не литература, и даже не литература в устной форме, и даже будучи записанными, подобные рассказы еще не являются литературой. мифологические рассказы – это только форма массового сознания. Массовое сознание коренится в традиционной

культуре, массовое сознание можно рассматривать как некие типологические универсалии, которые присутствуют во всякой культуре во всякий период ее исторического развития.

3. В архаические времена и в раннее средневековье литературные формы (будущие литературные жанры) возникают в соответствии с той специфической функцией, которую они выполняют в обществе: в политической жизнь *яо* – "знамение", в обрядовой церемонии *лэй* – "плачи", *дяо* – "оплакивание", в социальной жизни это *чжуань* – "жизнеописание", *шо* – "полемическое или притчевое слово", *нань* – "речь в возражение", *бэй* – "мемориальная стела с текстом о памятном событии".

4. Сочетание *сяо шо* имеет широкий спектр значения в зависимости от времени и контекста. Традиционная литературная теория использует его как синоним слова "проза". Но подлинный смысл сочетание *сяо шо* – "слова или речи простого люда". Здесь имеется в виду невольно произносимые народом слова или речи, которые были ему внушены Небом и использовались как средство выражения его воли. В ранней китайской астрономии и космологии существовала концепция "мандата Неба". Иероглиф *шо* состоит из иероглифа слова и гексаграммы Дуй из "Книги перемен". Отсюда значение термина связано с теорией корреспондирующего взаимоотношения между Небом и правителем. В контексте культуры *шо* – это разновидность *яо* – разновидность "знамения". Простой люд рассматривался как инструмент влияния воли Неба. Именно через него Небо являло свое согласие или несогласие с политикой правителей.

"Сяо шо шести династий" представляют собой новый тип литературных взаимосвязей между историей и устным фольклором.

PROJOGHINA S.
(Moscow)

Aspects du métissage culturel
(les Maghrébins en France)

1. L'évolution de la diaspora nord-africaine. La deuxième génération des immigrés et les problèmes de l'assimilation dans la société d'accueil. Les différences sociales et psychologiques des emigrés et leurs descendants nés et grandis en France.

2. La famille musulmane et son influence sur la condition des jeunes filles maghrébines ; le pouvoir de la Tradition et «le mépris de l'Autre» dans le milieu français comme les causes de la protestation de la génération de la déchirure». L'ambivalence culturelle des jeunes.

3. Les tèmoignages littéraires («Récits de vie») des «beurs» comme les sources de l'information sociopsycologiques sur la situation des Maghrébins – immigrés dans la société occidentale. La constance des concepts de «la grande» et «la petite» prisons dans la pènsée des écrivains maghrébins des toutes les générations (à partir de D. Chraibi jusqu' à Z. BouKort).

4. Les images du «Pays d'origine», de «la terre natale» de «l'Etranger», de «l'Exil» comme le spectre permanent de la conscience «des déracinés» (ou «des marginalisés») – des rescortissants ethniques du Maghreb. Les tentatives de leur «enracinement» et la constatation de leur déculturation dans le contexte nord-africain (en cas du retour).

«Mal de soi» comme l'impossibilité dramatique de l'auto-identification culturelle dans le contexte occidental «répudiant» l'Autre (N. Bouraoui). Les notions de «la Zone» et du «Non-lieu» (ou «nulle-part») comme l'espace vitale dans l'œuvre de **A. Begag, N. Kettani, M. Charef, Moinsi, S. Nini**, etc.

5. Les tentatives de la socialisation active et l'acculturation positive des jeunes Maghrébines dépassant le conflit «Orient //Occident», fixées dans dans l'œuvre de T. Benjelloun, Djura, Smaïn, Souâd Belhadd et Farida Belgoul. Les processus de la synthèse raisonnable du système familiale «des restructions» réligieuses («haram») et des droits républiquains. La stratégie de l'integration et l'identification non-conflictuelle, bassée sur «le libre choix».

6. «Les mariages mixtes» comme le moyens du dépassement de la différence éthno-confessionnelle et éthno-culturelle et leurs visions différentes l'œuvre des Maghrébins et des «métis» (A. Memmi, M. Feraoun, A. Djbar, A. Zitouni, L. Sebbar, N. Bouraoui, T. Imache).

7. Les tendances de la révision des rélations des Maghrébins avec «la société d'accueil» : «l'occidentalisation» inévitable et la modernisation nécessaire des traditions familiales comme les éléments de base du métissage culturel des Maghrébins en France dont la situation communautaire manifeste tous les attributs de la société multiculturelle. (La différence de ce processus de la «maghrébisation» des pieds-noirs dans la société coliniale.)

8. Les signes du métissage dans la culture dominante (française) : musique, cinéma, littérature, acquérissant «l'accent maghrébin» (ou africain) comme la suite logique de l'intencification des processus de la migration à l'époque de «la mondialisation».

9. L'analyse des aspects divers du metissage culturel, basant sur l'exemple des Maghrébins en France d'aujourd'hui comme la possibilité de l'amplification des recherches en domaine de l'histoire et de la contemporanéité du monde arabe.

10. Le polyculturalisme et la diversité de la société française moderne comme l'arène des dialogues et conflits civilisationnels, comme une source des tendances de la conservation des «identités nationales» et de la discrimination sociale et économique des immigrés, mais en meme temps comme le témoignage éloquant des interactions réelles, complémentaires et nécessaires.

11. L'évolution des formes de la littérature maghrébine d'expression française née au XX siècle comme l'affirmation et la confirmation constantes de la productivité du «métissage culturel» et de la croissance de son rôle dans l'échange mondial des valeurs culturelles.

Прожогина С.В.
(Москва)

Аспекты культурной «метисизации»
(этнические магрибинцы во Франции)

1. Североафриканская диаспора в ее эволюции. Второе поколение магрибинских иммигрантов: проблемы ассимиляции в «принимающем обществе». «Офранцуженность» как свидетельство разности эмиграционного и иммиграционного социумов и менталитетов.

2. Мусульманская семья и устои традиционного воспитания. Девушки-магрибинки как особые объекты власти Традиции. Причины появления специфических черт «*поколения разрыва*».

3. Художественные свидетельства в жанре «Récits de vie» («Жизненные истории») как источники социо-психоло-гической информации о положении магрибинцев-мусуль-ман в западном обществе. Устойчивость концептов «малой» и «большой тюрьмы» в творчестве писателей старшего поколения и «Беров» – этнических магрибинцев, родившихся или выросших во Франции (от Д. Шрайби до З. Букорт и Н. Бурауи).

4. Образы «родины предков», «родной земли» и «чужбины» как грани «несчастного сознания» (осознания своей «маргинальности») в книгах «выходцев» из иммигрантской среды. Попытки «укоренения» и констатация декультурации в контексте североафриканском. «Mal de soi» как драматизм невозможности самоидентификации и переживание процесса «укоренения – откоренения» в контексте «отторжения чужого» в западном обществе. Образ «зоны» как социо-культурного пространства (А. Бегаг, Н. Кеттан, М. Шареф, Мунси, С. Нини и др.).

5. Попытки активной социализации и позитивной аккультурации, преодоления конфликта "Восток//Запад" в образах магрибинок, созданных Т. Бенджеллуном, Джюрой. Процессы синтеза системы традиционно религиозных «ограничений» или «запретов» и системы «свободного выбора» как основа интеграционной стратегии и «бескризисной» самоидентификации в творчестве Л. Себбар и С. Бель-хаддад.

6. «Смешанные браки» как преодоление этно-культурной и этно-конфессиональной «разности» и их отражение в книгах магрибинцев (от М. Ферауна, А. Мемми до А. Зитуни и А. Ларуи).

7. Тенденции пересмотра взаимоотношений магрибинцев с «принимающим обществом», неизбежность «оксидентализации» и «модернизации» традиций как слагаемые современного процесса «культурной метисизации» этнических магрибинцев, истоки которого – в эпохе французской колонизации Магриба. Отличие этого процесса от «магрибинизации» европейских поселенцев в колониальном общества (феномен pieds-noirs, «альжерианизм» и т.п. в системе доминантности культуры метрополии).

8. Очевидность (и объективная закономерность) явлений «культурной метисности» в сфере общественной и частной жизни, в сфере искусства (музыка, кино, литература) и ее магрибинская доминанта во Франции как следствие усиления миграционных процессов эпохи «глобализации».

9. Изучение различных аспектов культурного «смешения» на примере магрибинцев во Франции как расширение рамок изучения истории и современности арабского мира, уже в VII в. пересекшего границы своего «естественного размещения» и ставшего частью европейской цивилизации.

10. «Поликультурность» и «многоликость» современного французского социума как свидетельство непрекращающихся и диалога, и конфликта разных цивилизационных начал (Восток ↔ Запад), попыток консервации «национальной идентичности», искримина-ции культурных различий и одновременно свидетельство углубления процессов **взаимодополнительного взаимодействия** и совершенствования политики интеграции эмигрантов, неизбежным следствием которой становится продолжение процессов культурного смешения и возникновение новых его форм.

11. Эволюция франкоязычной магрибинской литературы как подтверждение продуктивности «культурной метисности» и значимости ее роли в мировом культурном обмене.

ZHIGALINA O.I.
(Moscow)

The kurdish Tribes
of iranian Province of Kermanshah
at the begining of the XX-th century

There is an analysis of the social and political role of the kurdish tribes of the iranian Province of Kermanshah during the Constitutional movement of 1906-1911 based on archive documents of some russian Archives. The basis of the economical strategy of the kurds of this territory and their "independence" were in the interests of the kurdish ilkhani aspired to increase their profits at the expense of widening of their landowner's possesses, control over main caravans' ways and regime on the irano-turkish border. The low level of the political culture of kurdush ilkani at that time made them a toy in the hands of the different political movements inside Iran as well as regional and foreign trends. The Kurds of Kermanshah supported the movement of Salar-ud-doule which was a political adventurer struggled for the iranian independence over islamic slogans that had negative consequences for the kurds. Besides this the foreign countries (Great Britain, Russia, Germany and Turkey) struggled for the supremacy at the west of Iran, on the territory of this Province, also had played bad role on the processes of the kurdish Consolidation. So the confederation of kurdish tribes of Kermanshah had collapsed.

Жигалина О.И.
(Москва)

Курдские племена
иранской провинции Керманшах
в начале XX в.

На основе материалов некоторых российских архивов предлагается анализ социальной и политической роли курдских племен иранской провинции Керманшах в период конституционной революции 1906-11 гг. В основе экономической стратегии курдов этой территории и их "независимости" находились интересы курдских ильхани, заинтересованных в увеличении своей прибыли за счет расширения помещичьих угодий, контроля караванных путей и режима ирано-турецкой границы. Низкий уровень политической культуры курдских ильхани в то время делали их игрушкой различных политических сил как внутри страны, так и внешних региональных и иностранных течений. Курды Керманшаха поддержали движение политического авантюриста Салара-уд-доуле, направленного на независимость Ирана под исламскими лозунгами, что имело негативные последствия для курдов. Кроме того, иностранные державы (Великобритания, Россия, Германия и Турция), боровшиеся за господство в западном Иране, на территории провинции Керманшах, также сыграли отрицательную роль в процессе консолидации курдов. Поэтому курдская конфедерация распалась.

MIKYL'SKIY D.V.
(Moscow)

August Müller:
"Der Islam im Morgen und Abendland"

August Müller (1844-1892) is one of the most important German arabisists of the last two decades of the 19 century. Being a scholar of broad, but quire cocrete interests, he became famous above all as the author of "Der Islam im Morgen und Abendland" (Berlin, 1885 — 1887 the Russian translation appeared in 1895 — 1896 under the supervision of a well-known Russian arabisist of that period Prof. Mednikoff). The translation of A. Müller's work remains uptil now the greatest existing compendium in the Russian language on the history of the Arabs and of some other Muslim nations. However it became a bibliographic rarity. That is why a private publishing house "The Perspectives of the 21 century" has undertaken the reedition of the book of the German scholar. Now the work on the first volume has been completed. The reedition work required composing a large commentary, as it was necessary not only to explain many proper names and terms, concerning the Antique, Bysantine, Wesren Medieval, Arabian Preislamic, Arab Muslim and West-European civilizations, but also some principal points of the Arabic Studies of the break of the 19 — 20 centuries. Among them were the origine of the Preislamic Mekkan cult, the role of the Judaic and Christian traditions in the forming of the Muslim doctrine, the nature of Muhammad's prophetic activities etc. Without commentaries

like that the work of A. Müller, in spite of its considerable merits, would have appeared rather archaic and not totally nowdays acceptable both as a scholatly work and from the vie-point of "political correctness"

Микульский Д.В.
(Москва)

Подготовка второго издания перевода "Истории ислама..." А.Мюллера: проблема научности и "политической корректности"

А. Мюллер (1844-1892) – крупнейший немецкий арабист последней четверти XIX в. Обладавший широкими, но вполне конкретными научными интересами, он прославился, прежде всего, как автор "Истории ислама на Востоке и Западе" (в русском переводе – "История ислама от основания до новейших времен" (издан в 1895-1896 гг. под редакцией известного русского арабиста той эпохи Н.А. Мельникова). Поскольку труд А.Мюллера и до сих пор остается крупнейшим сводом исторических сведений по истории мусульманских народов на русском языке, но стал библиографической редкостью, издательство "Перспективы XXI века" предприняло его переиздание. В настоящее время завершена работа над первым томом. Это переиздание потребовало весьма обширного комментария: следовало не только объяснить многие реалии античной, византийской, аравийской, раннеисламской и западноевропейской цивилизаций, но и ряд положений арабистической науки рубежа XIX–XX вв.: объяснение происхождения мекканского доисламского культа, роли иудаистских и христианских традиций в формировании исламского вероучения, природы пророчества Мухаммада, характеристика этнического характера доисламских арабов и прочее. Без таких комментариев труд А. Мюллера, несмотря на значительные достоинства, выглядел бы в настоящее время довольно архаичным и не совсем приемлемым как с точки зрения современных научных представлений, так и с точки зрения "политкорректности".

TSVETKOVA N.N.
(Moscow)

Foreign Direct Investment in Asia and Globalization

Significant aspects of globalization are the growing importance of transnational corporations (TNC), impressive growth of foreign direct investment (FDI).

During the past thirty years the importance of the countries of South, Southeast Asia and the Far East as host countries for foreign investors has risen dramatically.

Significant changes in the structure of FDI in developing countries of Asia take place during the process of globalization. Export oriented industries still remain prominent though newly industrialized

countries specialize on capital intensive high technology industries and labour intensive industries are being moved to countries of the region with cheap labour.

New fields of investment in Asian countries such as TNC investment in offshore software production and offshore research have emerged during information technology revolution. "Intellectual subcontracting" between TNCs and national firms also takes place.

Having attracted important FDI some Asian countries have been effectively participating in the globalization. Still internal factors including sound state economic policy seem to be decisive in this success.

Цветкова Н.Н.
(Москва)

Прямые иностранные инвестиции в Азии и глобализация»

Важнейшие аспекты глобализации – повышение роли транснациональных корпораций (ТНК), колоссальный рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Роль стран Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока в привлечении ПИИ в последние три десятилетия, и особенно в 90-х гг., возросла.

В ходе глобализации происходят существенные сдвиги в отраслевой структуре ПИИ в странах Азии. Сохраняют большое значение инвестиции в ориентированные на экспорт производства обрабатывающей промышленности. При этом новые индустриальные страны переходят к капиталоемким высокотехнологичным производствам, а более простые трудоемкие операции перемещаются в страны с дешевой рабочей силой.

В условиях революции в информационных технологиях в развивающихся странах Азии стали размещаться филиалы ТНК, осуществляющие оффшорные научные разработки, оффшорное программирование. Имеют место в этой сфере и «интеллектуальные субподряды» ТНК с национальными компаниями.

Ряд стран Азии, привлекая значительные ПИИ, успешно участвовал в процессе глобализации. Первостепенную роль в этом сыграла взвешенная государственная экономическая политика этих стран.

NOSENKO Elena E. (Shtein)
(Moscow)

Origins of the Sabbath: a historical and anthropological perspective

The paper is dedicated to the problem of Sabbath origins. Besides the Biblical and Talmudic-Midrashic texts the author supposes to study the specific features of Jewish folk beliefs and practices dealing with the Sabbath in the late 19th – early 20th centuries in order to re-

construct the origins of the Sabbath. This period was selected because the real ethnographic and folkloristic researches of the Jewish folk culture began in the last decades of 19th century. Therefore scholars have the authentic sources which describe Jewish folk culture since the middle of 19th century.

One can use even latest rituals and customs in order to re-construct the archaic beliefs and practices as rituals exist much longer than myths even in the case when the primordial myth is forgotten and even in the case of religion change. Thus the author supposes to concentrate on the studying the Jewish folk magical rituals and customs dealing with the Sabbath as rites usually preserve many archaic beliefs and practices, ancient cults' relics and so called "magical picture of the world" which is immanent to the folk culture. This culture was created by the masses of the people, which formed the overwhelming part of Jewish society. Their thoughts and values are to be considered through the prism of folk wisdom, legends and tales and especially through the prism of folk customs. The analysis of folk beliefs and practices helps to discover the connection of some Jewish beliefs and rites concerning the Sabbath with archaic cults and magical rituals – cult of the dead and ancestors' cult, *rites de passage,* apotropaeic and expiatory magic etc. Such historical and anthropological approach allows interpreting origins of the Sabbath in a new perspective.

In the case of the Sabbath the Biblical and Talmudic texts present primordial myths as relics; moreover these myths were interpreted in the context of the sacred history. One can say that the primordial Sabbath myth is unknown and anthropologists can re-construct the origins of the Sabbath only taking into account the latest beliefs and practices.

The author analyses the original functions of the Sabbath prescriptions from the Biblical and Talmudic period as well as latest beliefs and customs – prohibition of work, burning the fires, use of vine, smelling the spices, separating the part of the Sabbath dough as well as some folk rituals and folklore – leaving food on the graves on the Sabbath eve, leaving wine and bread on the table on the Sabbath nights, semantics of some components of the Sabbath meal, the Sabbath folklore etc.

The analysis of all these sources allows concluding that Sabbath originates in very archaic rituals connected with the home cult and cult of the home spirit, cult of the dead, ancestors' cult, and rites of passage. These rituals were accompanied by magical practices and taboos whose purpose was to frighten or coax various spirits. Later, presumably in the post-Exile period, this home ritual merged with the day devoted to Yahweh and his sacred number "seven".

Носенко Е.Э. (Штейн)
(Москва)

Происхождение Субботы:
историко-антропологический подход

Доклад посвящен проблеме происхождения Субботы. Для реконструкции первоначального характера Субботы автор, помимо текстов Еврейской Библии, Талмуда и мидрашей, предполагает изучить связанные с Субботой еврейские народные обычаи и поверья конца XIX – начала XX в. Этот период был выбран потому, что систематические исследования в области еврейских фольклора и этнографии начались именно тогда. Следовательно, в распоряжении исследователей имеются аутентичные источники по еврейской народной культуре, начиная примерно с середины XIX в.

По мнению автора, для реконструкции архаичных верований и практик возможно использовать даже довольно поздно зафиксированные ритуалы, так как ритуал сохраняется гораздо дольше мифа, даже в случае, когда первоначальный миф забыт или утрачен и даже в случае смены религий. Таким образом, автор предполагает исследовать по преимуществу субботние магические ритуалы и обычаи, так как последние сохраняют многочисленные реликты архаичных культов и древних верований и так называемую «магическую картину мира», имманентную народной культуре. Эта культура создавалась людьми, составляющими большинство в еврейских общинах. Мысли и ценности этих людей рассматриваются автором сквозь призму народной мудрости (легенд, сказок) и особенно сквозь призму народных обычаев. Анализ этих обычаев и верований позволяет установить первоначальную связь Субботы с архаическими культами и магическими ритуалами – культом мертвых и культом предков, обрядами перехода, апотропейной и умилостивительной магией и пр. Подобный историко-антропологический подход позволяет интерпретировать происхождение Субботы в новом, не всегда привычном для исследователей ракурсе.

В случае с Субботой библейские и талмудические тексты представляют первоначальный «субботний» миф в остаточном виде, более того, этот миф был интерпретирован в духе сакральной истории. Можно даже сказать, что древнейший миф, связанный с происхождением Субботы, не известен, поэтому антропологи могут реконструировать первоначальный характер Субботы, только подвергнув анализу более поздние верования и практики.

Автор предполагает выявить древнейшие функции субботних предписаний библейского и талмудического периодов – запрет работы, зажигание светильников, употребление вина, вдыхание запаха специй, отделение теста для субботнего хлеба. Кроме того, предполагается подвергнуть анализу и более поздние поверья и обычаи – приношение пищи на могилы родственников накануне Субботы, оставление пищи и вина на столе в ночь на Субботу, се-

мантику многих компонентов субботней трапезы, субботний фольклор и т.д.

Анализ всех этих источников позволил автору предположить, что Суббота восходит к очень архаичному ритуальному комплексу, связанному с домашним культом и культом домашнего духа-покровителя, культом умерши и культом предков, обрядами перехода. Этот ритуально-праздничный комплекс сопровождался рядом магических действий и табу, главной целью которых было отпугнуть или задобрить различных духов. Позднее, вероятно, в послеплененный период, произошла контаминация этого домашнего ритуала с днем, посвященному Ягве и его сакральным числом «семь».

ULCHENKO Nataliya
(Moscow)

Summing up BSEC's first decade

On the 25th of June 1992 the Heads of State or Government of Azerbaijan, Albania, Armenia, Bulgaria, Greece, Georgia, Moldova, Russia, Romania, Turkey and Ukraine signed the Declaration on the Black Sea Economic Cooperation. As more than 10 years passed since the Black Sea Economic Cooperation had started it is time to realize the its first results.

These results had been recognized not satisfactory enough both by the Organization itself and some of its participating countries as well as by European observers and experts.

In April 2001 during their meeting in Moscow the Ministers of foreign affairs of the BSEC countries approved a programme document "BSEC Economic agenda for the future.

Towards a more consolidated, effective and viable BSEC partnership". As they stressed in the document, the future transformation of the BSEC into a dynamic regional economic organization required a new sense of partnership, based on trust and confidence and a higher level of political and economic collaboration.

The reasons, which prevent BSEC organization from more successful activity, may be classified into three groups: main or general reasons, secondary reasons i.e. reasons derived from the main ones and particular or provisional reasons.

The main reason of the first sort is the fact that its main founders - Turkey and Russia - were eager to form regional association taking into consideration rather important external or outward benefits i.e. new opportunities in foreign relations deepening, mainly with the Western Europe or EU, they would get due to the new regional formation. While the motivation that could internally consolidate the newly established foundation seemed not so much important and stayed not determined enough. This contradiction may be easily explained if one takes into consideration that both Turkey and Russia take their relations with the West as the first priority in their foreign relations while the regional policy has the secondary or subsidiary meaning.

A number of reasons often mentioned as the obstacles for more effective BSEC's activity seem to be not independent but resulting from the fact that the general strategy of interregional cooperation is not worked out enough. There is a broad list of tasks resulted into a great number of working groups within BSEC among the reasons of this sort.

Particular or provisional reasons of negative developments within BSEC are the underdeveloped market structure in national economies, state regulation of the prices and state subsidiary mechanism still kept in practice, non-convertible national currencies. Besides the regional infrastructure is not enough suitable for regional cooperation and there is the lack of financial sources in the region. The influence of some of these reasons has been weakened already as the transition process is going on in the states of the Black Sea region.

What are BSEC's prospects? Taking into consideration the above-mentioned arguments one will see that they are determined much by the EU's position on the Black Sea Economic cooperation organization.

The European Union is deeply interested in new euro-regionalism where the Black Sea region is "the missing peace". There are a number of particular reasons for the EU to be interested in strengthening the effectiveness of Black Sea cooperation. With the prospect of Bulgarian, Romanian and Turkish accession, the EU is set to become a major Black Sea actor. As these states become EU members, their interests become axiomatically EU interests. The EU is concerned that the exclusion of some neighboring states from the EU accession process should not cause a negative "exclusion effect". This is the general EU interest in the new European regionalism overlapping its future frontiers. There is the interest for the EU's security of energy supply. Its useful diversification calls for cooperation and stability surrounding the transport roots for oil and gas. These are just some of the reasons.

Based potentially on many factors the EU's interest towards BSEC is combined with the understanding of its present day difficulties.

What the EU is suggesting to BSEC is to come back to the beginning and to define but not in general but rather concretely the consolidating base or aims and principles of the Black Sea economic cooperation. Then the main reason that prevents the organization from more effective operational work would be removed.

So we should recognize that not enough fruitful first decade of BSEC is the result of the fact that the founders of the organization have been trying to break the logical process of formation of any international organization by escaping the finding the interregional motivation for being together and by forming its institutionally - i.e. by forming its outward attributes instead. This attempt to profit from international influence of non-completed international organization was condemned to fail just from the beginning. BSEC will be able to become a profit giving formation only in case it is concentrated and consequently really effective and influential Black Sea region organization.

Ульченко Н.Ю.
(Москва)

К итогам первого десятилетия организации Черноморского экономического сотрудничества

25 июня 1992 года главы государств и правительств Азербайджана, Албании, Армении, Болгарии, Греции, Грузии, Молдавии, России, Румынии, Турции и Украины подписали в Стамбуле Декларацию о Черноморском экономическом сотрудничестве (ЧЭС), определившую его приоритетные региональные направления и основные механизмы. Достаточно длительный период, прошедший после провозглашение декларации, дает основания для подведения первых итогов деятельности.

Эти итоги были признаны недостаточно удовлетворительными, как самой организацией ЧЭС (ОЧЕС) и ее отдельными участниками, так и европейскими наблюдателями и экспертами.

В принятом на встрече министров иностранных дел в Москве в апреле 2001 г. программном документе «Актуальные экономические задачи ЧЭС – на пути к более консолидированному, эффективному и жизнеспособному партнерству», подчеркивалось, что превращение Организации Черноморского экономического сотрудничества в динамичную региональную экономическую организацию требует нового качества партнерства, опирающегося на доверие и более высокий уровень политического и экономического сотрудничества.

Причины, которые препятствуют успешной деятельности ОЧЕС, могут быть разделены на три группы: основные или общие, вторичные, то есть производные от основных, и частные или временные.

К причинам первого рода следует отнести во многом фатальное для ЧЭС обстоятельство, заключающееся в том, что его крупнейшие учредители – Турция и Россия – пошли на этот шаг, оценив весомые внешние выгоды, которые он мог обеспечить, то есть выгоды в сфере дальнейшего развития и углубления международных отношений каждой из стран, в первую очередь, со странами ЕС. Между тем, мотивы объединения, консолидирующие организацию изнутри, представляются вторичными и так и остаются до конца неопределенными. Данная ситуация легко объяснима с учетом сохранения в качестве приоритетных направлений во внешней политике обеих стран их отношений с ведущими державами Запада при второстепенном или вспомогательном значении региональной политики.

В свете сказанного ряд причин, зачастую указываемых в качестве препятствий для более эффективной деятельности ОЧЭС, представляются не столько самостоятельными, сколько производными от неразработанности общей стратегии развития внутрирегионального сотрудничества. Именно к таким причинам можно отнести чрезмерно широкий разброс целей и задач данной организации.

Частные или временные причины, снижающие эффективность деятельности ОЧЭС, включают такие во многом уже утратившие свою актуальность факторы, как неразвитость рыночных структур в странах-участницах, неконвертируемость их валют, сохранение государственного регулирования цен и механизма субсидий, недостаточное развитие региональной инфраструктуры и ограниченность финансовых ресурсов.

Каковы же перспективы развития ОЧЭС? С учетом сказанного они в значительной мере определяются позицией Евросоюза в отношении данной организации и, прежде всего, ее надежд на сближение с ЕС.

Существует ряд факторов, в силу которых стратегическим интересам ЕС отвечало бы превращение ОЧЭС в более эффективную организацию. Например, с учетом будущего членства в ЕС Болгарии, Румынии и Турции ЕС становится важным черноморским игроком. С вхождением этих стран в ЕС их интересы становятся интересами Евросоюза. С другой стороны, ОЧЭС позволит избежать негативных последствий того, что некоторые страны Европы не будут охвачены процессом расширения ЕС. Деятельность ОЧЭС способна содействовать более эффективному решению проблемы безопасности в области обеспечения ЕС энергоресурсами и проч.

Потенциальный обоснованный многими факторами интерес к ОЧЭС не мешает осознанию в ЕС нынешних проблем Черноморского сотрудничества. По мнению Евросоюза, ОЧЭС следовало бы вернуться к началам и определить, но не в общем, а по возможности конкретно, консолидирующую базу организации.

Таким образом, следует признать, что неудача первого десятилетия существования ОЧЭС заключалась в изначально неспособной обеспечить успех попытке ее крупнейших учредителей нарушить логику развития международной организации и, опустив процесс формирования ее внутреннего содержания и ограничившись развитием внешней институциональной оболочки, получать дивиденды от международного влияния так и не состоявшейся окончательно региональной организации. Однако процесс получения выгод от создания ОЧЭС возможен не иначе, как после действительного обретения ею авторитета в качестве влиятельной и эффективной организации Черноморского региона, причем эффективной именно в тех областях, которые официально признаны приоритетными самими учредителями.

GORODETSKAYA *Olga*
(Moscow)

Souls and Spirits
in the ancient culture of Zhou.

The supreme Zhou deity was Tian, the impersonal Sky; Zhou cosmology was not figurative, their cult of ancestors was impersonal.

The problem of possibility of cremation remains unsolved. Amongst Zhou-dated burials there are lots of tombs belonging to other

kingdoms and the absence of properly Zhou burials makes this hypothesis enduring.

Idea of cremation might base on the following understanding of spiritual pattern of any human being: it includes seven earthly souls-*po*, transforming postmortem into evil spirits-*gui*, and as well three heavenly souls-*hun*, transforming after death into *shen* spirits. The aim of the funeral was to destroy the evil influence of *gui*, which might be achieved by cremation of dead bodies, and combining the tree *shen* into single spiritual substance – *ling*. Existence of the three *hun* becoming after the death the three *shen* predetermines the triple nature of all stages of mourning: three days prior to the primary calming, three months prior to the permanent one. Symbols of the three mouths are in the center of the *ling* character.

The chapter 54 of «Zhou shu» presents the difference between *shen* and *ling* as follows: «That which cannot be named by people is *shen*. That which is complete in writing in his death is called *ling*. That which remains not declining in the midst of chaos is called *ling*. That which in the precincts of knowing evil and good spirits is called *ling*. That which creates the name without movement is called *ling*. That which is capable of visiting spirits in death is called *ling*. That which is affectionate to offerings to evil and good spirits is called *ling*». *Shen* spirits may be nameless, i.e. chaotic, but *ling* is complete in writing and is not exposed to chaos.

Shen are the spirits taken in plenty. *Ling* is a hierarchically higher spiritual entity. It may be seen from specific aggregative terms: «spiritual light (*ling guang*) of the former wangs» («Zhou shu», chapter 49); «four spiritual concentrates» (*si ling* - «Li ji», chapter 9/7, i.e. unification of all earthly, heavenly, mountain and water spirits by the cardinal directions). Concentration of *shen* into single refined *ling* is mentioned in the 39th verse of "Dao de jing": "Spirits (*shen*) reach unity and thus are inspired (*ling*)".

According to the Han dictionary «Shuo wen jie zi», the base of the *ling* character may be *wu* (woman-shaman) or *yu* (jade), which results in two ways of writing this character and allows to understand initial meaning as «use jade to call spirits». In the earliest meaning found in «Chu ci» the *ling* means dancing woman-shaman. The culture of Chu existed simultaneously with Zhou, their mutual influence was significant. The form of the *ling* character corresponds to the Chu etymology: «woman-shaman» at the bottom, three «mouths» above (which might symbolize a group of people), and «rain» (the main purpose of shaman dancing was to call rains to the fields as spirits' blessing) on top of it. The meaning of the phonetic *ling* 靈 consisting of «rain» and three «mouths» was «drops of rain» or «souls».

In the other verse of «Chu ci» the *ling* was used in the meaning similar to *shen*: «spirits [of river fairies] appear like clouds». But they are not nameless spirits, they are cloudy manifestations of the wives of the ancient perfect ruler Shun. The author uses in this verse semantic and graphic similarity of the characters *yun* (cloud) and *ling*. A cloud is

the natural source of rain, a shaman-woman is a mediator asking for rain, so the «rain» component is present in the upper part of the both characters. The term *ling* is used in «Chu ci» to name the deity of Huahghe. In the Zhou-dated «Shi jing» the term *ling* means royal ancestor. In «Zuo zhuan» *ling* means «greatness» (Ai-gong, 24th year).

The *ling* are specific deities with great names, but their specificity has an aggregate nature – they are spirits of families, water, light etc. All these meanings are present in initial «shaman-woman»: she is a great caller of spirits, and Original mother, assembled of the unity of spirits.

A «straw shaman-woman» or «straw spirit» (*chu ling* – see «Li ji» 9/7) was used as an instrument in funerals, and it was somehow connected with the spirit of family.

Somewhat later, in Han, the hierarchy of *hun*, *po*, *shen*, *gui* and *ling* became vague, but it remained in the funeral rituals based on Zhou and Chu traditions.

Городецкая Ольга
(Москва)

Души и духи
древней культуры Чжоу

Высшее божество культуры Чжоу — неперсонифицированное Небо, чжоуская космогония не фигуративна, культ предков не персонифицирован. Открытым остается вопрос о вероятности кремации, которая упоминается в «Лу юй». Отсутствие собственно чжоуских погребений делает гипотезу живучей.

Основанием для кремации могло служить понимание духовных составляющих человека: семь земных душ-*по*, преобразующихся в трупную нечисть-*гуй*, и три небесных души-*хунь*, преобразующихся в духов-*шэнь*. Целью погребальных действ было уничтожение вредоносности *гуй*, чему могло служить сожжение трупов, и объединение трех *шэнь* в единую духовную субстанцию рода – *лин*. Наличие трех *хунь*, превращающихся в трех *шэнь*, обуславливает троичность всех ступеней траура: три дня до первичного успокоения, три месяца – до постоянного. Три рта находятся в центре иероглифа *лин*.

В гл.54 «Чжоу шу» разница *шэнь* и *лин* представлена так: «То, что люди не могут именовать, называется *шэнь*. В смерти письменно завершенным называется *лин*. Среди хаоса остающийся не ущербным называется *лин*. В пределе знающий бесов и духов называется *лин*. Без движения создающий имя называется *лин*. В смерти способный посещать духов называется *лин*. Питающий пристрастие к жертвоприношениям бесам и духам называется *лин*». Духи-*шэнь* могут быть безымянны, т.е. хаотичны, а *лин* обладает письменной завершенностью и не подвержен хаосу.

Шэнь – духи, взятые во множестве. *Лин* – иерархически более высокая единая духовная субстанция. Характерны собирательные термины: «духовный свет (*лин гуан*) прежних ванов» («Чжоу шу»,

гл.49); «четыре духовных концентрата» (*сы лин* – «Ли цзи», гл.9/7, т.е. объединение всех земных, небесных, горных, водных духов по странам света). О концентрации *шэнь* в единое рафинированное *лин* сказано в 39-м стихе «Дао дэ цзина»: «Духи (*шэнь*) достигают единства и тем самым одухотворены (*лин*)».

Согласно «Шо вэнь цзе цзы», основа иероглифа *лин* – *у* (шаманка) или *юй* (нефрит), результатом чего являлись два написания и исходное значение «сзывание духов при помощи нефрита». В наиболее раннем употреблении (в «Чу цы») *лин* означает танцующую шаманку. Культура Чу существовала параллельно Чжоу, взаимовлияния существенны. Форма иероглифа *лин* соответствует чуской этимологии: внизу «шаманка», над нею три «рта», которые могут символизировать группу людей, а еще выше – «дождь», главная цель шаманских танцев: призывание дождя на поля как снисхождения духов. Смысл состоящего из «дождя» и трех «ртов» *лин* (靈) – «капли дождя» или «души».

В другом стихе «Чу цы» *лин* употреблен в значении близком к *шэнь*: «духи [речных фэй] являются как облака». Однако это не безымянные духи, а облачные явления жен совершенномудрого правителя Шуня. В стихе использовано семантическое и графическое сходство иероглифа облако (*юнь*) и *лин*. Облако — природный источник дождя, а шаманка — его испроситель, знак «дождь» стоит в верхней части обоих иероглифов. Термином *лин* в «Чу цы» названо также божество Хуан-хэ. В чжоуском памятнике «Ши цзин» *лин* имеет значение царского духа. В «Цзо-чжуань» *лин* означает «величие» (Ай-гун, 24 г.)

Лин – конкретные божества с великими имена, но конкретность собирательна – дух рода, воды, света и т.д. Все значения есть в исходном — «шаманка»: и великая собирательница духов, и Праматерь, собранная из единства духов.

Орудием погребального обряда была «соломенная шаманка», или «соломенный дух» (*чу лин*, – «Ли цзи, 9/7), который также имел отношение к духу рода.

Позже, в Хань, иерархия *хунь*, *по*, *шэнь*, *гуй* и *лин* утратила четкость, но сохранялась в погребальном ритуале, основанном на чжоуских и чуских традициях.

ROSHCHIN M. Yu.
(Moscow)

St. Catherine's Monastery in Sinai and local Bedouins: experience of a many centuries' mutual interaction.

Features of Monastery geographic location determined a particular historic and cultural ecology of a local society formed by monastic community (mostly Greeks) and Bedouins-Muslims. Here a tradition of joint residency is more than 1000 years old. Hard conditions of life in a mountain area pushed a local population to cooperation. Monks

and Arabs-Bedouins collaborate together in everyday life. The Monastery plays a significant economic role in the area and constantly helps to Bedouins to survive their privation. At the same time the monastic community can't survive independently without cooperation with Bedouins.

Рощин М.Ю.
(Москва)

Монастырь св. Екатерины на Синае и местные бедуины: опыт многовекового взаимодействия.

Особенности географического положения монастыря обусловили своеобразную историко-культурную экологию местного социума, органичной частью которого является монашеская община (в основном греки) и бедуины-мусульмане. Традиция совместного проживания здесь насчитывает св. 1000 лет. Тяжелые условия жизни в горном районе вынуждали местное население к сотрудничеству. Монахи и арабы-бедуины активно сотрудничают в социально-бытовой сфере. Монастырь является заметной экономической силой в районе и постоянно помогает бедуинам, часто испытывающим лишения. В то же время без помощи бедуинов монашеская община вряд ли могла бы самостоятельно просуществовать.

PAKHOMOVA L.F.
(Moscow)

Innovation Models of Socio-Economic Development in South – East Countries

In 1980-1990 import substitution and export oriented models of growth and theirs various combinations in Singapore, Malaysia and lately in Thailand were replaced by the affords to create a model of the economy based on knowledge and science.

Theoreticaly this model is the prolongation of the theories of post – industrial development and to some extend modernization in conformaty with NIC`s transition stage to achieve the status of full developed countries. In the common efforts to create such model took part western economists and economists and sociologes from Japan, Singapore, Malaysia, Thailand and less from Indonesia. These countries are in search of fruitful combination of various concepts and theories in order to achieve main tasks and aims in real terms under existing institutional, historical and national conditions. Implementation of the variations of the innovation models in these countries brought a lot of new elements in them.

Complex of the adopted in these countries socio-economic strategies, middle term plans and plans for different branches and field of knowledge inable governments to afford in determining the main

priorities and stages for creation the knowledge — based economy. Main thing is to ensure a further rise of the society`s creative power to implement k-economy. All these obstacals demands drastical changes in structural policies and correcton of the distributive and redistributive mechanisms of national product, introduction some elements of the social market economy, new organizing principles, improving management, IT in all spheres of naional economy.

Inspite of deepening gaps in the social and economic performance in South East economies after the Asia financial crisis some of them have made notable gains in enterning into the innovation era. Therefore the process of integration in South East region and even the creation of East Asia community has a new impetus.

Пахомова Л.Ф.
(Москва)

Инновационные модели социально- экономического развития в странах Юго-Восточной Азии

На рубеже 1980-1990-х гг. на смену импортзамещающей и экспортно-ориентированной моделям роста и их различных сочетаний в Сингапуре, Малайзии, а позднее и в Таиланде приходит модель экономики и общества, основанная на знаниях и науке.

Теоретическая модель экономики знаний и науки формировалась как продолжение теорий постиндустриального развития, а также модернизации применительно к переходной стадии НИС, стремящихся достичь уровня промышленно развитых государств. В её разработке принимали участие не только западные учёные, но и экономисты и социологи Японии, Сингапура, Малайзии, Таиланда и в меньшей степени Индонезии. В этих странах идёт поиск результативного сочетания концепций и теорий, которое позволит решать поставленные задачи в реальных институциональных и национально-исторических условиях. Практика реализации вариантов инновационной модели в этих странах привнесла в неё много новых элементов.

Сложный комплекс принятых в этих странах стратегий социально-экономического развития, дополненных отраслевыми долгосрочными планами и среднесрочными планами развития позволил государству определить основные ориентиры и этапы становления экономики знаний и высоких технологий, а главное, обеспечивать подготовку общества к её созданию. Это потребовало привнесения изменений в функциональные структуры, корректировку механизмов перераспределения общественного продукта, введения элементов социальной рыночной экономики. Были выработаны эффективные методы улучшения производственного процесса, внедрения новых организационных начал, совершенствования корпоративного управления, внедрения информационной технологии.

Несмотря на возросшие после Азиатского финансового кризиса неравенство в уровнях их развития и реальных возможностей для вступления в инновационную эпоху.

Несмотря на усилившиеся различия в уровнях социально-экономического развития стран ЮВА после Азиатского финансового кризиса, ряд из них достиг определённых успехов во вступлении в инновационную эру. Таким образом, интеграционные процессы в субрегионе ЮВА, а также формирование восточноазиатского сообщества получили новые импульсы.

MISCHIN Dmitrij
(Moscow)

The Spanish Umayyads' Anti-Fatimids Polemics (Xth Century)

In the western part of the Islamic world the tenth century was the time of struggle between two powers, the Cordovan emirate (later on, caliphate) and the Fatimid state. It is commonly accepted that the latter's success (as well as its foundation) was largely due to an extensive and well-organized propaganda. It may be asked whether the Spanish Umayyads had anything to ideologically oppose the Fatimids. This report aims at showing the arguments which the Umayyads used in their anti-Fatimid polemics.

The arguments in question may be summarized as follows:

1. Contesting the Alid descent of Ubayd Allah al-Mahdee, founder of the Fatimid state, which, so he claimed, qualified him for the leadership over the Islamic *Ummah*. Despite all efforts by pro-Fatimid experts, Ubayd Allah's genealogy was always regarded by many as a forgery, so that the Umayyads stroke their opponents' most vulnerable place.

2. Criticising the Ismaili doctrine. The Umayyads described it as an extreme heretical innovation *(bid' a ghāliya)* with which the Fatimids try to replace the real Islam and Shareeah. In the pro-Umayyad argument, the Fatimids' rejection of real Islam made it lawful to them to commit all kinds of illegal acts, including to Muslims who failed to adhere to their teaching.

3. Confronting the Fatimids' negative image to the Umayyads' positive one. The Cordovan rulers depicted themselves as real caliphs who fought to recover their right to rule violated by the Abbasids and Fatimids. In an appeal to the Maghribi Berbers, the latter were presented as the Umayyads' all-times allies who formed the vanguard of their troops and were entitled to a generous recompense after victory.

It is never easy to assess the efficiency of arguments. There are, however, reasons to state that the Spanish Umayyads did have an argument which enabled them to oppose the Fatimid propaganda and justify their advance to North Africa.

Мишин Д.Е.
(Москва)

Идеологические аргументы испанских Омейядов в противоборстве с Фатимидами

Для западной части исламского мира X в. ознаменовался масштабным противостоянием двух крупных держав – Фатимидского государства и Кордовского эмирата (с 929 г. – халифата). Общеизвестно, что успехи Фатимидского государства (как, впрочем, и его создание) были достигнуты в значительной степени благодаря умелой и широкой пропаганде, позволявшей им приобретать сторонников. Могли ли испанские Омейяды что-либо противопоставить ей в идеологическом плане? Настоящий доклад имеет своей целью показать, какие аргументы выдвигали испанские Омейяды в идеологическом противостоянии с Фатимидами.

Аргументы Омейядов можно вкратце свести к следующему:

1. Оспаривание алидской родословной основателя Фатимидского государства Убайдуллаха ал-Махди, которая в его глазах давала ему право на руководство мусульманской *уммой*. Несмотря на все усилия профатимидских учёных, генеалогия Фатимидов считалась в исламском мире спорной, и Омейяды наносили удар в самое уязвимое место своего противника.

2. Критика исмаилитского вероучения. Омейяды характеризовали его как «крайнее нововведение» *(бидʿа галийа),* которым Фатимиды пытаются подменить истинный ислам и шариат. Отступления от исламского вероучения, с токи зрения Омейядов, приводили Фатимидов к совершению беззаконий, в том числе в отношении мусульман, не разделявших их представлений.

3. Противопоставление негативного образа Фатимидов позитивному образу Омейядов. Правители мусульманской Испании представляли себя истинными халифами, поднявшимися на борьбу за свои права на престол, попранные Аббасидами, а затем – Фатимидами. В этой борьбе берберы Северной Африки, исконные сторонники Омейядов, принесших им ислам, должны были составить авангард войск кордовского халифа и после победы получить достойное вознаграждение.

Оценивать воздействие аргументов всегда нелегко. Тем не менее, есть основания считать, что андалусские Омейяды имели стройную идеологическую конструкцию, позволявшую им полемизировать с Фатимидами и обосновывать своё продвижение в Северную Африку.

FADEEVA I.L.
(Moscow)

Les turcs et les minorités après la guerre d'indépendance 1918-1922

L'Empire Ottoman depuis son origine avait eu des structures de la législation théocratique. Sous les sultans les turcs-musulmans sont constitués en somme les couches de la population dominantes, le peu-

ple – conquérant. Ils furent d'abord les soldats, les fonctionnaires de ce vaste Etat: les vizirs, les valis, les kaimakams, les collecteurs d'impôts, les gendarmes etc. Tandis que dans les campagnes le gros du peuple reste agriculteur. Non-musulmans: grecs, juifs, arméniens dirigent leur activité de préférence vers les affaires. N'étant ni fonctionnaires, ni soldats, ils ne sont pas habitués, comme les musulmans, à disposer de prébendes assurées à compter sur l'Etat. Ils doivent donc, pour gagner leur vie prendre des initiatives, en concurant l'en avec l'autre. Ils deviennent ainsi commerçants, boutiquiers, comptables, medecins, commissionnaires. Ils possèdent des capitaux, tandis que la jeunesse turque participe à toutes les guerres de l'empire.

Bref, au début du XX siècle, ce sont les communautés non-musulmanes qui disposent presque intégralement de l'économie du pays. Ensuite l'empire vermoulu se désagrège et que fonctionnaires et officiers turcs sont de plus en plus mal payés, elles seules s'enrichissent.

C'est alors que des anneés de la guerre d'indépendance un mouvement d'opinion s'inspirant du Turquisme et appuyé par la presse de Stamboul et d'Angora appeler à l'ordre qui place aux turcs dans le monde des affaires, dans le domaine de la banque, de l'industrie et du commerce.

Sur un ordre de la direction du commerce d'Istanbul, ces établissements sont obligés de fournir une liste complète de leurs employés. Puis l'ordre leur est transmis d'admettre dans leurs services, et dans un délai donné, du personnel turque dans une proportion de 50%. Ce changement est d'ailleurs facilité par un fait qu'à la même époque Angora promulgue une loi imposant l'emploi de la langue turque à toutes les sociétés étrangères pour leurs opérations, contrats, correspondances, comptabilité, tenues de livres.

Dans le domaine technique, néanmoins, la Turquie nouvelle n'a pu surmonter aussi facilement les difficultés nées de l'ancienne division des métiers. Cependant, un fait certain est que la jeunesse turque s'intéresse de plus en plus à la technicité au commerce et aux affaires. Le passage de l'empire théocratique à la république modernisée était de longue durée, pénible pour les turcs ainsi que pour les autres éléments ethniques. Le traité de Lausanne de 1923 et la constitution de 1924 avaient l'importance pour l'assertion des idées civiques.

Фадеева И.Л.
(Москва)

Турки и меньшинства после войны за независимость 1918-1922

Османская империя с эпохи возникновения имела структуры теократического законодательства. При султанах турки-мусульмане в совокупности составляли господствующий слой населения, народ-завоеватель. Они были прежде всего солдатами, чиновниками этого обширного государства: везирами, вали, каймакамами, служащими налоговых ведомств, жандармами и т.д. Тогда как в сельских местностях огромная часть населения занималась сель-

ским трудом. Немусульмане: греки, евреи, армяне зарабатывали на жизнь большей частью в сфере деловой активности. Они не могли, как мусульмане, рассчитывать на теплое местечко за счет государства, так как не были в отличие от них ни чиновниками, ни солдатами. Поэтому немусульмане были вынуждены зарабатывать на жизнь лишь собственной инициативой, при этом конкурируя друг с другом. Они становились коммерсантами, лавочниками, финансистами, медиками, посредниками в торговле турок с Европой. Они накапливали капитал в то время, как турецкая молодежь сражалась в многочисленных войнах империи.

К началу XX в. немусульманские общины фактически занимали ключевые позиции в экономике государства. В прогнившей, разваливающейся империи чиновники и офицеры-турки все хуже и хуже оплачивались, а предпринимательские немусульманские слои – обогащались.

Подобная ситуация способствовала успеху идеологии тюркизма, опиравшейся на стамбульскую и анкарскую прессу после успехов войны за независимость и призывавшую турок занять место в банках, промышленности и торговле.

По указу управления стамбульской торговли ее учреждения обязаны были представить список всех служащих. Все эти учреждения должны были в составе персонала иметь не менее 50% турок. Такое новшество облегчалось тем, что одновременно анкарское правительство опубликовало закон об обязательном употреблении турецкого языка во всех иностранных учреждениях в пределах Турции при ведении каких бы то ни было операций, оформлении контрактов, деловой корреспонденции, бухгалтерской отчетности, ведении торговых книг.

Однако в технической сфере новая Турция не смогла столь же легко преодолеть трудности традиционного разделения труда. И все же турецкая молодежь все более вовлекалась в сферу техники, торговли, деловой активности. Переход от теократической империи к модернизируемой республике был долгим, трудным и для турок, и для других этнических элементов. Лозаннский договор 1923 г. и конституция 1924 года внесли существенный вклад в утверждение гражданских идей.

LEBEDEVA N.B.
(Moscow)

International relations in the Indian Ocean region

After the collapse of the Soviet Union and the end of "the Cold War" (the first phase of Globalization) its second phase – "the Warm War" in 1990-2000's (in Serbia, Afghanistan, Iraq) significantly altered the place and the role of the Indian ocean in the global policy, strategy and economy due to the following factors:

– the rise of demand for the communication lines in the Indian ocean, and in particular for lines from Persian gulf to the South-East and the North-East Asia,
– the increasing actuality of energy resources in the world, when oil became one of the most powerful political instruments of control and influence. The Indian ocean proved to be the centre of forming – a). the strategically important oil ellipse (Persian Gulf+Caspian sea) and b). the global oil triangle (Persian Gulf+Caspian sea+South China sea). – Probably, the most large-scale resource conflicts will be focused within their framework. Also there are many so called chock-points (Strait of Ormuz, Bab el Mandeb, Strait of Malacca, Suez Canal), where the possible naval or air blockade of the international communication lines and transportation corridors of oil flows can add some tension,
– high potential of territorial, religious and other conflicts,
– nuclear vector in the South Asia,
– the increasing threat of the international terrorism. The active fight against it has generated rather contradictory consequences here: the "second edition" of the system of the US military bases, the presence and the redeployment of allied military forces (US, Great Britain, Japan, Australia etc), direct war actions in Afganistan and Iraq, controversial approaches of some Western and littoral states to them. On the other hand, it caused the guerilla resistance, socio-economic, political degradation in Afghanistan and Iraq,etc,
– the evolution of the regional system (in terms of its actors): the traditional triangle of capitalist, socialist and developing states was replaced by the dichotomy of capitalist and developing countries. Some of the latter formed "grey areas" and "black holes" along the "arc of instability", including Afghanistan, Iraq, parts of Central Asia and Africa etc.,
– the increasing threat of maritime factor due to number cases of paratic and terroristic attacks on trade ships, illegal contraband in weapon and drug.
– Factors mentioned above have a profound negative impact on developing economic cooperation on all-regional base. It started here in the middle of 90's. But it is evidently late in comparison with Europe, the North and South America, the Pacific ocean. The long subregional cooperation (ASEAN, CCASPG etc) preceded this process. Formed in March, 1997, the Indian Ocean Rim Association For Regional Cooperation (IOR-ARC) faces many uneasy problems and has different priorities. For example, who can be real and effective leader – India, Australia, South Africa? Whether or not IOR-ARC can use its chance for cooperation on the base of all-regional interests to become a factor of stability here, especially in deterioration of the regional situation in 2000's?
– The Russian Federation and recent trends in the Indian ocean: the Russian national interests, priorities and perspectives at the present time.

Лебедева Н.Б.
(Москва)

Международные отношения в Индийском океане в 21 в. (вопросы теории и практики)

После коллапса СССР и окончания "холодной войны" (первой фазы глобализации) ее вторая фаза – "теплая война" 1990-2000-х гг. (в Сербии, Афганистане, Ираке) значительно изменила место и роль Индийского океана в мировой политике, стратегии и экономике в силу следующих факторов:

– повышение востребованности коммуникаций Индийского океана, как связующего звена между Тихим и Атлантическим океанами, и особенно из Персидского залива в Юго-Восточную и Северо-Восточную Азию,

– в связи с резкой актуализацией энергоресурсного фактора, когда нефть стала одним из мощных рычагов политического влияния и контроля в мире, в индоокеанском регионе начался процесс формирования стратегически важного энергетического эллипса Персидский залив+Каспийское море и глобального треугольника – Персидский залив+Каспийское море+Южно-Китайское море. В их рамках, возможно, сфокусируются крупнейшие мировые конфликты из-за ресурсов. А наличие здесь большого числа так называемых chock-points (Ормузского, Бабельмандебского и Малаккского проливов, а также Суэцкого канала) может внести дополнительную напряженность благодаря возможности перекрытия энергопотоков в их зоне,

– велик потенциал территориальных, религиозных иных региональных конфликтов,

– появление ядерного вектора в Южной Азии,

– расползание в мире, в том числе и в индоокеанской зоне, такого феномена МО, как терроризм. Активизация антитеррористической борьбы (Афганистан, Ирак) приводит к неоднозначным последствиям – с одной стороны, это второе "издание" системы американских военных баз, усиление военно-морского и сухопутного присутствия США, Великобритании, Австралии, Испании, Японии и других внерегиональных держав, значительное размежевание позиций некоторых западных и прибрежных стран в отношении военных акций против указанных государств, а с другой, – это развертывание партизанского движения сопротивления, социально-экономическая, политическая деградация и т.п. в Афганистане и Ираке,

– значительное видоизменение сложившейся здесь в 70-80 гг. структуры государств-акторов международных отношений зоны. Связка капиталистических, социалистических, развивающихся стран разрушена, на смену ей идет дихотомия – капиталистических –развивающихся государств, рядом с которой на "дуге нестабильности" сосуществует так называемая "серая зона", формирующаяся из Афганистана, Ирака, части Центральной Азии и Африки,

– становится весьма опасным морской фактор из-за увеличения в акватории случаев пиратства, морского терроризма, контрабанды оружия и наркотиков и т.п.

– Указанные факторы негативно воздействуют на развитие здесь с середины 90-х гг. минувшего века экономического сотрудничества на общерегиональном уровне: оно явно запаздывает по сравнению с Европой, Тихим Океаном, Северной и Южной Америкой, ему предшествовал длительный субрегиональный этап сотрудничества (АСЕАН, ССАГПЗ и др.) Основные проблемы и приоритеты созданной в марте 1997 г. АРСИО (Ассоциацияя экономического сотрудничества стран Индийского океана). Возможный лидер – Индия, Австралия или Южная Африка? Есть ли у АРСИО шансы на основе сближения общерегиональных интересов стать фактором стабильности в регионе в складывающейся ситуации начала 21 века? РФ и индоокеанские процессы- национальные интересы, приоритеты и возможности России на современном этапе.

RAZHBADINOV M.Z.
(Moscow)

Islamizm - between moderate and radical poles

The modern political islam reflects in itself two measurements. The first conservative, connected with need social-cultural particularity moslem society. In this sense modern moving the political islam are a continuation to traditions moving the muddle ages and new time, in this plan for indication islamic motion more approaches the term «rebirths», possible not to exclude the notions «islamist», for which islam interest not as religious dogma, but political theory. The Second reformatory, expecting modernization moslem society on base own valuables.

The moslem civilization, presenting itself special culture, with its worldoutlook and rhythm of the development, gave the sharp reaction on processes westernization, connected with colonial policy west having kept and threatened moslem society by cardinal revising of the whole system of valuables and landmark. Together with that, modern islamizm there is lumpy and inconsistent phenomena, reasons which it is impossible value uniquely. At study of this phenomena follows to avoid some extreme estimation. Obviously that concrete ideas and political forms of islamizm carry in itself imprint not only corresponding to public-history conditions, but also psychologies, worldoutlooks and political interest of the different classes and social groups moslem society. Social-history factors render the serious influence upon of the development and correlations two main trends of islamizm (conservative and reformism), predestining extreme variety islamics motion and ambiguity their public contents.

However spreading radical trend in modern islamizm it is impossible refer for count of the islam as religions, for which typical all-

out conservatism or intolerance. As was it already mentionned, Islamic legal tradition has a varied interpretation, and reinforcement that or other her forms can occur under influence determined social and cultural conditions. From these aspect depends, insofar in islam can domination «constructive conservatism» targeted on adaptation bend of westernization and herewith open for dialogue with external world. Or will domination isolation concepts, oriented on authoritarian forms connected with questions public-political nature. On today position in moslem society promotes the reinforcement radical concept islamizm, alongside with that that on former exists and develops the liberal modernistic idea current.

In ditto time, in greater degree, modern hitses of the religious violence have a social underlying cause, and reflect the collapses of the economic transformations or not desire ruling regimes go on reforms of the political system. The Social stratification, unemployment, corruption in high structures of authorities, breach of the human rights and limited possibility for legal ways to political activity, activity the development radical slogans.

Obviously that for many extremist not acceptability of the participation in political dialogue with state, reflects not their fanaticism, but convictiom in that that ruling modes simply do not give and the most slightest chance for such dialogue.

In spite of the fact that islamic violence has under itself undoubted ideology underlying cause, the main by structured reason of his intensification possible to consider the authoritarian nature of the political system majority arabic countries. Practically full closed this systems for islamic organization, and obvious breaches in her operation to legal opposition, must serve the starting point in analysis all action against law some islamic organization. Thereby, follows to note that islamizm as ideology and public motion presents itself complex and intrinsically inconsistent phenomena. He does not carry in itself full deny west valuables. The more complex attitude escapes for external negation, reflecting longing to formulate these value on language of the own culture. Possible, exactly this is a necessary condition of some electoral borrowing, west valuables and their efficient combination with own tradition in interest of the ensuring the more successful move of the processes to modernizations.

Ражбадинов М.З.
(Москва)

Исламизм – между умеренным и радикальным полюсом

Современный политический ислам отражает в себе два измерения. Первое консервативно-охранительное, связанное с необходимостью потвердеть социально-культурную самобытность мусульманского общества. В этом смысле современные движения политического ислама являются продолжением традиции «возрожденческих» движений средневековья и нового времени, в этом плане для обозначения исламских движений больше подходит термин «возрожденцы», хотя можно не исключать понятия «исламисты», для которых ислам представляет интерес прежде всего не как религиозная догма, а политическая теория. Второе реформаторское, предполагающее модернизацию мусульманских обществ на основе эндогенных ценностей.

Мусульманская цивилизация, представляя собой особую культуру, со своим мировоззрением и ритмами развития, дала резкую реакцию на процессы вестернизации, связанной с колониальной политикой западных держав и угрожавших мусульманскому обществу кардинальным пересмотром всей системы ценностей и ориентиров. Вместе с тем, современный исламизм есть неоднородное и противоречивое явление, причины которого нельзя оценивать однозначно. При изучении этого явления следует избегать некоторых крайних оценок. Очевидно, что конкретные идейные и политические формы исламизма несут в себе отпечаток не только соответствующих общественно-исторических условий, но и психологии, мировоззрения и политических интересов различных классов и социальных групп мусульманского общества. Социально-исторические факторы оказывают серьезное влияние на динамику развития и соотношения двух основных тенденций исламизма (консервативной и реформаторской), предопределяя крайнее многообразие исламских движений и неоднозначность их общественного содержания.

Однако распространение радикальных тенденций в современном исламизме нельзя относить за счёт ислама как религии, для которой характерен тотальный консерватизм или нетерпимость. Как уже упоминалось, исламская правовая традиция имеет разнообразные интерпретации, и усиление тех или иных её форм может происходить под воздействием определенных социальных и культурных условий. От этих аспектов зависит, насколько в исламе может доминировать «конструктивный консерватизм», нацеленный на преодоление перегибов вестернизации и при этом открытый для диалога с внешнем миром. Или будут доминировать изоляционистские концепции, ориентированные на авторитарные формы регуляции вопросов общественно-политического характера. На сегодня положение в мусульманском обществе способствует усилению радикальных концепций исламизма, наряду с тем, что по прежнему существует и развивается либеральное модернистское идейное течение.

В то же время, в большей степени, современные всплески религиозного насилия имеют социальную подоплеку, и отражают провалы экономических преобразований или не желание правящих элит идти на реформы политической системы. Социальное расслоение, безработица, коррупция в высших эшелонах власти, нарушение прав человека и ограниченные возможности для легитимных способов политической деятельности, стимулируют развитие ради-

кальных лозунги. Очевидно, что для многих экстремистов не приемлемость участия в политическом диалоге с государством, отражает не их идейный фанатизм, а убежденность в том, что правящие режимы просто не предоставляют и малейшего шанса для такого диалога. Несмотря на то, что исламистское насилие имеет под собой несомненную идеологическую подоплеку, главной структурной причиной его обострения можно считать авторитарный характер политической системы большинства арабских стран. Практически полная закрытость этой системы для исламистских организаций, и очевидные нарушения в ее функционировании по отношению к легальной оппозиции, должны служить отправной точкой в анализе всех анти институциональных действий некоторых исламских организаций. Таким образом, следует отметить, что исламизм как идеология и общественное движение представляет собой сложное и внутренне противоречивое явление. Он не несет в себе полного отторжения западных ценностей. За внешним отрицанием скрывается более сложное отношение, отражающее стремление переформулировать эти ценности на языке собственной культуры. Возможно, именно это является необходимым условием некоторых избирательных заимствований, западных ценностей и их эффективного сочетания с эндогенной традицией в интересах обеспечения более успешного хода процессов модернизации.

Радикальный исламизм в арабском регионе в 90-х гг.

Причины радикализации исламского движения. Социально-экономический кризис как благоприятная среда для появления экстремизма. Насилие государства и ответная реакция. Идеология радикальных групп, концепция такфира (обвинение в неверии) и джихада. Особенности деятельности первых радикальных групп в Египте: "Аль-Джихад", "Ат-Такфир ва аль-хигра", "Аль-Ганаа аль-исламийя". Эволюция радикальной мысли в теориях современных идеологов. Движение "афганских арабов" и региональные конфликты. "Аль-Каида" и новые формы экстремизма. Стратегия, организационная специфика радикальных групп. Перспективы радикального исламизма в регионе.

ВАСИЛЬЕВ В.Ф.
(Москва)

О противоречиях внутри и вокруг Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)

К вопросу об интеграции и глобализации в регионе. Успехи и отставание различных стран ЮВА. Американский, китайский и японский факторы в развитии ЮВА. Возможность смены экстрарегионального лидера в регионе (США→Китай в середине 21 века,

новый выход Японии, допустимость возвышения Индии в регионе). Национализм как самый энергичный (хотя и не всегда прогрессивный) фактор противодействия крайностям глобализации, а также фактор достижения "баланса сил" между глобализацией и национализмом в интересах общего развития.

DROUGOV A.Yu.
(Russia)

The Society and the Power in Modern Indonesia

Most of crisis situations in modern Indonesia have its roots in archaic relations between the society and the power (the state). Only during anticolonial war 1945-1949 the people was acting as a subject of the political actions. But that was a struggle against foreign domination, and the experience was not connected with the traditional Indonesian idea of the power as a kind of cosmic substance independent of human beings.

The changes of political regimes were determined par exellence by balance of forces and bureaucratic elites which manipulated the consciousness of masses. In reality, during almost the whole of Indonesian History the power was alienated from the people, and thi phenomenon bacame a part of political culture.

The alienation does not necessarily exclude popularity of a regime or even sacralization of power and certain leaders. It only means that the true source of power and its focus remains out of the limits of the people's will. It creates two extremes in mass political behaviour: unthinking submissiveness or unrestrained violence&

The development of business and middle class in post-colonial Indonesia did not sufficiently stimulate modernization of the state-society relations. The businessmen came fron three main sources, i.e. officers with their authoritarian tradition, corrupt bureaucracy, and Chinese minotity, very much disliked by the indigenious population and therefore seeking protection from the state. Often a person is successful in business due not to the competing abilities but to the ability to establish good relations with bureaucracy.

After the fall of the authoritarian regime in 1998, the Indonesian political elite as a whole failed to bring about a real modernization of the society-state relations, engaged in inter-groupings fight for power. The people with their strong traditional culture legacy starts to feel a kind of nostalgia for strong authority. It can be seen from the results of general elections in Aptil, 2004, and especially from the returning to the political arena of some persons from Suharto's nearest environment or from pollings made by several periodicals. This nostalgia may (and may not) lead to some kind of authoritarian comeback, secular or even islamist.

Другов А.Ю.
(Москва)

Общество и власть
в современной Индонезии

Большинство кризисных ситуаций в современной Индонезии уходят корнями в архаичность отношений между обществом, с одной стороны, и властью, государством, с другой.

Только в антиколониальной войне 1945-49 гг. народ Индонезии выступал как субъект политики. Но то была борьба против иностранного господства, и ее опыт прямо не проецировался на присущие традиционной индонезийской культуре представления о власти как о космической субстанции, не зависящей от людей.

Изменения политических режимов определялись главным образом борьбой в военной и бюрократической элитах, манипулировавших сознанием масс. В реальности на протяжении почти всей индонезийской истории власть оставалась отчужденной от населения, и это стало частью политической культуры.

Отчуждение не всегда исключает популярность того или иного режима и даже известную сакрализацию власти и лидеров; оно лишь предполагает, что реальный источник власти и ее средоточие находятся вне пределов волеизъявления населения. Отсюда две крайности в политическом поведении масс: бездумная покорность и безудержное насилие.

Формирование предпринимательского и среднего класса в постколониальной Индонезии не стимулировало в достаточной степени модернизацию отношений между властью и обществом. Предпринимательский класс формировался из трех основных источников - офицерства с его авторитарной традицией, коррумпированной бюрократии и китайского меньшинства, окруженного неприязнью коренного населения и потому зависимого от защиты власти. Превращение индивида в предпринимателя чаще зависит не от его состязательности, а от умения установить отношения с бюрократией.

После свержения авторитарного режима в 1998 г. индонезийская политическая элита в целом не преуспела в реальной, а не формальной модернизации отношений между властью и обществом, погрузившись в межгрупповую борьбу за власть. Это порождает в обществе с его старым культурным наследием, ностальгию по сильной власти.

Об этом говорят результаты всеобщих выборов в апреле 2004 г., возвращение на политическую арену людей из ближайшего окружения Сухарто и опросы, проводимые средствами массовой информации. Этот феномен создает вероятность возвращения к той или иной форме авторитаризма, светского или даже исламистского.

KUCZERA Stanislaw
(Moscow)

The origins of the conception
of filial piety (*xiao*) in Confucianism

Conception of the filial piety occupies a central place in the whole philosophy of Confucius, what the Master spoke himself of: "Filial piety is the foundation of all virtues and the fountainhead whence all education and enlightenment springs" (Xiao jing, ch. I). Distinct manifestation of it is the composition of a special treatise "Xiao jing", entirely devoted to the above-mentioned idea and included in the Confucian Shi san jing.

This coception, being philosophically elaborated by Confucius and turned by him into a whole teaching, nevertheless was not a creation of Confucius himself. It arose spontaneously in the depths of the Chinese society many centuries before the thinker.

It grew out of the cult of ancestors, which, as we can judge by the archaeological findings (statuettes zu etc.), appeared in the late Neolithic age (III mill. B.C.), if not much earlier – a custom to put burial accessories (suizangpin; lit. – accompanying objects) into the tomb, fixed already for the early stage of Neolithic age, speaks indirectly in favour of such assumption.

Hieroglyph xiao has not being discovered in the earliest (XIV/XIII–XII/XI cent. B.C.) texts – inscriptions on bones and tortoise shells (jiaguwen), but is widely present in the Western Zhou (XII/XI–VIII cent. B.C.) inscriptions on bronzes. His meaning "filial piety" is there doubtless.

Conclusion: the idea of xiao occured naturally in very ancient times; its philological reflection in the form of hieroglyph xiao itself appeared not later than in X cent. B.C.; and only on the third stage it became a philosophical conception of Confucianism.

Кучера С.
(Москва)

Истоки конфуцианской концепции *сяо* –
сыновней почтительности

Концепция сыновней почтительности занимает центральное место во всей философии Конфуция, о чем говорил сам Учитель: "Сыновняя почтительность (*сяо*) – это основа всех принципов безупречного поведения; из нее вырастает все воспитание и просвещение" (Сяо цзин, гл.1). Отчетливым проявлением этого является составление специального трактата *Сяо цзин*, целиком посвященного указанной идее и включенного в конфуцианское Тринадцатикнижие.

Будучи философски осмысленной Конфуцием и превращенной им в целое учение, данная концепция не является всё-таки творением самого Конфуция. Она зародилась спонтанно в недрах древнекитайского общества за много веков до мыслителя.

Она выросла на базе культа предков, зародившегося, как можно судить по археологическим находкам (статуэтки *цзу*), по меньшей мере в позднем неолите (III тыс. до н.э.), а скорее всего – значительно раньше, о чем косвенно говорит обычай помещать сопроводительный инвентарь в могилы, зафиксированный уже на этапе раннего неолита.

4. Знак *сяо* в самых ранних (XIV/XIII-XII/XI вв. до н.э.) текстах-надписях на гадательных костях не обнаружен, зато он широко присутствует в инскрипциях на западночжоуских (XII/XI-VIII вв. до н.э.) бронзовых изделиях, где его смысл "сыновняя почтительность" не вызывает сомнения.

5. Вывод: идея *сяо* возникла естественным образом в глубокой древности; её филологическое отражение в виде самого знака возникло не позже X в. до н.э; и лишь на третьем этапе она стала философской концепцией конфуцианства.

GRIGOR'EVA T.P.
(Moscow)

Zen as freedom

Григорьева Т.П.
(Москва)

Дзэн как свобода

Известна популярность дзэнского искусства (чайная церемония, икэбана, японские сады, боевые искусства). В чем причина повышенного интереса к Дзэн в наше время? Пусть не всегда осознанном, но неизбежном стремлении к духовному освобождению, без которого существование человека становится проблематичным.

Сказано: "И познаете истину и истина сделает вас свободными" (Ин., 8, 32). Истина есть Целое. Значит, свобода есть достояние завершенного человека, духовной личности, не разделяющей сущность и существование, не ограниченной материальными заботами. (По Э. Фромму: "иметь, чтобы быть", а не "быть, чтобы иметь"). Частичный человек в мире, разделенном на субъект и объект, в принципе не может быть свободен, как не может быть свободной никакая "часть". Свидетельство тому "свобода", понятая как вседозволенность, поработившая человека, впавшего в зависимость от низших инстинктов. Несвободный человек, оставаясь "мерой вещей", делает несвободным все, что исходит из его сознания: слово, звук, мысль, образ жизни.

Однако, стремление к свободе, к "предустановленной гармонии", заложено в человеке: как возможность самостояния, предназначение быть со-творцом мира, а не его разрушителем. Не оттого ли человек теряет доверие к словам, утратившим силу, и склоняется к "чистому опыту", к искусству безмолвия? Это и есть Дзэн (санск. *дхьяна*) – глубинное сосредоточение, проникновение в недоступные непробужденному лики сознания. Потому все дзэнские искусства и называются Путем, ибо призваны очистить, освободить душу человека. (Оттого названия имеют концовку "до", кит. "дао": "тядо" – Путь чая, "кадо" – Путь поэзии и т.д.).

Сбрасывая обветшалые "одежды" своего внешнего "я", эго, человек находит себя истинного, "внутреннего", извечного. Как говорил мастер боевых искусств XVII в. Такуан Сохо: "Истинное Я существовало до того, как разделились Небо и Земля ... И это Я существует во мне, и во всех птицах и зверях, в траве и деревьях, во всем. Это и называется природой Будды".

"Забывший себя" начинает видеть другое; видя другое, узнает себя. Т.е. свобода это – внутреннее состояние: пробужденная, всеболезнующая душа, ощутившая свою причастность миру. Вселенское чувство – "Одно во всем и все в Одном" – открывается в момент Озарения-Сатори. Полнота переживания – в единичном увидеть Единое – недоступна условным приемам. Отсюда дух намеренности, естественности: истина "вне слов", передается "от сердца к сердцу". Говоря словами дзэнского мастера Бунана: "Следует отзываться на правильное и неправильное, оставаясь вне правильного и неправильного; жить среди страстей, устранившись от страстей; видеть, не видя; слышать, не слыша; искать, не находясь в поиске".[1] Лишь войдя в состояние "не-я", "не-преднамеренности", начинаешь ощущать душу вещи "как есть" (*коно мама*), – в ее Таковости. (По признанию Гете, – "Нет ничего труднее, чем брать вещи такими, каковы они суть на самом деле").

"Разве не в шуме бамбука Путь к просветлению! Не в цветении сакуры Озарение души!" – вопрошал дзэнский мастер XIII в. Догэн. А поэт Мацуо Басё говорил: "Чтобы нарисовать сосну, нужно стать сосной", ощутить биение ее сердца. Потому так и дороги нам хокку (трехстишия) Басё, что не посягают на свободу другого.

[1] Сущность дзэн: искусство быть свободным. Ред. Т. Клири, Спб., 2000, с. 19.

AGEEVA N.
(Moscow)

"*Yijing*" and perception of western culture by the Chinese scientists of the end XIX – beginning XX centuries

The works of Chinese thinkers of a beginning of the last century give a beneficial material for the analysis of that outstanding role, which "*Yijing*" has played in the process of perception of fundamental western ideas and images by Chinese intellectual elite. Gexagrams could become universal language of Chinese traditional culture for the following reasons: first, because of "formality", inherent in them, - absence of rigid affection to any concrete subject area; secondly, be-

cause of rich diversity of constructions represented by them. But both of these factors, subsequently, just provoked the Chinese scientists sometimes on false "misinterpretation" - unexpected and bizarre conceptual parallels, rapprochements and identifications. The defeat of China in "opium" wars with western powers, called by crash of politics of self-isolation, and also unequal contracts, imposed to China, and others serious of concession of Qing government initiated appreciable change of foreign and domestic policy course of Qing China. In the existing circumstances the most far-seeing representatives of ruling circles of empire called for borrowing of foreign achievements (especially in the field of military engineering) and spoke for a course of "self-intensifying" of China. In this connection the supporters of "self-intensifying" were ready to agree with refusal of traditional isolation from the external world. The achievements of the european science and engineering of new time began to penetrate in Qing China in the more large scales.

The acute national crisis contributed in development of "The movement for reforms" in China (1895 - 1898). With the help of radical institutional reorganizations "from the above" reformers hoped to protect Qing China from complete disorder, and in the future to transform it into the strong modern state. The main ideologists of "The movement for reforms" were: Kang Youwei (1858 - 1927), Liang Qichao (1873 - 1923), Yan Fu (1854 - 1921) etc. In this connection original understanding of evolutionism in early works of Kang Youwei and Liang Qichao has a great interest.

As it is known, the substantiation of reforms on western sample with the help of confucialism became the burden of works of Kang Youwei and Liang Qichao of the end of XIX – beginning of XX centuries. First of them has proclaimed the theory of reforms of state building as the main contents of the Confucius doctrine. Kang Youwei has received a nickname "Modern Confucius" from the compatriots for the exclusive ingenuity in finding the appropriate arguments for the favour of this thesis by regular new interpret of the canonical books. In other words, to prove realization of large-scale public transformations in the framework of confucialism conception outlook the reformer had to interpret famous Five Canons basing this doctrine in another way. It is no wonder that "The Book of Changes" ("*Zhou yi*" or "*Yijing*"), opening Five Canons, could thus get in the field of his vision.

In outlook of the learner and nearest associate of Kang Youwei – Liang Qichao – the traditional Chinese ideas about ubiquity and cyclic recurrence of changes (concentrated in *Yijing*) have incorporated with modern to him western evolutionistic ideas of unbounded progress: "Why it is necessary to carry out reforms of state laws (*bianfa*)? Because between a palate and ground there is nothing, that would not change ..." In reasonings of Liang Qichao there is a reconcilement two, apparently, of irreconcilable things - on the one hand, monotonous cyclic recurrence, under which "that was, will be; also that was done,

will be done, and there is nothing new under the sun", and on the other hand, unrestrained occurrence of something new, that idea of progress assumed. It appears, that it was *Yijing* which has given from the whole richest thesaurus of many thousand-year-old Chinese culture to Liang Qichao that pattern of generation of the new by means of cyclic alternating of the old with the help of which he could carry out this reconcilement.

Generally speaking, classical formulation of the doctrine, approving an opportunity and the necessity of social changes, is an explanation of an aphorism of the top feature of gexagram ***Da you*** which is contained in "The Comment of the adhered words" and attributed to Confucius. It was the *Yijing*'s the citation which leading figures of so-called "revival of epoch *Tong-zhi*" of 1862-1874 years liked to refer on, for example, shortly before "movement for reforms of 1898". However then, in middle of the last century, the changes meant by this citation were thought by Chinese people under the cyclic circuit - as correcting of the present position of things for restoration of the lost advantages so to say, "of kind old time". In the end of XIX century under the influence of ideology rushed with West evolutionistic and progressist there was a revolution in minds of educated and considerably adjusted Chinese people. In works of Kang Youwei and Liang Qichao it is possible to make out traces of this revolution - attempts of mastering of the European idea of unbounded progressive advance by means of new attempts to understand foggy sayings of ancient "The Books of Changes" in the spirit of the European scientific and public idea of new time.

In bright row of the ideologists struggling for reforming of China, the special place is occupied by Hang Xinzhai (1869 - 1924) - public figure and scientist. Unfortunately the researchers have bypassed by attention his person and works, in spite of the fact that they represent considerable interest. The point is that a figure Hang Xinzhai marks by itself the end of the whole period of understanding the mutual relation Chinese and western civilizations by traditionally educated Chinese people. In opinion of Hang Xinzhai, "*Yijing* is similar to the large clear mirror, being reflected [in which], any thing [saves initial] appearance". As the modern researcher explains, according to Hang Xinzhai, all now and earlier existing theories – Chinese and foreign, ancient and modern, naturally scientific and political - all of them do not leave for frameworks of numbers of *Yijing*. So, for example, Hang Xinzhai believed, that not only the achievement of natural sciences of new time are coded in images and numbers of *Yijing*, but it contain also such western concepts, as democracy, constitutional monarchy, socialism, judicial system and independence of judicial system. The large interest is also attracted to history-philosophical and history-cultural opinions of Hang Xinzhai, immediately basing on ideology of *Yijing*. So, for example, the scientist challenges the orthodox interpretation of such important Christian symbol, as a cross.

In the course of time views of advanced Chinese on a ratio of western and Chinese cultures became much more radically. So, for example, one of the leaders of movement for new culture, the philosopher Hu Shi (1891 - 1962) has called for complete "westernization" of Chinese cultural and political life. At the same time there was also more moderate position. Well-known Chinese Marxist Li Dazhao (1889 - 1927) has called "to ignore culture of East only because it is not competitive to the West in the material point of view, which culture too is not deprived of delicacies". As well as Hang Xinzhai, trusting in future rapprochement and in a result and in reunification of the doctrines of East and West which had a common source and only subsequently branched off, Li Dazhao was convinced, that in the future "the cultural spheres of East and West form two great axes of global progress. The harmonious connection should be established between both cultures - supplementing each other they will approach gradually and go to each other towards until they will not merge yet in the single global culture".

Агеева Н.Ю.
(Москва)

"*И цзин*" и восприятие западной культуры китайскими учёными конца XIX – начала XX вв.

Работы китайских мыслителей начала прошлого века предоставляют благодатный материал для анализа той выдающейся роли, которую сыграл "*И цзин*" в процессе восприятия фундаментальных западных идей и образов китайской интеллектуальной элитой. Гексаграммы смогли стать универсальным языком китайской традиционной культуры по следующим причинам: во-первых, из-за присущей им "формальности" – отсутствия жёсткой привязанности к какой-либо конкретной предметной области; во-вторых, из-за богатства структур, ими изображаемых. Но оба эти фактора, впоследствии, как раз и провоцировали китайских учёных на подчас ложные "узнавания" – неожиданные и причудливые понятийные параллели, сближения и идентификации. Поражение Китая в "опиумных" войнах с западными державами, вызванное крахом политики самоизоляции, а также навязанные Китаю неравноправные договоры и другие серьёзные уступки цинского правительства инициировали заметное изменение внешне- и внутриполитического курса цинского Китая. Наиболее дальновидные представители правящих кругов империи в сложившихся обстоятельствах призывали к заимствованию иностранных достижений (особенно в области военной техники), высказывались за курс "самоусиления" Китая. В связи с этим сторонники "самоусиления" готовы были пойти на отказ от традиционной изоляции от внешнего мира. Достижения европейской науки и техники нового времени стали во всё больших масштабах проникать в цинский Китай.

Острый национальный кризис способствовал развитию в Китае "движения за реформы" (1895 – 1898). С помощью радикальных институциональных реорганизаций "сверху" реформаторы надеялись защитить цинский Китай от полного развала, а в будущем превратить его в сильное современное государство. Главными идеологами "движения за реформы" были: Кан Ювэй (1858–1927), Лян Цичао (1873 – 1923), Янь Фу (1854 – 1921) и др. В этой связи особый интерес представляет своеобразное осмысление эволюционизма в раннем творчестве Кан Ювэя и Лян Цичао.

Как известно, обоснование реформ по западному образцу с помощью конфуцианства стало лейтмотивом творчества Кан Ювэя и Лян Цичао конца XIX – начала XX столетия. Первый из них провозгласил главным содержанием учения Конфуция теорию реформ государственного строя. За свою исключительную изобретательность в нахождении соответствующих доводов в пользу этого тезиса путем систематического перетолкования канонических книг Кан Ювэй получил от соотечественников прозвище "Современный Конфуций". Иными словами, чтобы последовательно обосновывать проведение крупномасштабных общественных преобразований в рамках конфуцианского мировидения, реформатор был вынужден по-новому истолковать знаменитые Пять канонов, лежащие в основе этого учения. Неудивительно, что "Книга Перемен" ("*Чжоу И*" или "*И цзин*"), открывающая пять канонов, не могла при этом не попасть в его поле зрения.

В мировоззрении ученика и ближайшего сподвижника Кан Ювэя – Лян Цичао – традиционные китайские представления о повсеместности и цикличности перемен (сконцентрированные в *И цзине*) странным образом соединились с современными ему западными эволюционистскими идеями бесконечного прогресса: "Почему необходимо осуществить реформы государственных установлений (*бяньфа*)? Потому что между небом и землёй нет ничего, что бы не изменялось..." В рассуждениях Лян Цичао происходит примирение двух, казалось бы, непримиримых вещей – с одной стороны, монотонной цикличности, при которой "что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем", а с другой стороны, безудержного возникновения нового, предполагаемого идеей прогресса. Оказывается, что из всей богатейшей сокровищницы многотысячелетней китайской культуры именно *И цзин* предоставил Лян Цичао ту схему порождения нового посредством циклического чередования старого, с помощью которой ему удаётся осуществить это примирение.

Вообще говоря, классической формулировкой доктрины, санкционирующей возможность и необходимость социальных перемен, является содержащееся в "Комментарии привязанных слов" и приписываемое Конфуцию объяснение афоризма к верхней черте гексаграммы ***Да ю***. Именно на эту ицзиновскую цитату любили ссылаться, например, незадолго до "движения за реформы 1898 года"

ведущие деятели так называемого "возрождения эпохи Тун-чжи" 1862–1874 гг. Однако тогда, в середине позапрошлого века, перемены, подразумеваемые этой цитатой, мыслились китайцами по циклической схеме – как исправление настоящего положения вещей для восстановления утраченных преимуществ, так сказать, "доброго старого времени". В конце XIX в. под воздействием хлынувшей с Запада эволюционистской и прогрессистской идеологии, в умах образованных и радикально настроенных китайцев произошёл переворот. В работах Кан Ювэя и Лян Цичао можно разглядеть следы этого переворота – попыток усвоения европейской идеи бесконечного линеарного развития посредством переосмысления туманных изречений древней "Книги Перемен" в духе европейской научной и общественной мысли нового времени.

В яркой плеяде идеологов, боровшихся за реформирование Китая, особое место занимает Хан Синьчжай (1869 – 1924) – общественный деятель и учёный. Исследователи, к сожалению, незаслуженно обошли вниманием его личность и творчество, несмотря на то, что они представляют немалый интерес. Дело в том, что фигура Хан Синьчжая знаменует собой завершение целого периода осмысления традиционно образованными китайцами взаимоотношений китайской и западной цивилизаций. По мнению Хан Синьчжая, "*И цзин* подобен большому ясному зеркалу, отражаясь [в котором], любая вещь [сохраняет свой первоначальный] облик". Как поясняет современный исследователь, согласно Хан Синьчжаю, все существующие и существовавшие теории – китайские и зарубежные, древние и современные, естественнонаучные и общественно-политические – все они не выходят за рамки чисел *И цзина*. Так, например, Хан Синьчжай полагал, что не только достижения естественных наук нового времени закодированы в образах и числах *И цзина,* но там же содержатся такие западные понятия, как демократия, конституционная монархия, социализм, судебная система и независимость судебной системы. Большой интерес представляют также историко-философские и историко-культурные воззрения Хан Синьчжая, впрямую базирующиеся на идеологии *И цзина*. Так, например, учёный оспаривает ортодоксальную интерпретацию такого важного христианского символа, как крест.

С течением времени взгляды передовых китайцев на соотношение западной и китайской культур значительно радикализировались. Так, например, один из лидеров движения за новую культуру, философ Ху Ши (1891 – 1962) выступил за полную "вестернизацию" китайской культурной и политической жизни. В то же время существовала и более умеренная позиция. Известный китайский марксист Ли Дачжао (1889 – 1927) призвал "не сбрасывать со счетов культуру Востока только потому, что в материальном плане она уступает Западу, культура которого тоже не лишена слабостей". Как и Хан Синьчжай, веривший в грядущее сближение, а в итоге и в воссоединение некогда имевших общий исток, и лишь

впоследствии разошедшихся учений Востока и Запада, Ли Дачжао был убеждён, что в будущем "культурные сферы Востока и Запада образуют две великие оси мирового прогресса. Между обеими культурами должна установиться гармоничная связь – дополняя друг друга, они будут постепенно сближаться, идти друг другу навстречу, пока не сольются в единую мировую культуру".

AGEEV N.
(Moscow)

The Book of Changes (*Yijing*) and calendar in works of the Han era scientists.

Many publications recently appeared (but basically all of them have commercial character) are about a Chinese calendar and all of them are inevitably connected with *Yijing*. It is no wonder that even in those of few of them, which pretend to be scientific, there is no little serious study of Han era *Yijing* though it is accepted to consider that they were Han period scientists who began to use the calendar applications to explain *Yijing*. Speaking about Han period scientists, I mean Meng Xi and Jing Fang. Till now their scientific work did not become a subject of special consideration in a domestic science (except for brief mentions). It would be desirable to fill this blank and for the beginning to stop on calendar theories of their works namely on application by Meng Xi and Jing Fang of some ideas and designs of *Yijing* for theoretical understanding of various aspects of calculation of time and major natural rhythms. As it is known, their calendar constructions dating from *Yijing* have had a great impact on the posterior history of a traditional Chinese calendar. In this case the matter concerns, first, the Meng Xi's "Doctrine about gexagram's or trigram's *qi*" (*qi* - energy, pneuma, aether, vital force etc.) and Jing Fang's "The Doctrine about perception of the First" or "Distribution of ten heavenly trunks on Eight Trigrams (*Na jia shuo*)".

Calendar constructions usually connected with a name of Meng Xi (90 - 40 years up to AD) include: "The doctrine about Four correct gexagrams", "The doctrine about 12 gexagrams of decrease and growth (*xiao xi gua shuo*)", "A method of 7 days and 6 parts" and "72 five-day weeks (*hou*)" etc. All these doctrines are united by the term "The Doctrine about gexagram's or trigram's *qi*". Here the hieroglyph 卦 (*gua*) indicates 64 gexagrams, and the hieroglyph 气 (*qi*) marks cyclic natural changes such as change of seasons, periodicity of lunar months, sequence of 24 seasons of a traditional Chinese calendar and so on. In other words it is a question of dynamics of change *qi* (its growth, decrease etc.). Thus, in the doctrine about gexagram's *qi* the coordination of *Yijing*'s symbolics with a calendar is carried out. That is there is the original modeling of major cyclic natural processes with the help of symbols "The Books of Changes" (transitions from one gexagram to another, sequence of features within the limits of one gexagram and so on).

The main contribution to *Yijing* studies of Meng Xi's younger coeval - Jing Fang - was the doctrine about "Eight palaces (*ba gong shuo*)"; we are now interested in direct consequence of this doctrine, such important calendar application, as the doctrine about distribution of ten heavenly trunks on eight trigrams (*na jia shuo*), i.e. construction of conformity between 10 cyclic symbols (so-called heavenly trunks) and 8 homogeneous (*chun gua* 纯卦, i.e *Qian, Zhen, Kan, Gen, Kun, Xun, Li, Dui*) gexagrams (*na jia shuo* 纳甲说 – "The doctrine about perception of the First"). To establish the given conformity Jing Fang was guided by the following simple principle of duality: he compared *yang* (i.e. odd) cyclic marks to *yang* gexagrams (i.e. to pairs of *yang* trigrams), and vice versa. Natural continuation of Jing Fang's "Distributions of ten heavenly trunks on eight trigrams (*na jia*)" is the comparison of twelve cyclic marks (so-called of "earth branches", *di zhi* 地支) to features of eight homogeneous gexagrams. According to Jing Fang ("Jing shi Yi zhuan", Comment to *Yijing* of mister Jing), just as the numbers were divided on *yang* and *yin* (odd - *yang*, even - *yin*), 12 branches were also divided on *yin* and *yang*. Except for all it, basing on traditional *Yijing* allocation of five elements (*wu xing*) on four seasons Jing Fang included them in the system of the described above correlations, he correlated 5 elements with features to eight homogeneous gexagrams.

In opinion of some modern Chinese scientists, calendar interpretations of *Yijing* is a product of pre-Han period. For example, results of research of Liu Dajun convincingly bear to it and show the presence of traces of "The Doctrines about gexagrams' *qi*" in "The Comments of the large images (*Da xiang zhuan*)" - one of oldest *Yijing* comments.

Though usually the calendar interpretations of *Yijing* are perceived as characteristic feature only of one of two main directions in *Yijing* studies, namely, of Han doctrine about images and numbers (*xiang shu zhi xue*), nevertheless there are serious reasons to believe that the astronomic and calendar area of studies initially is one of major semantic significance of an ancient monument and that's why it could not date from works of Han scientists.

Агеев Н.Ю.
(Москва)

Книга Перемен (*И цзин*) и календарь в творчестве ханьских учёных

В последнее время появилось много публикаций (но в основном все они носят при этом коммерческий характер) о китайском календаре, и все они неизбежно затрагивают *И цзин*. Неудивительно, что даже в тех немногих из них, которые претендуют на научность, отсутствует сколько-нибудь серьёзное рассмотрение ханьской ицзинистики, а ведь принято считать, что именно ханьскими учёными было положено начало календарным приложениям *И цзина*. Говоря о ханьских учёных, я имею в виду Мэн Си и Цзин Фана. До сих пор в отечественной науке их творчество не стало предметом специального рассмотрения (кроме кратких упоминаний). Хотелось бы восполнить этот пробел и для начала остановиться на календарных сюжетах их творчества, а именно, на применении Мэн Си и Цзин Фаном некоторых идей и конструкций *И цзина* для теоретического осмысления различных аспектов исчисления времени и важнейших природных ритмов. Как известно, их календарные построения, восходящие к *И цзину*, оказали огромное воздействие на последующую историю традиционного китайского календаря. Речь идёт в данном случае, во-первых, об "Учении о *ци* гексаграмм или триграмм (*Гуа ци шо*)" Мэн Си (*ци* – энергия, пневма, эфир, жизненная сила и т.д.) и об "Учении о восприятии первого" или "Распределении десяти небесных стволов по восьми триграммам" (*На цзя шо*) Цзин Фана.

Календарные построения, обычно связываемые с именем Мэн Си (90 – 40 гг. до н.э.), включают в себя: "учение о четырёх правильных гексаграммах", "учение о 12 гексаграммах убывания и роста (*сяо си гуа шо*)", "метод 7 дней и 6 частей" и "72 пятидневки (*хоу*)" и др. Все эти учения объединяются термином "Учение о *ци* гексаграмм или триграмм" *гуаци шо* (卦氣說). Иероглиф 卦 *гуа* здесь указывает на 64 гексаграммы, а знак 氣 *ци* – на такие циклические естественно-природные изменения, как смена времён года, периодичность лунных месяцев, последовательность 24 сезонов традиционного китайского календаря и т. п. Иначе говоря, речь идет о динамике изменения *ци* (её росте, убывании и т. д.). Таким образом, в учении о *ци* гексаграмм осуществляется увязывание ицзиновской символики с календарём, т.е. имеет место своеобразное **моделирование** важнейших циклических природных процессов с помощью символов "Книги перемен" (переходов от одной гексаграммы к другой, последовательности черт в пределах одной гексаграммы и т. п.).

Главным вкладом в ицзинистику младшего сверстника Мэн Си – Цзин Фана – явилось учение о "Восьми дворцах" (*ба гун шо*); нас же сейчас интересует непосредственное следствие этого учения, такое важнейшее календарное приложение, как учение о распределении десяти небесных стволов по восьми триграммам (*Нацзя шо*), т.е. построение соответствия между 10 циклическими знаками (так называемыми небесными стволами) и 8 однородными (*чунь гуа* 纯卦, т.е. *Цянь, Чжэнь, Кань, Гэнь, Кунь, Сюнь, Ли, Дуй*) гексаграммами (*нацзя шо* 纳甲说 – "учение о восприятии первого"). В установлении данного соответствия Цзин Фан руководствовался следующим простым принципом двоичности: янским гексаграммам (т.е. парам янских триграмм) он сопоставлял янские же (т.е. нечётные) циклические знаки, и, соответственно, наоборот. Естественным продолжением "распределения десяти небесных стволов по восьми триграммам" (*нацзя*) у Цзин Фана является сопоставление чертам восьми однородных гексаграмм двенадцати циклических знаков (так называемых "земных ветвей", *дичжи* 地支). Согласно

Цзин Фану, (*Цзин ши и чжуань,* Комментарии к *И цзину* господина Цзина), подобно тому, как числа разделены на янские и иньские (нечётные – *ян*, чётные – *инь*), 12 ветвей также были разделены на *инь* и *ян* (чётные – иньские, нечётные – янские). Кроме всего этого, Цзин Фан, опираясь на традиционное ицзиновское разнесение пяти стихий (*усин*) по четырём временам года, включил их в свою систему описанных выше корреляций, соотнеся 5 стихий с чертами восьми однородных гексаграмм.

По мнению некоторых современных китайских учёных, календарные интерпретации *И цзина* – это продукт доханьской эпохи. Об этом убедительно свидетельствуют, например, результаты исследования Лю Дацзюня, показывающие наличие следов "Учения о *ци* гексаграмм" в "Комментариях больших образов (*Да сян чжуань*)" – одном из старейших ицзиновских комментариев.

Хотя обычно календарные трактовки *И цзина* воспринимаются как характерная черта лишь одного из двух главных направлений в ицзинистике, а именно, ханьского учения об образах и числах (*сян шу чжи сюэ*), тем не менее существуют серьёзные основания полагать, что астрономическо-календарная тематика изначально является одним из важнейших смысловых измерений древнего памятника и поэтому не могла вести своё начало лишь с творчества ханьских ицзинистов.

ПОПОВ Арсений
(Москва)

Традиционные и современные семейные ценности и семейная политика в КНР: некоторые аспекты законодательной борьбы с семейным насилием в КНР

В последнее время, вследствие все большей открытости китайского общества, а также под давлением таких процессов, как модернизация, глобализация и вестернизация, внутрисемейные отношения в КНР подвергаются значительным изменениям. Отмечается как появление абсолютно новых для Китая форм и явлений, так и новые грани старых, традиционных явлений. В частности, совершенно по-новому выглядит в новой ситуации такое явление, как семейное насилие.

К истокам современного насилия в семьях КНР в равной степени относятся как традиционная культура внутрисемейных отношений, так и современные влияния, пришедшие в Китай вместе с западной цивилизацией. Безусловно, семейное насилие существовало в Китае и до революции, причем оно было в некоторой степени поощряемо: в случае малейшего неповиновения младшего (по возрасту или положению) старшему, применялось насилие. В

основном семейное насилие осуществлялось старшими по отношению к младшим. Однако в последнее время вследствие все большей открытости нравов, семенное насилие обрело новые формы: зачастую насилие в семье осуществляется теперь и младшими по отношению к старшим. Руководство КНР, проводя семейную политику, попыталось укрепить нравы путем возвращения и пропаганды традиционных ценностей, однако натолкнулось на новый взгляд по отношению к семейному насилию (взгляд со стороны западных ценностей, со стороны прав человека). Современный Китай является весьма восприимчивым к новым для него оценкам и взглядам, и, в частности, на семейное насилие в городах Китая взгляды весьма неоднозначны: с одной стороны, это взгляд с точки зрения традиционных ценностей, с другой – с точки зрения прав человека.

Не вызывает сомнения тот факт, что семейное насилие крайне неблагоприятно влияет как на каждую отдельную семью, так и на весь социум в целом. Однако и полное отсутствие уважения к старшим не может украсить современное общество. В настоящее время китайское общество оказалось в неоднозначном положении: с одной стороны, необходимо вернуть в общество уважение к старшим, с другой стороны, избежать пропаганды и насаждения семейного насилия.

Нигде и никогда в Китае традиционные ценности не заменялись полностью на современные: напротив, это всегда был компромисс, симбиоз, постепенное прирастание и взаимное дополнение. Такая же ситуация складывается и с возвращением традиционных ценностей.

Семейное насилие теснейшим образом взаимосвязано с другими процессами, происходящими в современной китайской семье: с конфликтом между поколениями и между традиционно неравными членами семьи, воспитанием детей, разводами и т. д.

Вопрос о семейном насилии наконец получил в КНР законодательную почву: он отражен в Конституции (косвенно), в новом Законе о Браке, в Уголовном Кодексе, в Законе об охране несовершеннолетних и т. д. Кроме того, начиная с 1996 года во многих городах местные правительства подготовили и ввели в действие «Положения о предупреждении и борьбе с семейным насилием». Таким образом, мы видим, что руководство КНР, проводя активную политику по возвращению традиционных ценностей, пытается соответствовать и современным тенденциям в китайском обществе.

Вывод: Руководство КНР, проводя семейную политику, пытается соответствовать как традиционным, так и новым ценностям. Традиционные ценности (активную пропаганду по возвращении которых ведет правительство) вступают в конфликт с современными (уже в немалой степени западными) ценностями. Развитие и решение этого конфликта, в том числе законодательным путем, представляется достойным последующего внимания для более полного понимания процессов, происходящих в китайском обществе.

KRIVETS E.A.
(Moscow)

Copts are in Range of West and East churches

Today Egypt monophysites as the fifteen centuries ago are different from Orthodox in faith but they are unified in cult, customs and traditions. There is a certain tendency to misrepresent the essence of division, which was at the Council of Chalcedon in 451. The point of distinction was in a dogmatic sphere not political. Ecumenists try to forget this exist term of "monophysite", making distinctions in the theological terminology.

Ecumenizm as a part of globalization direct to the destruction Christianity preserving external cult and customs.

Кривец Е.А.
(Москва)

Египетские христиане в системе отношений западных и восточных церквей

Как и 15 веков назад египетские монофизиты и сегодня в вере отличны от православных, оставшись с ними согласными в культе, обычаях и обрядах. Существует сознательное стремление исказить суть разрыва на Халкидонском соборе в V в., которая заключалась в догматических причинах, а не политических. Экуменисты спешат забыть сам термин «монофизитство», считая, что различия заключаются в богословской терминологии.

Экуменизм, понимаемый как часть процесса глобализации, означает уничтожение внутренней сути христианства при сохранении внешней обрядности.

ZAKHAROV A.O.
(Moscow)

The Problem of Political Organization of the Early Medieval Insular Societies of the Southeast Asia

This paper is devoted to the problem of political organization of the Southeast Asian insular world during V–VIII centuries. Epigraphy, archaeological data and foreign narratives are used as the maim sources. The early medieval societies of Sumatra, Java and Kalimantan (Borneo) (first, Śrīvijaya and the societies of Java) are studied. The author offers to examine some different conceptions of state and its origin and development, to establish the way of their correlation with the empirical data, and to try to interpret the data we have. He analyses the theories of state of F. Engels, H.J.M. Claessen, E. Service, L.S. Vasil'ev, V.A. Yakobson, the "mandala" conception of O.W. Wolters, and some hypotheses of chiefdom. It is necessary to define the terms

used exactly and to work with these strict definitions. In this study the indispensable condition is the indifference to the truth of every conception of state or chiefdom: they are used as hypotheses, and if they are not coordinate with the data, it is not evidence of their common falsity. The following conclusions are made: the conception of state and its origin by F. Engels is not applicable to the Southeast Asian history V–VIII centuries; the hypothesis of O.W. Wolters can not be accepted without reserve because it is too general and it does not for Kalimantan. The opinion of J.Wisseman Christie about Śrīvijaya as "early state" needs to be correct. The characteristic of this society as thalassocracy is not sufficient for establishment of its inner structure. The "early state" Mataram came to existence in 8th century on Java, while the kingdom of Pūrnavarman and the other societies known from the Chinese tradition were still rather chiefdoms.

Захаров А.О.
(Москва)

К проблеме политической организации островных раннесредневековых обществ Юго-Восточной Азии

Доклад посвящен вопросу о формах политической организации обществ островного мира Юго-Восточной Азии в V–VIII вв. н.э. Основными источниками служат эпиграфика, данные археологии и иноземные письменные источники, в первую очередь китайские тексты. Исследуются раннесредневековые общества Суматры, Явы и Калиман-тана (в первую очередь Шривиджайя и социумы Явы).

Автор предлагает рассмотреть различные концепции государства и политогенеза, установить способ их соотношения с эмпирией и попытаться интерпретировать имеющиеся данные. Анализируются теории государства Х.Дж.М. Классена, Э. Сервиса, Л.С. Васильева, Ф. Энгельса, В.А. Якобсона, концепция «мандал» О.В. Уолтерса, гипотезы «вождества». Необходимо четко определять термины и работать с ними. Принципиальным условием в этом исследовании будет безразличие к справедливости той или иной концепции государства или вождества: они используются в качестве гипотез, и если не согласуются с материалом, то это не означает их общей ложности. Делаются следующие выводы: концепция государства и политогенеза Ф. Энгельса к истории Юго-Восточной Азии V–VIII вв. неприменима; гипотеза О.В. Уолтерса не может быть принята безоговорочно, поскольку обща и не подходит для Калимантана; мнение J. Wisseman Christie о том, что Шривиджайя была «ранним государством», нуждается в коррективах. Характеристика этого социума как талассократии недостаточна для определения его внутренней структуры. На Яве в VIII в. возникает «раннее государство» Матарам, хотя царство Пурнавармана и другие известные из китайской традиции общества были еще скорее всего вождествами.

GERASIMOVA Maya
(Moscow)

The Continuity in the Development of Aesthetic Traditions in Japan

In Japan and far beyond its islands, the cultural and aesthetic tradition, which has been formed at court of Japanese emperors in Heian period, is usually regarded to be the Japanese classic – *ochobunka*. But Japanese culture, as well as any other, is also represented by the culture, which has been formed in different social circles at different times. It is a matter of special interest, that each of them has the same core, and urban culture of Edo period, which also has been born in Kyoto among the craftsmen, merchants and *geiko* (*geisha*), is based on the same principles as aristocratic culture of Heian. This can be proved by tracing the transformation of the concept *mono-no aware*, known as aesthetic category from the Heian period, which was accepted afterwards as *yugen – vabi – sabi* and *sui* due to religious and cultural values of the epoch. It can be said, that each of this means discovering the essence of *mono* – everything, that surrounds a man or with what he deals with in the course of his life, including concepts, actions, phenomena, human feelings etc. The conclusion about what is happening today can be made with certainty far more later, but there is every reason to suppose that the same tendency to discover the sole of *mono*, which is expected to be beautiful, is still alive, but called ..... "*esensu*" (essence !)

Герасимова М.П.
(Москва)

Преемственность развития культурной и художественной традиции в Японии

Культурные традиции, сформировавшиеся при дворе японских императоров в эпоху Хэйан (*отё бунка*) исследователи японской культуры как в самой Японии, так и за её пределами, считают «японской классикой», более всего характеризующей японскую ментальность. Однако неотъемлемой частью культурных традиций японского народа, как и любого другого, является также городская культура, зародившаяся позднее – в эпоху Эдо – в среде нового сословия горожан – торговцев и ремесленников (*тёнин бунка*).

Сопоставление культурных традиций императорского двора эпохи Хэйан и совершенно непохожей на неё на первый взгляд культуры горожан в эпоху Эдо позволяют выявить лежащий в их основе общий эстетический принцип, который дает основание рассматривать понятие «суй» (изысканная стильность), ставшее предметом исканий в этот период, как новое звено в цепи понятий красоты, связывающее аристократическую культуру Хэйана, с городской культурой эпохи Эдо одним и тем же стремлением выявить суть.

В разные исторические периоды в зависимости от религиозно-нравственных и культурных ценностей менялось идейное содержание понимания красоты, о чем говорит трансформация в понимании основной эстетической категории *моно-но аварэ*, воспринимаемой впоследствии как *югэн*, затем как *ваби – саби*, и наконец как *суй*.

Выводы о том, каково понимание красоты в Японии сегодня и что является предметом поиска искусства, со всей уверенностью можно будет сказать некоторое время спустя, но есть все основания полагать, что сегодня искусство также стремится постичь и выразить суть предмета ли, явления ли, которую современные японцы называют ..... *эсэнсу* (essence !)

NARM Svetlana G.
(Moscow)

Policy of Soviet Government in Respect of Korean National Liberation Movement in 1918-1922

1. Search by Soviet Government in early 1918 of Korean national liberation movement leaders for joint struggle against Japanese interventionists.

2. Appeal of Soviet Government on July 26th, 1919 to "Korean Revolutionary Organization Kuk-Min-Khe and to all Korean people" (All-Korean National Council – *author's remark*) to organize the insurrection inside Korea and step forth against Japanese invaders jointly from two sides: from the East – the Land of Morning Freshness and from the West – the Urals, and set their countries free.

3. Resolutions of the IInd Congress of Comintern (July 19th – August 17th, 1920) relating to the necessity to render real aid to colonial nations in organization of insurrections against colonizers. Rendering of financial aid to Korean Communists for these purposes.

4. Weakness, immaturity and inability of Korean national and liberation forces to implement the above mentioned policy jointly with the Soviets. Reason: absence of corresponding objective conditions in Korea (feudal and patriarchal society, absence of working class and its social and political organizations), and on the other hand – severe repressions and Anti-Korean terror by colonial authorities.

5. End of civil and anti-interventionist war at the Far East. Change of Soviet political leadership (Lenin's illness in late 1922 and factual assumption by Stalin of Party's and political leadership in the country). Stalin's policy of ingratiation with Japan and temporary suspension of Soviet policy of support of Korean national and liberation movement.

Нам Светлана Г.
(Москва)

Политика советского правительства в отношении корейского национально-освободительного движения в 1918-1922 гг.

1. Поиск советским правительством в начале 1918 года лидеров корейского национально-освободительного движения для совместной борьбы против японских интервентов.

2. Обращение советского правительства от 26 июля 1919 года «Корейской революционной организации Кук-Мин-Хэ и всему корейскому народу» (Всекорейский Национальный Совет – авт.) с призывом организовать восстание внутри Кореи и совместно выступить против японских оккупантов с двух сторон: с востока со стороны страны Утренней свежести и с запада со стороны Урала и освободить свои страны.

3. Решения II-го Конгресса Коминтерна (19 июля – 17 августа 1920 г.) о необходимости оказания реальной помощи колониальным народам в организации восстаний против колонизаторов. Оказание корейским коммунистам финансовой помощи для этих целей.

4. Слабость, незрелость и неспособность корейских национально-освободительных сил претворить в жизнь вышеозначенный курс совместно с Советами. Причина: отсутствие в Корее соответствующих объективных условий (феодально-патриархальное общество, отсутствие рабочего класса и его общественно-политических организаций), а с другой стороны, жестокие репрессии и антикорейский террор колониальных властей.

5. Окончание гражданской и антиинтервенционистской войны на Дальнем Востоке. Смена советского политического руководства (болезнь Ленина в конце 1922 гг. и практическое вступление Сталина к рулю партийного и политического руководства страной). Сталинская политика заигрывания с Японией и временное прекращение советской политики поддержки корейского национально-освободительного движения.

КОЖЕКИНА М.Т.
(Москва)

Заимствование хозяйственного опыта как аспект культурного взаимодействия: Россия и Индия на рубеже XIX – XX веков

С последней трети XIX в. сфера взаимодействия России и Индии значительно расширилась, охватив постепенно политическую, экономическую, научную, культурную и в меньшей степени военную и религиозную области. Эпизодические контакты прежних лет,

являвшиеся, как правило, инициативой отдельных лиц, уступали место более или менее устойчивым связям. Все в большей степени включались в эту работу правительственные органы.

Важную роль в этом процессе играли экономические связи. Первостепенной задачей было наладить прямую торговлю, исключив западноевропейское посредничество, наносившее урон российской торговле и промышленности, сравнительно быстро развивавшимся в пореформенной России. Деловые круги страны все настойчивее выступали как за прямую торговлю с Индией, так и за изучение хозяйственного опыта стран Востока с целью дальнейшего внедрения его в России. В первую очередь речь шла о хлопке и красителях, в конце XIX в. также о джуте и чае, после завоевания Средней Азии в процессе превращения ее в сырьевой придаток России – об ирригации. В этот период активно подключились к данной деятельности специализированные профессиональные и научные общества, учебные заведения, печать.

Трудному делу заимствования хозяйственного опыта Востока, в том числе Индии, правительство России уделяло особое внимание, поскольку оно требовало специальной подготовки, политического сопровождения, существенных финансовых затрат.

В 1895–1897 гг. была организована первая комплексная правительственная сельскохозяйственная экспедиция на Восток (Индия, Цейлон, Китай, Япония), называвшаяся «чайной». Однако она ставила своей задачей не только детально изучить культуру чая как растение, но и его промышленное производство, а также вопросы торговли этим продуктом. Помимо этого считалось необходимым изучить климатические, почвенные, естественноисторические и хозяйственные условия районов произрастания чайного куста. Таким образом, впервые ставилась задача широкого заимствования хозяйственного опыта народов Востока. В результате этой экспедиции на Кавказе, в районе Батуми, появились плантации чая, апельсинов, мандаринов, бамбука и других плодовых и декоративных субтропических растений, была построена паровая чайная фабрика, работавшая на местном сырье, организованы питомники, производившие продажу саженцев. Другим результатом были объемные отчеты, опубликованные руководителями экспедиции инспектором Кавказских удельных имений агрономом И.Н. Клингеном и профессором географии Императорского Харьковского университета А.Н. Красновым. К 1917 г. Клингеном был разработан грандиозный проект новой «чайной» экспедиции в Индию, но из-за политической обстановки в России он не был реализован. Заметим, производство чая и мандаринов до сих пор являются главными в этом районе Кавказа, а эти продукты – его основными экспортными статьями.

Комплексный подход к изучению иностранного опыта хозяйствования сохранялся и при организации последующих экспедиций на Восток.

Другим важнейшим хозяйственным заимствованием является создание ирригационной системы в Средней Азии. Для изучения этого опыта по заданию правительства на Восток ездили инженеры С. Островский (Индия, 1906), Н. Епанчин (Индия и Египет, 1911), В. Чиков (Индия и Египет, 1913).

Ирригационные системы и оросительные каналы были построены в Голодной степи в связи с освоением Туркестана, важнейшей отраслью хозяйства которого был хлопок. Для постановки хлопководства в этом регионе русским был также необходим опыт Востока, в том числе Индии.

В этой области было налажено иное взаимодействие – обмен семенами, консультации специалистов. То же касается производства джута. В Индии в свою очередь весьма интересовались русским льном. Как известно, хлопководство стало и до сих пор остается одним из важнейших производств Средней Азии. Попытки производства льна в Индии и джута в России, однако, не смогли преодолеть противодействия местных производителей культур-конкурентов.

В России интересовались также индийским опытом производства и обработки кожи. В 1916 г. с этой целью по заданию правительства в Индии был Ф. Жолендовский, представитель Всероссийского общества кожевенных заводчиков. Практических результатов эта поездка не имела, что объясняется ее близостью к наполненному политическими потрясениями 1917 г.

Новым и плодотворным для России результатом поездок для изучения хозяйственного опыта Индии и возможностей прямой торговли с ней стали не только устные и печатные публикации участников экспедиций, но также выставки восточных товаров и продукции, организованные различными обществами и в ряде случаев ставшие постоянными. Значительное число россиян получило возможность увидеть «дары Востока», а не только услышать или прочитать о них. Заинтересованные лица из самых разных слоев приобщались к культуре Индии.

Взаимодействие России и Индии на рубеже XIX – XX веков по заимствованию хозяйственного опыта выходило далеко за рамки чисто экономических связей.

Внедрение его на территории России вовлекало в этот процесс значительные массы населения.

В сочетании с другими сферами общения (особенно научной и культурной), а также в условиях постоянных рейсов русских судов на Восток и т. п. «расстояние» между народами двух стран сокращалось, росли взаимопонимание, дружественное расположение, сочувствие и симпатии. Они в свою очередь стимулировали дальнейший взаимный интерес и выводили контакты и культурное взаимодействие на новый виток развития.

SINETSKAYA Elvira
(Moscow)

Feminism in China

Feminism in China has a long history. It can be divided into several periods different in length and intensity. Feminism was born in China as a result of the Christian missionary activities and of the stimulation of women's emancipation by Chinese revolutionaries who saw it as part of national emancipation. It led to recognition of the equality of sexes in the China constitution which, did not result into a serious development of women's self-awareness.

A new reformist period saw among other things attempts to solve difficult problems caused by unemployment by "returning women back to the household". It demonstrated full complexity of gender relations in China and gave and stimulated the development of both research on women's issues and of women's self-awareness and self-organization.

Синецкая Э.А.
(Москва)

«Женский вопрос» в Китае

История вопроса в Китае отнюдь не коротка, она состоит из нескольких очень неравномерных по времени и интенсивности этапов развития. Зарождение «женского вопроса» в стране признается практически всеми исследователями, как зарубежными, так и китайскими, как результат прежде всего деятельности христианских миссионеров, а в начале прошлого века эмансипации женщин стимулировалась китайскими революционерами в качестве важной компоненты эмансипации нации. Странным образом, закрепленное в Конституции Китае равноправие полов не привело, по большому счету, к серьезному развитию женского самосознания.

Новый реформаторский этап в стране, когда, в частности, острейшие проблемы безработицы пытались решить "возвращением женщин домой", выявил всю сложность гендерных отношений в Китае и в том числе послужил стимулом развития, как женских исследований, так и женского самосознания и самоорганизации.

EVDOKIMOV Youri
(Moscow)

The Eastern Arabia society, – Quo vadis –
(the experience of the United Arab Emirates)

Before the XX century this region of the Persian Gulf and particulary its Southern part concerned to the least studied regions of the whole Arab World, and for the Russian literature it was absolutely unknown. Even the British authorities received some indirect items of information on the internal settled terrains (oasis Liwa or al-Jiwa') only in the beginning of the XX century in connection with investigation about assassination in 1906 shaikh of Qatar because of precious pearls. After that the supposition also was made, that the desert Rub'-

al-Khali was settled and some expeditions were sent to this desert. And only in the middle of the XX century the first European, the Englishman W. Thesiger (1910-2003), visited these oases and gave us its detailed description (his book "Arabian Sands" first issued in 1959). Then the discovery of oil resources has allowed this region to enter the contemporary system of the world economy and to take there worthy place on a series of parameters and first of all on the income per capita.

The process of development of the society flowed very fast and visually: from tribal organization to territorial authority and then prompt transition to the modern state structure.

During life of one generation in the last quarter of the XX century happen significant conversions in social frame of the population. Urbanization and high rates of housing cconstruction, cultural revolution, broad access to modern education, the priorities for indigenous population promptly have resulted in essential changes of the society. As a result of it the social structure of indigenous population gains the shape of "an inverted pyramid" at which a sizeable part of local population is busy in government bodies and public service, and the immigrants are engaged in industrial sphere and services and outnumber the local population. And the social condition of "inverted pyramid" continues to develop.

Rational usage by the dominative elite of natural resources on the basis of national traditions and global technological achievements have allowed to create successfully developing stable society, in which the material prosperity of indigenous population is ensured and the conditions of preservation of the social peace are created.

On a background above stated it is possible to be set by a question: in what degree of the expression of the chiefs of Western countries, and first of all USA, about necessity of democratic transformations for the Arabian world, can concern to the Eastern Arabia societies, and in particular to the United Arab Emirates.

The parliamentary democracy of a Western sample is considered by local elite as such public system, which one would result society in separation and confrontation. And methods of realization of the election campaigns which have appeared in West and now widely applied in world practice, here were never used and in the present moment could have a destruction force with unpredictable consequences.

Евдокимов Ю. И.
(Москва)

Тенденции развития современного восточно-аравийского общества (опыт Объединенных Арабских Эмиратов)

До XX века этот район Персидского залива и особенно его южная часть относилась к наименее изученным районам арабского мира во всех отношениях, а для русскоязычной литературы был вообще неизвестен. Даже английские власти получили косвенные сведения о внутренних населенных местностях (оазис Лива или

Эль-Джива') только в начале века в связи с расследованием дела об убийстве в 1906 г. шейха Катара из-за драгоценного жемчуга. После этого было также сделано предположение, что пустыня Рубэль-Хали населена и несколько экспедиций отправлялись в эту пустыню. И только в самой середине XX века первый европеец, англичанин У. Тэсиджер (1910-2003), посетил эти оазисы и дал им подробное описание (первое издание его книга "Аравийские пески" вышло в 1959 г.). Затем промышленное освоение нефтяных ресурсов позволило этому региону органично войти в сложившуюся систему мирового хозяйства и занять там достойное место по ряду показателей и прежде всего по среднегодовому доходу на душу населения. И в результате были достигнуты такие цели, которые для ряда других народов пока еще недостижимы.

Процесс развития общества протекал очень быстро и наглядно: от племенной организации к территориальному сообществу и затем стремительный переход к современному государственному устройству.

В течение жизни одного поколения в последней четверти XX века происходят значительные преобразования в социальной структуре населения. Урбанизация и высокие темпы жилищного строительства, культурная революция, широкий доступ к современному образованию, приоритеты для коренного населения стремительно привели к существенным изменениям в обществе. В результате этого социальная структура коренного населения приобретает форму "перевернутой пирамиды" при которой значительная часть местного населения занята в органах управления и на государственной службе, а в производственной сфере и в сфере обслуживания заняты преимущественно иммигранты, численно значительно превосходящие местное население. И общественное состояние "перевернутой пирамиды" продолжает развиваться.

Рациональное использование правящей элитой природных богатств на основе национальных традиций и мировых научно-технических достижений позволили создать успешно развивающееся стабильное общество, в котором обеспечен материальный достаток коренного населения и созданы условия сохранения социального мира.

На фоне вышеизложенного можно задаться вопросом: в какой степени высказывания руководителей Западных стран, и прежде всего США, о необходимости демократических преобразований в арабском мире, могут относиться к восточно-аравийским обществам, и в частности к Объединенным Арабским Эмиратам.

Парламентская демократия западного образца рассматривается местной элитой в качестве такой общественной системы, которая привела бы общество к разделению и конфронтации. А сами методы проведения избирательной кампании, появившиеся на Западе и в настоящее время широко применяющиеся в мировой практике, здесь никогда не использовались и в настоящий момент могли бы иметь разрушительную силу с непредсказуемыми последствиями.

SHEREMET Vitaly
(Moscow)

Archival orientalistics:
principles, purposes, perspectives

Archival orientalistics is an integral part of oriental studies. It is based mostly on the use of national archival materials as a foundation for historical studies of all kinds.

It also studies the archives themselves. These researches are made by national and international groups of historians – specialists in oriental studies.

In our time archival oriental studies are stimulated by the following factors:

1) global data exchange;
2) successful development of imagological studies as a part of liberal arts adequate to the modern stage of globalization and tolerance;
3) UN and UNESCO efforts to forward the dialogue between nations and peoples that is based on sound historical data;
4) self-identification and growing political activity of small peoples and ethnic groups without their own written sources of historical information on which the national history may de based;
5) success of interdisciplinary methods of research correlative with archival oriental studies and historical studies in the whole.

Archival oriental studies correspond with prevalence of international projects. These projects often have government support. Mutual accessibility of national archives and swift expansion of oriental archival studies is apprehended as:

1) a demonstration of mutual confidence between states;
2) as a commitments of different states to creation of favorable scientific and information milieu as a necessary factor of sustainable development.

The documents of different national archives help to correct the dating of different events in the countries that had their own calendars, different from the Western one.

Oriental archival studies give a real opportunity to create an accurate account of vertical (center – regions) and horizontal (interregional) relations.

The analysis of the events recorded in the documents and the reaction on these events in the neighboring countries (for example, Russia – Turkey, Iran, China etc.) shows the historical position of the state whose representative had fixed the event or fact described in the document.

Archival oriental studies give a rare opportunity to formulate historically authentic conclusion for both countries – one that owns the documents and one that is interested in them. The results of these archival studies are published sooner than usually because a lot of participants are interested in proclaiming them.

One of the most significant traits of archival orientalistics is that it leaves no place for the controlled history or its mythologization.

Шеремет В.И.
(Москва)

Архивное востоковедение:
принципы, цели, перспективы

Под "*архивным востоковедением*" понимается неотъемлемая часть ориенталистики, опирающаяся преимущественно на документы национальных архивов как основной источник при создании исторических трудов всех видов, и изучение таковых архивов как самостоятельного объекта исследований, проводимых национальными и интернациональными группами учёных и отдельными учёными-ориенталистами. Как научная поддисциплина *архивное востоковедение* существует в России более 180 лет, т.е. наряду с собственно научным востоковедением (ориенталистикой).

Стимулирующие факторы развития *архивного востоковедения* в наши дни следующие:

1) глобальные масштабы информационного обмена;
2) очевидные успехи имагологии как науки, адекватной современному этапу глобализации и толерантности;
3) инициативы ООН, ЮНЕСКО, мирового сообщества в целом, направленные на диалог наций и людей, который опирается на сумму достоверных, устойчивых, проверяемых исторических сведений;
4) лавинообразный процесс самоидентификации и политизации малочисленных этносов и этнических групп, часто не имеющих собственных письменных источников для создания национальной истории;
5) успехи и перспективность междисциплинарных методик, коррелирующихся с *архивным востоковедением*, ориенталистикой и исторической наукой в целом.

Востребованность *архивного востоковедения* отвечает широкому развитию в мире совместных, паритетных исследовательских проектов ориенталистов многих стран мира. Таковые проекты нередко поддерживаются государствами. Доступность на взаимной основе к национальным архивным фондам и быстрое развитие *архивного востоковедения* воспринимается научным миром:

1) как проявление взаимного доверия на уровне государств;
2) как заинтересованность государств в создании благоприятной научно-информационной среды, являющейся необходимым фактором устойчивого развития мировой цивилизации.

Прагматическая ценность работы в рамках *архивного востоковедения* для ориенталистов всего мира связана с рядом очевидных обстоятельств:

1) определение статуса разрабатываемых архивных документов, их датировка с опорой на известные государственные законодательные акты обеспечивает, как правило, большую корректность датировок событий национальных историй стран Востока, имевших иные, по сравнению с Западом, системы счета времени и датировок; синхронизируются процессы и отсчет времени, унифициру-

ются понятийные поля, весьма разнообразные в силу поливариантности развития стран Востока и иных причин.
2) существует реальная возможность, опираясь, например, на российские архивы, создавать картины вертикальных («центр-регион») и горизонтальных (межрегиональных) отношений. Для истории стран Востока достоверность исторического знания такового уровня во многих случаях может быть обеспечена преимущественно через архив, но именно специалистом-востоковедом, руководствующимся принципами *архивного востоковедения.*

1) анализ зафиксированных в документах событий и реакции на таковые, например, в сопредельных странах (Россия – Турция, Иран, Китай и др.) напрямую коррелируется с исторической позицией государств, представитель которого фиксировал эти события, факты;

2) работа архивиста-ориенталиста дает редкую возможность сформулировать исторически достоверные выводы в интересах и страны-фондодержателя, и страны-пользователя документов одновременно, так как вырабатывается единый информационный продукт.

Архивное востоковедение предполагает публикацию информационного продукта значительно быстрее, чем иные формы и методы работы с источниками межнационального, межгосударственного общения, прежде всего ввиду значительного круга сторон, заинтересованных в получении эксклюзивных материалов.

Глубоко позитивным, научным и одновременно этическим фактором является работа востоковедов заинтересованных сторон, изначально планируемая как совместная и паритетная. При этом информационный продукт архивного востоковедения обладает уникальной проверяемостью, достоверностью и сопоставимостью данных, не имеющих аналогов.

Архивное востоковедение изначально не оставляет места ни управляемому прошлому, ни его мифологизации.

Одной из самых динамичных наук современного мира – ориенталистике адекватна её составляющая *orientalistica archivica* с огромными ресурсными перспективами в виде национальных архивных фондов, к которым еще не прикасалась рука исследователя-ориенталиста.

MOLODIAKOVA E.V.
(Moscow)

Japanese model of religious life

Looking at the human history we can say for sure that religion has been and still remains one of major axis of human society. Even now it plays this role quite independently from economics and politics, but sometimes has been used as a tool of governing elites. Religion as dogma may not be eternal, but religious feeling itself remains very

strong because of deep connection with human soul and mind. Multicolor panorama of religious life in Japan can prove this thesis.

Shinto and Buddhism, Taoism and Confucianism have been peacefully co-existed in Japan from the ancient times. In that country no one cult or religious organization was able or even pretended to control the whole human life. Religious life of Japanese people is pluralistic and includes elements of many cults. It may be said, that the Japanese in general prefer rites and rituals to dogmas and this attitude left no space to religious conflicts and wars.

In Japan religion and state were connected from the ancient times, but for many centuries governing elite protected several cults without clear preference to no one. Only so-called 'State Shinto' during Meiji, Taisho and pre-war Showa periods (1868-1945) showed a significantly negative experience. At that time ruling elite destroyed historical balance between Shinto and Buddhism, forcibly promoted the first one. Such a policy came against adaptive religious conscience of Japanese people but even it could not destroy traditional peaceful coexistence of the two ancient religions in that country.

In today's world many conflicts have religious roots and origins. I think, humanity needs to learn from the Japanese experience of peaceful religious co-existence.

Молодякова Э.В.
(Москва)

Японская модель религиозной жизни

На протяжении тысячелетий существования человечества именно религия являлась организующим началом общества. По сей день практически во всех обществах она продолжает оставаться существенным компонентом их жизнедеятельности, достаточно независимым от экономики и политики. Но бывает и так, что религия становится послушным инструментом в руках правящих элит. Религия как догмат может исчезнуть, но религиозное чувство необычайно устойчиво и подпитывается богатством интеллектуального бытия народа. Удивительно широкая панорама религиозной жизни в Японии подтверждает это.

Традиционно здесь сосуществовали синто и буддизм, конфуцианство и даосизм. В стране никогда не было единой, религиозной организации, подчиняющей и контролирующей всю жизнь человека. Приверженность какой-то одной религии – явление чрезвычайно редкое. Японцам свойственен религиозный плюрализм, препятствующий возникновению религиозных распрей. Они не рассматривают какую-либо религию как абсолют, и часто придают большее значение форме (обряду, ритуалу), чем содержанию. Во многих случаях вера японцев базируется просто на обычаях и традициях.

При изначально тесной связи религии и государства явной зависимости одной религии от власти до середины XIX в. не было. Однако политика правящих кругов по использованию религии и

манипулированию ею на протяжении почти столетия (60-е годы XIX в. – первая половина XX в.) дает негативный опыт, небезынтересный для многих стран в настоящее время. Попытка правящих кругов нарушить сложившийся веками баланс между синто и буддизмом шла вразрез с адаптивным, религиозным сознанием японцев, что не позволило разрушить древнюю традицию сосуществования религий.

Многие конфликты, возникающие в различных частях земного шара, уходят корнями в противостояние религий. Существующий в Японии баланс между религиями уникальный и завидный индикатор веротерпимости, которой катастрофически не хватает большей части человечества.

GORIAEVA L.V.
(Moscow)

Adab in the Malay literary tradition: themes and genre forms.

The adab genre was brought into the Malay written tradition by the wave of Arab-Muslim cultural influence. Its features belonged to different literary genres – from the "framed" stories ("Hikayat Bayan Budiman", "Hikayat Bakhtiar") to the didactic mirrors ("Taj as-Salatin" and "Bustan as-Salatin"). Their common feature is their compilative character.

Thematically these compositions vary from compilations with a unique subject ("patience" in "Hikayat Bakhtiar") to a wide spectrum of topics with a special purpose ("Taj as-Salatin") and an "open" encyclopedic compilation ("Bustan as-Salatin").

Горяева Л.В.
(Москва)

Адаб в малайской литературной традиции: темы и жанровые формы

Жанр *адаба* пришёл в малайскую письменную традицию на волне арабо-мусульманского культурного влияния. Однако присущие *адабу* особенности проявились здесь в произведениях разного жанра – от «обрамлённых» повестей – таких, как «Повесть о мудром попугае» и «Повесть о Бахтиаре» до зерцал «Корона царей» и «Сад царей». Общей чертой для всех них является их компилятивный характер.

Тематически малайские сочинения жанра *адаба* также весьма разнообразны: от компиляций, объединённых единой темой («терпение» в «Повести о Бахтиаре») до широкого спектра тем, объединённых их целевым назначением («Корона царей») и до «открытых» сводов энциклопедического характера («Сад царей»).

IVANOVA INNA P.
(Moscow)

Capacite d'adaptation et potenciel d'autodeveloppement dans l'economie des pays arabes

Les problèmes de développement de l'économie arabe dans le groupe de pays en voie de développement du même type qui sont historiquement branchés au rythme cyclique de la transformation de l'économie mondiale et présentent la partie intégrale la plus importante du nouveau système géo-économique, méritent d'être examinésle d'une manière très attentive du point de vue de l'interprétation théorique de la stratégie nationale de «survivance» dans les conditions des changements globaux.

Dans le rapport ces problèmes sont examinés sous l'aspect de la transformation actuelle du système économique commun pour tous les pays du monde arabe ayant la forme d'un modèle adaptationnel du type étatiste qui se caractérise par une capacitéd'adaptation acquise historiquement avec plusieurs degrès d'imitation.

Dans le contexte du développement social l'adaptation est en même temps une forme évolutive et un procédé de transformation de la société, un moyen de son acclimatation au nouvelles conditions de l'environnement. Très souvent l'adaptation représente-t-elle une réaction protectrice contre les changements brusques des conditions extérieures. Cependant elle reste toujours un processus permanent de l'assimilation d'une expérience d'autrui utilisée pour la transformation du système social en général et de ses éléments fondamentaux – institut de pouvoir, celui de propriété et méchanisme de gestion économique. En etudiant ce phénomène il ne faut pas le ramener à une réaction aux facteurs de l'influence extérieure. L'étude doit avoir pour objectif la recherche des voies d'aggrandissement de la base de la réproduction nationale et la corrélation des impulsions intérieures et extérieures du développement de l'économie nationale et sa capacité de résister à la dominante de la pression extérieure.

L'adaptation comme un procédé de développement des systèmes économiques est un trait caractéristique de développement commun pour tous les pays de cette région. Le caractère de développement imitatif avec un vecteur de vestérnisation acquis dès l'époque de colonialisme se conservait dans le cadre du modèle de l' «économie ouverte» dans le monde arabe pendant la période du mouvement de libération et l'obtentionde de la souveraineté nationale. Dans le groupe des pays de l'orientation socialistese type de développement était lié aux tentatives d'imiter l'expérience de l'édification socialiste. Les programmes récents de réformes de marché sont également fondéssur les principes du développement imitatif dans le cadre du même modèle de l' «économie ouverte».

La stabilité des systèmes imitatifs dans les pays arabesdont le sistème étatiste de l'économie avec des formes autoritaires d'administration sert d'exemple s'explique par une capacité sélective acquise

historiquement de percevoir et assimiler de nouvelles impulsions. La transformation actuelle du système étatiste formé historiquement est marqué par une mobilité insuf-fisante aussi que par un certain conservatisme bien que dans les conditions de la globalisation elle exige la mobilisation de toutes les capacités adaptives pour la réalisation du programme des transformations de marché, ce qui pose des difficultés supplémentaires.

Les réformes modernes de marché, proposées par le FMI sont de même fondés sur les principes de développement imitatif dans le cadre du modèle del «économie ouverte»en proposant sa plus grande ouverture. La conserva-tion du caractère imitatif dans le développement de l'économie arabe dans les conditions présentes s'explique par une necessité de mutations impo-rtantes des systèmes d'Etats et d'administration pour être conforme aux paramètres de la structure de nouvel ordre.

Les réformes de marché deviennent au fond un moyen de la modification du système adaptatif dans la direction d'intensification de sa capacité imitative.

L'adaptation se présente comme une des variantes principales du développement des systèmes modernes bien qu'elle ne soit pas toujours successivement identique au développement. Dans le contexte de la stratégie actuelle du développement national l'adaptation a pour but l'élimination des élements de l'imitation acquise et comprend l'utilisation du potentiel de l'autodéveloppement à force de conserver le système adaptif du type étatiste avec la diminution maximum possible des élements de l'imitation directe imposée en employant une tactique sélective des réformes de marché.

Comme un résultat de ces réformes le potentiel de l'autodéveloppement dans l'économie arabe y compris une combinaison déterminée de ressources naturelles et humaines, le modèle de comportement et la con-science sociale aussi que la structure et le méchanisme d'administration économique ne trouve pas de réalisation nécessaire car le domain principal de ses transformations se borne de préférence à la sphère financière et monétaire et à celle du commerce extérieur. En stimulant l'orientation vers l'exportation de l'économie nationale pour intensifier la cadence de l'accrois-sement de PIB les réformes n'envisagent pas de changements nécessaires qualitativement nouveuax dans la structure même de la production nationale, ce qui provoque la restriction importante de la base du développement de l'économie nationale et permet aux facteurs extérieurs de déterminer la stratégie du développement de l'économie arabe dans le futur.

La capacité d'adaptation et le potentiel accumulé d'autodéveloppement dans la stratégie moderne du développement du système social et économique des pays arabes doivent être pointé au changement du caractère du développement économiqueen tenant compte des problèmes sociaux en déterminant de nouveaux domaines de priorité d'application du travail, de l'intellect et du capital.

Иванова И.П.
(Москва)

Способность адаптации и потенцнал саморазвитня в арабской экономике

Проблемы развития арабской экономики в однотипной группе развивающихся стран, исторически подключенных к циклическому ритму трансформации мирового хозяйства и являющихся важнейшей интегральной частью новой геоэкономической системы, заслуживают пристального внимания в аспекте теоретического осмысления их национальной стратегии «выживания» в условиях глобальных перемен.

В докладе эти вопросы рассмотрены в аспекте современной трансформации хозяйственной системы, представленной общей для всех стран арабского региона адаптационной моделью этатистского типа, с ее исторически приобретенной способностью адаптации и разной степенью имитации.

В контексте общественного развития адаптация является одновременно формой эволюции и способом трансформации общества, его приспособления к изменениям окружающей среды. Часто она выступает как защитная реакция на резкие изменения внешних условий. Но в то же время на всех этапах остается перманентным процессом усвоения чужого опыта для трансформации общественной системы в целом и ее основных составляющих – института власти, собственности и механизма хозяйственного управления. Адаптацию не следует сводить только к реакции данной системы на внешние факторы воздействия. Изучение этого процесса должно быть нацелено на поиски возможности расширения основ национального воспроизводства, на корреляцию внутренних и внешних импульсов развития национального хозяйства, его способности противостоять доминанте внешнего давления.

Адаптация как способ развития хозяйственных систем является общей характерной чертой развития всех стран данного региона. В период освободительного движения и достижения национальной независимости в арабском мире в модели «открытой экономики с колониальных времен сохранился характер имитационного развития хозяйства с вектором «вестернизации». В группе стран «социалистической ориентации» он был связан с попытками перенять опыт социалистического строительства. Программы современных рыночных реформ также базируются на принципах имитационного развития в рамках все той же модели «открытой экономики».

Примером устойчивости имитационных систем в арабских странах, исторически приобретенной ими избирательной способностью к восприимчивости и усвоению новых импульсов, является

этатистская система хозяйства с авторитарными формами управления. Ее современная трансформация отмечена недостаточной мобильностью, определенным консерватизмом и в условиях глобализации, требующей мобилизации всех адаптивных способностей для выполнения полной программы рыночных преобразований.

Современные рыночные реформы, предложенные МВФ, также базируются на принципах имитационного развития в рамках сохранившейся модели «открытой экономики», нацеленные за ее большую открытость.

Сохранение имитационного характера развития арабского хозяйства в настоящих условиях объясняется необходимостью серьезных изменений государственных и управленческих систем для того чтобы соответствовать параметрам структуры нового порядка.

Рыночные реформы по сути становятся способом изменения адаптационной системы в направлении усиления ее имитационной способности.

Адаптация остается одним из основных способов развития современных систем, хотя не всегда последовательно оказывается идентичной развитию. В контексте современной стратегии национального развития адаптация нацелена на изживание элементов приобретенной имитации и включает использование потенциала саморазвития путем сохранения адаптационной системы этатистского типа с предельно возможным уменьшением в ней элементов прямой, точнее навязываемой имитации, применяя при этом избирательную тактику рыночных реформ.

В результате этих реформ потенциал саморазвития в арабской экономике, включая известную комбинацию природных и людских ресурсов, поведенческую модель и формирующееся сознание в обществе, а также структуру и механизм хозяйственного управления, не находит должной реализации, поскольку основная область этих преобразований ограничивается преимущественно сферами финансово-валютной и внешней торговли. Стимулируя экспортную ориентацию национального хозяйства для наращивания темпов прироста ВВП, реформы не предусматривают качественно новых, необходимых сдвигов в самой структуре национального производства, серьезно сужая базу развития национального хозяйства и позволяя внешним факторам определять стратегию развития арабской экономики в будущем.

Способность адаптации и накопленный потенциал саморазвития в современной стратегии развития общественной и экономической системы арабских стран могут быть направлены на изменение характера экономического развития с учетом остроты социальных проблем в современном обществе и определением новых приоритетных областей приложения труда, знаний и капитала.

LESHAKOV P.S.
(Moscow)

Korean community in Russia after Soviet disintegration

Presented paper is aimed at analyses of changes in Korean community in Russia related to a new wave of Korean migration in the 1990-es after disintegration of the USSR. All Korean immigrants of that period could be divided into 4 major groups: migrants from former Soviet republics, citizens of People's Republic of China who are ethnic Koreans from North-Eastern Chinese provinces, citizens of Republic of Korea who first arrived on the territory of Russian Federation only in late 1980-es and migrants from Democratic Peoples Republic of Korea. This new wave of Korean migrants to Russia is estimated at 50 thousand people which is almost half of the total Korean community in Russia on the moment of Soviet disintegration (110 thousand people). The research specifies quantity and major directions of Korean migration, defines basic motivations, gender and age structure, family and religious composition, educational level, incomes and social position, gives general characteristics of Korean business in Russia. Particular attention is paid to South Korean religious missionary organizations which have become important channels of immigration as well as basic centers for mutual financial aid and jobs provision. The paper deals with mode of life of Korean migrants in Russia within their community stressing on specific national character of extremely strong corporative spirit. Presented research uses the results of questionnaire of above mentioned groups of Korean migrants carried out by the author in late 2002.

Лешаков П.С.
(Москва)

Корейская диаспора в России после распада СССР

Целью сообщения является анализ изменений в корейской диаспоре в России, связанных с новой волной корейской миграции в 90-е годы после распада Советского Союза. Всех корейских мигрантов этого периода можно подразделить на 4 основные группы: корейские мигранты из бывших союзных республик, граждане КНР, являющиеся этническими корейцами, выходцами из северо-восточных провинций Китая, граждане Республики Корея, впервые появившиеся на территории Российской Федерации только на рубеже 80-х и 90-х годов и выходцы из КНДР. К этой новой волне корейских мигрантов в России можно отнести около 50 тысяч человек, что составляет почти половину общей численности корейской диаспоры в России на момент распада СССР (110 тысяч человек). В исследовании уточняется численность и основные направления миграционных потоков корейцев, определяются основные мотивации, половозрастная структура, семейный и религиозный состав,

образовательный уровень, доходы и социальное положение, дается общая характеристику корейского бизнеса в России. Специальное внимание уделяется южнокорейским религиозных миссионерских организаций, которые становятся отлаженным каналом пополнения диаспоры новыми членами, важнейшими центрами финансовой взаимопомощи и трудоустройства мигрантов. Рассматривается образ жизни корейских мигрантов в России в рамках своего землячества, с учётом особенностей национального характера, обусловленного чрезвычайно сильным духом корпоративности. В исследовании использованы результаты анонимного анкетирования представителей вышеупомянутых групп корейских мигрантов, проведенного автором в конце 2002 года.

FOMICHEVA El.
(Moscow)

Nature in beliefs and religious views of the Thais

The Thais formed their system of views on Nature under the influence of animism, Hindu religion, Buddhism. The most ancient of them are animistic views. They were followed by Hindu religion (Brahmanism), which also incorporated some reconsidered elements of animism. Later a lot of beliefs and traditions of older religions were included in religious beliefs of the Thais along with Buddhism.

The first layer of the Thais views on Nature is animistic tradition, which is rather strong in Thailand. In fact, for a Thai Nature is inhabited by spirits. Some examples of that are: houses for spirits-guardians of a dwelling, symbolical "eye – opening" ceremonies in the process of producing masks for the traditional mask theatre and a lot of others. As for sacral animals the Thais have very special emotions towards elephants, especially white elephants, the examples of which will be given.

The second layer of the Thai beliefs connected with Nature – are seasonal agricultural rituals, some of them being of Brahmanic and some of animistic origin, connected primarily with rice growing.

The third layer – is connected with Buddhism as a system of ideas, where man is an integral, though a very important, part of Nature, because he is endowed with the ability to make decisions. Actually the one who is a human being in this life, can easily become an animal in the next one. The Thai Buddhist conception of a state is based on an idea of order, represented by a city-state, connected with divine cosmic source, and wild Nature, represented by wild forest. Besides, according to Buddhist's views, man's sins and misdeeds directly influence the condition of Nature, causing its degradation, deforestation, floods, earthquakes, ets. Basing on these concept Thai Buddhist "forest monks" teach and organize local peasants' communities to save the environment.

Фомичева Е.А.
(Москва)

Природа в верованиях и религиозных представлениях тайцев

Система представлений о природе сформировалась у тайцев под влиянием анимизма, аграрного сельскохозяйственного цикла, индуизма, буддизма.

Самые древние традиции – анимистические, хорошо сохранившиеся в тайском обществе. Для тайца вся природа населена духами, некоторыми примерами чего являются «домики для духов, охраняющих жилище», церемония «открывания глаз» в процессе изготовления масок для традиционного театра масок и другие. Из животных, наделенных сакральными характеристиками, особое место занимает слон, и особенно белый слон, с которым связаны некоторые интересные исторические и современные примеры.

Второй пласт представлений и обычаев тайцев о природе связан с сельскохозяйственным циклом, особенно с выращиванием риса – главной сельскохозяйственной культуры и главным пищевым продуктом.

Третий пласт связан с буддизмом как системой взглядов, где человек является неразрывной частью природы, хотя и очень важной частью, поскольку он наделен способностью принимать решения. Действительно, тот, кто родился в этой жизни человеком, в следующей – может быть животным. Кроме того, в буддизме утверждается прямая связь между греховностью индивида, его неблагих поступков и деградации природы, вызывая наводнения, землетрясения и т.п. Тайская буддийская концепция порядка и беспорядка, отождествляет город-государство с порядком, напряженным с небесным божественным источником в то время, как лес представляет неупорядоченное, неосвоенное пространство. На основе этих взглядов тайские «лесные монахи» учат местных крестьян и организуют их на сохранение окружающей среды.

YATSKOVSKAYA K.N.
(Moscow)

Djagatai XVII century manuscript "The Heroic Epic of Činggis Khan" and "The Secret History of the Mongols"

"The Secret History of the Mongols" is separated from "The Heroic Epic of Činggis Khan" by four centuries. Text of the giagatai manuscript is full of fairy and legendary subjects, interrelated fabulous and controversial; it is chronologically organized, combining reality with supernatural events. As usual for this kind of literary compositions it begins by telling the hero's genealogy and is followed by a story of his ancient mother. The problem of the birth of Činggis Khan receives a myphological solution.

Comparing similar subjects of "The Secret History of the Mongols" with corresponding subjects of "The Heroic Epic...", we may continue the series of contaminations and identical substitutions.

The presence of myphological motives from "The Secret History of the Mongols" in "The Heroic Epic of Činggis Khan" affirms the wide circulation of "The Secret History of the Mongols", the popularity and century long existence of its motives.

Яцковская К.Н.
(Москва)

Джагатайская рукопись XVII в.
«Богатырское сказание о Чингисхане»
и «Сокровенное сказание монголов» (13 в.)

Джагатайский рукописный памятник XVII в. от «Сокровенного сказания монголов» отделяют четыре столетия. Возникшее в среде тюркоязычного народа, джагатайское сказание примечательно особенностями стиля, имеет хронологический принцип организации текста, в котором происходит соединение естественного, реального со сверхъестественным. Оно начинается с генеалогии Чингисхана и продолжается рассказом о его праматери. Подобные рассказы соединены с разного рода преданиями, в которых обнаруживаются мифологические и легендарные мотивы, известные по «Сокровенному сказанию».

Сравнение композиции «Богатырского сказания» и «Сокровенного сказания», наличие основных сюжетов, связанных с Чингисханом, повторение или приспособление мифологических мотивов – все это свидетельствует о долгом хождении монгольского памятника, – возможно в устной версии, – о его художественном воспроизведении на почве иноязычной культуры.

MALYAROV Oleg V.
(Moscow)

Socio-economic model
of independent India

The transition from feudalism to capitalism in pre-independent India was deformed by the colonial 'internationalization' of the pre-capitalist and early capitalist economy deprived of own statehood, by the uncontrolled impact of foreign developed capitalism on it. This gave birth to the specific 'colonial socio-economic structure'. Free market forces not only were unable to overcome in due time the sharp internal contradictions and high investment barriers entrenched in this structure, but to a large extent continuously reproduced them.

This determined the emergence in independent India of import-oriented model of capitalist modernization based on state capitalism.

But the realization of this model itself caused its consequent evolution towards export-oriented model with relatively diminished role of the state in the economy.

Nevertheless, his evolution takes place in the epoch of growing globalization demanding active participation of the state in solving both new problems caused by this development as well as some old unsolved problems, the most important being the problem of unemployment.

Маляров О.В.
(Москва)

Социально-экономическая модель
независимой Индии

Процесс перехода от феодализма к капитализму, деформированный колониальной "интернационализацией" докапиталистической и раннекапиталистической экономики, лишенной собственной государственности и протекционистской защиты, воздействием на нее зарубежного развитого капитализма, вызвал появление особой колониальной социально-экономической структуры. Рыночный механизм не только не мог обеспечить достаточно быстрое преодоление острых внутренних противоречий и высоких инвестиционных барьеров, присущих этой структуре, но в значительной мере воспроизводил их.

Это обусловило появление в независимой Индии импортзамещающей модели капиталистической модернизации экономики с опорой на государственный капитализм.

Однако сама реализация этой модели обусловила ее эволюцию в направлении экспорториентированной модели с относительным уменьшением роли государства в экономике.

Эта эволюция происходит в эпоху набирающего силу процесса глобализации, что требует активных действий государства в решении связанных с таким развитием проблем, а также обострением ряда нерешенных проблем, прежде всего проблемы занятости.

MOSKALENKO V.
(Moscow)

The Political Role of Army
in Pakistan

The political role of army in Pakistan has always been very great. That can be explained by the two main reasons: in the first place, state of army and in the second place, the situation in Pakistan.

The Pakistan army is very well united, disciplined, one of its main features is its professional caste. It has a confessional and to much extent ethnic unity. The army uses one language. It is very well trained and armed. The providing of internal security takes much attention.

Pakistan`s political elite has always been very weak economically and politically. It did not have the experience of political maneuvers

and seeking for political compromises; it mostly used the repressive methods with the army support. Four times the most crucial crises led to the military regimes. But under the civil governments the army also played the leading role in political life and no important decisions were taken without it.

Under the marshal law severe methods led to political stability, strengthened economy and provided reforms towards society modernization.

However, it is worth mentioning that military methods created obstacles for the growth of legal consciousness, getting parliamentary experience and traditions. Thus almost 60 year old country has gained very small progress in constitutional democratic development.

Москаленко В.
(Москва)

Политическая роль армии в Пакистане

Политическая роль армии в Пакистане крайне велика. Объясняется это двумя группами причин. Во-первых, состояние самой армии. А во-вторых, обстановкой, созданной в Пакистане.

Пакистанская армия достаточно сплочена, дисциплинирована, отличается профессиональной кастовостью. Она едина в религиозном отношении и во многом – в этническом. В армии используется один язык. Она хорошо подготовлена и вооружена. Большое значение уделяется проблеме обеспечения внутренней безопасности.

Политическая элита Пакистана с самого начала была слаба экономически и политически. Она не имела большого опыта политического маневрирования и поисков компромиссов и постоянно прибегала к репрессивным формам борьбы, опираясь на армию. В наиболее кризисные моменты в стране четыре раза устанавливался военный режим. Но и в периоды гражданского правления армия была ведущей ветвью власти, без которой не принимались и не предпринимались никакие важные решения и действия.

В период военных режимов суровыми методами удавалось укрепить политическую стабильность, улучшить экономическое положение страны, провести реформы по модернизации общества.

Однако следует подчеркнуть, что военные методы управления препятствовали росту правового сознания граждан, накоплению опыта и традиций парламентаризма. В результате страна за почти 60-летний период существования весьма мало продвинулась по пути конституционного демократического развития.

ALEXEEV Igor L.,
KHALTURINA Daria A.
(Moscow)

Ibn Khaldūn's Theory of Political Cycles and Non-Lineal Dynamic Models in Contemporary Social Sciences

'Abd ar-Raḥmān Muḥammad b. Muḥammad ibn Khaldūn (1332-1406), a statesman, historian and philosopher and one of the latest representatives of classical Islamic thought is often regarded as one of the most important predecedors of modern sociology and theory of history. He is most famous by his theory of political cycles formulated by him on the basis of history of Arabic, especially Maghribi societies of his epoche. This was explaned by him in his *Muqaddimat kitāb al-'ibar wa dīwān al-mubtada' wa-l-khabar fī ayyām al-'arab wa-l-'adjam wa-l-barbar wa man 'āṣarahum min dhawī-ṣ-ṣulṭān al-akbar*. Most generally, the most important precondition for Ibn Khaldūn' theory is the oppostiion *badāwah – ḥadḥārah*, literally "nomadic – settled [life]", but used by Ibn Khaldūn with more wide (and rather different) meaning: "rural/desert [periphery] – urban/civilized [center]". An interaction between those two forms of social being determines, according to Ibn Khaldūn, the dynamics of the evolution of the society which is presented as series of state building/collapse episodes. The "civilized region" (*ḥadḥārah*) is inhabited by indigenous commoner population, who provide the productive basis of the society. The "desert" (*badāwah*) is inhabited by stateless tribes with strong identity and high level of solidarity (*'aṣabiyyah*), who periodically conquer the "civilized region" and establish a ruling dynasty there. As a result of this, the dynasty establishes government that is moderate in expenditures and just in administration. General prosperity results in growth of population, spending and heaviness of taxation, which leads to the ruin of economy and fall of *'a ṣabiyyah*. This is followed by total collapse of the state which becomes a subject to a new conquest, and a new cycle repeats.

As was demonstrated by P. Turchin (2003), "Ibn Khaldūn's model" can be with some modifications applied to the agrarian societies in general. Besides that an independent attempt to apply the theory of demographic cycles elaborated by a number of western scholars to a number of ancient and medieval Asian and African societies, was made by S. Nefiodov (1999). For example, he tried to calculate the dynamics of social and economical development and change of ruling dynasties in the 7th – 13th centuries' Iraq and Iran. The model constructed as a result was generally similar to Ibn Khaldūn's one. Note, that "Ibn Khaldūn's model" with modications made by Turchin and Nefiodov can be also applied to the vast majority of contemporary Asian and African societies, which are close to historical agrarian societies by a number of parameters, especially by demographic ones.

Contributors information:

Igor L. Alexeev, PhD., Senior Lecturer, School of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (ialexeyev@mail.ru)
Daria A. Khalturina, PhD., Junior Research Fellow, Center for Civilizational and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (lihoborka@mail.r)

Алексеев И.Л.,
Халтурина Д.А.
(Москва)

Теория политических циклов Ибн Халду;на и нелинейные динамические модели в современных социальных науках

‘Абд ар-Раḥмāн Муḥаммад б. Муḥаммад ибн Халдӯн (1332 – 1406), государственный деятель, историк и философ, замыкающий цепь выдающихся мыслителей классического арабо-мусульманского средневековья, рассматривается многими исследователями в качестве одного из основных предшественников современной социологии и теории истории. Наиболее известна его теория политических циклов, сформулированная им на материалах истории, в основном, современных ему обществ арабского Магриба изложенная в его основном сочинении “Пролегомены к книге поучительных примеров и дивану сообщений о днях арабов, персов и берберов и их современников, обладавших властью великих размеров” (*Muqaddimat kitāb al-‘ibar wa dīwān al-mubtada’ wa-l-khabar fī ayyām al-‘arab wa-l-‘adjam wa-l-barbar wa man ‘āṣarahum min dhawī-ṣ-ṣulṭān al-akbar*), известном также как “*Мукаддима*” или “Введение”. В наиболее общем виде теория Ибн Халдӯна о политических циклах сводится к следующему. Ибн Халдӯн выделяет три основных типа человеческого общежития (‘*умрāн*): (1) *ваḥш* – “дикость” доземледельческий образ жизни, с элементарной социальной организацией и максимальной степенью вписанности в природную среду; (2) *бадв/бадāва* – “кочевье”, “пустыня”, “сельская жизнь” или “примитивное состояние”, под которым понимается, в основном, кочевой образ жизни, но также сюда включается и сельское земледелие; (3) *ḥаḍар/ḥаḍара* – “городская жизнь” или “цивилизация”, периферией которой являются первые два типа. Именно взаимодействие “цивилизованного”/“городского” центра и “кочевой”/ “сельской” периферии определяет динамику социального развития по Ибн Халдӯну. “Кочевники”, которые живут в трудных социально-экологических условиях и для которых характерен низкий уровень потребления, высокий уровень групповой идентичности, солидарности и готовности к экспансии (‘*аṣабийа*), периодически завоевывают “городской” центр, обеспечивающий политико-экономический рост общества, и основывают там правящую династию. Первоначально их власть не требует больших расходов и в силу этого, не проявляет особо заметной тирании. По мере роста благосостояния “цивилизации” возрастает численность населения и уровень потребления материальных благ, сокращается объем ресурсов, возрастает налоговый гнет, усиливается тирания и снижается уровень ‘*аṣабийа*, что приводит к социально-политическому кризису, который заканчивается приходом новых завоевателей из “пустыни”, начинающих новый цикл. Как показал П. Турчин (2003), “модель Ибн Халдӯна ” может быть в модифицированном виде применена для аграрных обществ в целом. Независимо от него С.А. Нефедовым (1999) была сделана попытка применить теорию демографических циклов, разработанную в течение XX в. рядом европейских и американских ученых к материалу ряда обществ древнего и средневекового Востока. В частности, он попытался проследить динамику социально-экономического развития и смены правящих династий в Ираке и Иране в VII – XIII в. Полученная в результате модель совпала в основных чертах с моделью Ибн Халдӯна. Характерно, что модель Ибн Халдӯна, модифицированная П. Турчиным и С.А. Нефедовым применительно к историческим аграрным обществам, может быть использована и для изучения большинства современных афро-азиатских обществ, сближающихся с первыми по принципиально важным показателям, прежде всего по демографическим. Так, П. Турчин, модифицировав теорию Ибн Халдӯна с помощью методов математического моделирования, предпринял попытку сделать прогноз развития современной Саудовской Аравии на основе анализа демографических и экономических тенденций в жизни страны. и пришел к выводу, что рост численности саудовской элиты и уровня ее расходов при сохранении нынешнего вектора развития должен через 1,5-2 десятилетия привести к финансовому, и, скорее всего, к политическому коллапсу в Саудовской Аравии. Таким образом, теория, разработанная последним философом арабского средневековья и первым социологом мира может оказаться вполне полезной для изучения исторической динамики аграрных обществ и прогнозирования процессов развития типологически сходных с ними обществ современного Востока.

Сведения об авторах:
Алексеев Игорь Леонидович, к.и.н., ст. преподаватель факультета истории, политологии и права РГГУ, Москва (ialexeyev@mail.ru)
Халтурина Дарья Андреевна, к.и.н., м.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований при Институте Африки РАН (lihoborka@mail.ru)

KOLESNIKOVA N.
(Moscow)

Cross-Cultural Literature – a New Phenomenon In the World Culture of the 20-th Century

At the end of the 20-th century it was a powerful appearance of writers-immigrants of oriental origin, living in the West and writing in the Western languages. A national model of qualification is narrow for the work of these immigrants of the post-colonial period. Their literature is a new phenomenon of the world culture of the recent years.

Sir V.S. Naipaul – a laureate of the Nobel Prize in Literature in 2001 – is one of the most prominent writers of this cross-cultural tendency in the contemporary literature. In Naipaul's background there is a combination of three cultures: the East, the West and the West Indies. Born in Trinidad to the descendants of Hindu immigrants from India, Naipaul left the island to attend the Oxford University in Great Britain where he has lived ever since. The cultural ambiguities implicit in such a background are the pivot of the writer's work. His favourite hero is an East Indian immigrant from an ex-colony of the British Empire who can identify himself with no culture and feels a stranger in the countries he is connected with.

Колесникова Н.В.
(Москва)

Кросскультурная литература – новое явление в мировой культуре XX века

В последней четверти XX века мощно заявила о себе литература писателей-иммигрантов восточного происхождения, которые живут в странах Запада и создают произведения на европейских языках. Творчество представителей постколониальной "волны" иммиграции не подверстывается под узкую национальную модель. Созданная ими литература представляет собой новое явление в мировой культуре.

Лауреат Нобелевской премии 2001 г. в области литературы сэр В.С. Найпол является одним из наиболее крупных представителей этого кросскультурного направления. Этнический индиец, уроженец Тринидада, выпускник Оксфорда, более 50-ти лет живущий в Великобритании, в наиболее законченной форме выражает специфику этого культурного феномена. В судьбе и творчестве Найпола переплелись три культуры Востока, Запада и Вест-Индии. Излюбленным героем его романов является индийский иммигрант из бывшей английской колонии, который чувствует себя чужаком в любой стране и не может идентифицировать себя ни с одной из культур, в рамках которых ему довелось жить.

ROUDAKOVA M.V.
(Moscow)

The new approach on the problem of the creation of history in the historiography of al-Andalus

One of the main tasks of the andalusian studies consists now in analyzing of the mechanism of the creation of the official chronicles in the caliphate of Cordoba. These chronicles though unified in their ideological position differ in their style and structure. The textual study of this kind of sources offers the possibility to identify its historical prototype and to resolve finer problems according to the low of the identified tradition of andalusian historiography.

Рудакова М.В.
(Москва)

Новый взгляд на проблему «созидания истории» в андалусийской историографии

Одной из важнейших задач андалусистики в настоящее время является исследование механизма создания официальных хроник периода Кордовского халифата. Эти хроники, предлагая в целом единую версию исторического развития халифата, различаются своими структурными и стилистическими особенностями. Их текстологический анализ позволяет соотнести тот или же иной источник к более ранним образцам андалусийской историографии и решать в рамках установленной историографической традиции более специализированный круг проблем.

ZHUTAYEV Dar I.
(Moscow)

Nine and Twelve Types of Doctrinal Discourse in the Indian Buddhist Tradition

Issues of typology are among the first problems faced by the researcher in trying to develop a methodologically rigorous structural approach to the extant body of Early Buddhist canonical texts preserved in the Indic languages. Without a correct perspective on the classification of the material, it is impossible to elicit the verbal sign systems manifesting themselves in this corpus, their units of different levels, the syntagmatic and paradigmatic relations between the latter, etc. As a preliminary step towards this goal, a careful reconstruction is needed of the "emic" categories of the relevant part of the Early Buddhist culture(s), i.e. the ways in which the different school traditions dissected their corpora of canonical texts, the criteria for these divisions, the rules (explicit or otherwise) according to which new texts were generated to fit existing types of literature.

The present report looks at one of the earliest traditional classifications of Buddhist sacred texts: the nine "members" (*aṅga*) of the Buddha's Word (*buddhavacana*) spoken of in Pāli texts and its counterpart in Buddhist Hybrid Sanskrit literature, the nine or twelve "types of (doctrinal) discourse" ((*dharma*)*pravacana*). The most important passages extant in the Indic languages and pertaining to this classification are analyzed in an attempt to present a consistent history of this teaching, singling out individual strands of tradition for it: Theravāda, early Mahāyāna, Sarvāstivāda/late Mahayana and the hypothetically reconstructed traditions of the Kāśyapīyas and Dharmaguptakas.

The evolution of the Pāli nine-member list of *aṅgas* and its contexts and functions is traced from early Canonical passages through

the *Milindapañha* to the fixed, standardized form the teaching on the *navaṅga buddhavacana / sāsana* ("nine-member Word/Teaching of the Buddha") took in developed Theravādin commentatorial and chronicle literature.

The origins of the nine-member list of *pravacanas* from the *Dharmasaṅgraha* (an early Mahāyāna terminological compendium) are tentatively ascribed by the author to the Mahāsāṅghikas, based on terminological data from the *Mahāvastu*. The report also looks at the comparatively more recent twelve-member list of *dharapravacanas* having its roots in the Sarvāstivāda/Mūlasarvāstivāda tradition and then adopted by late Mahayana, as well as at some looser, less stable lists from Mahāyāna sūtras.

Examining the semantic of the individual terms (*sūtra*, *geya*, etc.) and the literary contexts of the lists, the author suggests that the teaching in question was originally aimed at classifying the texts from the point of view of their *form*, primarily the techniques of their oral transmission /composition, and was no less of a prescriptive than of a descriptive character.

Жутаев Д.И.
(Москва)

Девять и двенадцать видов
доктринального дискурса
в индийской буддийской традиции

Вопросы типологии – одна из первых проблем, встающих перед исследователем при попытке разработать методологически строгий подход к структуре раннебуддийских сакральных текстов, сохранившихся на индийских языках. Без правильного подхода к классификации материала невозможно выявление различных представленных в данном корпусе знаковых систем, их единиц разных уровней, синтагматических и парадигматических отношений между последними и пр. В качестве предварительного шага в этом направлении необходима тщательная реконструкция «эмических» категорий раннебуддийской культуры/культур в части, касавшейся типологизации текстов, т.е. способов, которыми в традициях различных школ разбивались корпусы канонических текстов, критерии этих видов членения, правила (эксплицитно выраженные или нет), по которым порождались новые тексты – так, чтобы они подходили под уже существующие литературные типы.

В докладе рассматривается одна из самых ранних традиционных классификаций буддийских сакральных текстов–девять «членов» (*aṅga*) «Слова Будды» (*buddhavacana*), о которых говорится в палийских текстах, и соответствующие им в литературе на буддийском гибридном санскрите девять или двенадцать видов доктринального дискурса ((*dharma*)*pravacana*). Автор анализирует важнейшие сохранившиеся на индийских языках фрагменты, где

излагается эта классификация, и делает попытку последовательно обрисовать историю данного учения, выделяя отдельные традиции его развития: тхеравадинскую, раннемахаянскую, сарвастивадинско-позднемахаянскую, а также гипотетически восстанавливаемые традиции кашьяпиев и дхармагуптаков.

В докладе прослеживается эволюция палийского девятичленного списка анг, его функций и контекстов, где он упоминается, от ранних упоминаний в Каноне через «Милинда-паньху» и до той фиксированной, стандартизированной формы, которую учение о *navaṅga buddhavacana / sāsana* («девятичленном Слове/Учении Будды») приняло в комментаторской и хроникальной литературе развитой тхеравады.

Согласно гипотезе автора, девятичленный список из «Дхармасанграхи» (терминологического компендиума ранней махаяны) происходит из традиции школы махасангхиков, что подтверждается терминологическими данными из «Махавасту». В докладе также рассматривается относительно поздний список двенадцати дхармаправачан, уходящий корнями в традицию сарвативадинов и муласарвастивадинов и впоследствии принятый поздней махаяной, а также некоторые более «рыхлые» списки махаянских сутр.

На основе анализа семантики отдельных терминов (*sūtra*, *geya* и т. д.), а также контекстов, в которых они встречаются в источниках, автор приходит к выводу, что изначально данное учение было направлено на классификацию текстов с точки зрения *формы*, прежде всего техники устного исполнения/композиции, и носило не только дескриптивный, но и прескриптивный характер.

VERTOGRADOVA V.
(Moscow)

Planimetric Patterns
in Ancient Indian Painting
according to the Citrasūtra

The report is devoted to the phenomenon of *kṣayavṛddhi* ("the law of decrease and increase") as described in the ancient Sanskrit treatise on the art of painting, the *Citrasūtra*. The main object at which the rules of painting are directed is the human body (*śarīra*). The purpose of the *kṣayavṛddhi* teaching is to show how exactly the change of the depicted body takes place in movement i.e. how to ensure unity when various subject-matter is manifested in multifigure compositions.

The search for planimetric patterns is typical of many art traditions: Egyptian, Byzantine, Mayan, etc. But nowhere did this search reach such elaboration or result in the formation of a special theory as it happened in India.

The aim of my study is to bring to light the different varieties of *kṣayavṛddhi* and to try to reveal the theoretical prerequisites for this teaching in Indian culture.

Analysis of the *Kṣayavṛddhi* chapter of the *Citrasūtra* has permitted me to find out the connections between the main text of the chapter and two incorporated mini-treatises. This allows to make a number of conclusions concerning the formation of this teaching which has as its basis spontaneously fixed kinestesias (*sthāna*) and the mastering of the movement of the spatial field. Later on, this teaching about *sthānas* was contaminated with the comparatively recent teaching of *kṣayavṛddhi* where the changes of a body were recorded by means of calculating the regular displacements of the body axis (*brahmasūtra*) in the part of the body being shortened.

On the basis of the method of description and the vocabulary of the chapter, it can be concluded that the law of *kṣayavṛddhi* has as its prerequisite the Vaisheshika teaching about substance, movement, junction and disjunction. It is from the positions of the Vaisheshikas that the automated components of movement were described which constituted the canon of transformation of the body on the painting surface.

Вертоградова В.
(Москва)

Планиметрические модели
в древнеиндийской живописи
по «Читрасутре»

Предлагаемый доклад посвящен феномену *kṣayavṛddhi* («закон убывания и роста»), описанному в санскритском трактате по искусству живописи «Читрасутра». Основным объектом, на который ориентированы правила живописи, является человеческое тело (*śarīra*). Цель учения *kṣayavṛddhi* - показать, как именно происходит изменение человеческого тела при движении, то есть как достичь единства при воплощении различных сюжетов в многофигурных композициях.

Поиски планиметрических схем характерны для многих художественных традиций: древнеегипетской, византийской, майя и др. Но нигде эти поиски не достигли такой разработанности и не привели к созданию специальной теории, как это случилось в Индии.

Цель моего исследования – выявить различные виды учения *kṣayavṛddhi* и попытаться установить теоретические предпосылки этого учения в индийской культуре.

Изучение главы трактата «Читрасутра», которая называется «Кшаявриддхи», позволило установить связи между основным текстом главы и двумя инкорпорированными мини-трактатами, по-разному излагающими *kṣayavṛddhi*. Это дало возможность сделать некоторые выводы о формировании этого учения, основой которого были, видимо, произвольно фиксируемые кинестезии или развертки (*sthāna*) и овладение движением в пространственном поле.

Позднее это учение о странах контаминировалось с относительно новым учением *kṣayavṛddhi*, где изменения рисованного тела фиксировались путем исчисления позиции оси тела (*brahmasūtra*) на его сокращаемой части.

На основе исследования способа описания и словаря текста главы можно заключить, что одной из предпосылок закона *kṣayavṛddhi* было философское учение вайшешиков о субстанции, движении, соединении и разъединении. Именно с позиции вайшешиков были описаны автоматизированные компоненты движения (планиметрические модели), которые составили канон трансформации тела в живописном пространстве.

PRIGARINA N.
(Moscow)

Mirza Ghalib and Muhammad Iqbal
about 'Ajam and Iran

1. A scholar wrote once about Mirza Ghalib (1797-1869) the great Indian poet of the nineteenth century, that there was no other poet like Ghalib, and Ghalib stands apart from all poets of his century. The same notion could be applied to the great poet of the East Muhammad Iqbal (1877-1938), who was nominated also as the poet in whose soul Ghalib's spirit has dwelt. Iqbal and Ghalib wrote both in Urdu and Persian languages.

Their common characteristic feature was their love to the Persian language as a medium of poetic expression, and the peculiar attitude towards Iranian culture and civilization.

As far as both of them belonged to different historical periods their position was different: Ghalib's poetic activity as a Persian poet coincided with the formal end of the tradition that has never been interrupted in India since the eleventh century. During his lifetime the Persian language was substituted by Hindustani as the official language of the British administration in India. At that time the poetry in vernacular languages was most welcome, but Persian poetry was still alive in the educated milieu.

Iqbal presented his first Persian oeuvre in Lahore in 1912, where he was popular as Urdu poet of the Northern India. It was obvious that for his audience the Persian poetry appeared to be just the poetry in the foreign language. But Iqbal pursued his own goals, and never ceased to write in Persian till the end of his life.

2. Both poets used two main notions concerning the birthplace of the Persian language 'Ajam and Iran (Pars).

2.1. Ghalib considered himself gifted by knowledge of Persian in 'pre-eternity'. He was fascinated by the Zoroastrian past of the land, and even used the word 'Ajam in the meaning of the pre-Islamic Iran. This attitude was in the strong connection with the fire symbolism in his poetry, both Urdu and Persian. He was also an unsurpassed co-

nnoisseur of Persian classic and postclassical (XVI-XVIII) poetry, that was, so to say, 'dissolved' in his every line. He wrote: 'I am the salamander in the temple of fire worshippers of Ajam. I am the nightingale of the rose garden of Persia'. 'Ajam meant for him also the Sufi tradition in Islamic thought. At the same time he had the definite Shi'a inclination, and sometimes he imagined that Iran could be a place to escape in search of peace and salvation from his home problems and troubles.

He wrote:

Ghalib, az khak-e kaduratkhiz-eHendam del gereft,
Esfahan, hey,Yezd, hey, Shiraz, hey,Tabriz, hey!

2.2. *In Iqbal's poetry Iran on the first hand was one of the oppressed Eastern countries to which his message was relevant. He would mention Iran in the common poetical lists like: 'Hejaz-o-Chin-o-Iran', or 'Iran-o-Afghan-o-Dekan', or 'Iran and Hindustan', 'Tork-o-Iran-o-'Arab' etc.*

2.3. *For him Jalaluddin Rumi was an ideal of poetry and prophecy. As for Hafez, Iqbal started with the critics of him. In the first edition of his Persian poem 'Asrar-e khudi' he criticized Hafez as a propagator of quietism and oblivion of the 'selfhood'. There was polemics in Urdu newspapers, and Iqbal himself was accused by moulanas as a champion of Western values. His claim that the decline of Muslim world was the result of the influence of the Iranian Sufism was not accepted by his critics. But after he obviously has changed his mind. Though practically he did not mention Hafez's name (in contrast to Maulana Rumi), Hafez's poetry was presented in his 'poetic answers' and quotations (nazer, tazmin)* in tens of his ghazals and poems.

2.4. Especial attention towards Iran one can notice in 'Javid-nama', when the narrator even chooses the pen name 'Zenderud', stressing on his spiritual proximity to Iran with its old cities like Isfahan, Shiraz and Tabriz. He has long discussions concerning Iran and its problems in this poem.

2.5. As for 'Ajam, Iqbal deals with this notion in the wide sense, and his appeal to the youth of 'Ajam was addressed to the youth of all the Iranian speaking nations.

Пригарина Н.
(Москва)

Мирза Галиб и Мухаммад Икбал
об Аджаме и Иране

1. Великий поэт Индии 19 в. Мирза Галиб (1797-1869), не имел себе равных, он возвышался над всеми поэтами своего времени. То же можно сказать и о его соотечественнике – поэте 20 в. Мухаммаде Икбале (1877-1938).

2. Оба поэта писали на двух языках – урду и персидском. Для обоих характерно избрание персидского языка как средства поэтического выражения и особое отношение к иранской культуре и цивилизации. Поскольку они жили и творили в разные исторические

периоды, их позиции отличались друг от друга. Поэтическая активность Галиба выпала на тот период, когда фактически закончилось господство персидского языка в официальной сфере – традиция, до этого не прерывавшаяся с 11 века.

3. Когда Мухаммад Икбал в 1912 г. выступил с чтением поэмы на персидском языке перед почитателями своего таланта в Лахоре, будучи уже известным поэтом урду в Северной Индии, для его аудитории это была уже поэзия на иностранном языке. Однако Икбал видел перед собой определенную цель и до конца жизни не переставал писать по-персидски.

4. Оба поэта использовали понятия Аджам и Иран, обращаясь к теме древнего, средневекового и современного Ирана.

4.1. Галиб считал, что он был одарен знанием персидского языка «в предвечности»; он восхищался зороастрийским Ираном и употреблял слово Аджам применительно к древнему Ирану. Это употребление соответствовало символизму огня в его поэзии. С точки зрения истории термина это употребление не было корректным, однако Галиб вкладывал в него свое толкование. Иран же для него был символом суфийской традиции и шиизма, к которому он был склонен. Ему казалось, что современный ему Иран – та обетованная земля, где он мог бы найти приют от одолевавших его забот и бед.

4.2. В поэзии Икбала понятие Иран скорее негативное. Это одна из угнетенных стран Востока, подвергаемая им суровой критике за царящие там произвол и упадок. Самым непредсказуемым образом великий персидский поэт Хафиз (14 в.) ассоциировался для него с «расслабляющим воздействием» суфийской поэзии на мусульманскую культуру. Понятие Аджам используется для Икбалом в широком смысле как ираноязычные народы, к молодежи которых Икбал обращает свою персидскую поэзию.

ZHELEZNOVA N.A.
(Moscow)

Corpus Kundakundae:
problem of date.

The paper is devoted to examining a number of problems related to the *Corpus Kundakundae*, by which the author understands a body of texts (approximately 84 treatises) attributed by the Jaina tradition to one of the Digambara teachers, Kundakunda: (1) the proper names under which the Digambara teacher is known in the Jaina tradition; (2) the traditional lives of Kundakunda in the two extant versions; (3) the teachers' tradition of Kundakunda, connected with Bhadrabāhu, the last Jaina "master of the scripture;" (4) the dating of the life and activities of Kundakunda himself, where, based on an analysis of the scholarly literature on the history of Jainism, the author provisionally singles out two "strategies," within the framework of which attempts

can be made to establish the probable date of Kundakunda. The *first approach* is based on the analysis of historical, including epigraphical, materials: the earliest mentions of Kundakunda, lists of teachers, the commentatorial tradition, etc. This "strategy" is adhered to by the overwhelming majority of historians of Jainism when they make attempts to substantiate their hypotheses. Within the framework of this "strategy" – based on the study of sources external in relation to Kundakunda himself – one may make the cautious supposition that the time of Kundakunda's flourishing was approximately the 2nd – 3rd cc. A.D. The *second approach* is based on the analysis of texts attributed to Kundakunda himself. This "strategy" finds its partial reflection in the works of W. Schubring, A. N. Upadhye and W.J. Johnson. It should be pointed out here, however, that not a single student of Jainism has undertaken a full-fledged text-critical investigation of all the works attributed to Kundakunda. Therefore the conclusions possible within the framework of this "strategy" are very tentative, as they are only based on the study of a few separate texts by the Digambara author.

It is quite evident that the analysis of the historical data extant today can only enable us to make the conclusion about the existence of a teachers' tradition associated with Kundakunda, to whom the authorship of a group of religious-philosophic treatises in Prakrit came to be attributed later in the Digambara branch of Jainism. Answering the question whether these works belong to the "pen" of the renowned teacher Kundakunda or they are the fruit of the labours of a later author (or even several authors) will be only possible after the careful philological analysis of the whole group of treatises and comparing them with other texts, both from the Jaina tradition itself and from the other trends of Indian philosophic thought that were engaged in polemic with it.

Железнова Н.А.
(Москва)

Corpus Kundakundae:
проблема датировки.

Доклад посвящен рассмотрению ряда проблем, связанных Corpus Kundakundae, под понимается совокупность текстов (порядка 84 трактатов), которые приписываются джайнской традицией одному из дигамбарских учителей Кундакунде: 1) собственно имен, под которыми фигурирует дигамбарский учитель в джайнской традиции; 2) традиционные жития Кундакунды в двух дошедших до нашего времени версиях; 3) учительской традиции Кундакунды, связываемой с Бхадрабаху, последним джайнским «знатоком писания»; 4) датировки жизнедеятельности самого Кундакунды, где на основе анализа собственно исследовательской литературы по истории джайнизма мы условно выделяем две "стратегии", в рамках которых можно попытаться определить вероятное время жизни Кундакунды. *Первый* подход основывается на анализе исторического, в том числе эпиграфического, материала: первые упоминания о Кундакунде, списки учителей, комментаторская традиция и т.д. Этой "стратегии" придерживается подавляющее большинство историков джайнизма, которые как-то пытаются обосновать свои предположения. В рамках данной "стратегии", основанной на изучении внешних по отношению к самому Кундакунде источников можно осторожно предположить, что время жизнедеятельности Кундакунды приходится приблизительно на III - IV вв. н.э. *Второй* подход опирается на анализ текстов, атрибутируемых самому Кундакунде. Данная "стратегия" частично отражена в работах В. Шубринга, А.Н. Упадхьи и В.Дж. Джонсона. Однако здесь необходимо отметить, что ни один исследователь джайнизма не предпринимал полноценного текстологического анализа всех сочинений, приписываемых Кундакунде. Поэтому возможные в рамках этой "стратегии" выводы весьма приблизительны, ибо основываются на изучении лишь некоторых сочинений дигамбарского автора.

Совершенно очевидно, что на основании анализа доступных на сегодняшний день исторических данных мы можем сделать вывод только о существовании учительской традиции Кундакунды, которому впоследствии в дигамбарской ветви джайнизма стало приписываться авторство группы пракритских текстов религиозно-философского содержания. Ответить на вопрос: принадлежали ли эти сочинения «перу» известного учителя Кундакунды или же они – плод творчества более позднего автора (или даже авторов), можно только после тщательного филологического анализа всей группы текстов и сопоставления их с другими сочинениями как самой джайнской традиции, так и полемизирующих с ней направлений индийской философской мысли.

ORESHKOVA S.F.
(Russia)

Osman Empire and Russia:
problems of geopolitical delimitation of the empires' territory.

The Osman Empire and Russia were two simultaneously developing states. Each had its own geopolitical space. They had no common border till the second half of the 17th century. The 18th century saw the geopolitical delimitation of their territory with the border along the north coast of the Black Sea, Dnieper and Kuban rivers. From then on Russia and Osman Empire didn't have any significant conflicts.

"The Eastern Problem" emerging in the middle of the 18th century as an issue of European international relations. The crisis of the Osman Empire and the problem of its division into parts. European diplomacy and Russian-Turkish wars.

Non-Turkish peoples of the Osman Empire. Their destiny and readiness to create a separate state system. The problem of the Crimean-Tatar state system and Caucasian peoples emigration.

The ratio of imperial and national interests. The people of Russia and Turkey, their role in creating the Empires. Their losses and gains.

The South-West direction in Russian foreign policy. Russian society and state leaders' understanding the interests and dangers of Russian expansion policy towards the Osman Empire.

Орешкова С.Ф.
(Россия)

Османская империя и Россия:
проблемы геополитического разграничения
территорий двух империй

Россия и Османская империя – два государственных образования, развивавшиеся синхронно. Оба они существовали в своем геополитическом пространстве. До второй половины XVII в. у них не было общей границы. XVIII в. – период геополитического размежевания этих государств, которое прошло по северному побережью Черного моря, рекам Днепр и Кубань. Между Россией и Османской империей больше не было жизненно важных двусторонних противоречий.

Возникновение «Восточного вопроса» в середине XVIII в. как вопроса европейских международных отношений. Кризис Османской империи и проблема ее раздела. Европейская дипломатия и русско-турецкие войны.

Нетурецкие народы Османской империи. Их судьбы и готовность к строительству собственной государственности. Проблема крымско-татарской государственности и эмиграции народов Кавказа.

Соотношение имперских и национальных интересов. Русский и турецкий народы, их роль в строительстве империй. Их жертвы и приобретения.

Юго-западное направление в российской внешней политике. Понимание российским обществом и российскими государственными деятелями интересов и опасностей, таившихся в российской экспансионистской политике в отношении Османской империи.

КОРМЫШЕВА Э.
(Россия)

Проблемы подготовки отечественных
специалистов-египтологов

В сообщении пойдет речь о реализуемом в РГГУ проекте подготовки специалистов-египтологов по специальности Искусство цивилизаций долины Нила при активном участии ученых Академии наук. Будут затронуты вопросы организации и функционирования академически-вузовского научно-образовательного центра, учебных программ, новейших форм и методов обучения, создания специализированных учебных пособий, осуществление практики.

KUPRIN A.I.
(Russia)

Political Power and Islamist Opposition in Tunisia
in the Last Quarter of the 20th Century

The Islamist movement arose in Tunisia in the early 1970s. Events in January 1978 and January 1984 and the victory of the Islamic Revolution in Iran in February 1979 contributed to making political Islam more active. President Habib Bourgiba considered the Islamists a threat to his authority and suppressed Islamic Tendency Movement (Mouvement de la tendance Islamique-MTI) and the minor Islamist organizations and after 1984 the secular opposition parties as well. Ben Ali having come to power in November 1987, political liberalization was resumed. Following the release of the leading Islamists in Autumn 1988, Rached Ghanouchi, the leader of the radical trend of the MTI, stated that the era of injustice was over. The conflict between the political power and the MTI deescalated. Under Ben Ali, Rached Ghanouchi who had been against any compromise with the regime of Habib Bourguiba none the less called to establishing a democratic political system and did not insist on the immediate building of an Islamic state. He declared that the MTI would respect the Constitution.

In January 1989 the MTI was transformed into a political party (Hizb an-Nahdah), but an-Nahdah was denied official status. In the National Assembly elections in April 1989 an-Nahdah forbidden from campaigning as a party presented "independent" candidates taking 13% of the total votes and 25% in many constituencies. An-Nahdah became the main opposition force: all the secular opposition obtained only 3,76% votes. Had an-Nahdah been legalized, it should have won more votes.

Ben Ali grew uneasy and stiffened his policy towards an-Nahdah. Following it and the Islamists' failure to secure legal recognition the Islamists' protests culminated in attacking government offices and clashes with police. In March 1991 Rached Ghanouchi called upon Tunisians to rise against Ben Ali's regime. In 1991-1992 the security forces destroyed an-Nahdah's organizational structures and its leaders were imprisoned and forced to exile. The possibility of peaceful coexistence between the authorities and the Islamist opposition was missed. Ben Ali did not deal with the Islamists by security methods alone, but adopted policies which tackled economic, social and educational problems. This contributed decisively to the defeat of political Islam in Tunusia. However the authorities are concerned that networks of Tunisian Islamist militants still exist abroad.

Куприн А.И.
(Россия)

Власть и исламистская оппозиция в Тунисе в последней четверти XX века

Исламистское движение возникло в Тунисе в начале 70-х годов. События в январе 1978 г. и январе 1984 г., победа исламской революции в Иране в феврале 1979 г. способствовали активизации политического ислама. Президент Х. Бургиба рассматривал исламистов как угрозу своей власти и подвергал репрессиям Движение исламской направленности (ДИН) и другие менее значительные исламистские организации, а после 1984 г. и светские оппозиционные партии. С приходом к власти Бен Али в ноябре 1987 г. в Тунисе возобновился процесс политической либерализации. После освобождения исламистских руководителей осенью 1988 г. Р. Ганнуши, лидер радикального течения ДИН, заявил, что с эпохой несправедливости покончено. Произошла деэскалация конфликта между ДИН и властью. При Бен Али З. Ганнуши, раннее выступавший против любого компромисса с режимом Х. Бургибы, тем не менее призывал к созданию демократической политической системы, а не к немедленному построению исламского государства. Он заявил, что ДИН будет уважать законы страны. В январе 1989 г. оно было преобразовано в политическую партию («Хизб ан-Нахда»).

Однако «Ан-Нахда» не была легализована. Она как политическая партия не была допущена к парламентским выборам в апреле 1989 г., но по спискам независимых «Ан-Нахда» получила 13% всех голосов и до 25% во многих избирательных округах. «Ан-Нахда» добилась большего успеха, если бы была легальной партией. Она стала основной оппозиционной силой в Тунисе: все светские оппозиционные партии получили вместе лишь 3,76% голосов. Бен Али был обеспокоен ростом влияния исламистов и ужесточил политику по отношению к «Ан-Нахде». Это изменение позиции президента и отказ правительства легализовать «Ан-Нахду» привели к протестам исламистов, их нападениям на правительственные учреждения и столкновениям с полицией.

В марте 1991 г. Р. Ганнуши призвал тунисцев к восстанию против режима Бен Али. В 1991-1992 гг. силы безопасности уничтожили организационные структуры «Ан-Нахды», лидеры которой были заключены в тюрьму или эмигрировали. Возможность мирного сосуществования между властями и исламистской оппозицией была упущена. Президент Бен Али использовал в борьбе против исламистов не только насилие, ему удалось решить ряд социальных, экономических и образовательных проблем, что явилось решающим фактором поражения политического ислама в Тунисе. Тем не менее власти проявляют обеспокоенность в связи с существованием тунисских исламистских структур за рубежом.

BOKSHCHANIN A.A.
(Russia)

Changes in the Views of Zhu Yuanzhang, the Founder of Ming Dynasty, by the End of his Reining

Zhu Yanzhang (1368-1398), whose way to power was not legitimate at all (he managed to rise due to the people's rebellion against the Mongolian rulers in China), left to his heirs the "Testaments" – a sort of collection of rules and recommendations presented as a legislative code with a number of articles. However, within the period of his reign these "Testaments" experienced repeated changes and additions. As far as both variants of the text of this document – the initial and the final ones – remained, these changes can be revealed. On the base of their con-tent and form it is possible to determine, which aspects of the further country ruling policy Zhu Yuanzhang considered necessary to change or correct. The most significant of these changes are included into the first "Title" part of the text. In particular, here we can find the recommendations , presented as an order, to the hairs not to use too severe forms of punishments towards the people. At the same time, his own a little excessive cruelty in politics the founder of the dynasty explained by the unordinary and complicated situation at the moment of his coming in power. Declaration and validation of the abolition in 1380 the posts of 2 chancellors (chengxiang), which were supreme persons in the state machinery after the Emperor, can be considered as the most significant addition to the initial variant of the "Testaments". And what's more, it was forbidden for the descendants to restore this institution. Besides, the recommendation to abstain from un-necessary aggressive operations against the foreign neighbours was inserted into the final variant of the text that can also be estimated as an important moment. This recommendation was provided with brief characteristics of the relationship between China and this or that country. And at last, the section mentioned above included the declaration that the representatives of the Emperor's kin were not to be tried by the ordinary court. Henceforth their crimes were to be investigated by the council of the closest male relatives of the ruling Emperor. As for the other later changes, addition and extractions in comparison with the initial version of the text, they, in general, are less significant.

Бокщанин А.А.
(Россия)

Что изменилось во взглядах основателя династии Мин Чжу Юаньчжана к концу его правления

Пришедший к власти отнюдь не легитимным путём (на гребне народного восстания против монгольских завоевателей Китая) Чжу Юаньчжан (1368-1398) оставил своим потомкам «Заветы» – свод рекомендаций и правил, составленный в форме постатейного законодательства. Но в первоначальный вариант этих «Заветов» во

время его царствования неоднократно вносились изменения и дополнения. Поскольку сохранились и первоначальный, и окончательный варианты текста данного памятника, то их можно выявить. Исходя из их содержания и характера, можно представить, какие моменты в дальнейшем курсе управления страной Чжу Юаньчжан счёл нужным изменить или подправить. Наиболее существенные из таких дополнений содержатся в первом «Заглавном» разделе текста. В частности, здесь присутствует изложенная в форме повеления рекомендация своим наследникам не прибегать к слишком суровым мерам наказания в отношении своих подданных. Свои же собственные «перегибы» в данном направлении основатель династии оправдывал неординарностью ситуации во время его прихода к власти. Самым существенным дополнением к первоначальному варианту «Заветов» можно считать констатацию и оправдание ликвидации в 1380 г. должности канцлеров (чэнсян) – двух вторых, после императора, лиц в государственном аппарате. При этом потомкам категорически воспрещалось пытаться восстановить данный институт. Важным моментом было также включение в окончательный вариант текста рекомендации не вести без особой надобности агрессивных войн против своих иноземных и заморских соседей. Она сопровождается краткой характеристикой состояния отношений Китая с той или иной из упомянутых стран. Наконец, в дополнениях к названному разделу провозглашается неподсудность членов императорского рода ординарному суду. Отныне и впредь их провинности должны были рассматриваться на совете самых ближайших родичей правящего императора по мужской линии. Что же касается остальных изменений, дополнений и изъятий последующего времени по сравнению с первоначальной версией текста памятника, то они имеют, в общем и целом, менее существенное значение.

YURLOV F.N.
(Russia)

India: Democracy and Formation of a Multiparty System

Prerequisites of democracy in India – tolerance, pluralism of opinion. Creation of important elements of democratic institutions in the colonial period, and especially at the time of the national liberation movement. Development of democratic political and judicial structures in poliethnic and multiconfessional society. Central place of the Indian parliament in the system of political democracy. Election as a mechanism of change of power and as an instrument of change of the society. Creation of multiparty system in the process of democratization of the society and decentralization of power. Democratic development of India in the context of solution of the major socio-economic problems.

Юрлов Ф.Н.
(Россия)

Индия: демократия и формирование многопартийной системы

Предпосылки демократии в Индии – терпимое отношение к инакомыслию, плюрализму мнений. Создание важных элементов демократических институтов в годы колониального господства и борьбы индийцев за национальное освобождение.

Развитие политических и правовых демократических структур в условиях фрагментированного полиэтнического и многоконфессионального общества. Построение фундамента гражданского общества в Индии. Центральное место парламента в системе политической демократии. Выборы как механизм власти и инструмент изменения общества. Формирование многопартийной системы в ходе демократизации общества и децентрализации власти. Развитие Индии по пути демократии и решение масштабных социально-экономических проблем.

VANINA E.Yu.
(Russia)

Time as viewed by medieval Indians (some historical observations)

One of the Orientalistic postulates that bore a lasting and negative effect on the whole development of Indian studies viewed Hinduism as distinguished by exclusively cyclical model of time and Hindus as devoid of any sense of time changing and history. The concept of "Hindu ahistoricity" an inseparable part of colonial Indology, nationalist historiography and afterwards became deeply rooted in various schools of Indian history and culture research. And it was only in recent times that it became possible to challenge the Orientalistic clichés and find out that temporal perceptions of medieval Hindus were distinguished by co-existence of cyclical and linear models, that genre peculiarities of some medieval texts were no obstacle to their undoubted historicity and that in their temporal concepts medieval Hindus had much in common with other peoples of that epoch, including Europeans. The study makes a special reference to late medieval period in India which was distinguished by new features of time perception as reflected in a number of literary works of the epoch.

Ванина Е.Ю.
(Россия)

Время в представлениях средневековых индийцев (некоторые исторические замечания)

Один из постулатов ориентализма, оказавших весьма ощутимое негативное воздействие на все развитие индологии, гласил: характерной особенностью индуизма является циклическое восприятие времени, вследствие этого индусы не ощущают течения вре-

мени и не обладают «чувством истории». Представление об «антиисторичности» индусов стало неотъемлемой частью колониальной индологии и националистической историографии, а затем прочно укоренилось в концепциях современных историков. И лишь в последнее время стало возможным пересмотреть ориенталистские клише и определить, что в темпоральных представлениях средневековых индийцев циклическое время сосуществовало с линейным, что жанровая специфика многих средневековых текстов не отрицает их несомненной историчности, что в своем восприятии времени и истории средневековые индийцы обнаруживали немало сходных черт с другими народами той эпохи, включая европейцев. В докладе особое внимание уделяется новым чертам, которыми было отмечено восприятие времени и истории в позднее средневековье, что отразилось, в частности, во многих произведениях средневековой литературы.

YURLOVA E.S.
(Russia)

The Indian Untouchables:
from subordination to self-identification

Traditional oppression and dependence of the Untouchables in the caste system. The Bhakti movement (6th–17th cc.) – the initial stage of their spiritual emancipation. Hindu reformers' work (19th c.) – an ideological preparation of the Untouchables for their social life. Non-Brahmin movements (the end of 19th – the 30s of the 20th c.) – their actual participation in the struggle against caste discrimination. M.K. Gandhi and B.R. Ambedkar's activities facilitated involvement of the Untouchables into political life. State efforts to improve their status, creation of their public and political organisations in the process of democratization. Growth of the influence of those groups as a factor in self-identification of the Untouchables, now numbering more than 160 mln.

Юрлова Е.С.
(Россия)

Индийские неприкасаемые:
от подчиненности к самоидентификации

Традиционное угнетение и зависимость неприкасаемых в кастовой системе. Движение бхакти (6–17 вв.) – начальный этап их духовного раскрепощения. Деятельность индусских реформаторов (19 в.) – идейная подготовка неприкасаемых к общественной жизни. Небрахманские движения (конец 19 – первая треть 20 в.) – реальное участие неприкасаемых в борьбе против кастовой дискриминации. Деятельность М.К. Ганди и Б.Р. Амбедкара по их вовлечению в политическую жизнь. Усилия государства по улучшению положения неприкасаемых, создание их общественных и политических организаций в ходе демократизации страны. Рост влияния этих групп как фактор в самоидентификации неприкасаемых (в настоящее время более 160 млн.).

LEDKOV A.A.
(Russia)

The importance of the inscription
from Bmimeshwar temple of Dolakha
dated 688 of Nepal Samvat (1682 AD)

The paper explores the insufficiently known history of Dolakha, small principality of East Nepal, which was a vassal of principalities of Kathmandu Valley. This inscription is an edict on a copper plate of Jitarideva, a ruler of Dolakha. With the exception of a small part at the beggining which is in Sanskrit, the text is written in «old Newari» with some features distinctive from the language of contemporal texts from Kathmandu Valley. This edict is dealing with lifting of some kind of taxes paid by inhabitans. It shows some archaic-communal features of administrative system of the principality and helps to understand the character of relations with metropolis and neighbour mountain tribes. It also contains information on ethnic composition and religion of Dolakha's population. This document is published in "Historic Essay of Dolakha" (dolakhāko aitihāsik ruprekhā) by Dhanabajra Bajracharya and Tekbahadur Shrestha in Kathmandu in 2031 Vikram Samvat (1974), p. 98-99, in Nepali.

Ледков А.А.
(Россия)

Историческое значение надписи
из храма Бхимешвара из Долакха
от 688 г. Непальской эры (1682 г.)

Доклад посвящен малоизученной истории Долакха, небольшого княжества в восточном Непале, в средние века находившегося в вассальной зависимости от княжеств Долины Катманду. Надпись – эдикт правителя Долакхи Джитаридевы на медной табличке. Язык текста, за исключением небольшой вступительной части на санскрите, - старый невари, несколько отличающийся от языка документов Долины Катманду. Документ связан с освобождением от ряда налогов жителей города. Он проясняет особенности управления княжеством, сохранившим архаичные общинные черты, и дает возможность понять характер взаимоотношений между Долакха и метрополией, а также соседними племенными территориями. Надпись содержит сведения об этническом составе и верованиях населения. Документ опубликован в книге Дханабандхи Баджрачарьи и Текбахадура Шрестхи «Исторический очерк Долакха», Катманду, 2031 эры Викрама (1974), с. 98-99, на непали.

SHRESTHA Krishna Prakash
(Russia)

Mundhum – Religious & Legal Treatise of Kirat people

The sacred book of Kirat people "Mundhum" consist not only Myths and Legends, but legal rules and regulations of Kirat society. This religious and legal code provides us important materials for the study of ancient social systems as well as the contemporary religious, social and intellectual thinking of Kirat people, living now in the Eastern Nepal and India.

We can find some stress of Legal Code of the Kirat dynasty in the text of "Mundhum", as it is supposed, the Kirat dynasty ruled in ancient Nepal. Nevertheless, the text of this treatise was compiled not before VII-IX century, when the Kirat scripture came in existence. The copies of "Mundhum" found in Nepal and India were written in three different scriptures: Shirijanga, Chandrapulinga and Ronga.

The "Mundhun", as suggested by Iman Singh Chemjing, the export of Kirat history and culture, has the same importance as the sacred "Vedas". He translated "Mundhum" in nepali and published it in 1961 under the title of "Mundhum – the Veda of Kirat" including the kirat text in dewanagari shrift "exactly copied as was written in an old-fashioned rolled book of 25 elbow long". The Kirat people яealously follow the rules and regulations of their sacred book and accomplish the traditional rituals.

The Kirat people are able to preserve up till now their original and traditional religion following the prescriptions of their sacred book "Mundhum". Even today they wholly or partially maintain the rules and regulations as written in their sacred book.

Шрестха Кришна Пракаш
(Россия)

Мундхум – религиозно-правовой трактат киратов

Письменный памятник киратов "Мундхум", содержавший не только мифы и легенды, но и свод законов киратского общества, является религиозно-правовым трактатом и имеет особое значение для изучения не только древнего социально-политического строя племени киратов, но и современное социальное, религиозное и духовное восприятие этого этноса, живущего ныне на восточной части Непала.

Огласки свода законов киратской династии, правившей когда-то в древнем Непале, можно также обнаружить в тексте «Мундхума», несмотря на то, что "Мундхум", по-видимому, появился не раньше VII-IX вв., поскольку у киратов до этого не было своей письменности. Рукописи "Мундхума", найденные в Непале, написаны с использованием трех разных видов письма – шириджанга, чандрапулинга и ронга.

«Мундхум», как указал знаток киратской культуры и истории Иман Синх Чемджонг, является для киратов, подобно «Веды».

Он перевел его на язык непали и издал в 1961 году под названием «Мундхум» – «Веды киратов», параллельно напечатав киратский текст письмом деванагари «точь-в-точь так, как написано в старинной рукописи, имеющей длину в 25 локтей». Кирати ревниво следуют предписаниям священной книги "Мундхум" и совершают традиционные обряды.

Следуя предписания своей священной книги, кирати сумели сохранить до сих пор свою самобытность и традиционное верование. И поныне кираты полностью или частично соблюдают правила и законы, содержащие в этой священной книге.

RIABININ A.L.
(Russia)

The Structure of Supreme Authority in The East During The Middle Ages

A precise division of secular and religious authorities in the West only partially corresponded to a similar division of authorities in the East.

The Chinese emperor (huangdi), as a representative of indivisible ritual authority, had always been a high priest in the system of imperial cults. Even the change of a dynasty carried a ceremonial-ritual character, whether the dethroned rulers were left to live in honor (at an earlier stage) or murdered (later). Other Chinese religions (buddhism, taoism) and ethical doctrines (Confucianism, Moist, legism, philosophical taoism) occupied a subservient position in the Chinese society and were regulated by the state as needed. An emperor could be overthrown, could be a toy in the hands of all-mighty minions, but he never parted with his supreme secular or religious authority officially.

A similar structure of the supreme authority existed in Korea, although in the second part of the XII century – first part of the XIII century the situation changed. Warlords crowned a brother of the dethroned wang and the role of a supreme secular body of government was given over to a joint military body Chunban. In the coming years the real power in the country was grasped by the leader who created his own ruling dynasty, running the country up to 1258, when the actual governor was murdered, and the new wang unconditionally recognized the Mongol rule, using them in his struggle against the court opposition. In a period from 1170-ies to 1258 wang has only been possessing religious authority and representative functions. A similar situation never took place in Korea later, although various power groups periodically replaced each other at the helm of power.

In Vietnam, during the rule of a Tran dynasty (1225-1400), emperors gave over their title and power to heirs (sons, for the most part), while becoming "emperor-preceptors " themselves and keeping control over the state. Such practice was used to maintain control over the

country in the face of Mongol invaders. Later, in the XVII-XVIII centuries, in Dangngoai, almost all secular power (starting with military command) was given to a warlord (chua), while the emperor (vua) was left only with religious authority. Even more power was given to the military ruler of Dangtrong, who only nominally recognized the supreme authority of an emperor from Le dynasty.

The most well-known example of the division of religious authority of the emperor and secular authority of military governor is the distribution of power between tenno and shogun in Japan.
The diarchy began in the end of the XII century – a period of a sudden weakening of China, where Chzhuchzenian dynasty Jin struggled with Chinese Southern Song dynasty.

The European threat to Japan in the end of the XVI – beginning of the XVII century did not remove the diarchy, but resulted in structural changes of the Japanese society, its defeudalisation and enforcement of despotism based on shogun authority.

In Nepal, in the middle of the XIX century, a Khassi Cunvar clan member, who was aspiring to a kinship with rajputian Rana bloodline, used massacre and coup d'etat as tools in his quick rise to power. Then he secured all the real secular authority in the country for his clan in legislative way.

The king from Shah dynasty, being considered an incarnation of Vishu, possessed religious authority only.

In Khazaria, kagan, coming from an outlandish turqutish dynasty that did not have roots in Khazarian society, reserved only the religious functions of the chief of jewish church and gradually conceded the real secular and military authority to the representative of a local dynasty of khazarian princes – "tzar" – beq (peq) or kagan-beq.

The attempt to differentiate between secular and religious authority in Muslim civilization encounters certain difficulties, as in Islam any lawful authority should be religiously approved. And yet, we shall try to single out "secular" and "spiritual" parts in the body of Islamite authority.

In Muslim world, after Muhammad's death Abu-Bakr named himself "khalif" ("successor"), and as the chief of Islamite community became not only the emir (a secular, military leader), but also the imam (chief of religious rites). Umar should have named himself "khalif's khalif", but he thought up a more short title – "an emir of devout" so as to avoid repetition. This title combined both secular (emir), and religious (imam) functions. Not only four "devout khalifs" combined both secular and religious functions, but also follow-up Umayads (in Damascus) and Abbasids (in Baghdad before its occupation by Buids | Buwaihids) khalifs. Umayads' concept of "khalif" evoluted from "a deputy of the God's envoy" to "a successor of the God on Earth". This led to an increased sacralization of the Umayads' status. After the downfall of Umayads'

khalifate only the Abbasids called themselves "emirs of devout" and "khalifs", being the keepers of cities Mecca and Medine, sacred to Islam. Spanish Umayads called themselves "the sons (descendants) of khalifs", while the chief of shiite Idrisides in Morocco called himself "the son (descendant) of the God's envoy". Up to the second part of the IX century the Abbasid khalifate (with the exception of Aghlabids in Tunis and East Algeria) kept a semblance of the unity of the state: "emirs" of provinces, passing their power by right of succession, were considered to be representatives of "the emir of devout", who combined both secular and religious functions. In the second part of the IX century khatib's (preacher's) office was separated from emir's. The division of secular and religious functions (of an actual ruler and khalif respectively) took place on the periphery of Abbasid khalifate. In the second part of the IX century the title of "sultan" appeared that denoted the sole representative of secular authority, in contrast to "imam" – a representative of religious authority. In the beginning of the X century, a period of political collapse of Muslim world, the representatives of three dynasties – Abbasids in Baghdad, Fatimids in Mahdi, Umayads in Cordoba – named themselves khalifs and "emirs of devout", combining secular and religious authority. In the middle of the X century the Abbasid khalif renounced his secular authority for Buids (Buwaihids), who called themselves "shahinshachs", thus separating the secular authority from the religious authority of a Baghdad khalif. At first every secular ruler was called "a sultan", while later the title was reserved for the head of an independent dynasty only. After the collapse of Fatimid and Abbassid khalifates a title "khalif" (at first meaning secular-religious, and then – only the religious authority) lost the implementation of the supreme authority. New secular rulers appeared on the periphery of former khalifates who were called "emirs" and "sultans" because of their power and piety. "Khalif" became an honorable title and was given to the most deserving rulers renowned for being "the defenders of Islam and Shariah, patrons of sciences and arts". Emir Timur, his son Shakhrukh, Delhi sultans of India, Uzbek khan Shaibani wore the titles of khalifs, as well as the most famous of such khalifs – the Ottoman sultan who finally finished the process of collapsing, delimitation, and the subsequent merging of secular and spiritual authority.

Both within in the entire East, and within the separate civilizations (shown in this case on the example of Muslim civilization), religious and secular authority was combined in the administrative center, while being divided on periphery. In those parts of periphery where the various nucleuses of civilization gradually grew stronger and became power centers (i.e., Japan, Vietnam, Timur's, Shachruch's, Shfibani's and Ottoman sultans' states), a new merging of secular and religious power took place.

Рябинин А.Л.
(Россия)

Структура верховной власти на Востоке в период средних веков

Четкому разделению властей на светскую и сакральную власть на Западе лишь частично соответствовало аналогичное разделение властей на Востоке.

В Китае император (хуанди), как представитель неделимой власти, власти-ритуала, всегда был также и первосвященником системы императорских культов. Даже смена династии носила церемониально-культовый характер: вне зависимости от того, оставляли ли свергнутых правителей жить в почете (на раннем этапе) или убивали (как это было впоследствии). Остальные китайские религии (буддизм, даосизм) и этические учения (конфуцианство, моизм, легизм, философский даосизм) занимали в китайском обществе подчиненное положение и регулировались государством исходя из своих нужд. Император мог быть свергнут, мог быть игрушкой в руках всесильных временщиков, но никогда официально не делился ни верховной светской, ни верховной культовой властью с каким-либо иным лицом или органом в государстве.

Аналогичная структура верховной власти в принципе существовала и в Корее. Во второй половине XII века – первой половине XIII века ситуация изменилась. Военачальники возвели на трон брата свергнутого вана и роль высшего светского органа управления выполнял коллегиальный военный орган Чунбан. Затем реальную власть в стране захватил лидер, создавший собственную, параллельную династию правителей, управлявших страной вплоть до 1258 года, когда фактический правитель был убит, а новый ван безоговорочно признал господство монголов и опирался на них в борьбе с придворной оппозицией. В период с 70-х годов XII в. по конец 50-х годов XIII в. вану фактически была оставлена только религиозная и представительская власть. Впоследствии подобная ситуация в Корее более не повторялась, хотя различные группировки периодически сменяли друг друга у кормила власти.

Во Вьетнаме при династии Чан (1225-1400) для укрепления верховной власти императоры при жизни, начиная с периода борьбы с монгольским нашествием, передавали императорский титул и власть своим преемникам, (главным образом – сыновьям), а сами становились “императорами-наставниками” и контролировали ситуацию в стране. Позднее, в XVII-XVIII вв. в Дангнгоае (северо-вьетнамском государстве) практически все светские полномочия (начиная с военной) были присвоены военным правителем (тюа), а императору (вуа) были оставлены только религиозные функции. Еще более полную власть получил военный правитель в Дангчаунге (южновьетнамском государстве), лишь номинально признававший верховный суверенитет императора из династии Ле.

Пожалуй, наиболее известным примером, служащим эталоном разделения властей между императором, исполняющим религиозные функции, и военным правителем, сосредотачивающим в руках всю реальную светскую власть в стране, является распределение полномочий между тэнно и сёгуном в Японии. Начало этого «двоевластия» приходится на конец XII века – период резкого ослабления Китая, в котором боролись чжурчженьская династия Цзинь и китайская династия Южных Сун. Европейская угроза Японии в конце XVI – начале XVII вв. не ликвидировала этого «двоевластия», но привела к структурным изменениям японского общества, его дефеодализации и «деспотизации» на основе власти сёгуна.

В Непале в середине XIX века стремительно возвысившийся выходец из кхасского клана Кунвар, претендовавший на родство с индийским раджпутским родом Рана, используя резню и переворот, законодательно закрепил за своим родом всю реальную светскую власть в стране. Король из династии Шаха, являясь воплощением Вишну, обладал лишь сакральной властью.

В Хазарии каган, происходящий из иноземной тюркютской династии, не имевшей корней в местном хазарском обществе, оставил за собой лишь сакральные функции главы иудейской религии и постепенно уступил реальное руководство светской военной и гражданской властью представителю местной династии хазарских князей – «царю»-беку (пеку) или каган-беку.

Попытка провести разграничение светской и религиозно-духовной власти в мусульманской цивилизации наталкивается на известные трудности, так как в исламе всякая законная власть должна иметь религиозную легитимацию. И все же, несмотря на это, попытаемся выделить в «теле» исламской власти «светскую» и «духовную» составляющие.

В мусульманском мире после Мухаммада халифом (заместителем) называл себя Абу-Бакр, который, как глава исламской общины был не только эмиром (военным предводителем – «светская» функция), но и имамом (руководителем богослужения – «религиозная» функция). Умар должен был называть себя халифом халифа, но для того, чтобы избежать повтора он придумал более краткий титул – эмир правоверных, который сочетал в себе и «светскую» функцию (эмир), и «религиозную» (имам). Совмещали «религиозные» и «светские» функции не только четыре праведных халифа, но и последующие умайадские (в Дамаске) и аббасидские (в Багдаде до его занятия Буидами) халифы. У Умайадов понятие «халиф» эволюционировало: представление о «заместителе посланника Божьего» уступило место идее о «заместителе Бога на земле». Это привело к повышенной сакрализации статуса Умайадов. После крушения халифата Умайадов только Аббасиды, как хранители священных городов ислама, Мекки и Медины, называли себя «эмирами правоверных» и халифами. Испанские Умайады называли себя «сыновьями (потом-

ками) халифов», а глава шиитских Идрисидов в Марокко называл себя «сыном (потомком) посланника Божьего». До второй половины IX в. аббасидский халифат (за исключением Аглабидов в Тунисе и Восточном Алжире) сохранял вид единства государства: «эмиры» провинций, передавая свою власть по наследству, считались представителями «эмира правоверных», совмещавшего и «светские» и «религиозные» функции.

Со второй половины IX в. должность хатиба (проповедника) отделяется от должности эмира. На периферии аббасидского халифата происходит отделение «светских» функций (собственного правителя) от «религиозных» (халифа). Во второй половине IX в. появляется титул «султан», обозначающий единоличного представителя «светской» власти, в противоположность имаму– «религиозному» авторитету.

В начале X в., когда совершилось политическое распадение мусульманского мира, представители трех династий – Аббасиды в Багдаде, Фатимиды в Махдии, Омейады в Кордове – называют себя халифами и «эмирами праведных», сочетая «светскую» и «религиозную» власть. В середине X в. аббасидский халиф лишается «светской» власти в пользу Буидов, которые называют себя шахиншахами, тем самым отделяя свою светскую власть от религиозной власти багдадского халифа. Султаном сначала называют каждого «светского» правителя, независимо от его владений, затем – только главу независимой династии. После крушения фатимидского и аббасидского халифатов титул «халиф» (сначала «светско»-«религиозная», а затем уже – «религиозная» власть) утрачивает значение верховной власти. На периферии бывших халифатов появляются «светские» правители – эмиры и султаны, которые в связи с мощью их государств и благочестием поведения называются халифами. Титул халифа становится почетным титулом, который присваивался наиболее заслуженным правителям, пользовавшимся известностью как «защитники ислама и шариата, покровители наук и искусств». Такими халифами были эмир Тимур, его сын Шахрух, делийские султаны Индии, узбекский хан Шейбани и самый известный – османский султан, окончательно завершивший процесс распада, размежевания, а затем – нового слияние «светской» и «духовной» власти.

Как в пределах всего Востока, так и в рамках отдельных цивилизаций (в данном случае на материале мусульманской цивилизации), в центре сакральная и светская власть совмещались, а на периферии происходило их разделение. Постепенно в тех местах периферии, где укреплялись ее ядра, последние превращались в новые центры силы (Япония, Вьетнам Тимур, Шахрух, Шейбани, османские султаны) и происходило новое соединение сакральной и светской власти.

NOVICOVA K.
(Russia)

The cultural and nature basis interaction, and it's art comprehending in landscape design of Chinese and Japanese garden

Chinese cultural tradition presents nature as the bearer of the life energy. The cultural and nature intensive interaction is realized in a way of free dialogue. The components of Chinese garden can be taken as a balanced ecosystem.

The nature in Japanese garden tradition is the foil for the work of art. Nature and cultural basis reciprocal isolation is the typical part of Japanese landscape design.

Certain differences can be observed in the way of more important categories of Chinese and Japanese gardens: gardens size; architectural and gardens interaction; the plant material work; gardens observing system; esthetic criterions; emotional specter; the art game principle.

Новикова К.
(Россия)

Художественное осмысление взаимодействия природного и культурного начал в садах Китая и Японии

Китай – природа рассматривается как носитель жизненно важных энергетических характеристик. Интенсивное взаимодействие культурного и природного начал строится по принципу диалога.

Япония – природа служит фоном для решения художественных задач, направленных на внутренний мир человеческой личности. Взаимная изоляция природного и культурного начал.

Различия заметны в структурообразующих категориях садов: преобладающие размеры; взаимодействие архитектуры с естественной средой; подбор растительности; особенности визуального восприятия композиции; эстетические критерии, эмоциональный спектр; принцип игры.

LIELUKHINE D.N.
(Russia)

The Rise of the State of Licchavis in Nepal by the materials of the "Gopalarajavamshavali" and epigraphy

In the report based on detailed research of original sources, the texts of epigraphy and the "Gopalarajavamshavali", chronicles of XIV century on a Sanskrit and old Nevari the author of paper offers essentially new reconstruction of events of gradual resettlement of well-known clan of Licchavis from India to Nepal, a history of the formation of their state in a valley of Katmandu, also events directly previous to occupation of the throne by Manadeva and events of the first years of

Ms ruling. The suggested reconstruction of events makes clear an areal of findings of Manadeva inscriptions, defines essentially new direction of search of the new ones. Research of available sources allows to explain, also, a number of important differences of inscriptions of the time of Manadeva from the inscriptions of his successors which were reflection of the features of the society modern to him, features of the Licchavis state at the earliest stage of its formation.

Лелюхин Д.Н.
(Россия)

Возникновение царства Личчхавов в Непале по материалам «Гопалараджавамшавали» и эпиграфики

В докладе, основанном на детальном исследовании оригинальных источников, текстов эпиграфики и хроники XIV века на санскрите и старом невари "Гопалараджавамшавали" автор предлагает принципиально новую реконструкцию событий постепенного переселения знаменитого рода Личчхавов из Индии в Непал, истории формирования их государства в долине Катманду, а также событий, непосредственно предшествовавших занятию трона Манадевой и событий первых лет его правления. Предложенная реконструкция событий делает понятным ареал находок надписей этого царя, определяет принципиально новое направление поиска новых находок. Исследование имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет, также, объяснять ряд принципиально важных отличий надписей современных Манадеве от надписей его преемников, которые являлись отражением особенностей структуры современного ему общества, особенностей структуры государства Личчхавов на самой ранней стадии его формирования.

LIELUKHINE D.N.
(Russia)

Internet-resource «Indian Epigraphy»

Epigraphy is the basic, and taking into account specificity of textual tradition for different periods and regions of the country – an unique written source of information on a history of Ancient and Medieval India. Only separate, earliest chronicles which we have are dated by XI-XIV centuries.

Actuality of a represented resource – in stimulation of the interdisciplinary fundamental approach to the analysis and interpretation of the concrete sources submitted here, in view of results and achievements of a world historical science, philology, linguistics and other sciences. Creation of the complex scientific publication of texts, translations and researches in the form of "collections" of epigraphy from the I milllenium AD in the electronic form – considerably expands opportunities of research and use of these sources. Such form allows to

present alongside with texts and researches of concrete materials, the major points of view of a various experts concerning perusal and interpretations of these sources, to represent and to modernize operatively the scientific apparatus, to use in the long term machine ways of text analysis. Interdisciplinary resources – publications of the such type in indology does not exist. Alongside with the scientific publication of the texts and translations, the publication of concrete researches is considered by us – as the important channel of distribution of the information and, actually, ideas and researches of the scholars various on specialization. The base for an opportunity of such publications is represented with scientific character of a resource where in the head of a corner is – studying concrete sources by the researchers. The user, have an opportunity within the framework of one resource to overlook sources and researches, to estimate validity of conclusions of each research.

The represented Internet resource while is a developing, pilot resource. At the same time, development of a resource in 2002-2003, that we have limited distribution of the information about it, has resulted, at all restrictions, to formation of a small constant circle of users of a resource (600-900 visitors in a month) which gradually grows.

The resource has potential for development, including, taking into account interest growing now in the world to a concrete history and culture of India. At its development creation of conditions for its partial recoupment is possible, due to preparation and the publication on CD of the large collections with an opportunity of the simple search, including in the form of databases, due to preparation and the electronic publication of texts, translations and researches in English, with active use of an illustrative material. The last looks actual and important from two points of view. It is known, that, the problem of safety of texts of inscriptions practically is not solved in any way in India and hardly will be solved in the near future. Taking place within the framework of adverse climatic and ecological conditions, an inscriptions, including the most ancient, a sources not less important, than manuscripts – gradually perish. Though archive of rubbings available in the National museum made by the qualified experts, it is not archive of literal copies – the majority of them is made "approximately". Practice of work of many researchers with such sources convinces, that the rubbings cannot replace a photo, as well as on the contrary. Presence of modern electronic means will allow to solve a problem of safety due to creation of qualitative digital archive of copies of monuments of epigraphy. On the other hand –electronic means of the publication will allow to enrich considerably publications of texts and researches due to active attraction of an illustrative material. Use of the qualitative graphic at the publication of sources, their translations and researches can (and will be, most likely, in the future) to become a basis for qualitatively new scientific publication where alongside with the text information, not replacing it, but supplementing, facilitating perception.

Лелюхин Д.Н.
(Россия)

Интернет-ресурс «Индийская эпиграфика»

Эпиграфика – основной, а учитывая специфику литературной традиции для ряда периодов и регионов страны – единственный письменный источник сведений по истории в древности и раннем средневековье. Лишь отдельные, наиболее ранние дошедшие до нас хроники датируются XI-XIV вв.

Актуальность представляемого ресурса – в стимулировании междисциплинарного фундаментального подхода к анализу и интерпретации представленных здесь конкретных источников, с учетом результатов и достижений отечественной и мировой исторической науки, филологии, лингвистики и иных наук. Создание комплексной научной публикации текстов, переводов и исследований в форме "коллекций" эпиграфики I тыс.н.э. в электронной форме – значительно расширяет возможности исследования и использования этих источников. Такая форма позволяет представить наряду с текстами и исследованиями конкретных материалов, важнейшие точки зрения специалистов различного профиля относительно прочтения и интерпретации этих источников, представлять и оперативно модернизировать научно-справочный аппарат, использовать в перспективе машинные способы текстового анализа. Междисциплинарных ресурсов-изданий такого типа в индологии не существует. Наряду с научной публикацией собственно текстов и переводов, публикация конкретных исследований рассматривается нами – как важный канал распространения информации и, собственно, идей и исследований ученых различных по специализации. Базу для возможности таких публикаций представляет научный характер ресурса, где во главу угла поставлено изучение конкретных источников исследователями, подчас имеющими различные взгляды. Пользователь, имеет возможность в рамках одного ресурса просмотреть источники и исследования, оценить справедливость выводов каждого исследования.

Представляемый Интернет-ресурс пока является развивающимся, пилотным ресурсом. Вместе с тем, развитие ресурса в 2002-2003 г., при том, что мы ограничили распространение информации о нем, привело, при всех ограничениях, к формированию небольшого постоянного круга пользователей ресурса (600-900 посетителей в месяц), который постепенно растет.

Ресурс имеет потенциал для развития, в том числе, учитывая растущий в настоящее время интерес к конкретной истории и культуре Индии. При его развитии возможно создание условий для частичной его окупаемости за счет подготовки и публикации на CD крупных коллекций с возможностью сплошного поиска, в том числе и в форме баз данных, за счет подготовки и электронной публикации текстов, переводов и исследований на английском языке, с активным использованием иллюстративного материала. Последнее

выглядит актуальным и важным с двух точек зрения. Известно, что, проблема сохранности текстов надписей практически никак не решается в Индии и вряд ли будет решаться в ближайшем будущем. Находящиеся на открытом воздухе в рамках неблагоприятных климатических условий и экологической обстановки, надписи, в том числе древнейшие, источник не менее важный, чем рукописи – постепенно гибнут. Имеющийся в Национальном музее архив прорисовок, хотя и сделанных квалифицированными специалистами, не является архивом буквальных копий – большинство их сделано "на глаз". Практика работы многих исследователей с такими источниками убеждает, что прорисовка не может заменить фотографии, как и наоборот. Наличие современных электронных средств оцифровки позволит хотя бы относительно решить проблему сохранности за счет создания качественного цифрового архива копий памятников эпиграфики. С другой стороны – электронные средства публикации позволят значительно обогатить публикации текстов и исследований за счет активного привлечения иллюстративного материала. Использование качественной графики при публикации источников, их переводов и исследований может (и будет, скорее всего, в будущем) стать основой для качественно новой научной публикации, где наряду с текстовой информацией, не заменяя ее, а дополняя, облегчая восприятие – может присутствовать ряд графических образов.

KOMAROV ERIK
(Russia)

Democratization as non-unulinear process:
its stages, forms and regulations.
The case of Political Development of South Asian Countries

The countries under consideration are India (which is taken as the referent), Pakistan, Bangladesh and Sri Lanka. Their political development is explained as a non-unilinear process of democratization being alternation of the combination of authoritarian and democratic components of transitional political system and reflecting the intermittent growth and consolidation of the democratic component. The paper focuses on the development of multiparty systems and coalition in spite of the spells of military rule, alternating with civilian rule under military control in two of these countries. A special reference is made to the mechanism of transition from one party dominance to the system of alternative parties (partially similar to two party system) in India. Attempts of military or civilian regimes under military control to build the dominant party in Pakistan and Bangladesh were accompanied by the rise of a system of alternative parties which now prevails in Bangladesh. The evolution of two-party system in Sri Lanka since Independence is also pointed out. Certain regularities of the democratization in the case of the above countries are revealed and explained.

Among them the transition from confrontation to competition which is reflected in the decrease of differences between major political actors on main issues of organization and development of social policy. This transition is interpreted as resulting from socio-economic development and the consequent evolution of reformist policies. Communalism and its most pernicious offshoot fundamentalism breeding terrorism are viewed as a reaction to the contradictory process of modernization.

Комаров Эрик
(Россия)

**Демократизация как неоднолинейный процесс:
этапы, формы и закономерности.
На примере политического развития
стран Южной Азии**

Рассматриваются Индия, Пакистан, Бангладеш и Шри-Ланка после достижения независимости. Политическое развитие этих стран интерпретируется как меняющееся соединение авторитарного и демократического компонентов их переходных политических систем при постепенном и прерывистом, с попятными движениями, возрастании демократического компонента. Прослеживается развитие многопартийности и коалиционной политики в весьма различных политических условиях в названных странах, в том числе в условиях чередования военных и гражданских (под военным контролем) режимов в Пакистане и (до недавнего времени) в Бангладеш. Выявляются определенные сходства и синхронность ряда политических сдвигов в странах Южной Азии, а также некоторые общие закономерности процесса демократизации, в том числе сокращение различий между главными политическими партиями по ряду основных вопросов общественного устройства и развития. В то же время активизировались коммуналистско-фундаменталистские движения, представляющие реакцию на продвижение модернизации.

ANAYBAN Z.V.
(Russia)

**Effects of Socio-Economic Changes in Russia
on the Position of Women in the Society
(Khakassia and Tuva taken as an example)**

The changes in the role of the woman in different spheres of social life which are closely connected with the socio-economic reforms going on in the country make up a serious problem worth analysing. The Republic of Tuva and the Republic of Khakassia belong to the regions with a complicated ethno-social situation. The both republics are polyethnic, but the shares of the title nations in their population structures are not equal. While in Tuva the title nation makes up two thirds of the population (66,9%), in Khakassia it stands only at 11%.

Women make up half of the inhabitants working in different branches of the economics. And they are mostly concentrated in the social spheres subsidized from the budget (public health services, educational structures), where the salaries are low. They are also in demand in the enterprises of textile and food processing industries, where for the same kind of the work women receive less money than men.

It should be noted that one of the most urgent problems of the Republic today is high unemployment among women. Experts say that the least socially protected group in the conditions of unemployment is women both in Tuva and other regions of the Russian Federation. The number of unemployed women has been stable ranging from 65% to 85%. There is a tendency towards the formation of a peculiar market of female labor force in Tuva and Khakassia that is characterized by low wages and qualification, poor working conditions, horizontal professional mobility. Female unemployment in both republics is characterized by a high percentage of jobless mothers having many children and single mothers. And most of such mothers are Tuvinian and Khakassian women.

In this situation it is becoming more significant to carry out interdisciplinary research of women's problems in the complexity of the phenomena and the processes going on in the life of Russian women on the condition of taking into consideration also their ethnic peculiarities.

Анайбан З.В.
(Россия)

**Влияние социально-экономических преобразований
в России на положение женщин в обществе
(на примере Тувы и Хакасии)**

Изменение роли женщины в разных сферах общественной жизни, непосредственно связанное с происходящими в стране социально-экономическими реформами, является сегодня одной из серьезных проблем российского социума. И все же, данная проблема, на наш взгляд, в более обостренной форме выражена в национальных регионах, в том числе в Туве и Хакасии. Республика Тува и Республика Хакасия относятся к регионам со сложной этносоциальной ситуацией. Обе республики полиэтничны, хотя доля титульной национальности в них неодинакова. В Туве удельный вес титульной национальности составляет более двух третей населения (66,9%), в Хакасии численность хакасов едва достигает 11%.

Среди работающих в разных отраслях экономики Тувы и Хакасии удельный вес женщин достигает почти половину. При этом женщины в основном сосредоточены в бюджетных отраслях (здравоохранение, образование) с наиболее низкой оплатой труда, а также в легкой, пищевой промышленности, в которых женский труд оплачивается дешевле мужского при прочих равных условиях.

В Туве и Хакасии одна из самых острых проблем сегодня - проблема занятости и условий труда женщин. По оценке специалистов в Туве и Хакасии, как и во всех других регионах Российской Федерации, самой незащищенной группой в условиях безработицы являются женщины. В последние годы в этих республиках численность женщин среди безработных составляла стабильное большинство: от 65% до 85%. В этих республиках отмечается тенденция формирования особого рынка женской рабочей силы, характеризующегося низкой заработной платой и квалификацией, плохими условиями труда, горизонтальной профессиональной мобильностью. Особенностью женской безработицы в обеих республиках является наличие в числе безработных высокого процента матерей-одиночек и многодетных матерей – представителей титульной национальности.

В создавшихся условиях особую важность приобретает междисциплинарное исследование женских проблем, изучение комплекса явлений и процессов, происходящих в жизни российских женщин с учетом их этнических особенностей.

KADYRBAEV A.
(Russia)

Christians in China under Tang and Yuan dynasties

The conquest of China by the Mongols and its transformation into a part of their empire and then into the Yuan Empire, as never before, opened it to the influence of other peoples and civilizations of the Eurasian continent. Natives of many countries – Christians made for China. Among them were representatives of many Christians confessions - Nestorians, Catholics, Orthodox.

Objects of material culture are indicative of intensive cultural relations between Christian peoples of Eurasian continent and Chine under Tang and Yuan dynasties. Christians not only adopted the Chinese culture, but also influenced its development. Thus events of Chinese history during Tang and Yuan are difficult to be estimated ignoring the role of Christians, especially Nestorians.

Besides, representatives of Christian peoples participated in Mongolian conquests and thus many Christians found themselves in China where they also left their trace in history of this country in the epoch of Mongolian dominion.

Кадырбаев А.Ш.
(Россия)

«Во имя веры Христовой!»
Христианские конфессии в Китае в средние века

Уже при династии Тан (VII-IX) в Китае существовала, хотя и немногочисленная, христианская несторианская община, как плод деятельности сирийских и центрально-азиатских миссионеров той

эпохи. В Китае тогда несторианство было известно под именем «Цзинцзяо» – «Сиятельное учение» или «Мишиацзяо» – «Учение мессии». С 745 по 843 гг., до времени разгрома танскими властями несторианства, упоминаются некоторые «церкви в обеих столицах [Чанъани и Лояне] и те, что имеются в областях и округах Поднебесной».

Но расцвет христианства в Китае относится к эпохе монгольского владычества в этой стране в XIII-XIV вв. Завоевание Китая монголами и превращение его после распада их мировой державы в часть Юаньской империи – монгольского государства на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, как никогда открыло эти страну другим народам и цивилизациям Евразии. В Китай устремились выходцы из разных стран Азии и Европы, среди которых было немало христиан различных конфессий – несториан, православных, католиков, грегориан. Христиане в Китае при правлении монгольской династии Юань – представители разных стран и народов, среди них тюркоязычные уйгуры, канглы, онгуты, найманы и кереиты из Центральной Азии, сирийцы и армяне из Западной Азии, асы с Кавказа и русские, и даже западноевропейцы – итальянцы, французы, немцы. Они, вместе с представителями других стран и народов, лежащих к западу от Китая, исповедовавших ислам, буддизм, шаманизм, иудаизм, являлись привилегированным юаньским сословием «сэму» – «цветноглазых» (в переводе с китайского), уступавших в правах лишь монголам и стоявшими по статусу над китайцами, составлявших подавляющее большинство населения Юаньской империи. В эпоху Юань христианство пользовалось наибольшим влиянием, чем когда-либо в предыдущий и последующей истории Китая. Христиане, по-китайски «еликэвэнь», в юаньском Китае были все из «сэму», среди них не было китайцев. Хотя до конца неясно, назывались ли «еликэвэнь» христиане всех конфессий или же только несториане?

Христиане не представляли единой религиозной и политической силы, будучи разделенными на конфессии, между которыми шла борьба за влияние на монгольских владык Китая. Но, очевидно, что христиане – «сэму» в борьбе за влияние в Китае XIII-XIV вв. использовали религиозные и этнические связи со своими единоверцами и соплеменниками, игравшими заметную роль в юаньской политике и культуре.

AVER'YANOV U.A.
(Russia)

The early period of history of the abode of Hadjji Bektash Veli in Suludja Karahuyuk (province of Kyrshekhir, Turkey)

After the suppression of the uprising of the Babayi dervishes in the middle of XIII c. the mass of unorthodox Anatolian dervishes was mainly engaged in the process of a cultural and spiritual development

within the bounds of a number of the sufi's cloisters. The inner life of those cloisters was tightly connected with the spiritual strivings and expectations of Turkic tribes of Anatolia.

The main sources for the period of beginnings of the cloister of Hadjji Bektash are the agiography of the saints-veli of the brotherhood of dervishes Bektashi. Up to now the question is not cleared up whether there was at this place a settlement of a sizable group of dervishes or a few of detached cells of the hermits (probably on ruins of one Christian monastery). The upper term for the foundation of the abode of Bektash is the time of Abdal Musa, one of the most prominent adepts of the Sheikh (about 1326-1348). It is known that some Mongolian tribe had friendly relations with Hadjji Bektash in person. The Seljuk power scarcely had to tolerate an abode of the "heretics" on their lands. With taking in account that the ruler of Kyrshekhir Nureddin Jaja was profoundly hostile to Bektash, it seems that only after the death of the former the abode could be found (around 1277). Also in any case Hadjji Bektash died until 1295. The fact of the foundation of the cloister by his living time remains still failing to prove.

Аверьянов Ю.А.
(Россия)

Ранний период истории обители Хаджи Бекташа Вели в Сулуджа Карагююке (провинция Кыршехир, Турция)

После подавления восстания дервишей бабаи в середине XIII в. на первый план для широкого слоя антолийских дервишей, исповедовавших неортодоксальные взгляды, выступает не столько борьба с Сельджукидами Рума, сколько духовное и культурное самоутверждение. Духовная жизнь суфийских обителей того времени и в первую очередь обители Хаджи Бекташа Вели, пира – основателя братства бекташи, была тесно связана со стремлениями и чаяниями тюркских племён Анатолии, которые в ту эпоху делали первые шаги на пути к самостоятельной государственности.

Период возникновения обители Хаджи Бекташа наименее изучен. Основными источниками служат литературные памятники братства бекташи и прежде всего «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташи Вели». До сих пор остаётся неясным, было ли на месте обители поселение сразу большой группы неортодоксальных дервишей или же лишь отдельные кельи дервишей. Верхней границей основания обители можно считать время Абдал Мусы (ок. 1326-1348 гг.). Известно, что некое племенное объединение монголов находилось в дружеских отношениях с данной обителью. Но Сельджукиды могли бы не допустить открытия на своих землях «еретической» обители, по крайней мере до смерти правителя Кыршехира Нуреддина Джаджа (ок. 1277 г.) и, если принять во внимание, что Хаджи Бекташ не дожил по-видимому до 1295 г., то при отсутствии документальных подтверждений факт основания обители при его жизни остаётся недоказанным. Тем более, что этому противоречат

сведения «Вилайет-наме-и Абдал Муса», судя по которым именно этот святой–вели приказал своим послушникам возвести обитель и тюрбе Хаджи Бекташа.

SUVOROVA ANNA
(Russia)

"Neither a Muslim nor a Hindu":
A Convention of the Indian Sufi Poetry

The genres of classical poetry – *mathnawī, ghazal, rubā'ī, qiṭ'a* – for ages used by Sufis, on the Indian periphery yielded place to the Indian *dohā, pada* and *sorat'hā;* indigenous folk forms *bārahmāsa* (songs of various seasons), Gujarati *chakkināma* (hand-mill songs) and *charkhinama* (spinning-wheel songs), Punjabi *kāfī,* Sindhi *wā'ī,* Baluchi *jumjumā* etc., i.e. the genres and genre forms, devoid of Islamic origin and content, acquired new, Sufi context.

Originally writing only in Persian and subsequently going for bilingualism, the South Asian Sufis turned out to be standing at the sources of one or another modern Indian literature or tradition of writing in vernaculars. Thus, for example, the fame of the founder of Punjabi, Urdu, Pashto, Sindhi, Gujarati, Kashmiri and Baluchi literatures is ascribed correspondingly to Baba Farid (the thirteenth century), Muhammad Gesudaraz (the fifteenth century), Bayazid Ansari, Qadi Qadan, Muhammad Jiv Jan, Habba Khatun (all of the sixteenth century) and Jam Durrek (the eighteenth century), each of whom to a greater or lesser extent is venerated as a saint.

Preaching strict monotheism and inculcating the idea of veracity of faith in only one God into their flock, provincial saints and Sufis at the same time emphasized that differences between Islam and other religions happen to be in the field of cult and ritual, and that is why they are superficial and false. Assertions that a Sufi "is neither a Muslim nor a Hindu" and that one need not follow the outwardly norms of religion laid down by *'ulamā* are repeated in the South Asian devotional poetry with the persistence and constancy of an incantation.

The Punjabi mystic poet Sultan Bahu, famous for the fact that he concluded each line of his verses with the mystic exclamation *hu,* said about the Sufis:

They are neither Hindu nor Muslims,
Nor do they bow down to pray in mosque.
In every breath they see God
And never miss the mystic cry of Hoo!

Another great Punjabi mystic Bullhe Shah stated:

We are neither Hindus nor Muslims
We sit and spin leaving pride of creed
We are neither Sunnis nor Shias
We are non-violent towards everyone

However, these are all nothing but effusions of Sufi proselytising rhetoric, which, as has been already mentioned above, should not deceive us and serve as the basis for inferences about supra-religious mode of life of mystics and saints: thus, contrary to their own assertion, Sultan Bahu and Bullhe Shah were pious Muslims, regularly visiting mosque and observing all the injunctions of the *Sharī'at*. And what is more, taking recourse to vernaculars and folklore, regional and ethnic traditions, going through the process of "adoption of simplicity" and naturalization, Sufis never deserted the mainstream of *taṣawwuf* – the teachings of Qur'ān and *Sunna* and, old legends and modern speculations notwithstanding, rarely became *mu 'ahhids*, i.e. the Unitarians, for whom it is all the same, which one and only God – Ram or Rahman – to worship. Therefore, the assertion that the Sufi was "neither Muslim, nor Hindu" might be considered a characteristic convention of the Indian mystic poetry.

Суворова А.А.
(Россия)

«Несть ни мусульманин, ни индус»:
тематическая условность суфийской поэзии Индии

Жанры классической поэзии – *маснави, газель, рубай, кыт'а,* веками использовавшиеся суфиями, на индийской почве постепенно уступали место индийским *дохам, падам и соратхам;* новое суфийское содержание обрели автохтонные фольклорные формы *барахмаса* (песни времени года), *чаккинама* (песни мельничных жерновов) и *чархшама* (песни прялок), пенджабские *кафи,* синдские *ва'и,* белуджские *джумджума,* т.е. жанровые формы, изначально не имевшие исламского происхождения и содержания.

Первоначально писавшие только на фарси, а затем обратившиеся к билингвизму, южно-азиатские суфии оказывались стоящими у истоков той или иной новоиндийской литературы или письменной традиции на вернакулярах. Так, например, славу основоположника пенджабской, урду, пушту, синдхской, гуджератской, кашмирской, белуджской литератур приписывают соответственно Баба Фариду (13 в.), Мухаммаду Гесударазу (15 в.), Баязиду Ансари, Кади Кадану, Мухаммаду Джив Джану, Хаббе Хатун (все – 16 в.), Джаму Дурреку (18 в.), каждый из которых в известной степени почитался как святой.

Проповедуя строгий монотеизм и приучая свою паству к вере в единого Бога, индийские суфии и святые вместе с тем делали упор на том, что различия между исламом и другими религиями лежат в области культа и ритуала, а потому являются поверхностными и ложными. Утверждения, что суфий «несть ни мусульманин, ни индус» и что не надо следовать установленным внешним нормам религии, повторяются в индийской духовной поэзии с упорством и постоянством заклинания.

Пенджабский поэт-мистик Султан Баху, прославленный тем, что заканчивал каждую строку мистическим восклицанием *ху,* говорил о суфиях:

Они ни индусы и ни мусульмане,
Они не молятся в мечети.

Другой великий пенджабский мистик Булле Шах заявлял:

Мы – ни индусы и ни мусульмане,
Мы не гордимся своей верой.
Мы ни сунниты, ни шииты
И не испытываем неприязни ни к кому.

Однако, все это издержки суфийской прозелитической риторики, которые не должны обманывать нас и служить основанием для выводов о надкофессиональном образе жизни мистиков и святых. Вопреки собственным утверждениям Султан Баху и Булле Шах были благочестивыми мусульманами, ходившими в мечеть и соблюдавшими предписания шариата. Более того, обращаясь к вернакулярам и фольклору, проходя процесс «опрощения» и натурализации, суфии никогда не порывали с магистральным направлением суфизма – учением Корна и сунны и, вопреки старым легендам, редко становились *муваххидами-уншарианцами,* для которых безразлично какому Богу молиться – Раме или Рахману. Тем самым, утверждение, что суфий «несть ни мусульманин, ни индус», является всего лишь тематической условностью индийской суфийской поэзии.

VASILIEVA L.A.
(Moscow)

The World of Urdu Diaspora Literature

The concept of Urdu Diaspora literature emerged in 1960s. Now this literature can be discussed as whole original body of Urdu literature which is peculiar and problematic to itself.

Major literary space of the Urdu Diaspora literature is filled by poetry. Its development goes much ahead of prose. A number of common themes and motives reflecting the world outlook and feelings of Indo-Pakistani emigrants in the West characterize the emigrant Urdu poetry. Certain distinction is noticeable in the psychological modalities of poetry written in different continents: more calm and placid in North America and more tense and even tragic in Europe. The works of Diaspora poets are distinguished by a number of style and tone peculiarities that combine tradition and new dynamism of the forming immigrant culture. Apart from enriching the Urdu poetry with new themes the Diaspora poets are contributing to the development of artistic imagery and style. Of especial importance are the incessant links between the Urdu literatures of the Diaspora and the sub-continent as

well as personal contacts of Diaspora poets with their brethren in India and Pakistan.

The second and further generations of Indo-Pakistani immigrants feel themselves very much "at home" in the West. The ties between young people and parental culture, language and literature loose day by day. Therefore the only possibility of survival and development of the Urdu Diaspora literature seems to be in the continuing migration when the literature circles be replenished and renewed by new poets coming from Pakistan and India.

Most of Urdu poets of Diaspora are Muslims, but there are Hindus, Sikhs and Christians among them too. Confessional canons of the of Urdu Diaspora poetry are in most cases followed but formally with the exception of the specific Islamic genres like *hamd, nat etc.*

Quite a different picture is pertains to the island states, first and foremost in the Mauritius. Urdu has acquired the status of the self identification language of the Muslim community there in spite of the fact that for quite a long period their mother tongue has been Creole. The last three decades have witnessed a significantly increased interest in and attention to Urdu here. The Urdu literature of the Mauritius is being under formative phase now.

Васильева Л.А.
(Москва)

Литературный мир диаспоры урду

Понятие "литература диаспоры урду" появилось в 60-х годах XX в. Сегодня о ней следует говорить как о целом корпусе литературы урду, обладающим своеобразными чертами и специфичной проблематикой.

Основное литературное пространство диаспоры урду заполняет поэзия. Развитие разнообразных поэтических жанров намного опережают прозу. Для всей поэзии характерны некоторые общие темы и мотивы, отражающие мировосприятие литераторов-эмигрантов. Замечено определенное различие между общим звучанием произведений, созданных на разных континентах: более спокойное и умиротворенное в Канаде, более надрывное и трагическое в Европе. В произведениях поэтов диаспоры можно отметить появление новых стилевых и интонационных особенностей, в которых сочетаются черты как традиции, так и динамизма формирующейся иммиграционной культуры. Наряду с обогащением поэзии урду новыми темами, можно говорить и о вкладе поэтов диаспоры в развитие художественной образности и стиля.

Для существования и развития поэзии диаспоры большое значение имеют ее непрерывающиеся, тесные контакты с литературой урду субконтинента. Второе поколение эмигрантов уже ощущает себя не "чужими", а "своими" в странах Запада. Связи молодежи с национальной культурой и литературой ослабевают катастрофически. Поэтому можно предположить, что эмигрантская

поэзия урду (как и проза) способна существовать и развиваться на Западе только при условии непрекращающейся миграции, когда литературные круги диаспоры смогут пополняться новыми поэтами, приезжающими из Пакистана и Индии.

Большая часть урдуязычных авторов – мусульмане, однако конфессиальная направленность поэзии проявляется лишь формально, при обращении некоторых авторов к традиционно исламским жанрам (хамд, нат и др.)

Иная картина наблюдается в островных государствах, в частности, на Маврикии, где язык урду обрел статус языка самоидентификации мусульманской общины, хотя родным языком маврикийских мусульман издавна является креольский. В последние два десятилетия здесь наблюдается повышенный интерес к урду. Местная литература со своей спецификой проходит в наше время стадию становления.

NIKOLAEVA M.
(Moscow)

La conception mystique de l'homme et de l'univers dans l'oeuvre de M.Nouaime

L'oeuvre de M. Nouaime – ecrivain libanais et classique de la litterature arabe du XX eme siecle, presente, en effet, des theses philosophiques. Ils evoquent la conception religieuse et philosophique du monde et de l'homme qui est une synthese profonde de la chretiennite orthodoxe, des recherches philosophiques du Leon Tolstoi, des motifs caracteristiques du soufisme et des idees de metemphsychose.

Les evenements reels deviennent symboliques, la croyance en immortalite de l'ame est developpee en motifs de multinaissance, reflettant l'idee de l'unite de l'homme dans la mesure du temps. La volonte humaine eterne vers la liberte supreme de la conaissance de soi et du monde (tariq al-marifa) est presentee dans son oeuvre comme incarnation dans le monde d'une "loi eterne" (an-nisam as-sarmadi), qui regne sur l'umanite et son genie, sur l'histoire des etats et des civilisations, sur le monde reel et irreel.Ce genre d'idees provient des recherches platoniques antiques sur l'emanation comme principe constructif d'une "cite ideale" (polis) et utopies sociales medievales de l'homme naturel.

Николаева М.В.
(Москва)

Мистицизм в творчестве Михаила Нуайме

Литературные произведения классика арабской литературы XX века Михаила Нуайме представляют собой философские трактаты о смысле человеческого бытия. Их религиозно-философская концепция мира и человека сочетает в себе глубинное православное мировосприятие с реформаторскими исканиями Л.Н. Толстого, характерными мотивами суфизма, пантеизмом и идеями метемпсихоза.

Реальные события имеют характер символов. Вера в бессмертие души раскрывается в мотивах перерождения, отражая концепцию единства человека во времени.

Извечное стремление человека к высшей свободе познания (тарик аль-марифа) осмыслено в рамках концепции о воплощении в мире "извечного закона" (ан-низам ас-сармадий) , стоящего за человеком и его гением, историей государств и цивилизаций, видимым и невидимым миром. Подобные идеи восходят к древним учениям платоников об эманации как принципе создания идеального града-государства и средневековым социальным утопиям о естественном человеке.

ARISTOVA L.
(Moscow)

Kazakhstan.
The international cooperation in the area of transport

At the end of the XX-th century the role of the region of Asia and countries of the Far East in the world trade and cooperation has considerably increased. The commodity circulation is growing both inside Asian – Pacific region, and with the countries of Europe. The transit policy in the modern world is the major factor of the development of transport in the states. Now a number of the transport projects including system of railway, automobile, pipeline and other types of transport of the separate countries is created in the world. The large attention is given to the organization of the international transport corridors (ITC). An ITC is a set of main transport communications, with the appropriate arrangement, as a rule of various types of transport, which provides transportations of the passengers and cargoes in the international communication, on directions of their greatest concentration connecting various countries.

Аристова Л.
(Москва)

Казахстан.
Международное сотрудничество в области транспорта

В конце XX века значительно возросла роль региона Азии и стран Дальнего Востока в мировой торговле и сотрудничестве. Растет товарооборот как внутри Азиатско-Тихоокеанского региона, так и со странами Европы. Транзитная политика в современном мире является важнейшим фактором развития транспорта в государствах. В настоящее время в мире создан ряд транспортных проектов, включающих систему железнодорожного, автомобильного, трубопроводного и других видов транспорта отдельных стран. Большое внимание уделяется организации международных транспортных коридоров (МТК). МТК – это совокупность магистральных транспортных коммуникаций, с соответствующим обустройством, как правило различных видов транспорта, которые обеспечивают

перевозки пассажиров и грузов в международном сообщении, на направлениях их наибольшей концентрации, связывающие различные страны.

KIRILLINA SVETLANA
(Moscow)

Middle Eastern and Islamic Studies in Russia:
A Historical Overview

The present paper is aimed at the reconstruction of the comprehensive panorama of Middle Eastern and Islamic studies in Russia. This paper presents the survey of the complicated pattern, highlights and specificities of their development during the eighteenth and early twentieth centuries, the Soviet times, and also covers the period after Perestroika, which opened another important stage in Russian Oriental studies. In this presentation we shall endeavor to convey an idea of the conditions under which Russian scholars have had to work, of the perspectives, which inspired them and of the achievements to their credit now, when we entered a new millennium.

Кириллина С.А.
(Москва)

Ближневосточные и исламские исследования в России
в исторической ретроспективе

Основная задача выступления состоит в воспроизведении широкоформатной панорамы ближневосточных и исламских исследований в России. В нем анализируются основные этапы развития и отличительные черты соответствующих направлений отечественной востоковедной науки в XVIII – начале XX столетия, в советский период и в постперестроечную эпоху, открывшую новый важный этап в истории российской ориенталистики.

В выступлении идет речь о том, в каких условиях происходило становление и эволюция отечественных ближневосточных исследований и исламоведения, освещаются достижения в этих областях и перспективы, которые открываются перед ними в новом тысячелетии.

ПАВЛЕНКО В.В.
(Россия)

Причины появления зиккуратов: к истории изучения вопроса

Изучение методов и приемов строительства культовой архитектуры неизбежно ставит перед исследователями вопрос о причинах появления и назначении зиккуратов. О роли и значении культовых башен за сто с лишним лет изучения этого вопроса выдвинуто множество версий, но ни одна из них не может считаться исчерпывающей. В некоторых исследованиях причины появления и функции зиккуратов смешиваются. Несомненно, следует проводить различие между време-

нем возникновения самой идеи построек такого рода и временем ее дальнейшего развития. Продолжение традиций не означает, что заложенные в них первоначально мысли и идеи все еще живы.

Исходя из четкого противопоставления практического и символического, исследователи отдают предпочтение либо утилитарным причинам, либо экстраутилитарным. К сожалению, последние обычно рассматривают только как вторичные, необязательные.Однако, подобное разграничение всегда субъективно, то, что представляется рациональным с позиций одной культуры, может оцениваться иначе с позиций другой. Следовательно, необходимо признать равноправие рациональных и иррациональных причин, возможно, что на разных этапах они играют различную роль, но всегда сосуществуют.

GARAEVA Nuria G.
(Kazan)

Critics of Arabic and Persian Data on Arab Raids into Caucasus

The Khazar Kaghanate during it's existence kept to be in permanent contact with the Arab Caliphate: the second half of the 7-th – the first half of the 8-th centuries is a period of wars, when during almost of one hundred years (22-121/642-739) between the Kaghanate and the Caliphate there were continued an oppose in order to prevail over Caucasus; the second half of the 8-th – 9-th centuries – period of peaceful relationship, when between the Kaghanate and the Caliphate there were settled trade links and exchange of people.

The most detailed data on Arab-Khazar wars belongs to Arabic and Persian authors of the 9-13-th centuries. Besides well known since the second half of the 19-th century works of al-Baladhuri, al-Ya'qubi, al-Tabari, Bal'ami and Ibn al-Athir, in 70-th of 20-th century there were published Khalifa b. Khayyat's "Tarikh" and complete Arabic text of Ibn A'tham al-Kufi's "Kitab al-futuh". Before the edition of Ibn A'tham's original text, his work was known according Bal'ami's version in "Tarikh-i Tabari" and according Z.V.Togan and A.N.Kurat's publications of two fragments in Arabic.

Data of two last historians help to correct the dating and localizations of events, names of participants of raids. But their main importance is in fact that these two publications give opportunity for critical analysis on all data on Arab-Khazar wars from Arab historians.

This analysis of data of all mentioned above historians on Arab-Khazar wars shows interdependency of their data, which went back to one the same circle of information from previous generation of Arab historians. Works of early Arab historians (7-9-th centuries) are known according compilations of authors of 9-13 centuries who reproduced them in different set of quotations made in different degree of details. The particularity of early Arabic historical literature is in containing too many legendary stories. The analysis helps not only to separate legendary stories (which are often quite obvious), but it permits even to select verisimilar, but historically not authentic data. Exception of legendary and verisimilar, but

not authentic, data from preserved materials picks out not large selection of brief and authentic records of participants of war events. It becomes clear as well, that legendary and non-trustworthy stories were created on a basis of brief data of participants of events already during early period of formation of historical Arabic literature.

Chosen data permit to revise the events of wars. So, among large volume of information teemed by numerous details about Arab raids towards north from Bab al-Abwab till Balandjar and al-Bayda in 22/642 the trustworthy part is related only on raids towards Bab al-Abwab, but not towards north from it. In data about Marwan b. Muhammad's raid in 119/737 towards al-Bayda ended (according data of some historians) by conversion of Khazar khaqan into Islam historically authentic part of data is related on Marwan's successful raid in 119/737, when he inflicted crushing defeat on Khazars, which later on was considered by Arab historians as Khazar conversion into Islam.

ZAKAZNIKOVA Je.P.
(Moscow)

Australian-Indonesian Relations
(The end of 1990s – 2003)

The history of the relations between Australia and Indonesia is complicated and contradictive. During the period of rule of Suharto from approximately the middle of 1980s, they were developing, on the whole, with a positive dynamics. But after his overthrow in May 1998 these relations sharply aggravated and reached the lowest level over the last thirty years. The reason was the role of Australia in the process of the struggle for independence in Indonesian province of East Timor, as well as Australian position on the problem of separatist movement In Irian Djaja province. In June 2001, during the first visit of the head of Indonesia to Australia since 1974, President Abdurrahman Wahid and prime-minister John Howard reached an agreement to start a new era of bilateral relations. And the result of Howard's visit to Indonesia in August was that he and a new president of the country Megavati Sukarnoputri decided to establish close cooperation between the states.

But soon the relations between the two countries again ran into difficulties, this time because of the disagreements about solving the sharpening problem of illegal immigration from the Middle East. Australia demanded from Indonesia to take measures in order to prevent the using of its territory from being a transit point for smuggling migrants into this country. Indonesia considered this as the interference in its internal affaires. In early February 2002 a second visit of Howard to Indonesia took place, during which both leaders stressed the necessity of establishment bilateral relations on realistic and pragmatic basis. Australia and Indonesia were the Chairmen of the regional conference, held in the end of February on the initiative of Indonesia, at which the problem of illegal immigration was discussed in connection

with the problem of smuggling people and activities of international criminal syndicates, as well as the correlation of this issue with terrorism. Australia, which had already signed antiterrorist Pact with Indonesia, made similar Pacts with a number of other ASEAN states. After the terrorist attack on Bali Island in October 2002, when about half of 200 people who died were Australians, the two states came to the agreement about co-operation in investigating this tragic event. In 1999 interrupted military collaboration between the countries was renewed. On the initiative of both states the second regional conference took place in December, in which 30 countries and international financial groups participated. It was devoted to the struggle with "money laundering" as a source of financial support for the terrorists.

But situation aggravated once again as a result of intensification of Australian attempts to play a role of a "regional policeman", which became vivid during the process of the settlement of East Timor problem. Howard declared the readiness of his country's army to attack, if necessary, the forces, which could threaten its security on any territory of Asian states. The USA supported this position. But Indonesia, Malaysia, Philippines and Thailand expressed acute disagreement with it. Differences between Indonesia and Australia could be noticed in the approach to the USA actions in Afghanistan and Iraq. Indonesia also showed its concern about adopted in December 2003 decision by Australia to participate together with the USA in the program of creation of national Anti-missile Defense System.

Nevertheless, anti-terrorism co-operation of Australia with South-East countries was progressing. In December the regional forum to overcome the consequences of terrorist acts took place in Australian city of Darwin under the aegis of ASEAN. Australia and Indonesia spoke in support of holding Asian-Pacific regional summit for better coordination to fight the terrorism.

On the whole the investigation of the problem of Australian-Indonesian relations allows to draw a conclusion that despite all take offs and cave ins common to them they need to be good neighbors and partners, because of the reality they have to face. Such prognosis is determined by geographical nearness and great, but not yet realized potential of mutually beneficial economies of these countries, which becomes still more important in the epoch of globalization. Taking into account great differences in correlation of territory, population, armed forces and international significance of this states, Australia is interested in good relationship with Indonesia having in view its own and regional security. A lot of these factors are urgent for the relations of Australia with other ASEAN countries. Being an influential regional state, Australia could enforce its role in economic and geopolitical spheres. And vice versa putting forward unacceptable for ASEAN states foreign policy ambitions and deviation from regional problems, can lead to the weakening of this country's position in the region. At the same time Australia must fulfill the obligations in view of its partnership with the USA in the situation of its increasing involvement in the sphere of strategic goals of this super-power. Coordination of all these factors will determine the state of relations between Australia and Indonesia.

Заказникова Е.П.
(Москва)

Австралийско-индонезийские отношения (конец 1990-х годов - 2003 г.)

Отношения между Австралией и Индонезией имеют сложную и противоречивую историю. В период правления Сухарто примерно с середины 1980-х годов они развивались в целом по восходящей линии. Но после его свержения в мае 1998 г. эти отношения резко ухудшились, достигнув самого низкого за прошедшие 30 лет уровня. Причиной стала роль Австралии в процессе достижения независимости индонезийской провинции Восточный Тимор, а также ее позиция по проблеме сепаратистского движения в провинции Ириан Джая. Во время состоявшегося в июне 2001 г. первого с 1974 г. визита главы индонезийского государства в Австралию президент Абдуррахман Вахид и премьер-министр Джон Говард достигли договоренности начать новую эру двусторонних отношений. А в результате визита Говарда в Индонезию в августе он и новый президент страны Мегавати Сукарнопутри приняли решение устанавливать тесное межгосударственное сотрудничество.

Однако вскоре отношения сторон вновь осложнились из-за разногласий по вопросу о путях решения обострившейся проблемы нелегальной иммиграции с Ближнего Востока. Австралия требовала от Индонезии принятия мер по пресечению использования своей территории в качестве транзитного пункта для переправки мигрантов в эту страну, Индонезия же считала это вмешательством в ее внутренние дела. В начале февраля 2002 г. имел место второй визит Говарда в Индонезию, когда оба лидера отметили необходимость установления двусторонних отношений на основе реализма и прагматизма. Австралия и Индонезия были председателями состоявшейся в конце февраля по инициативе последней региональной конференции, где проблема нелегальной иммиграции обсуждалась в связи с вопросом контрабанды людьми и деятельностью международных преступных синдикатов, а также переплетение этой проблемы с терроризмом. Наряду с подписанным ранее с Индонезией антитеррористическим пактом, Австралия заключила аналогичные соглашения и с рядом других государств АСЕАН. После происшедших в октябре 2002 г. трагических событий на о. Бали, когда из погибших около 200 человек почти половину составили австралийцы, стороны договорились о совместном расследовании теракта, было возобновлено и прерванное в 1999 г. военное сотрудничество. По инициативе обоих государств, в декабре была созвана вторая ре-

гиональная конференция с участием 30 стран и международных финансовых организаций. Она была посвящена борьбе с «отмыванием грязных денег» как источником финансовой поддержки террористов.

Но ситуация вновь осложнилась вследствие активизации обозначившихся уже в ходе урегулирования восточно-тиморской проблемы усилий Австралии играть роль региональной державы с полицейскими функциями. Говард заявил о готовности вооруженных сил страны наносить, в случае необходимости, удар по тем силам, которые угрожают ее безопасности, на территории каких-либо из государств Азии. США поддержали эту позицию. Но Индонезия, Малайзия, Филиппины и Таиланд выразили резкое с ней несогласие. Расхождения между Индонезией и Австралией отмечались и в подходе к действиям США в Афганистане и Ираке. Индонезия выразила также озабоченность в связи с принятым в декабре 2003 г. Австралией решением совместно с США участвовать в программе создания Национальной системы противоракетной обороны.

Тем не менее, антитеррористическое сотрудничество Австралии со странами ЮВА развивалось. В декабре же в австралийском г. Дарвин под эгидой АСЕАН состоялся региональный форум по преодолению последствий террористических актов. Австралия и Индонезия выступили за проведение Азиатско-Тихоокеанского регионального саммита с целью лучшей координации борьбы с терроризмом.

В целом исследование вопроса австралийско-индонезийских отношений позволяет сделать вывод, что, несмотря на присущие им приливы и отливы, объективно они обречены на добрососедство и сотрудничество. В пользу такого прогноза свидетельствуют географическая близость и большой, но далеко еще не реализованный, потенциал взаимодополнения экономик этих стран, что особенно важно в условиях глобализации. Учитывая огромный дисбаланс в соотношении территории, численности населения, вооруженных сил и международного значения данных государств, Австралия заинтересована в хороших отношениях с Индонезией как в целях своей, так в целом и региональной безопасности. Многие из этих факторов справедливы и в плане отношений Австралии с другими странами АСЕАН. Являясь влиятельной региональной державой, Австралия могла бы усилить эту роль как в экономической, так и геополитической сфере. И, наоборот, выдвижение неприемлемых для асеановских государств внешнеполитических амбиций и отвлечение на цели, далекие от региональных проблем, могут привести к ослаблению позиций этой страны в регионе. В то же время Австралия должна выполнять налагаемые на нее союзническим партнерством с США обязательства в условиях все большего втягивания ее в орбиту геостратегических интересов этой супердержавы. Сочетание всех данных факторов и будет определять характер отношений Австралии с Индонезией.

UTURGAURI S.N.
(Moscow)

Turkish Diaspora in Germany.
Social and Cultural evolution

The problem of eastern diasporas in the countries of the West is one of the important problems of the present. Some manifestations of the Turkish diaspora in Germany are typical of the Moslem communities in Europe. The many years of the diaspora's existence, the change of its social structure, of its cultural character and other factors have not removed the barriers dividing the two civilizations. At the same time the activity of the Turkish immigration is growing in all the spheres of the country's life. Their way is a way from the community of semi-literature foreign workers to the Bundestag/German Parliament, the European parliament and a many-sided creative activity which has become part of the German culture.

Утургаури С.Н.
(Москва)

Турецкая диаспора в Германии.
Социо-культурная эволюция

Проблема восточных диаспор в странах Запада – одна из актуальных проблем современности. Некоторые проявления турецкой диаспоры в Германии характерны для мусульманских сообществ в Европе. Многолетнее существование диаспоры, изменение ее социального состава, культурного облика и другие факторы не сняли барьера, разделяющего две цивилизации. В то же время активность турецкой иммиграции во всех сферах жизни страны возрастает. Их путь – это путь от сообщества малограмотных гастарбайтеров до бундестага, Европарламента и многогранной творческой деятельности, ставшей частью немецкой культуры.

TANEEVA-SALOMATSHAEVA L.Z.
(Moscow)

The immanent logic of the Sufic verse
(The example of India's medieval poetry
in the Persian language)

The paper continues a tendency of the research into the Sufic literature which has been taking shape in oriental studies to consider the Sufic literature on the basis of interpreting its religious and philosophical principles which reflect the perceiving of the world by man, therefore the suggested teleology is anthropocentric. Owing to the deciphering of the letter and number symbols of some texts of Hasan Dekhlevi (1253–1337) and Khosrov Dekhlevi (1253–1325) it has become possible reveal there philosophical hidden meaning and to show the Sufic understanding of God's existence and the Way to Him.

Танеева-Саломатшаева Л.З.
(Москва)

Имманентная логика суфийского стиха
(На примере средневековой персоязычной поэзии Индии)

Доклад продолжает наметившуюся в ориенталистике тенденцию исследования суфийской словесности с позиций трактовки ее религиозно-философских основ, отражающих постижение мира человеком, поэтому предложенная телеология антропоцентрична. Благодаря дешифровке буквенной и числовой символики отдельных текстов Хасана Дехлеви (1253–1337) и Хосрова Дехлеви (1253–1325), выявлена их философская подоплека и показано суфийское понимание Бытия Бога и Пути к Нему.

KIRPICHENKO V.N.
(Moscow)

Modern Arabic literature as a literature community

The constant growth of the interest in problems of national self-identification makes the question of the unity and differentiation of the Arab countries' modern literatures especially important. In the polemic around this question the Arab authors express different views and differently estimate the role of the language in which literature is created as well as of aesthetic principles to which it is orientated.

The exposition of the attitudes and the argumentation of the participants in the discussion will make it possible to clear up the real situation in Arab literature.

Кирпиченко В.Н.
(Москва)

Современная арабская литература
как литературная общность

Постоянный рост в последние годы интереса к проблемам национальной самоидентификации делает особенно актуальным вопрос о единстве и дифференциации современных литератур арабских стран. В ведущейся по этому вопросу полемике арабские авторы высказывают разные точки зрения и по-разному оценивают роль языка, на котором создается литература, и эстетических принципов, на которые она ориентируется.

Изложение позиций и аргументации участников дискуссии позволит прояснить реальную ситуацию в арабской литературе.

GERASIMOVA A.S.
(Moscow)

The fate of the Afghan immigrants in the West

The fate of the Afghan diaspora in the West is reflected in the literature created outside the country during the last decades of the XX-th cent. The fates of expatriate Afghans take different shapes. Some

lose their intellectual profession and have to do physical work feeling nostalgia and loneliness, which combine into the complex of a wanderer. Others become part of the surrounding national reality. But they all fry to preserve their national features: their language, religion, customs, traditions. The are not eager to integrate into the alien cultural reality and bring their stereotypes of behaviour into different cultural and civilizational space.

Герасимова А.С.
(Москва)

Судьбы афганских эмигрантов на Западе

Судьбы афганской диаспоры на Западе отражены в литературе, созданной за пределами страны в последние десятилетия XX в.

По-разному складываются судьбы афганцев в изгнании. Одни утрачивают свою интеллектуальную профессию, вынуждены заниматься физическим трудом, испытывая чувства ностальгии и одиночества, соединяющиеся в комплексе скитальца. Другие вписываются в инонациональную среду. Но все стараются сохранить свою национальную самобытность: язык, религию, нравы и обычаи. Не стремятся интегрировать в чужую культурную среду, перенося свои стереотипы поведения в иное культурно-цивилизационное пространство.

BIBIKOVA O.P.
(Moscow)

The social-economic and cultural consequences
of the presence
of the Arab Diaspora in Europe

The colonization of a number of Arab countries by European powers logically led to using the manpower from these countries in the colonizing country itself. Today the major part of immigrants in France is represented by the immigrants from the French-speaking countries of Maghrib, but the process of the Arabs' difficult because of their faithfulness to Islam. In its turn the character of French-Arab (cross-cultural contacts are influenced by the consequences of the French-Algerian war as well as by the state of affairs in the Arab-Israeli conflict. Nevertheless the difficulties of the demographic and economic situation make the countries of the European union legalize the immigration and work out conditions similar for all the countries. At the same time the integration of the Arab diaspora into European society conduces to bringing closer to each other the Christian and the Moslem civilizations.

Бибикова О.П.
(Москва)

Социально-экономические и культурные последствия присутствия арабской диаспоры в Европе

Колонизация ряда арабских стран европейскими державами имела логичным последствием использование рабочей силы из этих стран в метрополии. Сегодня большая часть иммигрантов во Франции представлена выходцами из франкофонных стран Магриба, но процесс культурной интеграции арабов затруднен из-за их приверженности исламу. В свою очередь, на характер франко-арабского кросс-культурного контакта влияют последствия франко-алжирской войны, а также состояние дел в арабо-израильском конфликте. Тем не менее, трудности демографического и экономического положения вынуждают страны Евросоюза легализовать иммиграцию, разработав единые для всех стран условия. В то же время интеграция арабской диаспоры в европейское общество способствует сближению христианской и мусульманской цивилизаций.

SOKOLOV Anatoli
(Moscow)

The Literature of Vietnamese Community in the USA

The social and economic aspects of the Vietnamese Community formation in the USA (1975-2000).

The main creative forces and trends in Literature and Arts.

The forms of Vietnamese Literature: periodicals – book – Internet.

The problem of Reader and the preservation of the native language.

The US Multiculturalism and Vietnamese traditions.

Globalization and prospects for the Vietnamese Literature in the USA.

One Literature – two literary processes (Socialist Vietnam and emigration).

Соколов А.А.
(Москва)

Литература вьетнамской диаспоры США

Социально-экономические аспекты формирования вьетнамской диаспоры США (1975 – 2000).

Основные творческие силы и литературно-художественные направления.

Формы существования вьетнамской литературы: периодика – книга-Интернет.

Проблема читателя и сохранение родного языка.

Мультикультурализм США и вьетнамские традиции.

Глобализация и перспективы вьетнамской литературы в США.

Одна литература – два литературных процесса (СРВ и эмиграция).

VYRSHCHIKOV Ye.G.
(Moscow)

Certain aspects of the Old Indian notions of the City

Let us emphasize that it is *notions* that the report is dealing with, not the actual city. It is only three aspects of this complex of notions that are examined in the report.

The first aspect concerns the notions of the *structure of the city space*. Perhaps the most well-known and best-studied material on the subject is provided by the *Arthaśāstra*. In spite of the intricate network of the building pattern described in this text, lying at its basis is a quadripartite structure based on the four cardinal points: associated with the four directions are the 4 *lokapālas*, the 4 *varṇas*, as well as the system of marking purity/impurity. However, the episode in the Pāli *Mahāparinibbāna-sutta* connected with laying the foundation of the city of Pāṭaliputra evinces a tripartite structure: the so-called "higher," "lower" and "middle" parts. According to the data of the Jaina *Uvāsagadasāo*, the Licchavi capital city of Vaiśālā had a tripartite structure as well: it consisted of three settlements, each of them, in turn, evidently divided up into three parts between the higher, lower and middle clans. However, the division of the territories adjacent to the settlements was dual, the Kṣatriya neighborhoods (*sannivesa*) being located in the northern suburbs and the Brāhmaṇa ones, in the southern ones. It must be taken into account that the above classificatory schemes belong to different traditions, not only from the point of view of ideology, but also from that of their original geographical provenance and ethnographic substratum. Thus, different localities in India in the ancient times apparently had their own, including original, ways of marking space, including city space.

In connection with the above, two more aspects are investigated, namely *how the country was associated with the city* and *how the city was associated with kingly power*. The distribution of opinions here is extremely uneven: the close relation between the three components in the *Arthaśāstra* and in certain passages of the *Dīgha-nikāya* reaches the degree of epic identification of all the three with each other in the *Rāmāyaṇa*. On the other hand, the *Manu-smṛti* associates kingly power with the fortress/residence, whereas the population of the city is regarded exclusively as a fortification device, and not the most efficient one at that. A case by itself is an episode from the *Mahāvaṃsa*, where kingly power is associated with the military camp and the latter, in turn, dominates the surrounding territories and tribes. Eminently worth pointing out in this connection is the terminological confusion, when the same terms convey the notions of '*city*', '*fortress*' and even '*village*'. An explanation for this, the author believes, should also be sought in the ethnocultural situation in Ancient India. Middle Eastern and Anatolian cultural parallels are of considerable interest in this connection.

Вырщиков Е.Г.
(Москва)

Некоторые аспекты
древнеиндийских представлений о городе

Подчеркнем, что речь идет именно о представлениях, а не о реальном городе. В докладе рассматривается только три аспекта этих представлений.

Первый аспект – представления о *структуре городского пространства.* Самый, наверное, известный и изученный материал на эту тему нам дает Артхашастра. Несмотря на сложную сетку застройки, в ее основе лежит 4-частная структура, основанная на сторонах света: с ними связаны 4 локапалы, 4 варны, а также маркировка чистоты/нечистоты. Однако, эпизод палийской Махапариниббана сутты, связанный с закладкой города Паталипутра, демонстрирует троичную структуру: так называемые «высшую», «низшую» и «среднюю» части. Также троичную структуру, по данным джайнской Увасагадасао, имела столица личчхавов Вайшали: она состояла из трех поселений, каждое из которых, по-видимому, также делилось на три части между высшими, низшими и средними родами. Однако, членение прилегающих к поселениям территорий было дуальным, причем в северных предместьях располагались кшатрийские поселки (*sannivesa*), в южных — брахманские. Надо, однако, учитывать, что данные классификационные схемы относятся к разным традициям не только с точки зрения идеологии, но и с точки зрения их изначальной локализации и этнографического субстрата. Таким образом, в древности в разных местностях Индии, по-видимому, бытовали свои, иногда оригинальные способы маркировки пространства, в том числе и городского.

В связи со сказанным выше рассматриваются еще два аспекта, а именно: *как ассоциировалась страна с городом* и *как город ассоциировался с царской властью.* Здесь распределение мнений крайне неоднородно: тесная связь этих трех компонентов в Артхашастре и некоторых местах Дигха-никаи доходит в Рамаяне до эпического отождествления. С другой стороны, в Манусмрити царская власть ассоциируется с крепостью-резиденцией, а население города рассматривается исключительно как фортификационное средство, вдобавок не самое эффективное. Особняком стоит эпизод из Махавамсы, где царская власть ассоциируется с военным лагерем, он же господствует над окружающими территориями и племенами. Здесь нельзя не отметить и терминологическую путаницу, когда одни и те же термины обозначают понятия *'город', 'крепость'* и даже *'деревня'.* Объяснение этому, думается, также следует искать в этнокультурной ситуации Древней Индии. Интерес в связи с этим также представляют ближневосточные и анатолийские культурные параллели.

STEFANCHUK L.
(Moscow)

Immigration to New Zealand

1. Immigration to New Zealand has a long history. The country developed as a colony of settlers, i.e. the country of immigrants. The majority of immigrants came from the United Kingdom. The migration stream into New Zealand made a great impact on the structure and dynamics of its population.

2. During 50s-60s of the twentieth century New Zealand was one of the most prosperous countries of the world ranking 3-5 place as to GDP per capita with very little unemployment. Moreover, since the country needed working hands, the governments of both the Labor and the National parties encouraged the migrant inflow especially from West Europe and the USA. These Immigrants were granted state subsidies, entrepreneurs were to provide them with work and housing. As a result, according to the Censuses of Population and Dwellings, the share of migrants during 1951-1956, 1956-1961 and 1961-1966 comprised 29.4%, 18.2% and 26.8%, in the growth of population correspondingly.

3. Yet with the worsening of economic conditions by mid 70-ies the situation started to change. In the difficult economic situation the government of New Zealand had focused its strategy on a short-term measures, limiting the inflow of migrants, reasoning that they could not provide newcomers with lodgings, jobs, and consumer goods. Restrictions on the entry to the country damaged mostly the interests of the residents of Oceania: the restrictions concerned Tonga, West Samoa, Fiji, where the level of education was higher than that of other states of the Pacific islands, yet their school graduates could not often find a job to match their skills. The governments of New Zealand announced they could not encourage the employment of skilled workers from those countries which needed them themselves. But in reality some measures taken against migrants were of racist character since they were mainly directed against residents of Oceania.

4. The shortsighted immigration policy of the government aimed at achieving immediate results had a negative effect on the economic development of New Zealand. It was a kind of vicious circle. The government thought the stagnating national economy of New Zealand could not provide the new immigrants with everything they needed. On the other hand, the lack of skilled workers and consumer demand, in its turn, could not boost the revival of the economy.

5. In 1987 the government adopted a new immigration law where focused attention on the migrant's qualification which had to be higher than that of the resident, taking into consideration the age, health, disposition and language skill. Preference was given to those who had family connections with residents in New Zealand since they could help a newcomer adjust to new living conditions.

6. Since 1991 the immigration demands have become less strict encouraging the growth of Asian immigration: about 60% of new immigrants arrived from Asian countries In 1995 Taiwan replaced the UK as the main source of immigrants. New Zealand looked attractive for Asian businessmen because of its life style, relatively good ecology and "very funny real estate prices." During 2001/2002 migrants from Asia and Africa comprised 67% and Europeans and Americans did not exceed 20%. But the question arises whether the wealthy immigrants would like to make investments into the national economy of New Zealand. There are a lot of other states where they could make investments. Or, perhaps, they will think of New Zealand only as a nice place to have a good rest with the family. It worries both the government and the population of New Zealand. The "invasion " from Asia and Africa has already brought about heated debates among activists from different political parties. Numerous results of the public opinion polls showed that the majority of New Zealanders would rather live in a country with predominantly "white" population.

Стефанчук Л.
(Москва)

Иммиграция в Новую Зеландию

1. Иммиграция в Новую Зеландию имеет долгую историю. Страна создавалась как переселенческая колония, т.е. по существу как страна иммигрантов. Костяк ее населения составляли выходцы из Великобритании. Миграционный поток в Новую Зеландию оказывал огромное влияние на формирование и динамику ее населения.

2. В 50-е – 60-е годы XX в. Новая Зеландия была одной из наиболее процветающих стран мира, занимая 3-5 места по величине ВВП на душу населения, почти не знала безработицы. Наоборот, она нуждалась в рабочих руках, и правительства как Лейбористской, так и Национальной партий поощряли иммиграцию, особенно из Западной Европы и США. Иммигрантам предоставлялись государственные субсидии, предприниматели должны были обеспечить их работой и жильем. В результате в приросте населения между переписями иммигранты составляли в 1951-1956 гг. 29,4% в 1956-1961 гг. – 18,2%, 1961-1966 гг. – 26,8%.

3. Однако в связи с ухудшением экономических условий в стране к середине 70-х годов положение стало меняться. В тяжелой экономической обстановке новозеландское правительство сделало упор на краткосрочную стратегию – встало на путь ужесточения иммиграционной политики, мотивируя это тем, что не может обеспечить вновь прибывших жильем работой, товарами широкого потребления. Ограничения на въезд в страну касалось прежде всего жителей тихоокеанских островов: сокращалась иммиграция из государств Тонга, Западного Самоа, Фиджи, где образование

находится на относительно более высоком уровне по сравнению с другими странами южной части Тихого океана, но выпускники школ часто не могут найти себе применения. Новозеландское правительство заявляло, что оно не может поощрять наем квалифицированных рабочих из стран, которые сами в них нуждаются. Ряд мер, принятых против иммигрантов, имел в сущности расистский характер, так как применялся только в отношении полинезийцев.

4. Недальновидная, рассчитанная на быстрый эффект иммиграционная политика новозеландского правительства отрицательно сказалась на экономическом развитии государства. Получался замкнутый круг. Правительство считало, что, находясь в стагнации, народное хозяйство Новой Зеландии, его строительная индустрия не могут обеспечить приток населения всем необходимым. А, с другой стороны, недостаток квалифицированных кадров, потребительского спроса, в свою очередь, не способствовал оживлению экономики.

5. В 1987 г. был издан новый закон и об иммиграции, согласно которому, во главу угла ставилась квалификация человека, желающего поселиться в Новой Зеландии. Она должна была быть высокой – выше, чем у местного жителя той же специальности. При этом учитывались возраст и здоровье иммигранта, его характер, способность к овладению иностранным языком. Предпочтение отдавалось тем, кто имел родственников в Новой Зеландии, ибо последние могут помочь вновь прибывшим приспособиться к жизни, потенциально теснее привязывают иммигрантов к новой родине.

6. Начиная с 1991 г., иммиграционные требования были облегчены, что способствовало росту «азиатской» иммиграции: около 60% новых иммигрантов двигались в Новую Зеландию из стран Азии. В 1995 г. Тайвань вытеснил Великобританию в качестве основного источника пополнения иммигрантов Привлекательность Новой Зеландии для богатых азиатов заключалась в ее стиле жизни, сравнительно хорошем состоянии окружающей среды, «до смешного низких ценах на недвижимость». В результате в 2001/2002 г. удельный вес иммигрантов из стран Азии и Африки достиг 67%, тогда как доля европейцев и американцев не превышала 20%. Захотят ли богатые иммигранты вкладывать капитал в народное хозяйство Новой Зеландии? Есть много более привлекательных государств для приложения капитала и квалифицированной рабочей силы. Не станут ли рассматривать Новую Зеландию просто как принятое место отдыха для себя и членов семьи? Это тревожит правительство и население Новой Зеландии. Так называемое нашествие азиатов и африканцев уже породило бурные споры среди активистов различных политических партий. Как показывают результаты многочисленных опросов общественного мнения, большинство новозеландцев предпочитает жить в стране с преимущественно «белым» населением.

ДРОБЫШЕВ Ю.И.
(Москва)

Святыни свои и чужие
в представлениях средневековых монголов

Каждый народ имеет свои святыни, и монголы – не исключение. В процессе межэтнических взаимодействий возникает проблема сохранения своих святынь от случайного или преднамеренного поругания и выработка определенной линии поведения по отношению к святыням чужим, ибо сакральные места или объекты играли далеко не пассивную роль в событиях средневековья. Что являлось сакральным для монголов XII-XIII вв.? Мы полагаем, что сакральные объекты можно разделить на четыре категории, культы которых взаимообусловлены и редко выступают в чистом виде.

Априорные. «Врождены» этносу как архетипы, общие для всего человечества. Охватывают культы родной матери-земли (для монголов это Этуген-эхэ), неба, без которого земля бесплодна (Вечное Синее Небо не только монгольских, но и тюркских народов Центральной Азии) и предков, включая и тотемных животных. Своя земля требовала бережного к себе отношения. Могилы предков – универсальная святыня в различных культурах мира. Здесь осуществляется контакт живых и мертвых членов рода, семьи, причем мертвые не значит реально не существующие. Последние столь же реальны, как и первые, они просто находятся в другом мире того же универсума, но, тем не менее, способны оказывать воздействие на живых сородичей и среду их обитания. Чтобы это воздействие было благотворным, надо регулярно, совершать обряды, наделять их жертвенной пищей и т.п., иначе, разгневавшись, предки могут причинить неприятности. Не любят они присутствия у своих могил чужеземцев, не говоря уже об осквернителях захоронений.

Космологические. Одной из важнейших фигур этой категории является верховный правитель государства – великий хан (терминологически более точно – хаган – владыка всей империи; ханами называли владельцев улусов), а также атрибуты ханской власти: знамя (наибольшей значимостью обладали белое знамя, воздвигаемое по случаю интронизации хана, и черное знамя, поднятие которого означало войну), седалище и пр. Хан рождается по воле Неба, которое дает ему право властвовать над всей землей. Именно он служит проводником благой небесной силы на землю. Поэтому очень важны ритуалы, совершаемые ханом, по сути, являвшимся верховным жрецом. Нарушение порядка престолонаследия ведет к хаотическому состоянию общества и природы (точно так же, как китайцы понимали значение императорской власти). Родовая гора занимает промежуточное положение, так как она осмысляется и в понятиях космологии как «ось мира», и имеет прямое отношение к культу предков, а, кроме того, она нередко представляет собой выдающийся объект природы.

Окказионные. Это определенные элементы географической среды, чем-либо выделяющиеся и обросшие легендами: горы (например, Бурхан-Халдун, Богдо-ула, Отгон-Тэнгри и др.), урочища (Дэлюн-Болдок, Хорхонах-джубур и пр.), реки (особенно три реки, в верховьях которых формировался монгольский этнос: Онон, Керулен и Тола), деревья, иногда получавшие эпитеты «мать-дерево», скалы, минеральные источники (аршаны) и т.д. Эти объекты могли наделяться сверхъестественными качествами благодаря своей необычности, величию, красоте или по случаю произошедших там чудес, а также в связи с важными историческими или легендарными событиями, с имевшими там место подвигами реальных или мифических героев.

Охранительные. Сюда относятся предметы или части жилища, магически способствующие благополучию семьи. Это, прежде всего, очаг, загасить который все равно, что погубить род, затем порог – важнейший рубеж микрокосма юрты. Как известно, запрещалось наступать на порог, стоять или сидеть на нем, переговариваться через него. В XIII в. за несоблюдение этих правил виновный мог лишиться головы, конечно, если речь идет о юрте хана.

Понятно, что свои святыни монголы тщательно оберегали от осквернения врагами. А как они должны были относиться к святыням чужим? Чего при этом могли бояться монголы, гнева каких богов и духов, если верили, что им и только им покровительствует само Вечное Небо, выше которого нет ничего?

Источником недоразумений в этом вопросе является широко известная веротерпимость монголов и их милостивое обращение со служителями различных религий. Однако так было отнюдь не всегда. В ходе военных кампаний священники и монахи тоже предавались мечу, если оказывали сопротивление или просто имели несчастье жить в городах, по первому требованию не открывших перед монголами свои ворота. Священников тоже жестоко избивали, унижали и грабили, причем отбирали не только принадлежавшее им имущество, но и предметы культа. То, что в глазах кочевников не представляло ценности, например церковные книги (конечно, если переплет не был украшен золотом и драгоценными камнями), выбрасывалось и гибло в огне или под копытами коней. Мечети и христианские храмы подвергались осквернению и разграблению. Монголы не гнушались заезжать в них верхом на лошади. В Самарканде монголы сожгли соборную мечеть, в Мерве уничтожили почти все население и разрушили большую часть домов, дворцов, мечетей и гробниц, а в Газне сожгли Пятничную мечеть. Захватив Багдад, монголы разгромили большинство почитаемых мусульманами мест: соборную мечеть халифов, гробницу Мусы Джавада и склепы Русафы.

Мусульманские историки промонгольской ориентации, такие как Джувейни и Рашид ад-Дин, по-видимому, предпочитали замалчивать многие, хотя и не все, факты осквернения монголами

святынь ислама. Враждебные по отношению к захватчикам авторы, будь они мусульмане или христиане, напротив, старались не проходить мимо таких событий, тем самым, подчеркивая «дьявольский» характер монголов и их предводителей.

Вероятно, особенно часто объектами ритуального осквернения служили захоронения противников. Духи предков, вполне вписывающиеся в систему традиционных центрально-азиатский представлений с присущими ей бинарными оппозициями типа «свой» – «чужой», являются подателями добра для своих потомков и не могут не быть причиной зла для чужеродцев. После того, как враждебный род был разбит, надлежало избавиться от угрозы со стороны его сверхъестественных патронов – духов предков. С этой целью кочевники выкапывали из могил останки и сжигали их. Этот способ ведения войны с потусторонним миром применялся в Центральной Азии задолго до монголов. Орды Чингисхана и его преемников расправились подобным образом с костями сельджукского султана Санджара, халифа Харун ар-Рашида, хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада и других высокопоставленных лиц, многие из которых даже не подозревали, что станут противниками монголов после своей смерти.

Но прежде чем громить кладбища и мавзолеи в Средней Азии, монголы «навели порядок» на территории собственно Монголии, куда они пришли с Аргуни и Хингана во второй половине X – начале XI вв. Вытесняя на запад тюркские племена, они обезглавили немалое число оставшихся после них каменных баб. Это не были простые акты вандализма, направленные на то, чтобы декларировать подобным образом свою силу и право владеть новыми землями. Отбивать головы у тюркских изваяний требовалось для ликвидации их магической силы, которая сохраняется, согласно воззрениям центрально-азиатских номадов, именно в голове, будь то реальный человек или статуя.

Вероятно, монголы думали, что мусульмане, христиане, буддисты возносят молитвы все тому же Вечному Небу, только называют его по-своему. В этом случае оставалось лишь скорректировать их, чтобы они молились за хана. К чужим шаманам обращались за помощью, возможно, находя их более могущественными, чем своих собственных. Когда в ходе войны с чжурчжэньской империей Цзинь тяжело заболел хан Угэдэй, для выяснения причин недуга позвали чжурчжэньских же шаманов и после поступили по их рекомендациям.

Таким образом, во взаимоотношениях монголов XII-XIII вв. с духовенством мы наблюдаем своего рода «религиозный прагматизм», усиливаемый прагматизмом политическим. То же можно сказать и о чужих святынях. Все, что способствовало спиритуальному усилению монголов, ставилось ими себе на службу, а не пригодное для этой цели безжалостно оскверналось и уничтожалось.

NEMCHINOV VICTOR
(Moscow)

Will the East Again Meet West in the Mindsets of the 21st Century Generation?
A history workshop method for teaching tolerance

Globalization level reached in the field of technological communications leaves far behind the unprepared people's mindsets that can still not stomach a truly universal vision of the world, neither in the West nor in the East. Combating international terrorism, with the language of cornered violence would not succeed by coercion. We need to teach a new generation of humans the language of empathy across the existing cultural, social and religious rifts. Oriental studies with their enormous vestige of cross-cultural understanding can and should do a lot in this field. That means primarily new educational work for the enlargement of personality that could surpass current alienation from traditionalistic rejection of otherness. TV media and computer omnipresence operate with endless succession of virtual screen images that actually do screen the people off the real lived-through experience of cross-cultural dialogue.

Here is a battlefield for shaping a new historical consciousness and cross-cultural awareness for the coming generation. History, that shows us only how we became what we are, is a Narcissus way of mistreating otherness. That is where the new workshop method of in-depth world history teaching has a say, because 90 per cent of the facts mentioned at history lessons in Europe are forgotten the next year. Instead of just textbook and usual oral history descriptions, children of three age groups from 6 to 17 are invited to a history modeling research workshop, where they can freely choose small size objects they like from a variety of different periods, cultures and civilizations. These are about 30 exact replicas from a suitcase museum, which can be touched, studied and again replicated by the students right in the class. Tactile experience, independent team work and cultural riddle cracking is a key to truly interactive contact with the world cultural heritage from the East and West.

Empathy requires a much more elaborate way to grow than animosity. If we really want to depart from the world of 20th century belligerent nationalisms, we can do this only by opening the hearts of our young deprived citizens to the multiplicity of the world cultures, which they can simultaneously belong to. This is the essence of a new history teaching method that helps in upbringing the global vision to a new generation where achievements of distant cultures could become an intrinsic part of an individual postmodern identity. The history workshop method, which is open to all interested citizens of the world, has been devised, developed and tested in the Institute of Oriental Studies. It is based on the cross-cultural empirical survey "Youth and History" conducted in 27 countries across the world. Details of the workshop method will appear in the forthcoming annual proceedings of the International society for history didactics.

Немчинов Виктор
(Москва)

Встретятся ли снова Восток и Запад
в умах и сердцах нового поколения XXI века
Новый метод обучения кросс-культурной толерантности

Ни на Востоке, ни на Западе еще не сложился по-настоящему толерантный универсалистский способ мировидения, который бы соответствовал достигнутому ныне технологическому уровню глобализации. Вряд ли удастся добиться повсеместного искоренения международного терроризма языком миротворческого насилия. Необходимо научить новое поколение людей языку взаимоприятия, преодолевающему существующие культурные, этнические социальные и религиозные барьеры. Востоковеды с их огромным опытом межстрановых и межцивилизационных исследований могут многое сделать в этой области. Прежде всего, имеется в виду образовательная деятельность, способствующая расширению личности и преодолению отчуждения от традиционалистского неприятия чужой культуры. Вездесущее присутствие бесконечно меняющейся череды виртуальных экранных изображений, передаваемых СМИ по телевидению и по компьютерным сетям по сути дела только экранирует личность от необходимости реального опыта межэтнического переживания и проживания в состоянии диалога культур.

Борьба идет за новое историческое и культурное сознание грядущего поколения, за наших детей, которым придется жить в нарисованном мире нашей нетолерантной культуры. История не может быть лишь хроникой национального нарциссизма. Отсюда и предлагаемый метод углубленного проникновения в историю мировых цивилизаций. В Евросоюзе 90% фактов, рассказанных на обычных уроках истории, забываются уже на следующий год. Помимо обычной устной информации школьникам трех возрастных групп от 6 до 17 лет предлагается по их выбору свободное исследовательское моделировании малогабаритных копий памятников различных эпох культур и цивилизаций, представленных в виде школьного мини-музея. Стандартный набор включает около 30 специально отобранных экспонатов, которые можно потрогать, и загадку которых можно раскрыть, изучив и скопировав работу древних мастеров. Живой контакт с прошлым, независимая совместная работа и проникновение в другую культуру дают ключ к подлинно интерактивному диалогу между великими культурами Востока и Запада. Добиться сопереживания и сопричастности гораздо сложнее, чем дать ход привычной отчужденной враждебности. Если мы действительно хотим оставить позади эпоху воинствующего национализма, мы сможем добиться этого, лишь открыв сердца маленьких обездоленных граждан богатству множества мировых культур, которым им будет суждено владеть. В расширении векторов личной идентичности суть предлагаемого нового метода эмоционально- поискового «погружения» в историю мировых цивилизаций. Тогда достижения прошлого смогут стать составной частью более толерантного и миролюбивого настоящего. Метод учебного исторического моделирования «музей без стен» был применен и разработан в Институте востоковедения РАН. Он основан на результатах полевых исследований в 27 странах мира по совместному проекту «Молодежь и История», успешно прошел апробацию в педагогических вузах России и Германии и одобрен международным обществом исторической дидактики.

PROUSSAKOV D.B.
(Moscow)

Nature and state in ancient Egypt

Egyptologists have so tar failed in proving that the social structure of the Ancient Egyptian state was integrated and stable. The social terminology of the three-millennial epoch of the pharaohs is diverse, mutable, and may seem even somewhat disorderly. Taking into account the natural-climatic factor makes me reconsider, either partly or completely, the character, moving forces and trends of the Ancient Egyptian socio- and politogenesis at their different stages. In general. my impression is that a tendency towards the sociopolitical disintegration prevailed over a tendency towards the centralized state in pharaonic Egypt far more often than it is usually thought.

To my mind, the Early Dynastic protostate in Egypt developed as a discrete series of enclaves divided from each other by lands of independent "chiefdoms". The unified state of the Old Kingdom had to some degree inherited this territorial organization, within the framework of which the "Great House" (pharaoh) seems to have been in the gift-exchange relations with the self-dependent "private houses" – large estates of the nobility. In the First Intermediate period, a disintegration of the early state took place, accompanied with the revival of provincial (nomes') governments. In the time of the Middle Kingdom, the pharaohs' capital "domain" emerged in the Faiyum region alongside the survivals of the nomes" and "private" independence and. consequently. state instability. In the Second Intermediate period, another disintegration of the country happened, with the conquest of Lower Egypt by the Hyksos. The early Eighteenth Dynasty established a centralized state which laid the foundation of the New Kingdom "empire". The reign of Akhenaten resulted in the "empire's" collapse followed by the political disorder of the late Eighteenth to the early Nineteenth Dynasties. Under Rameses II. per se. the split of Egypt had become predetermined, associated with the dislocation of the capital town from the Upper Land to the Delta. The end of the Nineteenth and the beginning of the Twentieth Dynasties in Egypt witnessed heavy political and economic crises. Under the Ramessides. the progressive decline of pharaonic power

seems to have taken place along with the simultaneous consolidation of the Theban priesthood, resulting in the political confrontation of the southern and northern Egypt. In the Third Intermediate period, there were further fragmentation of the country, the domination of Libyans in the Delta, the invasion of Ethiopians into Upper Egypt, and so on (except perhaps for the Saite period) towards the final decay of pharaonic civilization.

If we take the so-called "empire" of the early New Kingdom as a model of the Ancient Egyptian centralized state, it may seem that, during the rest of its history, pharaonic Egypt enjoyed one or another form of political "half-disintegration" and social reorganization. At the same time (probably partly just because of such an evolutional plasticity). Egypt of the pharaohs had never lost its basic system connections, such as ethnic, social, economic and cultural. In my talk, this historical problem is discussed in the light of modern paleoecological data on the climate and landscape of Ancient Egypt.

Прусаков Д.Б.
(Москва)

Природа и государство в древнем Египте

Египтологам до сих пор не удалось доказать, что социальная структура древнеегипетскою государства представляла собой целостное и устойчивое образование. Социальная терминология трехтысячелетней эпохи фараоном разнообразна, изменчива и может показаться даже несколько беспорядочной. Учет природно-климатического фактора заставляет где частично, а где и полностью пересмотреть характер и динамику древнеегипетского социо- и политогенеза. В целом складывается впечатление, что тенденция к социально-политической дезинтеграции в фараоновском Египте преобладала над тенденцией к сборке централизованного государства значительно чаще, чем обычно считают.

На мой взгляд, раннединастическое протогосударство в Египте формировалось как дискретный ряд анклавов, разделенных владениями независимых «вождеств». Объединенное государство Старого царства в известной мере унаследовало эту территориальную структуру, в рамках которой «Большой Дом» (фараон), по-видимому, находился в отношениях дарообмена с самодостаточными «домами собственными» – крупными «частными» поместьями знати. В 1-й Переходный период имел место распад раннего государства с возрождением в провинциях (номах) местного самоуправления. В эпоху Среднего царства в регионе Фаюма возник столичный фараоновский «домен», с сохранением пережитков номовой и «частной» самостоятельности и, как следствие, государственной нестабильности. Во 2-й Переходный период произошел очередной распад страны, с захватом гиксосами Нижнего Египта. Ранняя XVIII династия создала централизованное государство, заложившее основу

«империи» Нового царства. Правление Эхнатона привело новоегипетскую «империю» к краху, за которым последовала политическая смута рубежа XVIII-XIX династий. При Рамсесе II, по сути, наметился раскол страны, связанный с перенесением столицы из Верхнего Египта в Дельту. Рубеж XIX-XX династий в Египте ознаменовался тяжелейшим политическим и экономическим кризисом. При Рамессидах происходило последовательное ослабление фараоновской власти с одновременным упрочением позиций фиванского жречества, результатом чего стало политическое противостояние юга и севера Египта. В 3-й Переходный период имело место дальнейшее дробление страны, засилье в Дельте ливийцев, вторжение в Верхний Египет кушитов – и так далее (за исключением разве что Саисского периода) в направлении окончательного разложения цивилизации фараонов.

Если взять за эталон древнеегипетского централизованного государства так называемую «империю» раннего Нового царства, то может показаться, что в остальные времена своей истории фараоновский Египет пребывал в той или иной форме политического «полураспада» и социальной реорганизации. При этом (возможно, отчасти именно в силу такой эволюционной пластичности) Египет фараонов не утрачивал основополагающих системных связей – этнических, общественных, экономических, культурных. В настоящем докладе эта историческая проблема обсуждается с привлечением современных палеоэкологических данных о климате и вмещающем ландшафте древнего Египта.

KOROTAYEV Andrey
(Moscow)

Demo-Ecological Secular Cycles and Sociocultural Millennial Trends

There are theoretical and empirical grounds to suggest that the structure of secular trends cannot be adequately understood without cycles being taken into consideration. Demographic-political cycle models by Malkov, Turchin and Nefedov can serve as a basis for the development and testing of models accounting not only for cycles but also for secular trends. In order to do this, we suggest altering the basic assumptions of the earlier generations of demographic cycle models (that both the carrying capacity of land and the polity size are constant). These are variables with long terms trend dynamics in the rise of carrying capacity of land, cultural complexity, and empire sizes that the new generation of models needs to account for. There are both theoretical and empirical grounds to maintain that the carrying capacity of land not only experienced a upward long-term trend, but also that the innovations contributing to this trend occurred in particular phases of demographic-political cycles. Incentives created by

relative abundance of resources in the initial upward growth phases of agrarian state demographic-political cycles tend to be insufficient to create the innovations leading to the rise of the carrying capacity of land (these phases, however, were also very important, as during them there were strong incentives for the innovations leading to the rise of productivity of labor). Rather, innovations raising the carrying capacity of land tended to occur during intermediate growth before the demographic collapse phase. While these innovations usually acted only to delay demographic collapses, they secured the existence of a very important upward trend, which could be to some extent accounted for as a by-product of the demographic cycles.

Коротаев А.В.
(Москва)

Вековые циклы и тысячелетние тренды

Структура "тысячелетних" социоэволюционных трендов не может быть адекватно понята без учета "вековых" эколого-демографических циклов. Математические модели аграрных политико-демографических циклов, разработанные С. Малковым, П. Турчиным, С. Нефедовым и др., могут служить основой для разработки нового поколения моделей, объясняющих не только циклы, но и долгосрочные тренды. Для этого предполагается изменение исходных допущений предыдущего поколения моделей демографических циклов, а именно того, что и потолок несущей способности земли, и размеры занимаемой системой территории рассматриваются в качестве констант.

В реальности это, конечно, переменные, характеризуемые трендами к росту несущей способности земли, размеров социально-политических систем (и соответственно культурной сложности), которые новое поколение моделей должно объяснить. Несущая способность земли не просто характеризовалась долгосрочным восходящим трендом; трендопорождающие инновации происходили на определенных фазах аграрных политико-демографических циклов. Характерное для начальных фаз циклов изобилие ресурсов не создавало достаточных стимулов для инноваций в повышение несущей способности земли; однако, эти фазы тоже были очень важны, так как во время этих фаз существовали благоприятные условия для инноваций, ведущих к росту производительности труда.

В то же время инновации, ведущие к росту производительности земли, чаще происходили на промежуточных и предфинальных фазах. Хотя подобные инновации, как правило, лишь оттягивали демографический коллапс на некоторое время, они в высокой степени и порождали исключительно важный "тысячелетний тренд", который в определенной степени можно рассматривать как побочный продукт функционирования эколого-демографических циклов.

VYATKIN Anatoly
(Moscow)

Natural Resources of the Crimea and repatriation of Crimean tatars (1989-2003)

The Crimean Peninsula has an area of 27000 square km and lies between two closed seas abundant in fish – the Black Sea and Sea of Azov. Moderately warm climate (northern parts), gentle, Mediterranean-type climate (southern coast) and highly fertile soils are highly favourable for development of agriculture. The scarcity of water is compensated by Dnieper water that comes through the canal. Three thickly forested ranges of the flat-topped Crimean Mountains (covering about ¼ of peninsula's area) in the south are actively exploited in crop growing and recreation. Industrial development is hindered by scarcity of mineral resources. Only base iron ores of Kerch peninsula, brines and therapeutic muds, limestone, clay and sand are of some economic value.

The demographic development of Crimea has always been rather complicated, twentieth century not being an exception. On the eve of mass repatriation of Crimean Tatars total population of the peninsula was estimated as 2430000 – the highest number in its history. Initially fast pace of repatriation fostered further increase of population (up to 2652000 people in 1993) but this was followed by stagnation and even depopulation which lingers on into the 21st century.

After Russian conquest of Crimea in 1783 and mass exodus of Crimean Tatars the scarcity of labor resources seriously impeded development of industry and agriculture. However, by early 20th century this problem was nearly solved thanks to immigration encouraged by Imperial government. In the course of the Civil War the peninsula suffered enormous demographic losses from which it recovered only by the late 1920s.

In the light of contemporary dilemmas the issue of an Jewish autonomous oblast' in the Crimea is worth investigating. This project was hotly debated in 1920-1930s but finally turned down. Tatar leaders of Crimea fought against this project fiercely, even falsifying agricultural statistics in order to prove that Crimea is overpopulated. Similar situation emerged in the 1980s and 1990s. Local bureaucrats & politicians, journalists, even a bunch of scientists vigorously insisted on disastrous harmfulness of repatriation which allegedly threatened fragile ecosystem of the peninsula. But these alarmist discourse was nevertheless unable to stop deported peoples from coming back.

But nationalistic manipulation was not the only cause of ecological mythmaking. Local experts have failed to grasp grave changes in Crimean agriculture that took place after the collapse of the USSR and dramatic deepening of economic crisis. Some important consequences of these events are listed below:

1) the disintegration of kolkhoz/sovkhoz system and redistribution of landed property in rural areas;
2) the lessening of environmental burden due to abrupt decrease of production in military and civil industries;
3) access to huge tracts of land once occupied by military facilities directly subordinate to Moscow and now rendered obsolete under the terms of independent Ukraine's strategic doctrine.

Thousands of acres of land have become free for settlement and agricultural exploitation thus making the so-called "shortage of arable land" (initially more political than environmental issue) a thing of the past.

The author, however, doesn't imply that the Crimea's ecosystem has reached a perfect equilibrium. Abject poverty and general neglect towards the environment among the population of all nationalities inevitably engenders countless local crises. But these are rooted in general economic, social & political crisis in the Ukraine and not in Tatars' repatriation.

Вяткин А.Р.
(Москва)

Природные ресурсы Крыма и репатриация крымских татар (1989-2003 гг.)

Формально являясь полуостровом, Крым фактически представляет собой крупный остров площадью 25,5 тыс. кв. км в акватории богатых рыбными ресурсами Черного и Азовского морей. Умеренно теплый (север), теплый и средиземноморского типа (южный берег) климат и почвы с высоким естественным плодородием (черноземы и каштановые) благоприятствуют развитию сельского хозяйства широкого профиля. Недостатком полуострова является его маловодность, которая в настоящее время в значительной степени компенсирована поступлением (по каналу) днепровской воды. Крымские горы (1/4 территории) невысоки и активно используются сельским хозяйством и сферой рекреации. Ограничителем промышленного развития служит бедность полезными ископаемыми (экономическое значение имеют только железные руды Керченского полуострова, соли и лечебные грязи, известняки, глины и песок).

Демографическая история Крыма была бурной. XX век сохранил традицию демографических спадов и подъемов. К началу массовой репатриации крымских татар численность населения в Крыму достигла рекордной в его истории отметки – 2 млн. 430 тыс. человек. Быстрые поначалу темпы репатриации дали к 1993 г. значительный прирост населения (до 2 652 тыс. человек), затем наступила стагнация и депопуляция, которая продолжилась и в XXI веке.

После аннексии Крыма Россией в 1783 г. и массового выезда крымских татар обычной проблемой стала недонаселенность полуострова, тормозившая развитие сельского хозяйства и промышленности. Стимулирование иммиграции помогло разрешить эту проблему в XIX и начале XX в. В гражданской войне полуостров

понес огромные демографические потери, которые были восполнены лишь к концу 1920-х гг. Для нашей темы представляет особый интерес проект создания автономной еврейской области в Крыму, борьба вокруг этого проекта и его провал. В ходе реализации этого проекта в 20-х гг. XX в. тогдашнее татарское руководство Крыма заняло резко отрицательную позицию по отношению к переселению евреев, фальсифицируя материалы сельскохозяйственной статистики для доказательства перенаселенности территории Крыма.

В чем-то похожая ситуация сложилась в иных условиях в 1980–90-х гг. Местные политические деятели и чиновники, журналисты и даже некоторые ученые тщились доказать опасность репатриации, которая якобы нанесет непоправимый урон экосистеме полуострова.

Мифологизация экологии и манипулирование ею в политических целях были результатом не только социального заказа, но и отсутствием объективного научного анализа. Если говорить об искренних, неангажированных националистическими силами алармистах, то они не приняли во внимание революционных сдвигов в крымском землепользовании, которые начались после гибели СССР, и возникновения затяжного системного социально-экономического кризиса. Эти фундаментальных причины привели, в частности, к следующим последствиям:

1) развалу колхозно-совхозной системы и переделу земельной собственности на селе;

2) снижению экологической нагрузки в регионе из-за падения промышленного гражданского и военного производства;

3) высвобождению огромного фонда земель, ранее занятых под военные объекты союзного подчинения.

В результате высвободились сотни тысяч гектаров земель, и проблема малоземелья (изначально надуманная или провокационная) отпала сама собой.

Сказанное не означает, что экология Крымского полуострова идеально сбалансирована. Нищета и низкая экологическая культура населения (без различия национальностей) неизбежно порождает миникризисы в тех или иных локальных районах. Но не в репатриации крымских татар лежат их причины, а в тяжелом экономическом, социальном и политическом кризисе, охватившем всю Украину, частью которой является Крым.

KOSMARSKAYA Natalya
(Moscow)

"Russian Diasporas":
Political Constructions and Grass-Root Perceptions

The term "diaspora" has been widely and persistently applied in Russian media, political and academic debate to characterize the Russian-speaking communities of the new independent states (NIS). To some extent this is in line with a world-wide return to diasporic issues

under the rise of transnational activity and redefinition of identity concepts. However, in relation to the Russophones, a spectacular career of the term in Russia has its own justifications barely linked to demands of academic debate: public discourse on the so called compatriots' issue has been severely influenced here by the parties and leaders of nationalistic/patriotic orientation.

The paper of Natalya Kosmarskaya based on her extensive fieldwork in Central Asia between 1996-2003, is an attempt to reconsider this heavily politisized vision of the Russian-speaking communities in the NIS.

She reveals ideological roots of «virtual diasporization» of the so called compatriots by the Russian media and politicians. This view «from the top» is juxtaposed with a «view from below», that is, with analysis of «compatriots'» identities (attitudes towards Russia, representations of homeland and civil loyalties), to substantiate the point that these identities could hardly be treated as diasporic. Focusing on the rise and contents of the various "territorialized" forms of Russian-speakers' identities, let it be political allegiance, feeling of belonging to a local community or to a wider local ethno-cultural group ("Central Asian Russians", "Russians of Kirghizia", etc.) and on the prevalent modes of their consolidation and political participation, the author seeks to support an alternative vision of the Russian-speaking communities as developing the so called autochthonous project (in contrast to the "diasporic" one).

Космарская Наталья
(Москва)

«Русские диаспоры»:
политические конструкции и низовые восприятия

Доклад посвящен важнейшей научной, политической и гуманитарной проблеме – статуса русскоязычных сообществ ближнего зарубежья, которые в российской науке и публичном дискурсе обычно рассматриваются как «русские диаспоры». Особое внимание будет уделено различным аспектам идентичности русскоязычных (ключевого компонента диаспорального сознания) и особенностям их «низовой» политической (гражданской) активности, которые изучались автором в ходе нескольких социологических экспедиций в Центральную Азию (1996-2003 гг.).

По мнению автора, представление о русскоязычных сообществах как о полноценных диаспорах является плодом политического мифотворчества, покоящегося на трех китах – «русскость», «общинность», «российскость», и слабо связано с реальными процессами, происходящими в сознании так называемых соотечественников (имеются в виду такие его компоненты, важнейшие с точки зрения диаспоризации, как восприятие России и страны проживания, представление о родине, способность к политической консолидации и созданию институтов диаспоры).

В приложении к изучаемым этносоциальным группам диаспора пока что существует как «политический проект», как результат идущих сверху – от России, в лице ее политиков и общественности, попыток репрезентировать себя как родину для проживающих в ближнем зарубежье «соотечественников». Между тем диаспора – это прежде всего идущий снизу процесс перестройки сознания, это «состояние души» ее членов, позволяющее ощущать свою связь с родиной и одновременно успешно адаптироваться в новом окружении, поддерживать свою идентичность на грани тонкого балансирования между «измениться и сохраниться». Если исходить из этой посылки, русскоязычные бывших советских республик пока еще полноценными диаспорами не стали, хотя могут сформировать их в будущем. Поскольку самосознание русскоязычных сейчас представляет собой сложную и динамично развивающуюся структуру, в которой различные идентичности переплетаются и конкурируют между собой, исход этого взаимодействия пока не ясен (не говоря о множестве внешних факторов, влияющих на положение этих групп в ближнем зарубежье). По мнению автора, их будущее представляет сейчас дорогу с несколькими развилками, причем миграция вкупе с диаспоризацией не исчерпывают всего богатства вариантов.

BOBROVNIKOV Vladimir
(Moscow)

Arabic language and Caucasian studies

Literary Arabic (*al-lugha al-fusha*) is used to collect and elaborate Caucasian materials for a long time. N.V. Khanykoff, I.Iu. Krachkovski, A.N. Genko, I.P. Petrushevski and other prominent Russian Arabists much contributed to the development of Caucasian studies. The Arabic language was widespread mostly in the East Caucasus. Local Muslim elites created numerous Arabic writings designed in traditional Islamic genres of legal agreements and codes, chronicles, poems etc. From the early middle ages until the first third of the twentieth centuries literary Arabic played a crucial role in promoting Islamic education, justice, power and communication in Dagestan and to some extent in neighbouring Chechnia, Ingushetia, Kabarda and Azerbaijan. It has been the language of law and power in Dagestan until 1927.

Traditionally, the investigation of documents and narratives in Arabic aimed mostly to reveal an objective historical past of the region from the middle ages until the Russian conquest. Arabic sources from the East Caucasus dating the imperial and especially Soviet periods remained very poorly studied. To start filling this important gap, I conducted a comparative qualitative analysis of legal deeds, historical and ethnographic descriptions written by Muslim functionaries coopted into the state hierarchy in late imperial and early Soviet Dagestan. In addition, deeds and narratives included into Arabic funeral, historical

and legal inscriptions were examined. The focus of the study shifted to constructed or invented institutions and identities as they were reflected in the Arabic materials. I approached to the Arabic language as a means of knowledge, law and power.

My argument is that the literary Arabic language continued to be the means of official control and governance over Muslim populations in Dagestan in 1860-1927. Its cultural meaning and social functions gradually changed. The victory in the Caucasian war allowed Russians to build the so-called military people's administration that combined elements of military and indirect rule and granted the Muslim mountaineers a degree of legal and administrative autonomy, which they retained under the early Soviet rule. Loyal Muslim religious elites entered into a recently constructed estate of the 'Muslim clergy'. They were turned into state functionaries charged with the implementation of all-imperial reforms in the region. Muslim village community (*jama'a*) became an object of ethnographic descriptions and ethnographically influenced reformers.

All these changes were reflected in the official usage of Arabic. Customary and Islamic law courts, which had been created at the village and district levels, unified and up-dated traditional legal agreements (*ittifaq*) while adopting them to the bureaucratic needs of the empire. New genres of documents and narratives appeared. After the abolishment of independent communal leagues ('*vol'nye obshchestva*') customary law ('*adat*) codes of Muslim communities lost their former meaning and were turned into ethnographically designed catalogues of crimes and penalties. Indigenous Muslim officials of the military people's administration took part in ethnographic descriptions and classifications of the Dagestani peoples. Orientalist vision of the Caucasus as a wild periphery of the civilized world' much influenced these projects. Put in a new historical contexts the Arabic language helped spreading invented official traditions and ideologies.

Бобровников В.О.
(Москва)

Арабский язык и кавказоведение

Литературный арабский язык (*ал-луга ал-фусха*) давно служит источником сбора и обработки кавказских материалов. Большой вклад в развитие кавказоведения знания внесли Н.В. Ханыков, И.Ю. Крачковский, А.Н. Генко, И.П. Петрушевский и другие выдающиеся отечественные арабисты. В прошлом арабский язык был широко распространен в основном на Восточном Кавказе. На нем написан целый ряд типичных местных литературных, научных и деловых источников от поэм и хроник до правовых соглашений и сводов. С раннего средневековья по первую треть XX в. арабский играл решающую роль при получении исламского образования, отправлении правосудия, поддержании политических и культурных связей в Дагестане и отчасти в сопредельных с ним Чечне, Ингушетии, Кабарде и Азербайджане. В Дагестане до 1927 он служил основным языком власти и закона.

Целью исследования арабоязычных нарративных источников и документов привыкли считать реконструкцию исторического прошлого региона, начиная с эпохи раннего средневековья до российского завоевания Кавказа. Арабоязычные материалы дореволюционного и осрбенно советского времени еще плохо изучены. Начиная заполнение этого серьезного пробела, я провел сравнительное исследование правовых документов, исторических и этнографических описаний, составленных мусульманскими чиновниками, включенными в государственные структуры царского и раннего советского Дагестана. Важную дополнительную информацию дали документальные и нарративные материалы арабской эпиграфики. Ракурс был смещен в сторону изучения по данным арабских источников институтов и идентичностей, сконструированных на Кавказе в XIX-XX вв. Арабский язык изучается в моем докладе как средство получения знания, власти и права.

В ходе исследования я пришел к выводу, что в 1860-1917 гг. арабский продолжал служить средством управления и контроля над мусульманами Дагестана. Значение и функции языка в обществе постепенно менялись. После окончания Кавказской войны российские власти построили в крае так называемое военно-народное управление, основанное на сочетании косвенных и военных методов отправления правосудия и власти. Горцы-мусульмане получили некоторую долю судебной и административной автономии, которую они смогли удержать и при раннем советском режиме. Лояльная по отношению к российскому государству мусульманская духовная элита была включена в состав формировавшегося тогда сословия "мусульманского духовенства". Превратившись в государственных чиновников, ее представители должны были помогать проведению общероссийских реформ в регионе. Главным объектом этих реформ и проводившихся с целью их подготовки этнографических изысканий стала сельская мусульманская община (*джама'ат*) Дагестана.

Эти перемены отразились и на употреблении арабского. Традиционные правовые соглашения (*иттифак*), составлявшиеся теперь в созданных реформами сельских и окружных судах по адату и шариату, были унифицированы и приспособлены к бюрократическим нуждам имперского управления. Появились новые типы арабоязычных документов и описаний. Своды обычного права ('*адат*) так называемых "вольных обществ" или конфедераций сельских общин, уничтоженных после завоевания, потеряли правовое значение и превратились в этнографические каталоги преступлений и наказаний. При участии чиновников-мусульман военно-народного управления были созданы первые этнографические описания и классификации. Под влиянием распространенных тогда ориенталистских клише эти тексты представляли Кавказ дикой опасной периферией цивилизованного мира. В новом историческом контексте арабский язык превратился в средство распространения сконструированных российскими и советскими властями традиций и официальной идеологии.

SOTNIKOV Vladimir I.
(Moscow)

South Asia nuclear future

1. The situation in the nuclear field in the subcontinent of South Asia for time passed since nuclear tests in May 1998 by India and Pakistan. The Cargil conflict of 1999 and military confrontation between India and Pakistan of 2001-2002 as the indicators of admissibility of nuclear weapons involvement in the nuclear dimension of South Asia.

2. International regime of non-proliferation of nuclear weapons and missile technologies control regime and South Asia. The possibility of accession of India and Pakistan to the NPT as associated members and as nuclear-weapons states and possible change in NPT regime with regards to that. The problem of illicit exports of nuclear materials and technology and South Asia.

3. The possible consequences of proliferation of international terrorism including nuclear terrorism with regard to South Asia. Hypothetical scenarios of consequences of these developments for the region and international community.

4. Indo-Pakistani relations – the key factor which determines the nuclear situation in South Asia. Some possible scenarios of the development of relations between India and Pakistan for the short- and longer term in the nuclear field.

5. The nuclear future of South Asia – peaceful nuclear energy development or continuation of nuclear arms race? What the international community can do in connection with that? The forecast of the development of South Asia nuclear future in the perspective and plausible strategies of international community regarding favorable developments of nuclear situation in the subcontinent.

Сотников В.И.
(Москва)

Ядерное будущее Южной Азии

1. Ситуация в ядерной области на субконтиненте Южная Азия за прошедшее время после ядерных испытаний мая 1998 г. Индией и Пакистаном. Каргильский конфликт 1999 г. и военная конфронтация между Индией и Пакистаном 2001-2202 гг. как индикаторы допустимости вовлечения ядерного оружия в ядерное измерение в Южной Азии.

2. Международный режим нераспространения ядерного оружия и режим контроля за ракетными технологиями и Южная Азия. Возможность вступления Индии и Пакистана в ДНЯО в качестве ассоциированных членов на правах ядерных держав и возможное изменение режима ДНЯО в связи с этим. Проблема нелегального экспорта ядерных материалов и оборудования и Южная Азия.

3. Возможные последствия распространения международного терроризма, в т.ч. ядерного терроризма в связи с Южной Азией. Гипотетические сценарии последствий для региона и международного сообщества.

4. Индийско-пакистанские отношения – ключевой фактор, определяющий ядерную ситуацию в Южной Азии. Некоторые вероятные сценарии развития отношений между Индией и Пакистаном на кратко- и долгосрочную перспективу и ситуации в ядерной области.

5. Ядерное будущее Южной Азии – мирное развитие атомной энергетики или продолжение гонки ядерных вооружений? Что может сделать международное сообщество в связи с этим? Прогноз развития ядерного будущего Южной Азии на перспективу и возможные стратегии международного сообщества по благоприятному развитию ядерной ситуации на субконтиненте.

ZHAROVA O.V.
(Moscow)

Ecological risk assessment:
in Australian practice

In developed countries risk analysis is more and more used in various spheres of activity. Now risk analysis includes risk assessment, risk management, risk communication and risk perception. Risk assessment is successfully adopted in Australia. Though basic principles of risk assessment are common, details of its application vary from country to country.

Ecological risk deals with the cases which cause unfavourable consequences to the environment valuation of dander is defined by the character of consequences which are connected with hazardous external impact on habitat, on ecosystems and human health. When valuation of danger show potential danger from impact, experts use risk assessment. The risk assessment gives possibility to make qualified decisions. There are two types of assessment of ecological risks: strategic and tactical.

Assessment of strategic risk is applied for solution of corporative actions, for instance, establishment of ecological priorities or for distribution of resources. The main elements of such assessment are: elaboration of prognoses, establishment of ecological priorities, qualified decision making, drawing nearer different points of view, summarize evaluation of unfavourable ecological impact.

As a rule tactical assessment of risk is quantitative by character more often it is used in toxicology or to determine and legitimate ecological standards. Selection of framework and making ecological assessment of risk are destined to ensure transparency of process of decision making as well as to supply common stuff with reference materials.

By the end of 1980th many agencies and government establishments appeared. They began to assess risks. Some of them had no clear idea how to do it. In official questionnaires on the question: "How do your agency calculate factors of risk?", they answered "in accor-

dance with regulating instructions" instead to answer: "trying to identify forms of risks."

Therefore it was necessary to coordinate their activity and reduce harmful duplication in assessment of ecological risk. Early its structure consisted of 6 departments which embraced all potential cases connected with serious consequences of natural, chemical, social, and economic character. Main attention is directed to risks concerning people who take part in intensive economic development. Other important problems which attract attention of the agencies are risks connected with biophysical environment, health of population, pollution as well as risks of uncertainty of nature (volcanoes, storms, cyclones, droughts, floods, climate change).

Australia adopted and use risk management. It is the process of forming and implementing a strategy for accepting or mitigating identified risks. It involves evaluating alternative policy options and selecting among them.

There is clear distinction between risk management and risk assessment. Risk assessment is based on science and deals with facts. And risk management is based on economics and deals with values, though facts and values are often inseparable.

Risk assessment deals only with certainty and uncertainty since uncertainty is inseparable part of certainty. It makes up uniform construction which allows to carry out risk assessment. Assessment of risk is only an instrument for taking decisions.

As to tasks of strategic character where risks which are not ready for assessment must be identified and valuated that is tasks for future, because now there is not get necessary structure able to do it.

Жарова О.В.
(Москва)

Австралийская практика оценки экологического риска

Анализ риска находит все большее применение в разных областях деятельности развитых государств. В настоящее время он включает оценку риска, управление риском, восприятие риска и информационное обеспечение анализа риска. Оценка риска достаточно успешно используется в области экологии в Австралии. В каждой стране имеются свои особенности ее применения, хотя общая основа всегда сохраняется.

Риск для окружающей среды рассматривает случаи, создающие нежелательные последствия. Оценка опасности определяет характер этих последствий. Они связаны с неблагоприятными внешними воздействиями на среду обитания, на экосистемы и на здоровье людей. Когда анализ опасности выявляет потенциальный ущерб от нежелательного воздействия, применяется термин "оценка риска". Она позволяет принимать квалифицированные решения для дальнейших действий. Существует два вида оценки экологического риска - стратегический и тактический.

Оценка стратегического риска применяется для определения корпоративных действий, например, для установления экологических приоритетов или для принятия квалифицированных решений, для сближения различных точек зрения или суммарной оценки воздействия неблагоприятных факторов на окружающую среду, а также для распределения ресурсов.

Тактическая оценка риска, как правило, это количественная оценка. Она используется наиболее часто в токсикологии и для определения и узаконивания экологических стандартов.

Выбор рамок и осуществление экологической оценки риска призваны обеспечить прозрачность процесса принятия решений, а узаконивание стандартных методов анализа риска – снабдить практических работников справочными материалами. Однако, в конце 1980-х гг. в Австралии появилось множество организаций и правительственных учреждений, занимающихся оценкой риска, причем многие из них не понимали, как проводить оценку. Так, на вопрос анкеты: «Как ваше агентство вычисляет факторы риска?», часто приходил ответ: «в соответствии с инструкциями по регулированию», вместо ответа: «в форме выявления фактора риска». Поэтому возникла необходимость наладить координацию и сократить вредное дублирование при оценке экологического риска.

В начале 1990-х гг. было создано Австралийское агентство по охране окружающей среды. Его структура, состоящая из 6 подразделений, охватывает все потенциальное случаи, вызывающие тяжелые последствия природного, химического, социально-экономического и др. характера. Основное внимание уделяется риску для людей в связи с интенсивным экономическим развитием, рискам для биофизической среды, риску, связанному со здоровьем населения, рискам от загрязнения и рискам, связанным с неопределенностями погоды (вулканы, цунами, циклоны, засухи, наводнения, а также изменение климата).

Австралийская практика применяет управление риском, которое заключается в процессе выработки и осуществления стратегии выявления и смягчения действия обнаруженных рисков. Процесс включает в себя оценку существующих альтернатив и выбор из них политики, отвечающей сложившемуся положению.

Основное отличие управления экологическим риском от оценки экологического риска заключается, в том, что оценка экологического риска имеет дело только с определенностями и неопределенностями, поскольку неопределенности есть неотъемлемая часть определенностей. Таким образом, создается однородная конструкция, позволяющая проводить оценку риска. При этом оценка экологического риска является лишь инструментом для принятия экологических решений. А управление риском основано на экономике и имеет дело с ценностями. Хотя факты и ценности часто неразделимы.

Что касается задач стратегического характера, где определяются и оцениваются риски, еще не готовые для оценки, т.е. задачи на будущее, то для них пока не созданы необходимые структуры.

ULYAKHIN V.N.
(Moscow)

Developing Asia: Technological Progress and Socio-structural Market Instruments

The rates of the intensive adoption of the technological progress, based upon radical restructuring of the conditions for technical development in Asia are, as a rule, several times higher than the socio-structural and market reaction to that process, taking into account the fact that when new technologies are introduced (either foreign or home) a considerable lag is developed testifying to belated changes in the social and market dynamics as compared to the actual progress in technology. The greater the time lag, the slower the socio-economic and market restructuring on the whole, including emergence of new social strata, while the traditional social forces either become conserved or even grow.

On the one hand, some fast-growing science-intensive industries do not have the requisite comparative advantages as far as production efficiency is concerned, and some of them do not show the long-term growth in labour productivity and the consequent lower employment, although, as a rule, development takes place on the basis of advanced and recently manufactured production plant with often minimally restricted markets. On the other hand, not all the capital-intensive industries of the earlier stages of technological progress feature the opposite long-term trend—one of slowing rates of growth of production efficiency and labour demand.

Judging from the experience of the developing Asian countries, there does not and cannot exist an independent machinery for implementing technological progress divorced from the global trends of the socio-structural evolution. It is precisely the dynamics of the employment content and market structure that determines the rates and scale of mastering new technologies.

Уляхин В.Н.
(Москва)

Развивающаяся Азия: технологический прогресс и социоструктурные механизмы рынка

Темпы интенсивного восприятия технологического прогресса, основанного на радикальной перестройке условий технического развития, в Азии, как правило, на несколько порядков выше темпов социоструктурной и рыночной реакции на этот процесс, притом что внедрение новых технологий (как зарубежных, так и

«доморощенных») образует значительный лаг, свидетельствующий о запаздывании изменений в социальной и рыночной динамике по сравнению с темпами изменений в технологическом составе. Чем больше этот временной лаг, тем медленнее происходит социально-экономическая и рыночная перестройка в целом, включая формирование новых социальных страт, консервируются или даже растут традиционные социальные слои.

С одной стороны, не все быстро растущие наукоемкие отрасли обладают сравнительными преимуществами в области эффективности производства, не во всех наблюдается долгосрочная тенденция роста производительности труда, и соответственно снижения занятости, хотя развитие, как правило, происходит на базе новейшего производственного аппарата и нередко при минимальных рыночных ограничениях. С другой стороны, не во всех капиталоемких отраслях, соответствующих более ранним стадиям технологического прогресса, наблюдается противоположная тенденция к замедлению темпов роста показателей эффективности производства и спроса на рабочую силу.

Как показывает опыт развивающихся стран Азии, не существует и не может быть самостоятельного механизма реализации технологического прогресса, оторванного от глобальных тенденций социоструктурной эволюции. Именно динамика состава занятости и рыночной структуры определяет масштабы и темпы освоения инноваций.

PAK B.D.
(Moscow)

100 years of Russo-Korean Relations: Main Stages and Historical Significance

1. The struggle of Powers for opening of Korean ports had been aggravated at the beginning of XIXth Century. Having being occupied by developing of reunited Maritime province and joined Ussuri region the tzarist Russia was interested in preservation of the status-quo in Korea. Only after Japan, USA, England and Germany had thrusted series of one-sided agreements to Korea Russia had established official diplomatic and trade relations with this kingdom.

2. The Russo-Korean Treaties on friendship and trade of 1884 and on land trade of 1888 had played the important part in the development of Russo-Korean economic, political and cultural connections. The mass influx of Korean peasants and artizans to Russia contributed to Koreans' acquaintance with advanced Russian technique and culture.

3. The lèit-mòtif of Russian policy in Korea was the counteraction to Ching China's expansionist policy, oposition to the consolidation of Japanese domination and to the strengthening of positions of Western Powers having being considered hostile to Russia, first of all,

England, in this country. The results of such a policy became apparent after the Japanese-Chinese War 1894-1895 and during Korean king Kojong's sojourn in Russian Legation(February 11, 1896-February 20, 1897). It stirred up the raise of Koreans' sympathy to Russia.

4. Russia continued to show counteraction to the Japan's aggressive aspirations on the boundary of XIXth and XXth Centuries and serves as a main obstacle on the way of Japanese aggression in Korea right up to the Russo-Japanese war of 1904-1905. Korean government had been tried to preserve the country's independence, but after establishing of Japanese protectorate it could not play independent part in the foreign affairs. After the failure in Russo-Japanese War the tzarist Russia was deprived ability to impede to the establishing of Japanese rule and annexation of Korea in 1910.

5. After annexation of Korea by Japan the latter had announced all Russo-Korean treaties and agreements non-valid. Yet it has not prevented the development of good-neighbourly relations between nations of Russia and Korea. The Soviet government came forward in support of Korean liberation movement. The cadres of Soviet , party and military specialists were trained in KUTV, military and naval educational institutions in the USSR. Many of them were sent for secret revolutionary work in Korea.

6. The new stage in Soviet-Korean relations came after the liberation of Korea from Japanese colonial rule in August 1945. The two states appeared on the Korean Peninsula- DPRK and RK. The USSR had recognized the DPRK and signed The Treaty of Friendship, cooperation and mutual support with her in 1961.Since that the USSR had adhered to a policy of one-sided orientation to North Korea. Only in 1990 the diplomatic relations with RK having being established, which entailed Moscow's giving relations with Phenyang up.

7. At the end of 80-s XXth Century Russia's relations with DPRK had started to restore. The new Treaty of friendship, cooperation and good-neighbourly relations was signed by Russian Federation and DPRK in 2000. Since that time perspectives of 3-sided cooperation (Russian Federation-DPRK-RK) came to be considered in the frame of Russo-South-Korean and Russo-North-Korean negotiations. Those are the consequences of new trends in international relations in North-Eastern Asia and on Korean Peninsula.

Пак Б.Д.
(Москва)

100 лет российско-корейских отношений:
основные этапы и историческое значение

1. В начале второй половины XIX века, когда обострилась борьба держав за насильственное открытие корейских портов, царская Россия, занятая освоением воссоединенного Приамурья и присоединенного Уссурийского края, была заинтересована в сохранении статус-кво в Корее. Только после того, как Япония, США,

Англия и Германия навязали Корее серию кабальных договоров, они установила с ней официальные дипломатические и торговые отношения.

2. Русско-корейских договор о дружбе и торговле 1884 года и договор о сухопутной торговле 1888 года сыграли важную роль в развитии русско-корейских экономических, политических и культурных связей, а массовый переход корейских крестьян и ремесленников в Россию способствовал ознакомлению корейцев с передовой русской техникой и культурой.

3. Лейтмотивом политики России в корейском вопросе являлось противодействие экспансионистской политике цинского Китая, установлению японского господства и усилению в Корее позиции враждебных России западных держав, в первую очередь Англии. Результаты такой политики проявились после японо-китайской войны 1894-1895 гг. и в период пребывания корейского вана Коджона в русской миссии (11 февраля 1896 г. – 20 февраля 1897 г.). Это вызывало рост симпатии корейцев к России.

4. На рубеже XIX и XX веков Россия продолжала оказывать противодействие агрессивным устремлениям Японии и до русско-японской войны 1904-1905 годов служила главным внешнеполитическим препятствием на пути японской агрессии в Корее. Корейское правительство пыталось сохранить независимость страны, но после установления японского протектората перестало играть самостоятельную роль во внешней политике. Царская же Россия после поражения в русско-японской войне лишилась возможности помешать установлению японского господства и аннексии Кореи в 1910 году.

5. После аннексии Кореи Япония объявила о прекращении действий всех русско-корейских договоров и соглашений. Но это не помешало развитию добрососедских отношений между народами России и Кореи, которые вступили в новый этап своего развития после Октябрьской революции в России. Советское государство выступило в поддержку корейского освободительного движения. В КУТВ, военных и военно-морских учебных заведениях СССР готовились кадры советских, партийных и военных работников, многие из которых направлялись Коминтерном на подпольную революционную работу в Корею.

6. Новый этап советско-корейских отношений наступил после освобождения в августе 1945 года Кореи от японского господства, когда на Корейском полуострове образовались два государства – КНДР и РК. СССР признал КНДР и в 1961 г. подписал с ней Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. С тех пор СССР придерживался односторонней ориентации на Северную Корею. Только в 1990 году были установлены дипломатические отношения с РК, что повлекло за собой отказ Москвы иметь какие-либо связи с Пхеньяном.

7. В конце 80-х годов XX века стали восстанавливаться отношения с КНДР. В 2000 году был подписан между РФ и КНДР новый Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве. С этого времени в рамках российско-южнокорейских и российско-северокорейских переговоров стали обсуждаться и перспективы трехстороннего сотрудничества (РФ–КНДР–РК). Это последствия новых веяний в международных отношениях в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове.

LAZAREV M.S.
(Moscow)

Kurdistan in Modern Geopolitics

Kurdistan (literally – "The Land of the Kurds") is one of the most ancient tophonims of the Western Asia, which has only an ethno-geographical meaning. This area, which is not a subject of the international law with absolute or relative majority of the population being the Kurds (over 30, 000, 000) is divided between Turkey, Iran, Iraq and Syria. This land is in the heart of the region located between the four seas: the Caspian, the Black, the Mediterranean and the Persian Gulf with its terrain being mainly mountainous. Its geographic position and orography makes Kurdistan a certain natural stronghold and gives it a strategic importance. Tigris and Euphrates, the two main rivers of the region, which cross the historical motherland of the Kurds, have fundamental significance for agriculture and general functioning of the Middle East region, being simultaneously the source of hydro-energetic power. This area has also rich natural oil deposits of world importance as well as other raw materials.

All these fundamental features have great geo-strategic as well as geo-economic importance, they define the place of the Kurdish region in modern world architecture and stress the significance of the Kurdish problem. This area has an inbuilt highly confrontational potentialities with its main element having been a centuries-long liberation struggle for self-identification and unification of the ethnic Kurdistan. Attempts have been made by the Western powers, (lately especially by the US) to use this struggle for their own aims. In modern world a lot depends on the resolution of the Kurdish problem on the democratic basis.

Лазарев М.С.
(Москва)

Курдистан в современной геополитике

Курдистан (буквально – «страна курдов») один из древнейших топонимов Западной Азии, имеющий исключительно этногеографическое значение. Эта территорию, не являющуюся субъектом международного права, абсолютное или относительное большинство населения которой составляют курды (более 30 миллионов),

разделена между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Она расположена на перекрестке региона, на примерно равном расстоянии от четырех морей – Каспийского, Черного, Средиземного и Персидского залива и с преимущественно горным рельефом. Ее географическое положение и орография, превращающая Курдистан как бы в естественную крепость, определяет его важное стратегическое значение. Первостепенным фактором для сельского хозяйства и всей жизнедеятельности Ближнего Востока, включая его гидроэнергетические ресурсы, имеют пересекающие историческую родину курдов крупнейшие реки региона Тигр и Евфрат, а ее недра хранят мирового значения месторождения нефти, а также других полезных ископаемых.

Все эти фундаментальные особенности играют большую геополитическую, геостратегическую и геоэкономическую роль, определяют место курдского региона в современном миропорядке, указывают в целом на значение курдского вопроса. В нем заложен огромный остроконфликтный потенциал, движущей силой которого была длившаяся веками и особенно активизирующаяся в последние десятилетия освободительная борьба курдов за самоопределение и объединение этнического Курдистана, которую пытаются использовать в своих интересах и западные державы (в последнее время больше всего США). От решения курдского вопроса на демократических началах очень много зависит в современном мире.

KHOSHEEMBEKOV Khadiya
(Moscow)

Uzbeks of Northern Afghanistan

Forming, settling and number of the Uzbek population on the territory of Northern Afghanistan. Occupation and culture of Northern Afghanistan?s Uzbeks.

The Uzbek-populated areas of Northern Afghanistan in the system of Regional International relations. Perspectives and prognosis of the development concerning the Uzbek-populated areas of Northern Afghanistan after adoption of Main Law in Afghanistan.

Хошимбеков Хадия
(Москва)

Узбеки Северного Афганистана

1. Формирование, расселение и численность узбекского населения на территории Северного Афганистана.
2. Социальная структура узбекского населения Северного Афганистана.
3. Занятия и культура узбекского населения Северного Афганистана.
4. Политическая структура узбекского населения Северного Афганистана.

5. Населенные узбеками районы Северного Афганистана в системе международных отношений региона.
6. Перспективы и прогнозы развития населенных узбеками районов Северного Афганистана.

EMEL'YANOVA N.M.
(Russia)

Islam in the Northern Caucasus:
North Ossetia and Kabardino-Balkaria

Those who study Islam in the Northern Caucasus mainly concentrate on its eastern part, namely, Daghestan, Ingushetia and Chechnia, where Islam was embraced earlier than in the rest of the region or where it acquired specific, sometimes socially dangerous, forms. Little is known about how the Muslim enclaves came into being in the northwestern and central part of the Northern Caucasus; much of their past still remains vague. This

is especially true of North Ossetia. There is a common opinion that it is a traditionally Christian Orthodox state. At the same time, in the past it was believed to be a Muslim country for lengthy periods of time[1]. Today, Islam in this republic and in Kabardino-Balkaria is part of life that is influencing their cultural development.

[1] See: K.P. Popov, Sviashchennaia roshcha Khetaga, Vladikavkaz, 1995, p. 34.

Емельянова Н.М.
(Россия)

Ислам на Северном Кавказе:
Северная Осетия и Кабардино-Балкария

В настоящее время в системе межнациональных и государственных отношений России все большее значение приобретает религиозный фактор. Из всех мировых религий наиболее активную роль в сфере общественных отношений и даже международной политики начинает играть ислам. На карте Российской Федерации Северный Кавказ является таким регионом, где ислам проявляет себя наиболее ярко. Причем, палитра процесса возрождения ислама на Северном Кавказе окрашена в разные тона. Радостные светлые были связанны с надеждами сотен мусульман Кавказа на перемены в своей жизни и свободой волеизъявления религиозных убеждений. Но рядом возникло и множество негативных явлений, когда религия стала использоваться в политических целях и в военном противостоянии, как это случилось в Чечне. Осетия не осталась в стороне от этого процесса. В начале XXI века становится очевидным, что ислам в Осетии играет немалую роль. По всей Республике Северная Осетия-Алания существуют многочисленные как осетинские, так и неосетинские мусульманские общины. Руководители добиваются для своих общин государственной регистрации, открытия мечетей, в разных формах ведут преподавание основ вероучения для детей

и взрослых. Но нельзя забывать о том, что, как и в других регионах Кавказа, христианство, ислам и традиционная культура в Осетии неразрывно связаны. Их так же нельзя изучать вне исторического контекста.

Поэтому, рассматривая вопрос развития ислама в Осетии и степени вовлеченности его в систему государственных отношений, необходимо рассматривать во взаимосвязи основные этапы развития христианства и ислама, и их сочетаемость с традиционной религией и культурой осетин. Оказывается, что эти исторические (временные) периоды плавно сменяют друг друга. В результате создается интересный по гармоничности звучания межцивилизационный диалог.

Религиозная культура
в горных условиях Кавказа и Памира

С 2001 года в Институте востоковедения РАН ведется работа по изучению параллелей в культуре, религии и традициях осетин и памирских народов. В рамках этой работы были проведены несколько экспедиций в Республику Северная Осетия-Алания, Горно-Бадахшанскую Автономную Область Республики Таджикистан и провинцию Бадахшан Афганистана.

Один из проектов данного направления "**Ислам у народов иранской языковой группы**" направлен на изучение религиозных особенностей памирских народов и осетин.

Работа по данной тематике включала обследование различных религиозных групп в исламе (сунниты, шииты, суфии, исмаилиты); изучение мусульманской (суннитской) общины Северной Осетии; истории развития ислама у памирских народов (сравнительный анализ двух систем культурных и религиозных ценностей у памирцев-суннитов и памирцев-исмаилитов).

И осетины, и памирцы находятся в особых географических условиях - в центре горных узлов, на перекрестке великих цивилизаций. Горы воздействуют на судьбы людей, формируя образ жизни человека, его восприимчивость к разным культурам. Нельзя не отметить, что ислам в горных условиях подвергается своеобразной трансформации, а народы, его исповедующие, стараются сохранить также свои этнические особенности, традиции и культуру.

Полученные данные по особому высвечивают колоссальное влияние ислама на этнокультурные процессы, помогают вскрыть причины обособления и различий в ментальности народов иранской языковой группы. помогают выявлению уникальных особенностей, оказывающих большое влияние на психологию изучаемых народов.

Особая ценность проведенных исследований заключается в уникальной возможности сравнения историко-культурного развития ираноязычных народов, удаленных друг от друга географически, но продолжающих сохранять генетическую близость в своем этнокультурном развитии.

Об одном автографе имама Шамиля

В 1859 году, 145 лет назад, произошло событие знаменательное и для России, и для многих народов Северного Кавказа. В дагестанском ауле Гуниб был пленен легендарный герой кавказской войны имам Шамиль. Таким образом, завершилось покорение Россией северо-восточного Кавказа и быстрыми темпами шло покорение его западной части. Многотысячные потоки эмигрантов потянулись в Турцию и арабские вилаяты. Многие из горцев, эмигрировавших в Турцию в XIX в., а так же и те, кто перебрался в европейские страны в ходе гражданской войны в начале XX в., продолжали бережно хранить предания об участии своих предков в шамилевских сражениях.

В 1938 г. издававшийся в Париже эмигрантский журнал «Кавказ» сообщил, что в одном из музеев Владикавказа продолжает сохраняться автограф имама Шамиля, написанный на листе дерева.

Работая над книгой по истории ислама в Северной Осетии, автору удалось найти этот раритет, парижская информация о котором сначала показалось едва ли не легендой. Мое сообщение посвящено истории этого листа. Основные моменты сообщения заключаются в следующем:

– Когда, по какому поводу и кому было направлено послание Шамиля?

– Точное определение материала, на котором написано письмо.

– Перевод надписи.

– О том, как в течение XX века сохранялся лист.

В заключении можно сказать, что найденный автограф представляет собой яркое историческое свидетельство середины XIX века, добавляющее новые знания об эпохе Шамилевского Имамата.

БАРАНОВ С.А.
(Россия)

Сепаратизм в Индии:
факторы его живучести и опыт борьбы с ним

За годы независимости Индия столкнулась с рядом сепаратистских движений, которые отличались весьма большой продолжительностью (10-20 и более лет). Такое длительное существование этих движений обусловливается рядом факторов, которые условно можно разделить на объективные (геополитический, географический, исторический) и субъективные (наличие харизматического лидера, внешняя поддержка, поддержка населения, политический псевдосепаратизм).

Пример Индии свидетельствует, что движение за отделение никогда не возникает спонтанно. Его появлению предшествует латентный (скрытый) этап, во время которого зарождаются сепаратистские организации, разрабатываются их идеологические установки, определяются цели и задачи. Некоторые из сепаратистских движений (например, в Кашмире и на северо-востоке) до сих пор продолжают существовать и представляют угрозу территориальной целостности страны, а также стабильности и безопасности отдельных ее регионов. Поэтому власти Индии вынуждены вести с сепаратистами жесткую борьбу.

Применяемые центральным правительством Индии меры противодействия сепаратизму условно можно разделить на две большие группы: силовое, или вооруженное подавление сепаратистов и комплекс мирных средств и методов для достижения политического урегулирования. Среди них можно выделить такие мероприятия, как переговоры с сепаратистами и заключение соглашений по их итогам, проведение выборов в различные органы власти, территориальная реорганизация, набор экономических мероприятий, а также дипломатические средства для предотвращения или минимизации действия фактора внешней поддержки.

Именно в результате комплексного применения различных мер противодействия стало возможным решение проблемы сепаратизма в некоторых штатах страны.

USOVA Ekaterina
(Russia)

Israel in the Modern International Relations System

Historically, the role and place of the State of Israel in the international relations system has been determined by three basic factors: (1) – a parallel process of the nation-state formation in Israel and the formation of the regional subsystem of international relations in the Middle East as a whole; (2) – a specific role of an ideological concept in the formation of the State of Israel; and (3) – the factor of the numerous Jewish diaspora scattered between various countries of the world.

In spite of its small territory and population, scarce natural resources, isolation within the region and a severe discord with other regional actors, Israel is distinguished by its relatively high economic, scientific, technological and military potential, as well as high level of foreign policy activity and its wide geographical scope not only among its regional neighbors, but also among other similar small states that have become indepentend since World War II.

During the first four decades of independence Israel's system of foreign policy relations, in spite of its original foreign policy doctrine, acquired such features as high level of isolation, one-sided pro-American orientation and involvement into the global confrontation between the super-powers.

In the '90s the foreign policy relations system of Israel has finally become complete and well-balanced in the context of the peace process. At the same time Israel lost its role as the major US Middle Eastern ally in the global strife between the superpowers.

The deterioration of the Israeli-Palestinian conflict in the recent years has complicated considerably Israel's relations with the Arab states but has led neither to a real escalation of the Arab-Israeli conflict in general, nor to any serious decline of Israel's positions on the international stage, as it used to be in the past.

In general, the present situation in the Middle East quite corresponds to the contemporary global trend of the sharp reduce in the number of "classical" inter-state conflicts and their substitution by the type of conflicts with a non-state actor participation. Besides, in spite of the conflict between them, Israel and the Arab states still share some real common interests in the spheres of the development of regional economic ties, tourism, environment protection, water resources, building a regional transport and communication network, etc. Even the international terrorism in its present form is creating more and more common problems both for Israel and for many of the Arab states. Moreover, a considerable part of Israel's political elite is doubtlessly concerned by a prospect of the country's dropping out from the integration and regionalization processes in the European-Mediterranean regions.

At present, the Israeli-Palestinian conflict remains a serious obstacle on the way of the complete implementation of Israel's foreign policy interests, ambitions and capabilities which cerainly makes it deeply interested in resolution of the conflict, in spite of the absence of a clear, adequate and public-supported position on the matter. A hard and painful process of a search for such a position can be expected to go along with further development of Israel's relations, first of all, with economically advanced democratic states, as well as in the European, Euro-Mediterranean and Asian directions, including the relations with Russia. The development of these relations may, in its turn, facilitate the resumption and further progress of the peace process as well the subsequent promoting regional cooperation in the Middle East.

Усова Екатерина Юрьевна
(Россия)

Израиль в системе международных отношений

Исторически роль и место Израиля в системе международных отношений определялось тремя основными факторами: (1) – параллельным характером процесса формирования самого Израиля как молодого национального государства и региональной системы международных отношений Ближнего Востока в целом; (2) – особой ролью идейно-концептуального начала в создании и становлении Государства Израиль и (3) – наличием в различных странах мира многочисленной еврейской диаспоры.

Располагая весьма малой территорией, немногочисленным населением и незначительными природными ресурсами, находясь при этом в изоляции в своем регионе и в состоянии вражды с составляющими его странами, Израиль, тем не менее, отличается

сравнительно высоким экономическим, научно-техническим и военным потенциалом, а также высоким уровнем внешнеполитической активности и широтой ее географического охвата не только по сравнению со своими соседями по региону, но и по сравнению с другими аналогичными малыми государствами, обретшими независимость после второй мировой войны.

В первые четыре десятилетия существования Израиля его система внешнеполитических связей, вопреки его изначальной внешнеполитической доктрине, приобрела черты высокой степени международной изоляции, односторонней проамериканской ориентации и вовлеченности в глобальную конфронтацию между сверхдержавами.

В 90-е гг. система внешнеполитических связей Израиля наконец обрела завершенный, сбалансированный характер на фоне развития мирного процесса. При этом Израиль лишился своей роли главного союзника США в противостоянии с СССР на Ближнем Востоке.

Обострение израильско-палестинского конфликта в последние годы вызвало заметное охлаждение в отношениях с арабскими странами, но не привело ни к реальной эскалации арабо-израильского конфликта в целом, ни, как это бывало раньше, к серьезному ухудшению положения Израиля на международной арене.

В целом нынешнее положение на Ближнем Востоке вполне соответствует общемировой тенденции прекращения "классических" межгосударственных конфликтов и прихода им на смену конфликтов с участием негосударственных субъектов. При этом, несмотря на конфликтную ситуацию, Израиль и арабские государства объединены объективными общими интересами в области развития экономических связей, туризма, охраны окружающей среды и водных ресурсов, создания региональной транспортно-коммуникационной инфраструктуры и т.п. Даже международный терроризм в его современной форме начинает создавать общие проблемы как для Израиля, так и для многих арабских государств. Наконец, нельзя не учитывать того, что значительная часть израильской политической элиты весьма озабочена перспективой "выпадения" своей страны из процессов интеграции и регионализации, протекающих в Европе и Средиземноморье.

В настоящий момент израильско-палестинский конфликт остается серьезным препятствием на пути полной реализации внешнеполитических интересов, устремлений и возможностей Израиля, что обусловливает его заинтересованность в его урегулировании, несмотря на отсутствие по этому вопросу четкой и адекватной позиции, поддерживаемой израильским обществом. Одновременно с трудным и болезненным процессом поиска такой позиции Израиль будет активно продолжать развивать отношения, прежде всего, с экономически развитыми демократическими государствами, а также в целом по европейском, евросредиземноморском и

азиатском направлениях, в т.ч. с Россией. Развитие этих отношений, в свою очередь, может способствовать возобновлению и дальнейшему развитию мирного процесса, а затем и регионального сотрудничества на Ближнем Востоке.

GOL'MAN M.I.
(Russia)

To Periodization of the XX Century History of Mongolia in the Contemporary Mongolian Historiography

The last decade of the XX century and the beginning of the XXI one are the years of radical changes in Mongolia, the time of spiritual innovation of social and historical sciences. So the latter is in the process of reconsidering and altering first of all the periodization and conceptions of the historical development of Mongolia in the XX century, formed during the existence of the former Mongolian People's Republic.

In the growing number of historical publications in present day Mongolia there appeared many different periodization schemes of this development. Their common features are the deidealogization, the rejection of too narrow class – and formation approach, which preveiled in the past in mongolian and also in soviet literature. According to this approach the history of Mongolia (MPR) was devided into so-called "democratic" (20-30 years) and "socialist" (40-60 years) stages and the stage of completion the construction of the material-technical base of socialism (60-80 years).

This universal scheme is now rejected. Instead there appeared relatively great variety of dividing criteria, number and chronological frames of different stages, periods, phases, and their essencial characters . . .

The paper endeavours to carry out the comparative analisis of some new periodization schemes, to reveal the degree of their accordance to the historical reality and to propose author's own conditional scheme, dividing the XX century Mongolian history into certain periods.

Гольман М.И.
(Россия)

К периодизации истории Монголии XX в. в современной монгольской историографии

Последнее десятилетие XX в. и первые годы XXI в. – время коренных преобразований в Монголии, духовного обновления обществоведения, в том числе исторической науки. Она находится в процессе деидеологизации, пересмотра, прежде всего, сложившихся в период существования МНР концепций исторического развития страны в XX в., включая естественно и ее периодизацию.

В исторических трудах, число которых после 1990 г. неуклонно растет, выдвигаются самые различные схемы периодизации драматической истории Монголии прошлого столетия.

Общим для них является отказ от формационного, узко классового подхода и, соответственно, от принятой в прошлом не только в монгольской, но и в советской литературе универсальной схемы деления истории Монголии 1920-1980 гг. на так называемые демократический (20-30ые годы) и социалистический (40-60ые годы) этапы и период завершения строительства материально-технической базы социализма (60-70ые годы), диверсификация критериев выделения периодов, фаз, этапов, их хронологических рамок и сущностных характеристик и т.п.

В докладе сделана попытка провести сравнительный анализ этих новых схем периодизации, показать степень их соответствия исторической действительности и обосновать собственную схему условного деления истории Монголии XX в. на определенные периоды.

MISHIN Andrey
(Russia)

"About some tendency in word-formation in modern Persian language (after the victory of the Islamic revolution in Iran in 1979)"

The purpose of the report is to show some changes that are taking place in Persian word-building, some tendencies and properties of developing Farsi vocabulary. A careful account is given of new words appeared in Persian lexicology within 20 last years.

It is common knowledge that after the last revolution a lot of changes took place in Iranian society. Meanwhile there appear a large number of new words, new terms and meanings of them.

At present time linguists both in Iran and other states are trying to do research in terminological system of Farsi. Nevertheless such a problem seems not to be completely studied. On the one hand, modeling new words is based on its own language. On the other hand, appearance of the new ones are closely related to the following conditions: new terms should reflect up to date development of society, strongly transform their meaning; new words should be generally assumed, recognized and widely used in society; and after all these ones should be corresponded with rules of Persian word-construction.

The ways in which new words are formed and factors which govern their acceptance into the language are generally taken very much for granted by average speaker. To understand a word, it is not necessary to be aware of how it is constructed, or of whether it is simple or complex, that is whether or not it can be broken down into two or more constituents. We are able to use a word which is new to us when we find out what object or concept it denotes.

It should be mentioned that there are five main word-building methods in the Persian language under prof. Yu. Rubinchik. What

exactly we have tried to achieve, as well as the concept of modeling our particular kind of Farsi as a language for special purposes requires further scientific and theoretical consideration.

With some reservation nearly all foreign words appeared recently are considered to be terms. The Academy of Persian Language and Literature selected equivalents for foreign terms and some terms pertaining to different kinds of gatherings.

To sum up, the newly-synthesized materials are further analyzed on different language levels.

Мишин А.П.
(Россия)

О предпочтениях в словообразовании в современном персидском языке (после победы Исламской революции в Иране 1979 г.).

Цель доклада – показать некоторые изменения, которые происходят в персидском словообразовании, тенденции и особенности эволюции персидского словарного состава. В данной работе сделан акцент на новообразования в персидской лексике за последние двадцать лет.

Как известно, большие изменения в социально-политической жизни иранского общества произошли в восьмидесятые годы XX столетия. Появляется большое количество новых слов, новых выражений и новых значений слов.

В последнее время, как в Иране, так и в других странах прилагаются усилия к изучению терминологической системы языка фарси, но пока проблема изучена недостаточно. С одной стороны, создание новых слов в языке обычно происходит на основе базовой лексики. С другой стороны, их появление диктуется следующими условиями: они должны отражать современное развитие общества, четко передавать значение, они должны приниматься в обществе и широко употребляться и, наконец, должны соответствовать законам образования персидских слов.

Следует упомянуть, что в современном персидском языке пять основных словообразовательных способов согласно проф. Ю.А. Рубинчику. Перед исследователями стоит задача – оценить неологизмы с количественной и качественной стороны.

На первом этапе после революции в персидский язык благодаря своему влиянию проникло много арабских слов. Затем акцент в языковой политике снова переносится на родной язык. Тем не менее, за годы революции и после созданы и освоены сотни чужих слов, в том числе заимствования из западноевропейских языков. Почти все иностранные слова – это термины. За последнее время наметилась тенденция по замену инотерминов на персидские слова.

В конце доклада автор приходит к некоторым выводам. Основным источником пополнения лексического состава служат внутренние ресурсы – различные способы словообразования, лексикализация словосочетаний и изменение значений слов. В связи с бурным развитием науки, техники и технологий необходимы новые термины и понятия. Ведущую роль в упорядочении лексического состава языка играет Академия персидского языка и литературы. Именно их обобщения автор исследует в своем труде.

По мере накопления новый материал будет анализироваться на различных языковых уровнях.

SARABIEV A.
(Russia)

The migration of the Syrian and Lebanese Christians in the first half of XXth century and social and political changes.

The migration of the Levant Christians in the 1st half of XXth century had a great influence on the making of the Syrian and Lebanese societies and altogether on the social and political situation in these countries. The isolation and the extermination of the Christians of the Mount Lebanon during the 1st World War, the slaughter of the Armenian and Syrian Christians in Turkey made a wide Christian migration after that war. Christian political figures led the Lebanon politics. In Mount Lebanon, a trade union and later a communist movements were born and had a wide spread (also in Syria). The Christian migration up to 1926 and in 1930s made a great changes in the social and political life in Syria and Lebanon, where the significant role (and the main role in Syria) in political life now played Muslim politicians. The outflow of the Syrian and Lebanese Christians to the Latin and North America, to the Maghrib and Europe countries seriously influenced as on the confessional composition of the political establishment as on the whole situation in the Syrian and Lebanese societies. The cause of this as the cause of the weakening of social activity of the Christian communities - Orthodox, Maronite, Jacobite, Greco-Catholic, and Armenian - mainly is the wide emigration among Syrian and Lebanese Christians in the 1st half of the XXth century.

Сарабьев А.В.
(Россия)

Миграция сирийских и ливанских христиан в первой половине XX в. и общественно-политические сдвиги

Миграция христиан Левантийских территорий на протяжении первой половины XX века оказала существенное влияние на складывание сирийского и ливанского обществ и в целом общественно-политической ситуации в этих странах. Изоляция и массовое уничтожение христиан Горного Ливана в ходе I Мировой войны, резня армянских

и сирийских христиан на территории Турции породили после окончания войны массовую христианскую миграцию. Христианские деятели Ливана играли ведущую роль в политике страны. Здесь зародилось и получило широкое распространение (в том числе и на сирийских территориях) профсоюзное, а затем и коммунистическое движение. Массовая эмиграция христиан в период до 1926 г., а также в 30-е гг. явилась важной причиной серьезных сдвигов в жизни сирийского и ливанского обществ, где важную (а в Сирии определяющую) роль в политической жизни (формирование правительств, утверждение конституций, двусторонние договоры с Францией) стали играть политики-мусульмане. Отток в страны Латинской и Северной Америк, в страны Магриба и в Европу сирийских и ливанских христиан серьезно повлиял как на изменение конфессионального состава политических элит в обеих странах, так и на положение дел в ливанском и сирийском социумах. Причиной этому, а также общему ослаблению социальной активности православной, маронитской, греко-католической, яковитской и армянских христианских общин служит главным образом массовая эмиграция сиро-ливанских христиан почти на всем протяжение первой половины XX в.

GARMAEV J.V.
(Russia)

Prospect of East-Asian Regionalism Formation

Contemporary international system is characterized by growth and deepening of globalization and integration tendencies that are derivative from the process of internationalization which is an interaction of countries in various fields, mainly in the field of economy. These processes develop at the same time.

The phenomenon of globalization, which interests the minds of scholars and politicians, especially revealed in the last decade of the 20th century. And the processes of intergovernmental cooperation and integration, as is well known, developed after the World War II. At present, the process of integration is of a regional character that has reflected in the concept of regionalism. Regionalism is a political process, which is aimed to formation of regional integration in the framework of a group of neighbour states or region's group of states. The process of interregional associations' formation and development of regional integration on the whole is impossible without coordinated and precise political decisions, and similar political positions of governments and heads of states in integrated region. Thus, regionalism is a political approach in the regional integration formation's purpose and tasks solution for the sake of countries of some region.

The author investigates tendencies of regional integration process formation in East Asia, in which traditionally Japan, China, both Koreas, Taiwan are included. This region is also known as Northeast Asia (NEA), with joining Russian Far East and Mongolia. After the reconstruction of diplomatic relations the interaction of Japan, China

and South Korea took place in various spheres. The greatest development was in trade and economic sphere that was related to activity of Japanese capital, too. The meetings of leaders of Japan, China and Republic of Korea started in November 1999 in Manila on ASEAN+3 Summit arouse doubtless interest. Trilateral cooperation of NEA countries continues to strengthen, attracting increasingly more attention.

It is also necessary to note significant influence of the USA on the formation of the processes in NEA. NEA has a high profile for the USA with relation to both strategic interests, and economical interests. At the same time the USA remain to be vitally important for the states of NEA as a capacious market.

In NEA the United States rely on the alliance with Japan, the position of which will depend on American one in many respects. The creation of East-Asian integration grouping, of course, will be not easy and prompt (for example, the Europeans needed for 40 years). Therefore, the participation of the USA will contribute only to bigger effectiveness of its activities. Nevertheless, just Northeast Asia is a potential region for foundation such a regional union. Although NEA keeps remains of "cold war".

Conservation of multitude of political antagonisms is a reason that impedes the stabilization of the situation in the region. These are the condition of tension on the Korean peninsula, the presence of territorial disputes between the countries and the problem of Taiwan. However, the main feature is a rivalry and crossing of given states interests along with interests of global power in person of the USA. "Chinese" factor also plays a definite role. Along with that it is necessary to emphasize that historical past of Japanese militarism's acts still remain in mass consciousness of NEA countries. These reasons are the obstacle for NEA states movement on the path to regional integration. Nevertheless, there are all the prerequisites for development and deepening of this process. Taking into account the geographical nearness of NEA states, mutual volume of trade, investments, economical and political power of the countries as a whole, one could assert that process of regional integration might become. This tendency might proceed with its development in case of change in political difficulties between NEA countries, and chiefly – in view of more dynamical advancement of their political energies on the path to becoming of East-Asian regionalism.

Гармаев Ж.В.
(Россия)

Перспективы формирования восточно-азиатского регионализма

Современная международная система характеризуется нарастанием и углублением тенденций глобализации и интеграции, являющихся производными от процесса интернационализации, представляющего собой взаимодействие стран в различных сферах деятельности, главным образом в области экономики. Эти процессы развиваются параллельно друг другу.

Явление глобализации, занявшее умы ученых и политических деятелей, особенно проявило себя в последнее десятилетие XX века. А процессы межгосударственного сотрудничества и интеграции, как известно, получили свое развитие после второй мировой войны. В настоящее время процесс интеграции носит преимущественно региональный характер, что нашло отражение в понятии регионализма. Регионализм – это политический процесс, имеющий своей целью образование региональной интеграции в рамках группы соседних государств или группы государств региона. Процесс образования межрегиональных объединений и в целом развития региональной интеграции невозможен без согласованных и четких политических решений, сходных политических позиций правительств и глав государств интегрирующегося региона. Таким образом, регионализм – это политический подход в решении цели и задач создания региональной интеграции в интересах стран какого-либо региона.

Нами исследуются тенденции формирования процесса региональной интеграции в Восточной Азии, в которую традиционно включают Японию, Китай, обе Кореи, Тайвань. Также этот регион называют Северо-восточной Азией (СВА), с присоединением к нему российского Дальнего Востока и Монголии. После восстановления дипломатических отношений взаимодействие Японии, Китая и Южной Кореи происходило в различных сферах. Наибольшее развитие оно получило в торгово-экономической области, что связано было также с активностью японского капитала. Вызывают несомненный интерес встречи лидеров Японии, Китая и Республики Корея, начавшиеся в ноябре 1999 г. в Маниле на саммите АСЕАН+3. Трехстороннее сотрудничество стран СВА продолжает укрепляться, обращая на себя все большее внимание.

Следует также отметить значительное влияние США на формирование процессов в СВА. СВА имеет большое значение для США, как с точки зрения стратегических, так и экономических интересов. В то же время США как емкий рынок остаются жизненно важными для стран СВА.

В СВА Соединенные Штаты опираются на союз с Японией, позиция которой будет во многом зависеть от американской. Создание восточно-азиатской интеграционной группировки, конечно, не будет легким и быстрым (европейцам, к примеру, понадобилось 40 лет). Поэтому участие США будет только способствовать большей эффективности ее деятельности. Все же именно Северо-восточная Азия является потенциальным регионом для основания такого регионального объединения. Хотя СВА остается районом, в котором проявляются пережитки "холодной войны".

Сохранение множества политических противоречий является причиной, препятствующей стабилизации обстановки в регионе. Это и состояние напряженности на Корейском полуострове, и наличие территориальных споров между странами, и тайваньская

проблема. Но главным моментом является соперничество и пересечение интересов данных региональных стран вкупе с интересами глобальной державы в лице США. Также определенную роль играет "китайский" фактор. Наряду с этим нужно подчеркнуть, что историческое прошлое деяний японского милитаризма все еще сохранилось в массовом сознании стран СВА. Эти причины являются препятствием для движения стран СВА на пути к региональной интеграции. Тем не менее имеются все предпосылки для развития и углубления этого процесса. Учитывая географическую близость государств СВА, взаимный объем торговли, инвестиций, экономическую и политическую мощь стран в целом, можно утверждать, что процесс региональной интеграции может начаться. Данная тенденция может продолжить свое развитие в случае изменения политических разногласий между странами СВА, а самое главное – при более динамичном продвижении их политических усилий на пути становления восточно-азиатского регионализма.

YASKINA G.S.
(Russia)

The Main Factors Affecting at Going Closer Each Other

1. The author is looking at the problem in its borders of interaction between West and East civilizations, and The East is regarding mainly as The East Asia Region. Territorial approach is depended on the region being more far from the West than other civilizations (South Asia or the Middle East). This fact, thaw provisionally, provides us "the purity of an experiment".

2. Owing to historical circumstances, East countries, including East Asian nations, later then the West entered the social modernization way, and that had been saved wide lot of their civilization specific features.

3. All specific features of East Asian civilizations must not be regarding as being equal. There are some extremely difficult features among them (they are overcoming now) evidencing their backwardness in the concrete spheres especially in the sphere of science and technics or democracy, and there are world looking distinctions such kind as systems of west and east human values. West and East cultures are enriching each other and the world culture in the hole. These civilizations are enriching each other with the world history experience in which their contributions are different and significant. Conflict of values must be overcome – at the first line are entering common human values, the human beings living right. The author considers the thesis of some western politologists (S. Hantington and his supporters) about clash of civilizations becoming the main factor in the world politic is unproved.

4. Divergences of interests among nations (states) have not to be mistaken for the conflict of civilizations. For instance we can mention all the last conflicts taken place in the East Asia. The last wars in Afghanistan and Iraq are not evidence of conflict between the West and The East Civilizations, but of vain endeavors to set the west democracy model by the aggressive measures.

5. One of the factors making civilizations closer is the market economy as it represents recognized over the world universal construction of productive forces development in the global scale. Market mechanisms are successfully introducing even into economics of countries that indicate themselves as communist states (China, Vietnam, Laos, less another–North

6. One factor more – east democracy penetrating into east civilization and its adaptation to domestic conditions. But until the last time economic democratization in it's dynamic leaves political regimes democratization behind, in spite of examples of democratic political system established in South Korea, Mongolia. China and Vietnam are announcing about their seeking for political democracy too.

7. Another factor. As the West and the East too oftener announce of necessity to have a confidence in their relations, necessity of mutual understanding. It takes place, for an example, in researching common approaches to the battling against proliferation threats, terrorism, narcotic-traffic, and human rights.

8. There is a conclusion in the paper summary that in spite of outlays of globalization process, containing nations, belonging to various civilizations, the mankind starts to overcome contradictions arising (or aroused) among them. The mankind starts more often realize that the saving of various civilizations cultural values, their creative traditions enrich world culture and make nations more closer than separate them. It is becoming as one of leading trends of our time.

Яскина Г.
(Россия)

Основные факторы, влияющие на сближение западной и восточной цивилизаций

1. Проблема рассматривается автором в рамках взаимодействия цивилизаций Запада и Востока, причем последний представлен в докладе преимущественно Восточным регионом Азии. Территориальный подход обусловлен тем, что этот регион представляет восточные цивилизации, более удаленные, по сравнению с другими восточными цивилизациями (Южная Азия, Ближний Восток), от Запада. В факт, хотя и условно, определяет «чистоту эксперимента».

2. Страны Востока, в том числе и страны Восточной Азии, в силу исторических причин, позднее Запада встали на путь современной модернизации своих обществ, что сохранило им многие цивилизационные особенности.

3. Цивилизационные особенности стран Восточной Азии должны рассматриваться неоднозначно. В их числе есть специфика (она преодолевается), свидетельствующая об их отсталости в определенных областях, особенно, в сфере научно-технического прогресса и демократии, и есть такая мировоззренческая специфика как система гуманитарных ценностей. Но в целом западная и восточная культуры обогащают друг друга, всю мировую культуру. Они обогащают друг друга опытом истории, вклад в которую у них разный, но значительный. Сейчас на первый план выходят общечеловеческие ценности, в первую очередь, право на жизнь. Постулат отдельных западных политологов (С. Хантингтон и его сторонники) о том, что столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики, автор считает недоказуемым.

4. Расхождение межгосударственных интересов нельзя принимать за межцивилизационные конфликты, о чем свидетельствует вся последняя история конфликтов, возникавших в Восточной Азии. Последние войны в Афганистане и Ираке говорят не о конфликте западной и восточной цивилизаций, а попытках насаждения западной демократии насильственными мерами.

5. К факторам сближения цивилизаций относится рыночная экономика, представляющая собой общепризнанную в мире несущую конструкцию развития производительных сил в глобальном масштабе. Рыночные механизмы успешно внедряются в экономику даже тех стран Восточной Азии, которые считают себя социалистическими (Китай, Вьетнам, Лаос, менее других – Северная Корея).

6. Еще один фактор – проникновение в восточную цивилизацию модели западной демократии и ее адаптация к местным условиям. Но пока экономическая демократизация в своей динамике значительно опережает демократизацию политических режимов, хотя уже появились примеры установления демократических политических систем в восточных странах, например, в Южной Корее, Монголии и некоторых других государствах. О стремлении к демократии заявляют Китай и Вьетнам.

7. Как Запад, так и Восток все чаще заявляют о необходимости выработки мер доверия в своих взаимоотношениях, о необходимости взаимопонимания, что проявляется, например, в выработке общих подходов к борьбе против оружия массового уничтожения, терроризма, наркотрафика, прав человека.

8. В заключение приводится вывод о том, что одной из ведущих тенденций развития человечества, несмотря на значительные издержки процесса глобализации, в котором участвуют государства с разным уровнем развития и народы, принадлежащие к разным цивилизациям, становится постепенное преодоление жизненно важных противоречий, возникших (или возникающих) между ними в ходе мировой истории. При этом человечество все чаще начинает сознавать, что сохранение культурных ценностей, креативных традиций обогащает мировую культуру, объединяет, а не разобщает народы.

MESHANINOV M.B.
(Russia)

Trans-board cooperation of Russia and Mongolia in bilateral dialogue of civilizations

1. Once upon a time relations among countries determined mutual influence of civilization factors, peculiarity economical and cultural development. Trans-board cooperation in this line plays impotent role.

2. From the ancient times trade was developing from simple exchanges between boarding territories till transcontinental links at present days. In modern time trade between boarding territories still reserve impotent part of economy life of different countries.

3. One of the parts of economy Russian life is a trade-economic relations among boarding regions with Mongolia, like a long standing partner.

4. Trade with Mongolia permits exchanging with resources and goods, and play linking role in mutual penetration of civilizations.

5. By the developing interstate relations in new economic conditions of Russia and Mongolia, forms and methods have been evolving and have taken more progressive forms including establishment of free economic zones (FEZ Altan Bulag).

6. At present moment specious of trans-board Russian-Mongolian cooperation is that to be characterized by value of foreign trading relations (70% of the whole turnover volume). Accordingly it's meaning is going out of frame trans-boarding cooperation is up to the trans-regional and trans-state level.

7. Russian-Mongolian trans-board cooperation experience shows that it is impotent canal of rapprochement of two states assisting for forming civilization community.

Мещанинов М.Б.
(Россия)

Приграничное сотрудничество России и Монголии в диалоге двух цивилизаций

1. Отношения между соседними странами издавна определяли взаимовлияние цивилизационных факторов, особенности экономического и культурного развития. Приграничное сотрудничество в этом плане играет немаловажную роль.

2. С давних времен торговля развивалась с простого обмена между приграничными территориями до межконтинентального в наши дни. Но и по сей день торговля между приграничными территориями остается важной составляющей в экономической жизни различных стран.

3. Одной из составляющей экономической жизни России, является торгово-экономические отношения приграничных регионов России с Монголией, как давнего торгового партнера.

4. Торговля с Монголией позволяет не только обмениваться ресурсами и товарами, но и играет связующую роль во взаимопроникновении цивилизаций.

5. По мере развития межгосударственных отношений России и Монголии в новых экономических условиях формы и методы приграничного сотрудничества эволюционировали, приобретали новые более прогрессивные формы, в том числе создание свободных экономических зон в Монголии (СЭЗ Алтан Булаг), большей хозяйственной самостоятельности регионов РФ во внешней торговле.

6. Особенностью современного приграничного сотрудничества между Россией и Монголией, является тот факт, что в настоящий момент оно характеризует основной объем межгосударственных внешнеторговых отношений (70% всего внешнеторгового оборота двух стран). Соответственно его значение выходит за рамки только приграничного сотрудничества, поднимаясь на межрегиональный и государственный уровень.

7. Опыт российско-монгольского приграничного сотрудничества показывает, что оно является важным каналом сближения двух государств, способствуя формированию цивилизационной общности.

YASHKIN V.
(Russia)

The Economy of the Pacific Region: Problems of Development and Cooperation

1. Within the last two decades the role of the Region, in the world economy and politics has significantly increased which can be explained by, first of all, its huge resource potential, high economic dynamism of the constituent countries, and the key position its leading countries occupy in the new round of scientific and technological progress and in the new system of international division of labour.

2. A very peculiar and rather efficient model of phased (flying gees) economic development has emerged in the Region. Under this model the impulses for structural changes which originate in the advanced center (the USA and Japan) are transferred to the NICs and then, though weakened and deformed, to the ASEAN countries. Thus, the less efficient sections of the economy which bear no specific interest for the center are transmitted to the periphery.

3. At present the internationalization process is well under way in the Region, though it has not been institutionalized and what is no less important the regional economic integration which was based formerly on the complimentarily in mineral resources shifts now to processing industries, notably high-tech ones, and to science and technology sectors.

4. However, contrary to Europe, the internationalization of the economy of the Region progresses with a minimal participation of Russia which can be explained basically by structural factors, i.e. by tech-

nological and institutional unpreparedness of the Russian economy to participate actively in the new system of IDL which is being formed now under the influence of the modern STP. This process is quite evident in many zones of the world economy but specially intensive in the Asian Pacific.

5. Despite a substantial fall in mutual economic relations China has already proved to become a major economic partner of Russia in the APR and still greater is potential to expand and up-grade economic cooperation, notably in the energy sector and high-tech industries. The major obstacles are, however, the remnants of the economic crisis in Russia which have not been yet removed and the absence of a clear-cut long-range strategy and an effective mechanism to further develop economic cooperation with China.

6. The present state of economic relations with Japan may be termed as critical for apart from political factors which still play a very negative role there are some vital economic reasons which are also responsible for the present stalemate in the economic relations, above all, the widening technological gap between the two countries, different approaches to the strategy of economic development and the growing divergence of the economic mechanisms.

7. The economic relations with the ASEAN countries are practically at the freezing point; the share of mutual trade tends to decrease while the other forms of economic cooperation are virtually non-existent.

8. The group of countries which the possibilities to cooperate with seem most promising are the Asian NICs. This can be explained primarily by a high degree of complimentarily, at least potential, of the economies of the partners concerned, both in extracting and manufacturing industries, and to a certain degree by convergence of economic interests, specially in the field of science and technology.

9. Radical economic reforms started in Russia in 1991 to convert the centrally planned economy into a market one were not success as the shock-with-no-teraphy model they followed has led to a severe economic crisis which affected also external economic relations. Now that the economic situation in the country tends to improve new possibilities emerge to expand and up-grade economic cooperation with foreign countries, those of the Region included. And, of course, it seems quite futal to think in terms of strengthening economic positions in the APR unless the stagnant Far East is transformed into a most dynamic section of the Russian economy.

10. However, apart from reforming the Russian economic system, both technologically and institutionally, greater political efforts are needed in the Region to build-up a solid base for the regional economic cooperation to embrace all the constituent countries and to exclude the crises like that in the end of the 90s.

Яшкин В.А.
(Россия)

Экономика Тихоокеанского региона:
проблемы развития и сотрудничества

1. За последние два десятилетия роль региона в мировой экономике и политике значительно возросла, что можно объяснить, прежде всего, его огромным ресурсным потенциалом, высоким экономическим динамизмом образующих его стран и ключевыми позициями, которые занимают его ведущие страны, в новом витке научного и технического прогресса и в новой системе международного разделения труда.

2. В регионе сложилась весьма необычная и довольно эффективная модель ступенчатого экономического развития (стая летящих гусей). Согласно этой модели импульсы к структурным сдвигам, которые возникают в передовом центре (США и Япония) переносятся в НИС и затем, хотя и в ослабленном и деформированном виде, в страны АСЕАН. Таким образом менее эффективные секции экономики, которые не представляют специфического интереса для центра, переносятся на периферию.

3. В настоящее время в регионе происходит процесс интернационализации хотя он и не приобрел институциональные формы и, что не менее важно, экономическая интеграция, которая базировалась ранее на комплиментарности минеральных ресурсов, перемещается сейчас в отрасли обрабатывающей промышленности, особенно высокотехнологические, и в сферу НИОКР.

4. Однако, в отличие от Европы, интернационализация экономики региона идет с минимальным участием России, что может быть объяснено в основном структурными факторами, т.е. технологической и институциональной неготовностью российской экономики к активному участию в новой системе МРТ, которая формируется сейчас под влиянием современной НТР. Этот процесс совершенно очевиден во многих зонах мировой экономики, но особенно происходит интенсивно в АТР.

5. Несмотря на значительный спад во взаимных экономических отношениях, Китай уже доказал, что он является основным экономическим партнером России в АТР и еще более значительным является потенциал к расширению и совершенствованию экономического сотрудничества, особенно в энергетике и высокотехнологичных отраслях. Однако основными препятствиями являются остатки экономического кризиса в России, которые пока не устранены, и отсутствие четкой долгосрочной стратегии и эффективного механизма для дальнейшего развития экономического сотрудничества с Китаем.

6. Современное состояние экономических отношений с Японией можно считать критическим, поскольку помимо политических факторов, которые по-прежнему играют очень негативную роль, существуют некоторые важные экономические причины, которые

также объясняют нынешний затор в экономических отношениях, прежде всего, расширяющийся технологический разрыв между двумя странами, различием подходов к стратегии экономического развития и растущее расхождение экономических механизмов.

7. Экономические отношения со странами АСЕАН стоят практически на точке замерзания, доля взаимной торговли имеет тенденцию к понижению, тогда как другие формы экономического сотрудничества практически отсутствуют.

8. Группа стран, сотрудничество с которыми выглядит наиболее перспективным, являются азиатские НИС. Это можно объяснить прежде всего высокой степенью комплиментарности, по крайней мере потенциальной, экономик этих партнеров, как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности, и в определенной мере конвергенцией взаимных интересов, особенно в области науки и техники.

9. Радикальные экономические реформы, начатые в России в 1991 г. с целью преобразовать централизованно-планируемую экономику в рыночную, не были успешными, поскольку модель "шок без терапии", по которой они развивались, привела к жестокому экономическому кризису, который повлиял также и на внешнеэкономические отношения. Теперь, когда экономическая ситуация в стране имеет тенденцию к улучшению, возникают новые возможности для расширения и совершенствования экономического сотрудничества с зарубежными странами, включая страны региона. И, конечно, было бы совершенно напрасно полагать, что усиление позиций в АТР возможно без превращения стагнирующей экономики дальневосточного региона в одну из наиболее динамичных секций российской экономики.

10. Тем не менее, помимо реформы российской экономической системы, как в технологическом, так и в институциональном отношениях, необходимы более значительные политические усилия в регионе, чтобы создать солидную базу для развертывания регионального экономического сотрудничества, охватывающего все образующие его страны и исключить возможность появления кризисов, подобных тому, который произошел в конце 90-х годов.

POTABENKO S.
(Russia)

The Artist and the Time

1. The turn of the two millennia being rich in tragic events has damaged and destroyed a countles number of lives, has turned towns and cities into ruins and ashes, the priceless treasures of the world culture gathered diligently by many generations into dust.

Such a situation cannot pass unnoticed by the representatives of art and culture.

2. In the past, too, the artists and sculptors reflected the events themselves and their consequences in their works ("Guernica", by P.

Picasso, O. Tsadkin's sculpture "In memory of the victims of Rotterdam", a number of sculptural compositions at the site of the camps of fascism's victims. Such monuments of art appeared either immediately after the events or after some time, as, for instance, in the 70-s work by B. Heisig which shows the nightmare of the mass bombardments of German cities on the eve of the collapse of fascist Germany as they were seen by the Germans).

Later that same Picasso responded to the Korean war of 1951 in a bright canvas, and the prominent Indian artist K. Hebbar immediately reacted to the Vietnam events by painting a canvas about the atrocities of American soldiers at Songmi (previously he was interested especially in internal subjects among which is a multiple pictorial story about shepherd-god Krishna); his compatriot D. Doraiswami has created a number of canvases about the Pakistanian military's cruel reprisals against the peaceful population of the eastern Pakistanian province which later became the republic of Bangladesh; American artist A. Refregier has devoted a series of expressive works to the dramatic events in Chile. Lebanon's artists have told in their graphic drawings the tragedy of the refugees' camps at Sabra and Shatila. And the subject of Hiroshima has been treated many times by not only the Japanese painters.

3. All the mentioned works have been made in the expressionist manner or in a way close to it. Such a method is the most suitable one for the depiction of such subjects. Because of the cruelty and arbitrariness of the aggressor and murderer and the helplessness of his victims a deformation, a distortion of the situation, of the site where the action takes place, of the action itself and the characters taking part in it are the most correct choice of the means of depiction and expression.

4. Impotent would be here the talents of the abstract expressionism like F. Kline or W. De Kooning, P. Soulages and many other representative of the schools of the art with no subjects – neodada. surrealism, of the pop-art coming into fashion, in other words when through the vanguard of the "new wave" the sculptural compositions were created as a set of some modules in an arbitrary geometry; when the "conceptual art" got development as an upper mark of the vanguard, in which "the work of art deals with the things whose relationships are outside the immediate experience of perception".

Apparently, one cannot expect the reflection of the events of the reality from the painters who are continuing the line of the isolation of the art from life, who are establishing the absurdity and the surrogate character of such an art, who are ruling out the subjective evaluation of the viewer and even isolating the viewer altogether from the subject of art.

An event in such an art can often be manifested to the viewer in the process of the creation of such a subject of art in which there is an idea of destruction and disappearance from the very beginning (Heppenings, an "self-destructive word").

The representatives of such artistic circles, naturally, remain outside those highly meaningful creative tasks which are described here.

5. The subject of serious creative work must become and is already beginning to become the exposure of those real persons, groups, clans, which put in motion the destructive forces of the world in political, ecological and cultural respects. The world artistic practice has a brilliant experience in this sense. Let us recall the famous etchings by F.Goya "Caprichos". And, indeed, is it necessary to have a Harvard background in order to not deeply think out a military operation in a country which is the treasury of world culture. What had been gathered by the many generations of people was destroyed and robbed within a few days (but, perhaps, together with economic and geopolitical interests there was interestedness in destroying and stealing the museum treasures in order that finally to complete the western museum and private collections in this way through a chain of marauders and second-hand dealers? Otherwise in a peaceful situation it would have been impossible to obtain them. After all the same happened to the Kabul museum. It is easy to imagine how tempting it would be to get the Cairo Collections!).

It is doubtless that many artists will respond to the events whose contemporaries we are, they will do it in deep and striking works adequate to what is happening to us and around us.

Потабенко С.И.
(Россия)

Художник и время

1. Насыщенный трагедийными событиями рубеж двух тысячелетий калечит и уносит бесчисленное число жизней, превращает города в груды развалин и пепелища, перемалывает в труху бесценные сокровища мировой культуры по крупицам собранные десятками поколений.

Такая обстановка не может оставаться незамеченной представителями искусства и культуры.

2. И раньше художники и скульпторы отражали в своих произведениях и сами события и их последствия («Герника» П. Пикассо, скульптура «Памяти жертв Роттердама» О. Цадкина, ряд скульптурных композиций на месте лагерей жертв фашизма. Такие памятники искусства возникали или сразу после событий или спустя какое-то время, как в работе 70-х годов Б. Хайсига, где показан кошмар массированных бомбардировок немецких городов накануне краха фашистской Германии, увиденный глазами немцев).

Позже тот же Пикассо откликнулся ярким полотном на Корейскую войну 1951 года, а индийский видный художник К. Хеббар сразу отреагировал на вьетнамские события, написав полотно о зверствах американских солдат в Сонгми (до этого ему были близ-

ки сугубо внутренние темы, среди которых и многочастный живописный рассказ о боге-пастухе Кришне); его соотечественник Д. Дераисвами создал ряд полотен о жестоких расправах пакистанской военщины над мирным населением Восточно-пакистанской провинции, ставшей позже республикой Бангладеш; американский художник А. Рефрежье посвятил драматическим событиям в Чили серию выразительных работ; ливанские художники рассказали в графических листах трагедию лагерей беженцев в Сабре и Шатиле. К теме Хиросимы многократно обращались не только японские художники.

3. Все перечисленные работы были выполнены в экспрессионистской манере или близкой ей. Такой метод наиболее близок изображению подобных тем и сюжетов. В силу жестокости и произвола палача-агрессора и обреченности его жертв такой метод является наиболее правильным выбором изобразительно-выразительных средств.

4. Здесь были бы бессильны таланты от абстрактного экспрессионизма типа Ф. Кляйна или В. Де Куннинга, Пьера Сулажа и многочисленных представителей школ бессюжетного искусства – неодада, сюрреализма, входившего в моду поп-арта, т.е. когда через авангард «новой волны» скульптурные композиции строились набором неких модулей в произвольной геометрии; когда развитие получало «концептуальное искусство» как верхняя планка авангарда, в котором «произведение искусства имеет дело с вещами, взаимоотношения которых находятся за пределами непосредственного опыта восприятия».

Очевидно, от художников, продолжающих линию на отрыв искусства от жизни, утверждающих абсурдность и суррогатность подобного искусства, исключающих субъективную оценку зрителя и даже изолирующая зрителя вообще от предмета искусства («несуществующее искусство»), нельзя ожидать отражения событийной действительности. Событие в таком искусстве часто может манифестироваться зрителю в процессе создания такого предмета действительности, в котором с самого начала заложена идея его разрушения и исчезновения (хэппенинги, «саморазрушающееся произведение»).

Естественно, представители таких художественных кругов остаются вне тех высокозначимых творческих задач, о которых идет здесь речь.

5. Предметом серьезной творческой работы должно стать и уже начинает становиться разоблачение тех реальных лиц, групп, кланов, которые приводят в действие разрушительные силы мира в политическом, экологическом, культурном отношении.

Мировая художественная практика имеет блестящий опыт в этом плане. Вспомним знаменитые офорты Ф. Гойи «Капричос». В самом деле, надо ли иметь за плечами Гарвард, чтобы не продумать глубоко военную операцию в стране, являющейся сокровищницей

мировой культуры. Собранное многими поколениями людей было в считанные дни разбито и разграблено (а может быть параллельно экономическим и геополитическим интересам имел место интерес разбить и растащить музейные сокровища, чтобы в конечном итоге через цепочку мародеров, перекупщиков-маршанов хоть таким способом пополнить западные музейные и частные коллекции? Иначе ведь в мирной обстановке их невозможно было бы заполучить. Ведь то же самое произошло с Кабульским музеем. Легко представить, как было бы заманчиво дотянуться до каирских коллекций!).

Вне всякого сомнения немало художников откликнется на события, современниками которых мы являемся – в произведениях глубоких и ярких, адекватных происходящему с нами и вокруг нас.

LEBEDINSKI Victor
(Russia)

Underwater Archaeological Finds of the Black Sea

The Sea played a very important role in the life of peoples inhabited the Black Sea coast in the ancient time. One of the reasons of emergence of Chersonesos Taurica as many other Greek polices of the seacoast of the Pontic Area was the development of navigation and marine trade promoted their subsequent development and prosperity. Inhabitants of the coastal settlements used sea resources and water ways during their hole history. Quite often the sea was an arena of the military battles which resulted in important political events.

All these historical processes can be retraced on the archaeological finds of the coastal waters of Chersonesos Taurica – modern Sebastopol.

Active human use of the sea compelled to open up and to fit up the regions of navigation and to build port and hydrotechnical constructions. Besides the navigation is provided with an inevitable human and technical loss of different reasons: natural disasters (natural factor), faults of steering the ships, hostilities (human factor). But the result was always the same - different objects which are for us now finds of material culture of ancient time fallen down to seabed.

Лебединский В.В.
(Россия)

Памятники подводной археологии Черного моря

Море играло значительную роль в жизни народов, населявших берега Черного моря. Одной из причин возникновения Херсонеса Таврического, как и многих других греческих городов на берегах Понта Эвксинского, было развитие навигации и морской торговли, которая способствовала их дальнейшему развитию и процветанию. Морские ресурсы и водные пути использовались жителями прибрежных городов на протяжении всей их истории. Нередко море было ареной военных баталий, результатом которых были важные политические события.

Все эти исторические процессы могут быть прослежены на памятниках археологии, находящихся в прибрежных водах Херсонеса Таврического – современного Севастополя.

Активное использование человеком моря заставляло осваивать и обустраивать районы плаваний и строить портовые и гидротехнические сооружения. Кроме того, мореплавание сопровождается неизбежными потерями людей и техники. Причины которых могли быть различными: стихийные бедствия (природный фактор), ошибки в управлении судами, военные действия (человеческий фактор), но результат всегда оставался одним и тем же – на дно моря попадали различные объекты, которые для нас сегодня являются памятниками материальной культуры прошедших эпох.

MART-OOL S.
Moscou

1. Femmes-chamans de la République de Touva et lq bqse de données bio-bibliographiques des chamans du Sud de Sibérie

Les femmes-chamans figurent trés souvent dans de descriptions ethnographiques de lq pratique des chamans. Les investigateurs mentionent régulièrement dans de telle descriptions leurs réputation parmi les indigènes comme les guerisseurs les plus effectifs et les protecteurs les plus puissants contre de mauvais vouloir des forces de mal. En dépit de l'existence d'un fond des renseignements trés nombreux sur les femmes-chamans accumulé pendent plus de 150 ans de l'étude scientifique dans le domain du chamanisme sibérien, les particularités des prqtiques et des facultés magiques ainsi comme spécialisation et personnification des posseseurs de ce don de chaman ne se trouvaient pas l'expression dans de travaux scientifiques.

L'extension du chamanisme féminin n'est pas un phénomène assew nouveau dans ce domain. Ce fait est devenu plus manifeste en attirant beaucoup plus d'attention tant qu'il apparait de tacher une caractere du sonci ,aternelle de ceux qui ont besoin de l'entervention des forces surnaturelles. Pourtant, l'évaluation scientifique de ce fait ainsi que la recherche de l'évolution duchamanisme dans de conditions nouvelles exigent la possibilité de séparer les phénomènes vraiment peu ordinaires des élèments du charlatanisme et de l'ignorance. Cet exigence devienne de plus en plus urgente et fait nécessaire l'étude profonde des personnification des chamans proprement-dits ainsi que des circonstances de l'aquisitions du don de chaman par eux.

Il faut ajouter que la succession génétique était une condition assurante la possibilité de toucher à la perfection l'art de chaman et son don d'excentricité. Unedo,ain de patrimoine du chamanisme et

d'activité des chamans se compléte par rassemblement et des représentants des clans des chamans. Les matérieux accumulés ainsi permettront d'entreprendre l'analyse systématique des personnalitées des chamans, c'est-à dire de créer la base de données bio-biblographiques. De telle maniére sera possible la possibilité de suivre les tendences de l'appariion de ces capacités extraordinaires chez les chamans et de définir des regularités et des pertiqularités dans ce que cocerne les fqcteurs génétiques, géo-climatiques, géologiques et d'autre motifs naturels ou artificiels.

Nous proposons ici la modèle de structure suivante qui contient quatre champs d'information : Champ biographique, Champ fonctionel, Champ de sources et documents, Champ analytique. Cette dernière partie représent des résultats de correlation des renseignements contenus dans des champs d'information précédents. Ça permet d'accomplir une analyse complexe des particularités de l'apparition, du développement et de l'efficacité du don de chaman en dépendance d'un nombre considerable de facteurs naturels ou spirituels. Il est possible aussi maitre en évidence un milieu de représentants des écoles de la culture du chamanisme trés nettement déterminé qui sont unis non seulement selon un principe régional mais aussi par la méthode commune, les conditions communes et la pratique commune. Outre cela, grace à une révélation des liens interrégionals trés éloignés entre les représentants de la culture du chamanisme de régions et nations diverses.

La base de donnée susmentionné pourrai etre réalisé dans un format hypertextuel et installé dans le serveur Orientaliste Euroasiatique en subdivision des ressources crées en résultat des investigations de laboratoire et sur-le-champ. A présent nous qvons prépqré une bqse de données englobante tout les renseignement sur 57 chamans réputé du Sud de Sibérie en partant de la fin de XIX siècle, jusqu'à présent.

Март-оол, С.А.
(Москва)

1. Женщины-шаманки Тувы и
био-библиографическая база данных
южно-сибирских шаманов

В этнографических описаниях шаманской практики и собственно шаманов довольно часто фигурируют женщины-шаманки. Причем, как правило, в этих описаниях исследователями отмечается их известность среди местного населения как более эффективных целителей и защитников от воздействия злых сил. Несмотря на достаточно большой фонд сведений о женщинах-шаманках, накопленный за более чем 150-летний период исследований сибирского шаманизма, особенности практики и магических возможностей, специализация и персоналии обладательниц шаманского дара в работах специально не рассматривались.

Распространение женского шаманизма не может считаться совершенно новым явлением в этой области. Он стало более заметным и привлекает большее внимание, поскольку носит материнский оттенок заботы о страдающем человеке, нуждающемся в помощи сверхъестественных сил. Однако для научного осмысления этого фактора, также как и для исследования развития шаманизма в современных условиях, когда особенно важно отделить элементы шарлатанства и невежества от действительно незаурядных явлений, становится необходимым изучение персоналий самих шаманов и обстоятельств получения ими своего дара.

Следует отметить, что именно генетическая преемственность обусловила во многих случаях совершенствование их экстрасенсорности и шаманского мастерства. Исследование шаманского культурного наследия и деятельности шаманов может быть значительно дополнено и более широко раскрыто если собрать и проанализировать персоналии и биографические сведения о шаманах и представителях шаманских родов. Накопленный материал позволяет обратиться и к системно-аналитическому исследованию персоналий. То есть, создать биобиблиографическую базу данных, благодаря которой было бы возможно последить и выявить закономерности и особенности возникновения этих удивительных способностей и проследить влияние на это явление генетических, гео-климатических, геологических и других природных и искусственных факторов.

Нами предлагается следующая модель, состоящая из четырех информационных полей: Биографического поля, Функционального поля, Источниковедческого поля, Аналитического поля. Последний раздел представляет результаты корреляции сведений, содержащихся в предыдущих информационных полях, что позволяет выполнить комплексный анализ особенностей возникновения, развития и эффективности шаманского дара в его зависимости от различных факторов естественного и духовного происхождения. Возможно, также выявить круг представителей определенных школ шаманской культуры, объединенных не только регионально, но и общей методикой, условиями и практикой. Кроме этого, благодаря подобной базе данных создается фонд информации для выявления межрегиональных и дальних связей между представителями шаманской духовной культуры разных этносов.

База данных может быть выполнена в гипертекстовом формате и размещена на Евроазиатском востоковедческом сервере в разделе ресурсов, созданных в результате полевых и лабораторных исследований. В настоящее время подготовлена база данных, объединившая имеющиеся сведения по 57 известным шаманам Южной Сибири, начиная с конца XIX в. и до настоящего времени.

2. Ребенок в бытовой обрядности Саяно-Алтайских тюрков

Традиционное мировоззрение тувинцев, как и других тюркоязычных народов Саяно-Алтая, рассматривает жизненный цикл человека в неразрывной связи с явлениями природы. Причем эта связь существует не только от рождения до смерти, но охватывает также внутриутробный и загробный, потусторонний периоды. При относительном единообразии космогонических представлений и мироощущения у кочевников Южной Сибири, избежавшие христианизации тувинцы обладают наиболее ярко выраженной синкретичностью мировоззрения, что объясняется теснейшим переплетением в их повседневной жизни тенгристских шаманистических реликтов и ламаистской идеологии. Момент рождения ребенка и период детства считался определяющим дальнейшую судьбу человека. Именно в этот период он наиболее уязвим для действия злых сил, но одновременно и приобретает могущественных защитников, помощников и покровителей. Большинство поведенческих правил, обрядов, норм и запретов в этот период связан с традиционным народным естествознанием и с введением ребенка в мир окружающей его природы. Собственно этот процесс начинается еще в период внутриутробного пребывания ребенка, поскольку считается что он уже тогда начинает взаимодействовать с внешним миром и попадает под его влияние. Формированию качеств и способностей будущего ребенка должны способствовать природные аналогии и поэтому будущая мать должна соблюдать дополнительные правила поведения.

Функционально этот воспитательный комплекс имеет отчетливо выраженные «дисциплины». Среди них можно выделить следующие:

– идеологический аспект (введение нового человека в мир божеств, добрых и злых сил; развитие через соблюдение бытовой обрядности и примет навыков, позволяющих уберечь себя от бедствий);

– хозяйственный аспект (знакомство, начиная с трехлетнего возраста, и непременное участие в хозяйственной деятельности семьи, формирование навыков будущего скотовода-кочевника);

родовой, клановый аспект (ознакомление с правилами взаимоотношений с членами семьи и дальними родственниками, соплеменниками, традиционными противниками, осознание ценности и значения благополучия своего рода);

– персональный аспект (обучение правилам традиционной личной гигиены, правилам питания, способам лечения).

Методика обучения ребенка взаимодействию с окружающей природой основывается, главным образом, на практическом опыте, осуществляемом под руководством родителей или старшего родственника, играх, в которых отражен окружающий кочевника мир, фольклорно-эпическом наследии своего народа и преданиях собственного рода. В целом этот воспитательный комплекс может быть охарактеризован как эко-этно-педагогика номадов.

VASILEV Dmitry D.
(Moscow)

1. Les Caravan-Serail's de la Crimee, du Caucase, de l'Asie Centrale et de la Turquie sur les Vieilles Photos des Archives de l'Academie de Scaiences de Russie

Dans les archives de photos de l'Academie de Sciences de Russie se trouvent les materiaux des expeditions scientifiques du fin de dernier sciecle et du debut de notre sciucle. Le but de cettes expeditions etait alors l'observation des monuments historiques de l'architecture et des objets de la culture matérielle appartenents a l'anciennete et aux moyen age. Les fonds personels des orientalists connus V.V. Barthold, V.A. Joukovski, N.J. Marr. I.Y. Kratchkovski, A.Y. Yakubovski et des autres contiennent les photos vieilles des objets architecturals, beaucoup de quels sont gardes jusqu' a nos jours comme les ruines ou ne sont gardes pas. Entre ces materiaux il y a beaucoup de photos de caravane-serail's et de batiments auxiliaires, qui sont photografies il y a presque cent ans a la Crimee, dans les region differentes du Caucase, de l'Asie Centrale et de Siberie d'Ouest sur les branches periferiques de Grand Routes de Soie . Les photos des caravan-serail's a la Turquie, photogrqfies par les orientalists russes a la limite de duex siecles, envoquent l'interesse particuliere.

Ces fonds sont mal etudies, cependant leurs materiaux donnent la possibilite unique pour voire des monuments anciens, qui sont maintenant en ruines, avec leure vue primordiale.

La direction et l'intensité des liens commercials et culturels ont trouvées l'expression dans des soueces histoiuques et des materiaux archeologiques. Les objets de l'importationde provenance de Bulgar sur la Volga et de l'Horde d'Or ont été rétrouvés en Sibérie, en Caucasie, en Asie Centrale, en Turkestan Oriental, en Iran, en Asie Mineure et en d'autres régions.Un grands nombre des travaux scientifiques sont consacrés aux questions de l'investigations des chemins de commerce, con, duisants des pays nommés dessus vers le bassin de la Volga et d'analyse des objets de l'importation au corps des materiaux archeologiques. Des renseignements des sources écrites sur le commerce des populations du bassin de la Volga aux commencements du Moyen-Age ont été analysés par N.M. Karamzine, V.G. Tisenhausen, P.P. Melgunov, V.V. Barthold, M.I. Artamonov, B.D. Grekov, A.Y. Yakubovsky, B.N. Zahoder, B.A. Rybakov et d'autres.

Les caravan-sérail's attiraient toujour l'attention des orientalists russes. Entre les matériaux des nombruex expéditions et missions militaires dans les archives de l'Académie de Sciences de Russie les photos des monuments d'architucture musulmane et les planes et croquies de ces batiments. Les itineraires de quelque expeditions passaient par les anciennes routes de caravans, et les voyageurs fixaient les caravan-serail's bien gardes, comme les ruines. Dans les raports scientifiques, outre de photos on peut trouver aussie les mesurages des batiments anciens et les tetatives de leurs reconsructons grafiques.

Васильев Д.Д.
(Москва)

1. Караван-сараи Крыма, Кавказа и Средней Азии на старых фотографиях из архивов Российской Академии наук

В фотоархивах Российской Академии наук хранятся материалы научных экспедиций конца прошлого – начала нынешнего веков. Целью этих экспедиций уже тогда было обследование исторических памятников архитектуры и объектов материальной культуры цивилизаций древности и средневековья. Личные фонды известных востоковедов В.В. Бартольда, В.А. Жуковского Н.Я. Марра, И.Ю. Крачковского, А.Ю. Якубовского и других содержат старые фотографии памятников архитектуры, многие из которых до настоящего времени сохранились лишь в руинах или почти полностью утрачены. Среди этих материалов есть немало фотографий караван сараев и связанных с ними построек, заснятых почти сто лет назад в Крыму, различных районах Кавказа и Средней Азии и Западной Сибири на периферийных ответвлениях Великого Шелкового пути. Особый интерес представляют фотографии древних караван-сараев на территории Турции, сделанные русскими учеными на рубеже X1X и XX веков.

Фонды эти мало изучены, а материалы их, между тем, представляют уникальную возможность для реставрации и восстановления разрушенных памятников в первоначальном виде.

Караван-сараи постоянно привлекали внимание российских исследователей-востоковедов. Среди материалов многочисленных научных экспедиций и военных миссий в архивах Российской Академии наук значительные фонды составляют фотоснимки памятников мусульманской архитектуры, а также планы и чертежи этих построек. Маршруты некоторых исследовательских экспедиций проходили по древним караванным путям, и путешественниками фиксировались как сохранившиеся караван-сараи, так и их развалины. В научных отчетах, кроме фотографий, можно найти также обмеры древних построек и попытки их графических реконструкций.

В докладе предлагаются некоторые фотографии, в большинстве из фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук, охватывающие период от 1858 г. до 20-х гг. нашего столетия, на которых запечатлены обследованные российскими учеными караван-сараи различных регионов.

2. Евроазиатский ареальный аспект письменной культуры тюркских кочевников

Многочисленные находки наскальных надписей в Южной Сибири, Средней Азии и Восточной Европе привлекли внимание исследователей письменной культуры древних тюрков к проблеме соотнесения хорошо изученных памятников древнетюркской (рунической) письменности орхоно-енисейского типа с так называе-

мыми "руноподобными" (термин В. Томсена) надписями. Проблема становится настолько актуальной, что даже отодвигает на второй план дискуссии о происхождении тюркского рунического письма. Это объясняется тем, что накапливается значительный новый материал явно предшествующий (по крайней мере - в Южной Сибири и Средней Азии) прочитанным и этно-исторически атрибутированным руническим текстам. Тем самым, могут быть внесены серьезные коррективы в прежние исследования по генезису, палеографии и датировке даже хорошо изученных вариантов тюркского рунического письма. Осложняет проблему то обстоятельство, что руноподобные надписи всего евроазиатского ареала их распространения почти во всех случаях не имеют достаточно убедительного прочтения, а дешифровка их письменной системы находится лишь на самой начальной стадии.

Архаические, но несомненно оригинальные, («руноподобные») тюрк-ские системы письма в Ц. Азии реформируются в период государственного созидания Второго тюркского каганата. Этот процесс учитывает согдийскую письменно-графическую систему и традицию, которые были широко известны и использовались ранее в восточной части государства тюрков. Результатом этого процесса, претворявшегося в жизнь под контролем верховной власти, является создание более унифицированной (но все же отражающей в графике и орфографии диалекты) орхоно-енисейский, семиреченской (на более позднем этапе – и восточно-туркестанской) руники. На западе, в европейской части тюркоязычного ареала процесс функционирования руноподобной архаики протекает иначе. Архаическая письменная система распространяется тюркскими племенами теле в западной части ареала до Поволжья, Сев. Кавказа, где существует в виде нескольких, в разной степени усовершенствованных вариантов. Также с усилением государственности, но уже хазаро-болгарской, архаическая графическая основа получает новое развитие, которое у различных тюркских племен по-разному отражает традиции родовой символики и распространение грамотности, локальные историко-культурные особенности и иноязычное знаковое воздействие. Однако общегосударственной задачи реформировать и унифицировать в имперских масштабах принесенную издалека письменную традицию по различным причинам не возникло, и руноподобная архаика представляла собой здесь «угасающую» письменную систему. Разноплеменные ее реликты накапливали все большее число графических отличий.

Все это способствовало возникновению в западной части ареала различных графических модификаций. Но и вариант центральноазиатских руноподобных знаков с орхоно-енисейским фонетическим значением мог быть также использован либо отдельной этнической группой, в достаточно короткие сроки мигрировавшую на запад, либо отдельным «бродячим грамотеем» (термин С.Е. Малова), знакомым с наддиалектной, унифицированной во

Втором тюркском каганате письменностью, (подобно пометке на хазарском документе из Каирской генизы, Сарвашской и Калочской надписям из Венгрии).

SADOKOV N.V.
(Moscow)

The development of Philippine literature in 19-20 centuries.

By the end of 19th century in the Philippines a social and political situation became extremely complicated. It was 1892 when Katipunan, a popular revolutionary organization, was created. Its head was A. Bonifacio. In August 1896 the uprising leaded by Katipunan had begun and was followed by the Philippine Revolution (1896-1898). The result of these events was the end of Spanish colonialism that had been continuing for 300 years. The Philippines were proclaimed a republic. However, the period of liberty was too short. Since 1898 the Philippines had to fight against the American occupation. The struggle lasted more than three years but finally the Philippines after having got independence from Spain found themselves under the American power.

It is clear that the development of literature in the Philippines at that time was also complicated and contradictory. It should be stressed that there were four considerable movements influenced reciprocally and conflicted at the same time.

Literature in local languages occupied a significant place in the forming of national consciousness. This literature was close to the ideas of common people and reflected their aspirations but the colonial authorities rejected it.

Besides, there was Tagalog literature, which had all the potential opportunities to become a uniting factor for the national literature. But at that moment these opportunities could not be fulfilled.

The literature written in Spanish went on flourishing. In spite of the fact that the most famous Philippine poets and writers created in Spanish, till the American occupation this literature was considered as "alien". Nevertheless, when it faced with the danger of American cultural invasion the literature written in Spanish was perceived like the part of their own culture.

As for the literature written in English concerned it soon began to play an important role influencing on the Philippine consciousness and bringing new literary approaches.

It should be noted that the edge of 19-20 centuries in the Philippines was a key period for the establishing of new literary forms. Drama never having played such a significant role in the development of the Philippine literature started to dominate; short stories appeared; poetry was touched by new tendencies; novels reached a higher level.

Садоков Н.В.
(Москва)

Некоторые особенности развития филиппинской литературы XIX-XX веков

К концу XIX в. на Филиппинах сложилась чрезвычайная сложная политическая и социальная ситуация. Еще в 1892 г. был создан Катипунан – народная революционная организация во главе с Андресом Бонифацио. В августе 1896 г. под руководством Катипунана в стране началось восстание, а затем и Филиппинская революция (1896-1898), в результате которой закончилось трехсотлетнее испанское владычество. Филиппины были объявлены республикой. Но свобода ненадолго пришла на Филиппины. С 1898 г. филиппинцам пришлось вести ожесточенную борьбу против американской оккупации. Эта борьба длилась более трех лет, однако, освобожденные от испанского господства Филиппины оказались во власти американских колонизаторов.

Вполне естественно, что литературная ситуация на Филиппинах на рубеже XIX-XX в. также была сложной и противоречивой. Достаточно сказать, что в литературной жизни страны активно действовали четыре значительных направления, вступавшие друг с другом не только во взаимодействия, но и в разного рода противоречия.

Так, важное место занимали литературы на местных языках, игравшие значительную роль в формировании национального самосознания и являвшиеся на определенном этапе наиболее близкими чаяниям простых людей, но, в то же время, отвергаемые и не принимаемые в расчет колониальными властями.

Кроме того, существовала литература на тагальском языке, имевшая все потенциальные возможности стать объединяющим фактором в процессе формирования национальной литературы, но на этом этапе не находившая реальной возможности для реализации этого.

На рубеже XIX-XX в. все еще продолжала процветать испаноязычная литература, которая до прихода американцев считалась "чуждой" (хотя по-испански уже писали самые известные филиппинские поэты и писатели), но которая стала восприниматься как "своя" перед лицом опасности внедрения нового "культурного слоя", т.е. американской культуры, литературы и английского языка.

И, наконец, быстро и уверенно начала занимать свои позиции англоязычная литература, принося на Филиппины новую ментальность и новые литературные взгляды.

Надо также отметить, что рубеж XIX-XX в. оказался важным для утверждения новых жанров в филиппинской литературе. Так, на первый план выдвигается драма, никогда ранее не игравшая столь заметной роли в развитии филиппинской литературы; зарождается короткий рассказ; наблюдаются новые тенденции в эволюции филиппинской поэзии; на новый уровень поднимается романистика.

GASRATYAN A.V.
(Moscow)

The state of the foreign trade sphere in Lebanon

For the last few years Lebanon has retained a tendency towards closer integration in the world economic community. At the same time Lebanon's share in world trade remains insignificant, although foreign trade plays an important role in the country's economy. Traditionally the major imports are mineral products, electrical equipment, means of transport, metals and food products. Most imported goods come from Western European countries, but the USA, Japan and neighbouring Arab states are also important suppliers of goods to Lebanon. Key exports are paper and paper goods, textiles, fruit and vegetables, as well as jewellery. More than 60% of exports go to the oil-producing states of the Persian Gulf, in particular Saudi Arabia.

As a whole, for the last few years the foreign trade sphere has remained one of the most predictable when compared to other sectors of the Lebanese economy. However, since 1997 there has been a slight decrease in Lebanon's foreign trade activity. In the period from 1999 to 2000 the value of imports was reduced by 15.9%, while exports rose by 0.7%. The insignificant rise in exports prevented Lebanon from reducing its considerable trade deficit. In 2000 the share of imports in GDP comprised 38.1%, while the share of exports equalled just 4.4%. The deficit in the trade balance in 1997, 1998 and 1999 totalled 6.8 billion dollars, 6.3 billion dollars and 5.5 billion dollars respectively. In the period from 2000 to 2002 the index was 5.4 billion dollars in 2000, 5.4 billion in 2001 and 5.4 billion in 2002, showing consistent development.

According to figures for 2002, Saudi Arabia numbers among Lebanon's primary export partners. Total exports to Saudi Arabia in 2002 equalled 10.8%. Next in importance came the United Arab Emirates (10.49%), France (5.15%), Switzerland (7.14%) and the USA (6.5%). The share of combined exports to European Union countries numbered 27%, while those to Arab countries equalled 46%.

Regarding imports, for the last decade Italy (indexing 10.92%) has taken first place in the list of Lebanon's major partners. France (8.45%), Germany (8.34%) and the USA (7.34%) also numbered among the main countries producing imports. European Union countries provided 51% of the total Lebanese imports, while the figure for Arab countries was a mere 12%.

From the beginning of this century, despite a moderate revival in internal demand, a high level of orientation has been preserved in several industries on the internal market. The state intends to stimulate exports in order to weight the budget, if only partially, and pay for imports at the expense of exports, at least in certain areas. Consequently, from 1999 to 2000 a resolution was taken to regulate the activity of Lebanese monopolies (mainly in the tobacco industry) and so increase efficiency in exporting their products. But this measure proved insufficient to raise the competitiveness of Lebanese goods on external markets and thereby compensate for the primarily unfavourable state of the world market.

In recent years Lebanon's trade turnover has been marked not only by the low competitiveness of Lebanese goods on the external market, but also by tendencies on external markets where Lebanon's presence is minimal. In particular, competition on world trade markets may be one of the most important factors that explain the unfolding situation in the country's foreign trade. For instance, in the period from 1999 to 2000 a change in the parameters of Lebanese foreign trade turnover coincided with the recessive tendency registered in world trade as a whole. Moreover, the rate of Lebanon's trade turnover is primarily determined by external factors, although it has remained at an average level in the development of world trade.

Гасратян А.В.
(Москва)

Состояние внешнеторговой сферы Ливана

На протяжении последних лет Ливан сохраняет курс на более тесную интеграцию в мировое экономическое сообщество. Вместе с тем доля Ливана в мировой торговле остается незначительной, однако для экономики страны внешняя торговля играет важную роль. Традиционно основными статьями ввоза являются минеральные продукты, электрооборудование, транспортные средства, металлы и продукты питания. Основная часть импорта приходится на западноевропейские страны; крупными поставщиками товаров в Ливан также являются США, Япония и соседние арабские государства. Ключевые статьи экспорта - бумага и бумажные изделия, текстиль, фрукты и овощи, а также ювелирные изделия. Более 60% экспорта направляется в нефтедобывающие государства Персидского залива, главным образом в Саудовскую Аравию.

В целом на протяжении последних лет внешнеэкономическая сфера оставалась одной из наиболее предсказуемых по сравнению с другими секторами ливанской экономики. Однако с 1997 г. внешнеторговая активность Ливана начала несколько снижаться. В период с 1999 г. по 2000 г. стоимость импорта уменьшилась на 15,9%, в то время как экспорт повысился на 0,7%. Незначительное увеличение экспорта не дало Ливану возможности сократить существенный торговый дефицит. В 2000 г. доля импорта в ВВП составляла 38,1%, тогда как доля экспорта равнялась лишь 4,4%. Дефицит торгового баланса в 1997, 1998 и 1999 гг. составлял соответственно 6,8 млрд. долл., 6,3 млрд. долл. и 5,5 млрд. долл. В период с 2000 г. по 2002 г. этот показатель был следующим: 2000 г. – 5,4 млрд. долл., 2001 г. – 5,4 млрд. долл., 2002 г. – 5,4 млрд. долл., т. е. имел постоянную динамику.

По итогам 2002 г. Саудовская Аравия числится в списке главных экспортных партнеров Ливана. Совокупный экспорт в эту страну за 2002 г. равнялся 10,8%. Далее следовали: ОАЭ (10,49%),

Франция (5,15%), Швейцария (7,14%) и США (6,5%). Доля совокупного экспорта в страны ЕС составляла 27%, тогда как этот показатель в арабские страны равнялся 46%.

Что касается импорта, то с начала десятилетия, Италия (с показателем 10,92%) занимает первое место в списке главных партнеров Ливана. Среди основных стран, из которых осуществлялся ввоз, были также Франция (8,45%), Германия (8,34%) и США (7,34%). Страны ЕС обеспечивали 51% совокупного ливанского импорта, тогда как арабские страны только 12%.

С начала века, несмотря на некоторое оживление внутреннего спроса, сохранился высокий уровень ориентации ряда отраслей на внешний рынок. Государство имеет намерение стимулировать экспорт, чтобы обеспечить, хотя бы частично, нагрузку на бюджет и за счет экспорта оплачивать импорт, по крайне мере, какие-то его позиции. В связи с этим в 1999-2000 гг. было принято решение о регулировании деятельности ливанских монополий (в основном в табачной индустрии), чтобы обеспечить более высокую эффективность экспорта их продукции. Но этой меры оказалось недостаточно, чтобы повысить конкурентоспособность товаров ливанского происхождения на внешних рынках и тем самым компенсировать сложившуюся преимущественно неблагоприятную мировую конъюнктуру.

В последние годы торговый оборот Ливана определяется не только низкой конкурентоспособностью ливанских товаров на внешнем рынке, но и тенденцией на внешних рынках, где присутствие Ливана невелико. В частности, одним из важнейших факторов, позволяющих объяснить причины складывающейся ситуации во внешней торговле страны, может служить конъюнктура мировых товарных рынков. Например, в период 1999-2000 гг. изменение параметров ливанского внешнеторгового оборота практически совпадало с тенденцией спада, которая была зафиксирована в мировой торговле в целом. Вместе с тем темпы торгового оборота Ливана во многом определяются внешними факторами, хотя и остаются на уровне средних темпов развития мировой торговли.

SHAPOVALOVA Svetlana
(Moscow)

"The Laws of Melaka"
("Undang-undang Melaka",XY – XVII)
in context of Malay historical sources research

The study of Malay legal digests, such as "The Laws of Melaka" ("Undang-undang Melaka",XY – XVII) and "The Maritime Laws" (Undang-undang Laut, XVI-XVII вв.) is still in its infancy, as these codes are full of information on legal base of Malay society in XV – XVI century.

"The Laws of Melaka" (Undang-undang Melaka) is a unique source on Malay Muslim law. This code was presented in Melaka in XV – XVI century and then was several times adapted in Kedah, Pahang, Riau, Pontiak and Brunei. This code was established, probably, while ruling of Sultan Muhammad Shah (1424-44) and was finished while "golden time" of Melaka Sultanate, while ruling of Sultan Muzaffar Shah (1445-58).

Actually this code is complex text of land laws (undang-undang darat) and maritime laws (undang-undang laut). In fact, there are no less than forty-four manuscripts of "Undang-undang Melaka", not including two manuscripts of fragmentary nature and one manuscript in Jakarta, Von de Wall 55. Of course, not all manuscripts are of the same value, some are just copies of each other. But the great number of manuscripts alone testifies to the importance of the text.

As early as 1736 Werndly already mentioned in his grammar an Undang-undang Melaka digest under the title of Hhukum Khanun. The serious study of the code, however, began with Sir Stamford Raffles, English gubernator of Singapure, who published in 1818 "On the Malayu Nation with a Translation of its Maritime Institutions". In 1820 John Crawfurd translated several parts from the digest. In 1839 T.J. Newbold published his two volume work "Political and Statistical account of The British Settlement in the Straits of Malacca", where put a translation of the Undang-undang Melaka. In 1855 г. Another translation of the Undang-undang Melaka came out - "A translation of the Malayan Laws of principality of Johor".

Regarding text edition, the maritime law has received special attention. As early as 1845 J.M.Pardessus's voluminous work, "Collection de lois maritimes anterieures au XVIIIe siecle", included a text adited and translated into French by E.Dulaurier. In 1956 г. A new edition, based on 13 manuscripts, accompanied by an out-line translation, was published by R.O.Winstedt and P.E.Josselin de Jong.

So far, the text of the land law, the Undang-undang Melaka has been published once by Ph.S. van Ronkel under the title - "Risalat Hoekoem Kanoen jaitoe Oendang-Oendang Melaka", Leiden 1919. John E.Kempe and R.O.Winstedt also contributed to the study of Undang-undang Melaka in 1948 when they published a law digest from Pahang - "A Malay Legal Digest compiled for Abd al-Ghafur Muhaiyu'd-din Shah, Sulatan of Pahang 1592-1614 A.D".

Liaw Yock Fang published the Undang-undang Melaka in 1976 г.. This edition, from our point of view is the most fundamental. Based on the content of manuscripts, Liaw Yock Fang divided them into three versions (short, long and prolonged) and divided all manuscripts into seven groups: Undang-undang Melaka proper, the Achehnese group, the Patani group, the "prolong" group, the Muslim and Johor group, the "short" group, and the fragmentary ones.

But he didn't include into this edition a maritime part of code. He tried to get all existing manuscripts, classify them and tried to ana-

lyze. But unfortunately his classification is difficult for perception and criterions for it are not enough reasonable.

Unfortunately all previous studies are not perfect – usually the editors chose one or two manuscripts for publishing without any historical context and texstological analyses. Almost ignored a question of a complex character of this code, a question on synthesis of Muslim laws and Indo-Buddhist traditions. In Russian oriental studies the Undang-undang Melaka was out of research at all. But this code keeps a lot of historical, economical, social and cultural information. It is interesting to follow the realization of Malay law conception on the material of this source.

Шаповалова С.В.
(Москва)

"Малаккский Кодекс"
(Undang-undang Melaka, XY – XVII вв.)
в контексте исследований
малайских исторических источников.

Изучение средневековых малайских юридических кодексов, в частности, "Малаккского Кодекса" (Undang-undang Melaka, XV в.) и «Унданг-унданг Лаут» (Undang-undang Laut, XVI-XVII вв.) особенно актуально, так как эти два юридических кодекса содержат богатый материал, касающийся различных элементов правовой структуры малайской общества XV–XVI вв.

"Малаккский Кодекс" является памятником малайского мусульманского права. Точное время создания "Малаккского Кодекса" не известно. Этот кодекс, возможно, был создан при султане Мухаммаде Шахе (1424-44) и был окончательно закончен в период расцвета Малаккского султаната при султане Музаффар Шахе (1445-58). Позднее этот кодекс несколько раз адаптировался в Кедахе, Паханге, Риау, Понтиаке и признавался авторитетным в гражданском судопроизводстве в Брунее.

Кодекс имеет комплексный характер и повествует о сухопутных законах (undang-undang darat) и морских законах (undang-undang laut). В настоящее время известно не менее чем 44 списка кодекса, не считая двух списков фрагментарного характера и одного списка в Джакарте, Von de Wall 55. Конечно, не все они обладают одинаковой ценностью, подавляющее большинство списков – копии с копий. Большее количество списков сами по себе свидетельствуют о важности текста.

Впервые "Малаккский Кодекс" был упомянут в европейском востоковедении в 1736 г. ученым Верндли (Werndly). Серьезные исследования малайского юридического кодекса, начались, однако, с Сэра Стамфорда Раффлза (Sir Stamford Raffles), английского губернатора Сингапура, который опубликовал в 1818 работу под названием "On the Malayu Nation with a Translation of its Maritime Institutions". В 1820 г. Джон Крофард (John Crawfurd) для иллюстрации

малайского гражданского и уголовного права он перевел много отрывков из "Малаккского Кодекса". В 1839 году Т.Дж.Ньюболд (T.J. Newbold) опубликовал свой двухтомный труд "Political and Statistical account of The British Settlement in the Straits of Malacca", где был дан перевод "Малаккского Кодекса". В 1855 г. появился другой перевод кодекса под названием "A translation of the Malayan Laws of principality of Johor".

Что касается текстовых изданий, морское право получило особое внимание. Еще в 1845 г. многотомный труд Дж.М. Пардессю (J.M. Pardessus), "Collection de lois maritimes anterieures au XVIIIe siecle", включил в себя текст, отредактированный и переведенный на французский. В 1956 г. было опубликовано новое издание Р.О. Винстедта (R.O. Winstedt) и П.Е. Йосселин де Йонга (P.E. Josselin de Jong), основанное на 13 списках и сопровождаемое подстрочным переводом.

Текст сухопутного "Малаккского Кодекса" был опубликован только однажды Ван Ронкелем (Ph.S. van Ronkel) под названием "Risalat Hoekoem Kanoen jaitoe Oendang-Oendang Melaka" в 1919 г.. В 1948 г. Джон Е. Кемпе и Р.О. Винстедт также внесли свой вклад в изучение "Малаккского Кодекса", опубликовав кодекс из Паханга под названием "Малайский Кодекс", собранный для Абд аль-Гафура Мухайюддина Шаха, Султана Паханга 1592-1614 A.D"/ "A Malay Legal Digest compiled for Abd al-Ghafur Muhaiyu'd-din Shah, Sulatan of Pahang 1592-1614 A.D".

Исследователь Лиеу Йок Фанг издал "Малайский Кодекс" в 1976 г. Это издание, на наш взгляд, стало наиболее фундаментальным. Малаист Лиеу Йок Фанг выделяет три версии "Малаккского кодекса" (краткую, длинную и расширенную) и делит все списки на семь групп: Малаккский кодекс (базовый текст), группа списков из Аче, группа списков из Патани, «расширенная версия», группы списков мусульманского и джохорского права, группа списков «краткой версии», и фрагментарные манускрипты. Ученый отобрал лучший, по его мнению, список из самой репрезентативной группы для подготовки критического издания, но морская часть кодекса не была включена в это издание. Он попытался собрать все возможные списки, классифицировал и проанализировал их содержание. Вышеупомянутая классификация стала шагом вперед в исследовании малайских юридических кодексов. Однако, предложенная классификация сложна для восприятия, к тому же, она недостаточно обоснована, так как выбор критериев для классификации до конца не продуман.

Всем исследованиям малайских кодексов присущ общий недостаток – издатели ограничивались изданием текста памятника на основе одного или нескольких избранных списков с небольшими текстологическими комментариями, между тем, исторический контекст и анализ этих памятников как исторических отсутствует. Практически проигнорирован вопрос о комплексном характере

памятника, о составных частях малайского правового уложения, о синтезе в малайском каноне элементов мусульманского права и элементов индо-буддийских традиций.

В отечественном востоковедении кодекс вообще не был предметом исследований. Остается сожалеть, что памятник не попал в сферу интересов отечественных ученых и специалистов по истории региона, так как памятник содержит большое количество исторических, торгово-экономических, правовых, социальных и культурных реалий. На материале памятника четко и подробно прослеживается содержание и реализация малайской концепции права, в которой переплетаются нормы обычного (адата) и шариатского права. Это тем более актуально, если учесть, что малайские государственные и правовые институты в основном формировалась в XIV–XVI веках.

NECHITAYLO D.A.
(Moscow)

Strategy and Tactics
of Islamic Political Movements.

Author analyses the ideology and activity of several islamic radical organizations in different islamic countries and immediately in Russia (North Caucasus).

Islamists differ in methods and strategy of achieving their objects. Moderates try to refute all that the West sees in Islam as radicalism and incompatibility with modern open democratic politics. They have the opportunity to show that politics based on confession is not the only way. Not only can modernity and open politics exist in a Muslim-majority society, but it can be nurtured so that democracy can flourish well in Islam. Consider that muslims prefer to concentrate on the task of ensuring economic growth and eradication poverty instead of elaborately defining the nature and institutions of the ideal islamic state.

On the contrary the radicals believe that jihad is an islamic imperative (farida) until judgment day, to abide by the Book (the Quran), Sunna (the tradition of the Prophet) and salafiya tradition, no dialogue, no cease-fire, no reconciliation, and no security and guarantee (dhimma) with the apostate regime.

Islamic radical groups use two main methods of activity: propaganda and armed struggle (jihad).

Nevertheless both moderate and radicals share their general idea about world supremacy of Islamic law (sharia).

The research is observing development of methods used by islamic organizations not only on the Russian territory but also in different islamic countries ..

Special attention was paid to the methods of psychological influence over the adherents of the islamic political movements. The researcher studies how preaching methodology is perceived in modern

life The researcher studies the specific character of islamist's activity on the territory of different islamic countries and in the North Caucasus region: mosques as the centres of Islamist propaganda (islamists try to place under the influence first of all to the mosques at the outskirts, and to appoint their own imams and sermons are tuned in radical manner); using the national conflicts; the creation of independent territories, which reject temporal power, secular education and follow only islamic norms (the main goal is to disseminate Islamic law to the neighbouring regions).

Нечитайло Д.А.
(Москва)

Стратегия и тактика
исламских политических движений.

Автор анализирует идеологию и деятельность некоторых радикальных исламских организаций в разных исламских странах и непосредственно в России (Северный Кавказ).

Исламисты расходятся в методах и стратегии достижения своих целей. Умеренные стремятся опровергнуть точку зрения, что ислам несовместим с принципами открытого демократического общества, и все то, что Запад рассматривает в исламе как радикализм. По их мнению, политика может строиться не только на конфессиональной основе. Умеренные полагают, что принципы демократии можно вдохнуть в исламское общество, что современные мусульмане предпочитают больше внимания обращать на обеспечение экономического роста, искоренение бедности, а не на защиту идеалов подлинно исламского государства.

Напротив, радикалы верят, что джихад до Судного дня – это исламский императив (фарида), руководствуются только Сунной (традицией Пророка) и Кораном. Исламисты-радикалы отвергают всяческий диалог и примирение с предательскими режимами Исламские радикальные группировки для достижения своих целей используют пропаганду и вооруженную борьбу (джихад).

Тем не менее, как умеренные, так и радикалы разделяют общую идею о всемирном господстве исламского закона (шариата).

Автор рассматривает методы, используемые исламскими организациями, действующими как на территории России, так и в различных мусульманских странах.

Особое внимание уделено методам психологического воздействия на адептов исламских политических движений. Исследователь также анализирует методологию исламистской пропаганды. Отмечает некоторые особенности деятельности исламистов за рубежом и на территории Северного Кавказа: мечети как центры исламистской пропаганды (исламисты стараются подчинить своему влиянию мечети на окраинах городов и назначить своих имамов, проповедь там настроена на исламистский лад); использование межнациональных конфликтов; создание независимых анклавов,

так называемых «исламских территорий», цель которых – распространение «истинного ислама» на соседние регионы, отвергающих светское правительство и образование, следующих только исламским нормам.

EMIROV N.Y.
(Moscow)

Saudi-Egyptian relations
in 50's – 70's years of the XX-th century.

The particularity of relations between Saudi Arabia and Egypt in considered period is concluded that both states being recognized leader of the Arabic world defined the situation on the Near East. It is difficult to revalue the role both states in the region. Problems concerned with relations of the Saudi Arabia and Egypt should be considered in correlation with the problems of the Near East.

The History of Egypt after revolution of 1952 is full of significant events, which have affected not only on situation in the country, but also on the whole Arabic Orient. Having become a president, G.A. Naser has realized a number of most important actions: nationalization Suez Canal and industrial enterprises of foreign and Egyptian owners, agrarian reform and began the industrialization of the country. These actions raised the country on new stage of the development. G.A. Naser declared in his country socialist way of development and orientated on USSR support on international arena. Having strengthened in Egypt in, socialism in 60's had a significant influence in the region, inspiring and supporting liberation motion on Arabic Orient.

Beginning from 50's years of 20-th century the dynamic growth of oil mining in Saudi Arabia has lead to increasing of kingdom profits, which became to play important role in Arabic and Moslem world. Strengthening of Saudi Arabia economy by increasing the mining of oil has transformed it into the leading power on the Near East. It begins to define not only Arabic regional policy, but also play an important role on international arena.

In 50's – beginning of 60's years between Egypt and Saudi Arabia in spite of cooperation existed the hidden opposition since they were different poles of the Arabic World and each of them pretended on leadership in the region. 1962 was critical in the mutual relations between two states. Naser's Proclamation of National Charter in 21 of May in 1962, as well as outbreak of Civil War in North Yemen sharply aggravated Saudi-Egyptian relations. The competition between both states transformed from hidden to evident and mostly reflected the schism and contradictions on Arabic Orient. Egyptian-Saudi opposition on Yemen question has transformed the religious calls of Saudi Arabia in component part of its self conformation national policy in respect of Egypt. The hostility in mutual relations between Egypt and Saudi Arabia has mostly contributed the Israel victory on Egypt in "Six-Days War" 1967. Relations between Saudi Arabia and Egypt have

changed. Egyptian defeat has simultaneously caused the significant weakening of Naser's policy and his influences in Arab world. It simultaneously resulted in discredit Naser's Arabic socialism and the whole "progressive" block lead by Egypt. At the end of 60's Saudi positions were increasing while Egypt was falling into dependency from financial help of Er-Riyadh.

In 28 of September 1970 died G.A. Naser. Anvar Sadat became his receiver, who became to follow a policy, completely opposite policy of his predecessor. In 70's Egypt outlived important economic, internal and external policy problems. USSR could not provide Egypt with help in that volume in what USA could. USA was a single country capable to influence upon Israel and help Egypt to return Sinai Peninsula. Saudi Arabia had most close relations with USA from all Arabic countries. So in the regional policy A. Sadat was mainly orientated on Saudi Arabia. Only after Naser's death Saudi Arabia was able to pretend on leading position in Arabic World. Egyptian-Saudi rapprochement was occurring on background of the determination Saudi hegemony on the Near East and joint opposition to Israel. Realizing the inevitability of next war A. Sadat from 1970 to 1973 was conducting modernization and equipping its army by all possible ways. Return lost in 1967 territory in the course of the fourth Arab-Israeli war and using oil embargo in political purpose were results of cooperation Egypt and Saudi Arabia. The period from 1973 to 1975 has became the time of most near cooperation between both states, their purposes and problems on international arena coincided. In 1975-1977 in Egypt and Saudi Arabia relations began the discords on cause of the adjusting the Near East problem. Having signed agreement in 1974 and 1975 about separation of the troops Egypt in some measure betrayed other Arab countries belligerent with Israel. Sadat's government after determination close cooperation with USA changed it's external policy course to conclusion separate deal with Israel and refusal of all-embracing plan of the decision Near East Problem. The Result of this policy were such facts as Sadat's visit in 19 of November 1977 in occupied Jerusalem, signing in 17 of September 1978 Camp-David Accords and followed by him conclusion on 26 of March 1979 in Washington peace treaty with Israel. In response to this in 24 of April Saudi Arabia, either as a majority of Arabic Countries, has broken the diplomatic relations with Egypt and stopped rendering to him financial help, but did not abandon from Egyptian labour to use. Result of whole Arabic disagreement with the new policy of Egypt was Sadat's murder in 1981.

Эмиров Н.Ю.
(Москва)

Саудовско-египетские отношения
в 50-е – 70-е годы XX века

Особенность отношений Саудовской Аравии и Египта в рассматриваемый период заключается в том, что оба государства являясь признанными лидерами арабского мира, во многом определяли ситуацию на Ближнем Востоке. Роль обоих государств в ре-

гионе трудно переоценить, а проблемы связанные со взаимоотношениями Саудовской Аравии и Египта следует рассматривать во взаимосвязи с проблемами Ближнего Востока.

История Египта после революции 1952 г. насыщена знаменательными событиями, которые повлияли не только на ситуацию внутри самой страны, но и на весь Арабский Восток. Придя к власти, Г. А. Насер провел ряд важнейших мероприятий: национализация Суэцкого канала и промышленных предприятий, находящихся в руках иностранных и египетских владельцев, аграрную реформу, начал индустриализацию страны. Эти мероприятия выводили страну на новую стадию развития. Г.А. Насер провозгласил в своей страны социалистический путь развития и ориентируется на поддержку СССР на международной арене. Укоренившись в Египте, социализм в 60-е годы имел значительное влияние во всем регионе, вдохновляя и поддерживая освободительные движения на Арабском Востоке.

Начиная с 50-х годов XX века, динамичный рост добычи нефти в Саудовской Аравии привел к увеличению доходов королевства, которое стало играть заметную роль в арабском и мусульманском мире. Усиление экономики Саудовской Аравии за счет увеличения добычи нефти превратило ее в руководящую силу на Ближнем Востоке. Она начинает определять не только арабскую региональную политику, но и играет важную роль на международной арене.

В 50-е – нач. 60-х годов между Египтом и Саудовской Аравией несмотря на сотрудничество существовало скрытое противостояние, т.к. они являлись различными полюсами арабского мира и каждый из них претендовал на лидерство в регионе. 1962 г. явился переломным во взаимоотношениях между двумя государствами. Провозглашение Насером 21 мая 1962 г. Национальной хартии, а также начало гражданской войны в Северном Йемене резко обострили саудовско-египетские противоречия. Их противоборство из скрытого перерастает в явное и во многом отражает раскол и противоречия на Арабском Востоке. Египетско-саудовское противостояние по йеменскому вопросу превратили религиозные призывы Саудовской Аравии в составную часть ее национальной политики самоутверждения в отношении Египта. Антиегипетская политика Саудовской Аравии во многом облегчила победу Израиля над Египтом в «шестидневной войне» 1967 г. Отношения между Саудовской Аравией и Египтом меняются. Поражение Египта одновременно вызвало значительное ослабление Г.А. Насера, как и его влияния в арабском мире. Следствием этого была одновременно дискредитация насеровского арабского социализма и всего, руководимого Египтом «прогрессивного» лагеря. С конца 60-х годов позиции Саудовской Аравии все больше усиливаются, а Египет попадает в зависимость от финансовой помощи Эр-Рияда.

28 сентября 1970 г. умер Г.А. Насер. Его приемником стал Анвар Садат, который стал проводить политику, полностью противоположную политике своего предшественника. В 70-е годы Египет переживал важные экономические, внутри- и внешнеполитические задачи. СССР был не в силах обеспечивать помощь Египту в том объеме в каком могли США, к тому же США были единственной страной способной повлиять на Израиль и помочь Египту возвратить Синайский полуостров. Саудовская Аравия имела самые близкие отношения с США из всех арабских стран. Поэтому в региональной политике А. Садат ориентировался прежде всего на Саудовскую Аравию. Только после Насера Саудовская Аравия смогла реально претендовать на ведущие позиции в арабском мире. Египетско-саудовское сближение происходило на фоне установления саудовской гегемонии на Ближнем Востоке и совместного противостояния Израилю. С 1970 г. по 1973 г. А. Садат проводит модернизацию и оснащает свою армию всеми доступными средствами, понимая, что война неизбежна. Возвращение утраченных в 1967 г. территорий в ходе четвертой арабо-израильской войны и применение нефтяного эмбарго в политических целях является результатом сотрудничества Египта и Саудовской Аравии. Период 1973-1975 г.г. стал временем наибольшего саудовско-египетского сближения, т. к. цели и задачи обоих государств на международной арене совпадали. В 1975-1977 г.г. во взаимоотношениях Египта и Саудовской Аравии начинаются разногласия по поводу урегулирования ближневосточной проблемы. Подписав соглашения 1974 г. и 1975 г. о разъединении войск Египет во многом подорвал позиции стран конфронтирующих с Израилем. После установления тесного сотрудничества Египта с США правительство А. Садата взяло курс на заключение сепаратной сделки с Израилем и отказ от всеобъемлющего плана урегулирования ближневосточной проблемы. Результатами этой политики явились такие факты как визит А. Садата 19 ноября 1977 г. в оккупированный Иерусалим, подписание 17 сентября 1978 г. кэмп-дэвидских соглашений и последовавшее за ним заключение 26 марта 1979 г. в Вашингтоне сепаратного мирного договора с Израилем. В ответ на это 24 апреля Саудовская Аравия, как и большинство арабских стран, разорвала дипломатические отношения с Египтом и прекратила оказание ему финансовой помощи, но не отказалась от использования египетской рабочей силы. Результатом общеарабского неприятия нового курса Египта явилось убийство А. Садата в 1981 г.

DUNAEVA Elena V.
(Moscow)

History of Russian-Iranian borders' formation

The history of Russian – Iranian borders formation numbers some centuries. Russia and Iran, long years divided (shared) by a number of separate possessions, as a result of long political, economic and trading mutual relation gradually formed the common border.

гионе трудно переоценить, а проблемы связанные со взаимоотношениями Саудовской Аравии и Египта следует рассматривать во взаимосвязи с проблемами Ближнего Востока.

История Египта после революции 1952 г. насыщена знаменательными событиями, которые повлияли не только на ситуацию внутри самой страны, но и на весь Арабский Восток. Придя к власти, Г. А. Насер провел ряд важнейших мероприятий: национализация Суэцкого канала и промышленных предприятий, находящихся в руках иностранных и египетских владельцев, аграрную реформу, начал индустриализацию страны. Эти мероприятия выводили страну на новую стадию развития. Г.А. Насер провозгласил в своей страны социалистический путь развития и ориентируется на поддержку СССР на международной арене. Укоренившись в Египте, социализм в 60-е годы имел значительное влияние во всем регионе, вдохновляя и поддерживая освободительные движения на Арабском Востоке.

Начиная с 50-х годов XX века, динамичный рост добычи нефти в Саудовской Аравии привел к увеличению доходов королевства, которое стало играть заметную роль в арабском и мусульманском мире. Усиление экономики Саудовской Аравии за счет увеличения добычи нефти превратило ее в руководящую силу на Ближнем Востоке. Она начинает определять не только арабскую региональную политику, но и играет важную роль на международной арене.

В 50-е – нач. 60-х годов между Египтом и Саудовской Аравией несмотря на сотрудничество существовало скрытое противостояние, т.к. они являлись различными полюсами арабского мира и каждый из них претендовал на лидерство в регионе. 1962 г. явился переломным во взаимоотношениях между двумя государствами. Провозглашение Насером 21 мая 1962 г. Национальной хартии, а также начало гражданской войны в Северном Йемене резко обострили саудовско-египетские противоречия. Их противоборство из скрытого перерастает в явное и во многом отражает раскол и противоречия на Арабском Востоке. Египетско-саудовское противостояние по йеменскому вопросу превратили религиозные призывы Саудовской Аравии в составную часть ее национальной политики самоутверждения в отношении Египта. Антиегипетская политика Саудовской Аравии во многом облегчила победу Израиля над Египтом в «шестидневной войне» 1967 г. Отношения между Саудовской Аравией и Египтом меняются. Поражение Египта одновременно вызвало значительное ослабление Г.А. Насера, как и его влияния в арабском мире. Следствием этого была одновременно дискредитация насеровского арабского социализма и всего, руководимого Египтом «прогрессивного» лагеря. С конца 60-х годов позиции Саудовской Аравии все больше усиливаются, а Египет попадает в зависимость от финансовой помощи Эр-Рияда.

28 сентября 1970 г. умер Г.А. Насер. Его приемником стал Анвар Садат, который стал проводить политику, полностью проти-

воположную политике своего предшественника. В 70-е годы Египет переживал важные экономические, внутри- и внешнеполитические задачи. СССР был не в силах обеспечивать помощь Египту в том объеме в каком могли США, к тому же США были единственной страной способной повлиять на Израиль и помочь Египту возвратить Синайский полуостров. Саудовская Аравия имела самые близкие отношения с США из всех арабских стран. Поэтому в региональной политике А. Садат ориентировался прежде всего на Саудовскую Аравию. Только после Насера Саудовская Аравия смогла реально претендовать на ведущие позиции в арабском мире. Египетско-саудовское сближение происходило на фоне установления саудовской гегемонии на Ближнем Востоке и совместного противостояния Израилю. С 1970 г. по 1973 г. А. Садат проводит модернизацию и оснащает свою армию всеми доступными средствами, понимая, что война неизбежна. Возвращение утраченных в 1967 г. территорий в ходе четвертой арабо-израильской войны и применение нефтяного эмбарго в политических целях является результатом сотрудничества Египта и Саудовской Аравии. Период 1973-1975 г.г. стал временем наибольшего саудовско-египетского сближения, т. к. цели и задачи обоих государств на международной арене совпадали. В 1975-1977 г.г. во взаимоотношениях Египта и Саудовской Аравии начинаются разногласия по поводу урегулирования ближневосточной проблемы. Подписав соглашения 1974 г. и 1975 г. о разъединении войск Египет во многом подорвал позиции стран конфронтирующих с Израилем. После установления тесного сотрудничества Египта с США правительство А. Садата взяло курс на заключение сепаратной сделки с Израилем и отказ от всеобъемлющего плана урегулирования ближневосточной проблемы. Результатами этой политики явились такие факты как визит А. Садата 19 ноября 1977 г. в оккупированный Иерусалим, подписание 17 сентября 1978 г. кэмп-дэвидских соглашений и последовавшее за ним заключение 26 марта 1979 г. в Вашингтоне сепаратного мирного договора с Израилем. В ответ на это 24 апреля Саудовская Аравия, как и большинство арабских стран, разорвала дипломатические отношения с Египтом и прекратила оказание ему финансовой помощи, но не отказалась от использования египетской рабочей силы. Результатом общеарабского неприятия нового курса Египта явилось убийство А. Садата в 1981 г.

DUNAEVA Elena V.
(Moscow)

History of Russian-Iranian borders' formation

The history of Russian – Iranian borders formation numbers some centuries. Russia and Iran, long years divided (shared) by a number of separate possessions, as a result of long political, economic and trading mutual relation gradually formed the common border.

The Russian - Iranian border developed within 400 years. In the middle of the 16-th entury Russia having won Kazan and Astrakhan reached the Caspian sea, and the territories of two countries came in direct contact.

The border developed as a result of connection of the territories during military actions, and the voluntary entry of the states of Transcaucasia and Central Asia in the structure of Russian Empire. Georgia, Dagestan, Armenia and some state formations of Central Asia formed a part of Russia by there own will that was documentary fixed. In the19 –th century the line of border of two countries for the first time was defined and officially fixed in contracts and conventions of Russian Empire and the Iranian state.

After 1917 the Soviet-Iranian border became a line dividing (sharing) various political systems. However, despite of the separate (difficult) moments the USSR and Iran succeeded in resolving all boundary problems in the peace way.

Now Russia and Islamic republic of Iran have no common land border. However the independent states of Caucasus and Central Asia, came into being after the disintegration of the USSR, keep the border established in previous centuries. The unique way, connecting Russian Federation and Islamic republic of Iran today, is the Caspian Route. The question of dividing the Caspian sea is on the agenda. After the emergence of the new independent states in the coasts of the Caspian Sea the struggle for dividing the sea is being fought. Sharp competitive struggle of the international petroleum companies for access to hydrocarbonic resources and possible ways for oil and gas pipelines influences on a position of littoral states on a question of determining the legal status of this reservoir. Process of the division of the sea on economic zones openly taking place now can result in full territorial delimitation. Russia and Iran can lose the last line of direct contact. It does not answer political and economic interests of both states. That's why both states apply every effort to work out the legal status of the Sea to save their strategic position in this region to prevent the development of the centrifugal tendencies and strengthening the influence of western states in it.

Дунаева Е.В.
(Москва)

История формирования границы России и Ирана

История формирования русско-иранской границы насчитывает несколько столетий. Россия и Иран, долгие годы разделенные между собой рядом отдельных владений, в результате длительных политических, экономических и торговых взаимоотношений постепенно формировали общую границу.

Российско-иранская граница складывалась в течение 400 лет. В середине 16 в. Московская Русь, завоевавшая Казанское и Астраханское ханства, вышла к Каспийскому морю, и владения Ирана и России пришли в непосредственное соприкосновение.

Граница складывалась как в результате присоединения территорий в ходе военных действий, так и вследствие добровольного вхождения государств Закавказья и Средней Азии в состав Российской империи. По своей воле в состав России вошли Грузия, Дагестан, Армения и некоторые государственные образования на территории Средней Азии, что было документально зафиксировано. В 19 в. линия границы двух стран была впервые официально закреплена в договорах и конвенциях Российской империи и иранского государства.

После 1917 г. советско-иранская граница стала линией, разделяющей различные общественно-политические системы. Однако, несмотря на отдельные сложные моменты в отношениях двух стран в 20 в., СССР и Ирану удавалось мирным путем разрешать все пограничные проблемы.

В настоящее время Россия и ИРИ не имеют общей сухопутной границы, однако независимые государства Кавказа и Средней Азии, возникшие после распада СССР, придерживаются линии границы, установленной в 19-20 вв. Единственным путем, соединяющим РФ и ИРИ сегодня, остается Каспийский путь. Вопрос о границах на Каспийском море стоит чрезвычайно остро. После появления новых государств на берегах Каспия развернулась настоящая борьба за раздел моря. На позиции прикаспийских государств по вопросу определения юридического статуса этого водоема огромное влияние оказывает острая конкурентная борьба международных нефтяных компаний за доступ к углеводородным богатствам и возможным путям прокладки нефте- и газопроводов. Открыто проходящий сейчас процесс раздела моря на экономические зоны может привести к полному территориальному размежеванию, что грозит России и Ирану потерей последней линии непосредственного соприкосновения. Это не отвечает политическим и экономическим интересам обоих государств.

В Институте востоковедения РАН в рамках проекта « Складывание южных границ России» иранистами-историками Кулагиной Л.М. и Дунаевой Е.В. была подготовлена и опубликована в 1998 г. монография « Граница России с Ираном (история формирования)». При написании данной работы было использовано большое количество архивных документов и материалов, исторических исследований и мемуаров. В настоящее время готовится второе издание этой работы, расширенное и дополненное.

DENISOVA T.A.
(Moscow)

Muslims in Malay chronicles of XVII-XIX cc.

Денисова Т.А.
(Москва)

Мусульмане в малайских хрониках XVII – XIX вв.

1. Малайская мусульманская историография – ценный исторический источник по истории Малайи. В хрониках содержатся сведения о политической и экономической жизни, о межэтнических

и межконфессиональных отношениях в регионе, в частности о жизни и обычаях малайских мусульман.

2. Наиболее интересными нарративными памятниками, содержащими сведения об исламе в малайском мире и о местных мусульманах являются хроники государства Джохор (XVII – XIX вв.) – малайская «Перингатан Седжарах Негри Джохор» (Памятные записки об истории государства Джохор», бугийская – «Тухфат ан-Нафис» (Драгоценный дар), сиакская (минангкабау) «Хикайат Сиак» (Повесть о Сиаке). Эти хроники представляют три основные историографические традиции Джохора.
3. В этих арабографических текстах представлены сообщения о многих сторонах жизни малайского общества – о правителях и правящих династиях, о торговле и торговцах, о воинах и перемириях, о различных бытовых событиях и церемониях (обряды возведения на престол, свадьбы, похороны, рождение ребенка, обрезания и пр.) Анализ текста хроник позволяет выявить степень проникновения ислама в общественную жизнь малайцев и роль в ней местных мусульман.
4. Согласно хроникам, Джохор был мусульманским султанатом, где действовал шафиитский мазхаб мусульманского права. Во главе государства стоял султан, воплощавший в себе светскую и духовную власть. Концепция власти соответствовала общепринятым в исламском мире канонам - единоначалие, централизованное структуру организации государственного аппарата, приоритет шариатских норм в судопроизводстве и быту. Главной задачей правителя декларировалось обеспечение наиболее оптимальных условий для исполнения всех предписаний ислама и построение «идеального мусульманского государства».
5. Помимо султана, членов правящей династии и знати, в хрониках упомянуты имамы, улемы, шейхи, сейиды, хаджи, различные религиозные наставники и авторитеты, которые отнесены к числу местной элиты. Помимо чисто религиозных обязанностей они являлись советниками и учителями правителей, принимали участие в меджлисах, заседаниях суда, в дипломатических и военных акциях. Многие активно занимались финансами и торговлей.
6. В хрониках дан образ «идеального» мусульманского государя, который радеет за интересы ислама, государства и подданных, а также описаны «неправедные» правители и пагубные последствия их правления.
7. Анализ текстов позволил выявить ценные сведения о малайском суфизме, о различных наставниках и братствах, о философских трактатах и религиозной практике и пр.

Данные, содержащиеся в малайских мусульманских хрониках опровергают утверждение, что в малайском мире был распространен некий синкретический «индианизированный» ислам, мало общего имевший с классическим исламом.

ROSHCHIN M.
(Moscow)

The Ismailis of Badakshan (an attempt of a field-research in Tajikistan and Afghanistan).

The Ismailis call their movement a *tariqa*, or Islamic brotherhood, but the main feature which distinguishes Ismailism from the rest of Islam is that they have their own spiritual leader, imam Aga Khan IV; they call him His Highness. The Institute of Ismaili Studies in London plays an important role in Ismaili religious and secular education. A special section was set up here in the 1990s to work with the Tajik Ismailis, and founded the Ismaili Tariqah and Religious Education Committee (ITREC) which operates in Tajikistan itself.

The Ismailis of the Tajik Badakshan do not have special prayer-houses ('*jamaat-khona*' or 'meeting house') since every Ismaili home is regarded as a prayer-house as well. At the moment there are 98 caliphs (the spiritual leaders of local Ismaili communities, the equivalent of the mullah in Sunni Islam) in the Tajik Badakshan. ITREK organises regular seminars for caliphs, professional people, teachers and journalists and sends students to the Institute of Ismaili Studies in London.

ITREK's religious education and training programme is supported by a number of 'Aga Khan' organisations which are at work in the social and economic spheres. Two such are the Aga Khan Development Network (AKDN) and the Mountain Society Development Support Programme (MSDSP).

The expedition also took me to the Afghan part of Badakhshan, where I got to know the local Ismailis in Ishkashim and its environs. Here the old patriarchal Ismaili structures were still in place, as they were in the Tajik Badakshan until the early 1930s. There were 13 pirs (elders) in Afghanistan when I was a there, but during my visit in the summer of 2002 the Aga Khan sent a *firman* (directive) removing them from their positions as hereditary local Ismaili leaders.

Рощин М.
(Москва)

Исмаилиты Бадахшана (опыт полевого исследования в Таджикистане и Афганистане).

Главная особенность исмаилитского вероисповедания (тариката) состоит в том, что в отличие от других мусульман исмаилиты имеют своего верховного главу – имама Ага-хана IV, которого они называют “Его Высочество”. Важную роль в религиозном и светском образовании исмаилитов играет Институт исмаилитских исследований, расположенный в Лондоне. В середине 1990-х гг. в этом институте был создан специальный отдел по работе с таджикскими исмаилитами. В свою очередь, этот отдел учредил Комитет

по исмаилитскому тарикату и религиозному образованию (Ismaili Tariqah and Religious Education Committee – ITREC, далее по-русски – ИТРЕК) для деятельности в Таджикистане.

У исмаилитов таджикского Бадахшана нет отдельных молитвенных домов, называемых "джамаат-хона" (дом собрания), поскольку каждый исмаилитский дом одновременно является джамаат-хоной. В настоящее время здесь действует 98 халифа, выполняющих роль мулл в исмаилитских общинах. ИТРЕК регулярно проводит семинары для халифа, ученых, учителей и журналистов, направляет студентов для учебы в Институт исмаилитских исследований в Лондоне.

Работа ИТРЕКа в области религиозного образования и воспитания подкрепляется активной деятельностью ряда Ага-хановских организаций в социально-экономической сфере. Отмечу, в частности, "Сеть Ага-хана по развитию" (Aga Khan Development Network – AKDN/АКДН) и "Программу по поддержке развития горных обществ" (Mountain Society Development Support Programm – MSDSP/МСДСП).

Опыт полевой работы в афганской части Бадахшана в районе Ишкашима показал, что там еще сохранилась старая патриархальная структура исмаилизма, характерная для таджикского Бадахшана до начала 1930-х гг. В Афганистане в настоящее время действует 13 пиров (старцев), но летом 2002 г. имам прислал свой фирман (указ), упраздняющий функции пиров как наследственных лидеров местного исмаилизма.

NIKOLAEV V.P.
(Moscow)

The South Pacific as a place of meeting East and West

Николаев В.П.
(Москва)

Южнотихоокеанский регион: место встречи Востока и Запада

Австралийский континент и острова юго-западной части Тихого океана явились тем регионом земли, где европейская цивилизация вступила во взаимодействие с различными первобытными культурами: аборигенов Австралии, папуасскими, меланезийскими, микронезийскими и полинезийскими. Начало контактам было положено со времени открытия Ф. Магелланом о. Гуам и других островов, названных испанцами Ладронскими ("воровскими") островами, в 1521 г. В этой же точке было положено начало европейской колониальной экспансии в Океании, когда в 1668 г. на о. Гуам высадились испанские солдаты и миссионеры. Здесь впервые европейцы столкнулись с вооруженным сопротивлением местных

жителей чаморро, значительная часть которых была истреблена в ходе испано-чаморрийских войн 1670-1695 гг. Численность коренного населения сократилась со 100 тыс. до 5 тыс. человек.

Открытие островов Океании продолжалось до 20-х годов XIX в., параллельно шел процесс захвата земель европейцами, особенно усилившийся в XIX в. К началу XX в. все острова Океании, Австралия и Новая Зеландия являлись колониями европейских государств и США. В доколониальный и раннеколониальный периоды европейское воздействие оказывалось по линии духовной (миссионерская деятельность, распространение вероучения различных христианских церквей и сект) и материальной (товарообмен, появление железных орудий труда и огнестрельного оружия). С установлением колониальной зависимости значительно расширились возможности прямого и косвенного воздействия европейцев на культуру, социальные отношения и мировоззрения аборигенных народов.

Нынешний, третий, крупный период в истории взаимодействия двух миров – европейского и австрало-океанийского – начался в 1962 г. с появлением первого независимого государства в ЮТР – Самоа (тогда Западного Самоа) и последовавшего освобождения большинства остальных территорий от колониальной зависимости и опеки к 80-м годам XX в.

В политическом отношении Южнотихоокеанский регион ныне представляет Южнотихоокеанский Форум, где собраны два развитых государства – Австралия и Новая Зеландия, независимые островные государства со смешанной европейско-океанийской культурой. Для части территорий, получивших права широкой внутренней автономии – Полинезия (французская), Новая Каледония и некоторых других – вопрос о полной независимости остается актуальным.

Итоги европейского воздействия на культуры аборигенных народов не могут быть оценены однозначно. Наряду с негативными фактами, которые особенно выпячивались в работах советских историков и этнографов, были и положительные моменты, что еще предстоит исследовать. Европейское воздействие было многоплановым и сказалось на всех сферах жизни островитян, будь-то духовная и материальная культура, социальные отношения и экономика. Внешние заимствования не всегда принимались прямо, происходило их приспособление к местным реалиям. Часто европейские институты власти и парламентская демократия подвергались коррекции, как и христианские вероучения, которые дополнялись религиозными представлениями местных культов.

История поставила уникальный опыт по взаимодействию двух цивилизаций в ЮТР. Задача ученых – изучить последствия этого воздействия – представляется крайне интересной и актуальной.

PETRIKOVSKAYA A.S.
(Moscow)

Australia:
Changes in the Cultural Characteristics
(Paths to Asia)

Australia as well as New Zealand is a most important breeding ground of Anglo-Saxon culture in the South Pacific area, which has been conditioned by its genesis as one of the colonies settled by British colonists, and developed in the orbit of British Empire, the British heritage being fundamental for an off-spring of the mother-country.

Nonetheless fresh light should be thrown on the traditional definition in view of the latter days realities. Modern Australia is characterized with the impressively growing range of cultural interactions, among them new and various contacts with Oriental cultures. The scarecrow of Yellow Peril gradually lost its influence of a national imperative, though seemingly confirmed by the confrontation in the Pacific theatre of World War II and modified by the postwar conflicts in which Australia participated under the banner of restraining communism. Involved in the pattern of international affairs and economic relations in the Asia-Pacific, Australia has to position inself in the regional context, acknowledging the advantages of cooperation with the Asian neighbours.

New orientations in foreign policy and trade plus the technical progress in the sphere of international intercourse favour the growth of Australian interest in Asia which has been manifesting in education and science (promoting Oriental studies and attracting students from the Asian countries), in the choice of tourist routes, in discovering Asia through works of literature and art. It is worth mentioning that Russian immigrants, precisely those from Kharbin and other parts of China, happened to be a sort of a cultural intermediary in this respect.

The process has been catalysed by the direct contacts with representatives of Oriental cultures quickly increasing with the influx of migrants from Asia – the result of the changes in the immigration practice since the last third of the XXth century when the White Australia principle was cancelled. Australian response to humanitarian actions of opening the door for refugees is to be taken into consideration too.

Cultural connections with Asia were given a new impulse with the switch-over to the policy of multiculturalism in the 1970s. It is true that this attempt to provide the unity of diversities has become an object of discussion and criticism, because the desired balance between the preservation of ethnic identity and its integration into the national/state whole is not so easily attainable, values and traditions historically approved as national might seem endangered, interethnic tensions, up to acts of violence, take place, especially when ethno-cultural differences are deep.

Still the cultural presence of ethnic groups is felt not only at a local level, and not comes to cuisine and folk festivals, creative work stemming from a particular ethnic experience and art traditions is introduced into general circulation enriching the mainstream.There appears a tendency in historic studies to present national history under the angle of ethnic histories and achievements. Australia is viewed as a society of multiple inheritances which, though, does not make it segmented.

With all cultural barriers, prejudices and fears from the both sides - the newcomers' and the receiving one, the multicultural dialogue is a prerequisite for living together in a country where the population increases to a considerable degree with an influx of migrants of different origin.

Thus Australia contributes to solving the problems of ethnic compatibility and correlation between the particular and universal, which are more than actual in the epoch of the global shifts of capital, people and cultural streams, when world-wide conflicts acquire ethno-confessional colouring.

Петриковская А.С.
(Москва)

Австралия:
изменения в культурной характеристике
(дороги в Азию)

Австралия, как и Новая Зеландия – важнейший очаг и соответственно проводник англосаксонской культуры в Южнотихоокеанском регионе, что продиктовано происхождением этих стран как переселенческих колоний Великобритании, их развитием в орбите Британской империи и базовым значением материнского культурного наследия для дочерних государственных образований. Тем не менее, на рубеже третьего тысячелетия традиционное определение требует актуальных уточнений. Для современной Австралии характерно постоянное и существенное расширение диапазона культурных взаимодействий. Это касается и новых, многообразных соприкосновений с культурами Востока.

Постепенно утратил силу национального императива жупел исходящей из Азии «желтой опасности», хотя и подкрепленный противостоянием на тихоокеанском театре Второй мировой войны, видоизмененный участием Австралии в послевоенных конфликтах под флагом сдерживания коммунизма. В раскладе международных отношений и мирохозяйственных связей – в масштабе АТР и мировом, Австралия позиционирует себя, исходя из региональной общности и возможности взаимовыгодных отношений с азиатскими соседями.

Новые внешнеполитические и внешнеэкономические ориентации и технический прогресс в сфере международного общения

способствовали росту интереса в Австралии к Азии, особенно Юго-Восточной и Северо-Восточной. Он проявился в образовании и науке (изучение восточных языков и программы востоковедных исследований, предоставление образовательных ресурсов студентам из стран Азии), в географии туризма, в открытиях непознанной Азии литературой и искусством. Отметим, что своего рода культурным посредником в духовном обмене и поиске была российская эмиграция – приток русских из Харбина и других районов Китая.

Катализатором интересующего нас процесса явились непосредственные контакты с носителями восточных культур, которые умножились вместе с наплывом иммигрантов из Азии – после отмены в последней трети минувшего века иммиграционной практики «белой Австралии». Следует также принять во внимание отклик Австралии на гуманитарные призывы приютить беженцев – жертв военных и социальных потрясений в странах Азии.

Культурные связи с Востоком получили новый импульс с переходом в 1970-е годы к внутренней политике мультикультурализма. За три с лишним десятилетия эта стратегия обеспечения национально-государственного единства в многообразии стала объектом споров и критики: оказалось, что не так-то легко достигнуть баланса между сохранением этнической идентичности и интеграцией в общегосударственный организм, возникли опасения, что размываются традиции и ценности, признанные принадлежностью австралийцев как нации, имели место обострения межэтнических отношений, вплоть до актов агрессии и насилия, в первую очередь, когда культурные различия общин, вступающих в соприкосновение, велики.

Однако культурный эффект присутствия иноэтносов (по отношению к ядру «старых» австралийцев) выходит за рамки локально-бытового и не исчерпывается экзотической кухней и фестивалями народного искусства. Современное творчество, основанное на специфическом этническом опыте и художественных традициях, вливается в общее культурное русло, обогащая основной поток. Показательно также, что в исторических исследованиях наблюдается тенденция проследить историю отдельных этнических групп в Австралии, в том числе азиатских, составивших население страны.

При всех изолирующих факторах с обеих сторон – инородной и «принимающей», и возможной целесообразности корректировки этнической ситуации, поликультурный диалог и взаимное узнавание есть необходимое условие нормального функционирования уже сложившегося общежития «страны иммигрантов». В этом плане Австралия вносит вклад в решение проблем этнической совместимости, соотношения этнически-идентичного и универсального, которые становятся сверхактуальными в эпоху глобальных перемещений капитала, населения и культурных потоков, когда к тому же жестокие мировые конфликты имеют этническую, этнокультурную, этноконфесиональную окраску.

GLUSHKOVA I.
(Moscow)

Hindu Mythology and North Indian Identity

Polyconfessional and polyethnic India persistently resorts to an idea of «Unity in Diversity» in its strive for inner integrity. This slogan reflects tactics and strategy of national consolidation. The search of means to achieve the goal has resulted in opulent usage of Hindu mythology as a pool of symbols aimed to be accepted as a component of a «national mental program» under composition. The efforts to appropriate «public sphere» and to turn it into «one's own» guided from the central seat of power lead to formation of a unified version of Hinduism which is becoming popular in North Indian states. The latter, commonly referred to as a «Hindi belt», along with almost traditional access to federal power and similar electoral behaviour, have started developing features of a cultural supra-region with its own identity though still in the process of taking shape. Simulteneously, the declaration of «Unity in Diversity» seems to be in a process of being supplanted by more workable, albeit unarticulated, «Unity in Uniformity».

Глушкова И.
(Москва)

Индусская мифология и североиндийская идентичность

Многоконфессиональная и полиэтническая Индия неустанно стремится к внутренней цельности, провозглашая лозунг «Единство в многообразии», выражающий тактику и стратегию национальной консолидации. Поиски путей для осуществления этой задачи привели к использованию богатейшей индусской мифологии в качестве пула символов, призванных стать компонентами в создаваемой «ментальной программе» нации. Направляемые из центра усилия по освоению «общественного пространства» и наделение его «своими» признаками привели к формированию унифицированной версии индуизма, ставшей популярной в североиндийских штатах. Тем самым последние, объединяемые в так называемый «хиндизычный пояс» Индии, наряду с уже традиционным предержанием власти и сходным электоральным поведением, стали обретать черты культурного региона, обладающего собственной идентичностью, все еще находящейся в процессе становления.

SARABIEV A.
(Moscow)

The migration of the Syrian and Lebanese Christians in the first half of XXth century and social and political changes

The migration of the Levant Christians in the 1st half of XXth century had a great influence on the making of the Syrian and Lebanese societies and altogether on the social and political situation in these

countries. The isolation and the extermination of the Christians of the Mount Lebanon during the 1st World War, the slaughter of the Armenian and Syrian Christians in Turkey made a wide Christian migration after that war. Christian political figures led the Lebanon politics. In Mount Lebanon, a trade union and later a communist movements were born and had a wide spread (also in Syria). The Christian migration up to 1926 and in 1930s made a great changes in the social and political life in Syria and Lebanon, where the significant role (and the main role in Syria) in political life now played Muslim politicians. The outflow of the Syrian and Lebanese Christians to the Latin and North America, to the Maghrib and Europe countries seriously influenced as on the confessional composition of the political establishment as on the whole situation in the Syrian and Lebanese societies. The cause of this as the cause of the weakening of social activity of the Christian communities – Orthodox, Maronite, Jacobite, Greco-Catholic, and Armenian – mainly is the wide emigration among Syrian and Lebanese Christians in the 1st half of the XXth century.

Сарабьев А.В.
(Москва)

Миграция сирийских и ливанских христиан в первой половине XX в. и общественно-политические сдвиги

Миграция христиан Левантийских территорий на протяжении первой половины XX века оказала существенное влияние на складывание сирийского и ливанского обществ и в целом общественно-политической ситуации в этих странах. Изоляция и массовое уничтожение христиан Горного Ливана в ходе I Мировой войны, резня армянских и сирийских христиан на территории Турции породили после окончания войны массовую христианскую миграцию. Христианские деятели Ливана играли ведущую роль в политике страны. Здесь зародилось и получило широкое распространение (в том числе и на сирийских территориях) профсоюзное, а затем и коммунистическое движение. Массовая эмиграция христиан в период до 1926 г., а также в 30-е гг. явилась важной причиной серьезных сдвигов в жизни сирийского и ливанского обществ, где важную (а в Сирии – определяющую) роль в политической жизни (формирование правительств, утверждение конституций, двусторонние договоры с Францией) стали играть политики-мусульмане. Отток в страны Латинской и Северной Америк, в страны Магриба и в Европу сирийских и ливанских христиан серьезно повлиял как на изменение конфессионального состава политических элит в обеих странах, так и на положение дел в ливанском и сирийском социумах. Причиной этому, а также общему ослаблению социальной активности православной, маронитской, греко-католической, якобитской и армянских христианских общин служит главным образом массовая эмиграция сиро-ливанских христиан почти на всем протяжение первой половины XX в.

AKIMOV A.
(Moscow)

Asia Population Forecast for the 21st Century

The author has estimated the future population growth for the regions of the world using a technique of demographic development patterns. The technique is an operational description of a demographic transition (ODDT).[1] The description consists of two tables and one chart that embrace the principal ways of the demographic transition. A comparison of this description and real demographic developments in concrete countries enables forecasting in the framework of general trend of demographic transition. Forecast estimates for Asia are presented in table 1.

Table 1. Population of Asia in 2000, 2050 and 2100.
Number of inhabitants, million of people.

Scenario	2000	2050	2100
Minimal	3580.2	5128.4	4575.7
Medium	3580.2	6481.8	8115.4
Maximal	3580.2	7397.1	11353.8

Scenarios are various roads of passing the general way that is the demographic transition.

A similar estimate has been done by the Demographic Department of the UN in its population forecast for 2300.[2] The forecast that uses ODDT technique is based on assumptions that foresee higher rates of population growth. Nevertheless, the main trends in both forecasts are similar.

The maximal scenario demonstrates the potential demographic growth, the minimal one shows the potential of regulation of the demographic development. The medium scenario is close to real perspectives of demographic development. According to this scenario, the share of Asia in the world population is practically unchanged being 58-60%. Considerable changes will take place in geography in Asian population. Now, Eastern Asia is ranking first for its population number. By 2100 its share will fall two-fold: from 41% to 21 %. Southern Asia will dominate: a growth from 39% in 2000 to 51% in 2050 and 61% in 2100. The shares of South-East and West Asia are practically unchanged.

At the same time, a proportion between population of West Asia and also North Africa and Europe changes greatly. In 2000 the population of Europe was three-fold greater than the population of North Africa and it was 5.3 times greater than the population of Arab countries in the Middle East. In 2050 those proportions will be 1.85 and 2.42 respectively and the population of Arab states in North Africa and Middle East will be about 95% of European population. In 2100 the proportions will be 1.4 and 1.5 and the population of Arab states will be more than the population of Europe by 39%.

The population growth will greatly increase needs for economic and natural resources. Falling population in Europe and the former USSR countries and growing population of Asia will produce considerable migration.

Акимов А.В.
(Москва)

Прогноз численности населения Азии в XXI веке

Автором были проведены расчеты перспективной динамики численности населения по основным регионам мира по методике смены режимов демографического развития. Методика представляет собой операциональное описание демографического перехода[1]. Это описание состоит из двух таблиц и одной схемы, которые обобщают возможные варианты демографического перехода. Сравнение этого описания с реальными демографическими процессами в конкретных странах обеспечивает возможность прогнозирования в рамках общемирового направления демографического развития. Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Численность населения Азии в 2000, 2050 и 2100 гг.
Прогнозный расчет по методике смены режимов демографического развития. Млн. чел.

	2000 г.	2050 г.	2100 г.
Минимальный сценарий	3580,2	5128,4	4575,7
Средний сценарий	3580,2	6481,8	8115,4
Максимальный сценарий	3580,2	7397,1	11353,8

Сценарии – различные пути прохождения единого для всех стран процесса – демографического перехода, то есть развития от традиционных высоких уровней рождаемости и смертности до современных низких.

Схожий расчет был проведен Демографической комиссией ООН в ее прогнозе численности населения до 2300 г.[2] Прогноз, рассчитанный по методике смены режимов демографического развития исходит из предпосылок, которые предусматривают более высокие темпы роста численности населения. Тем не менее, общее направление изменений совпадают в обоих прогнозах.

Максимальный сценарий демонстрирует потенциал демографического роста, минимальный – потенциальные возможности регулирования демографических процессов. Средний более близок к описанию реальных перспектив роста численности населения. Согласно этому варианту доля Азии в мировом населении практически не меняется, сохраняясь на уровне 58-60%. Существенные географические сдвиги произойдут в размещении населения Азии. Сейчас на первом месте находится Восточная Азия. К 2100 г. ее доля упадет вдвое: с 41% до 21%. Абсолютно доминирующим регионом становится Южная Азия: рост с 39% в 2000 г. до 51% в 2050 г. и 61% в 2100 г. Доли Юго-Восточной и Западной Азии практически не меняются.

При этом существенно меняется соотношение численности населения стран Западной Азии, а также Северной Африки и Европы. В

2000 г. население Европы превышало население Северной Африки в 3 раза, а население арабских стран, расположенных на Ближнем Востоке, в 5,3 раза. В 2050 г. эти соотношения составят 1,85 и 2,42, а суммарное население арабских стран составит около 95% от населения Европы. К 2100 г. разница сократится до соответственно 1,4 и 1,5 раза, а население арабских стран превысит население Европы на 39%.

Рост численности населения вызовет существенное увеличение потребности в экономических и природных ресурсах для его жизнеобеспечения. На фоне убыли населения стран Европы и стран СНГ рост численности населения стран Азии породит существенные миграционные потоки.

[1] Описание методики см. А.В. Акимов. Мировое население: взгляд в будущее. М., 1992. A. Akimov. Population Dynamics in Central Asia and Adjacent Countries from 1960 to 2020 / Ethnic Challenges beyond Borders. Oxford, UK, 1998.
[2] World Population in 2300. Proceedings of the UN Expert Meeting on World Population in 2300. UN, 2003.

KOZHEKINA M.T.
(Moscow)

Adoption of economic experience as an aspect of cultural interaction: Russia and India at the verge of the XIX-XX centuries

From the last third of the XIX century the sphere of interaction between Russia and India became wider, involving gradually political, economic, scientific, cultural and to a less degree military and religious areas. Incidental contacts of previous years that usually took place as a result of individual initiative, now gave way to more or less stable relations. Governmental organizations started partaking in these activities to a more degree.

Economic relations were of great importance in this process. The main task was to establish direct trade avoiding West European mediation that Incurred demage to Russian trade and industry, progressive development of which was observed in the post reform period. Business community of Russia also thought it reasonable to study eastern economic experience to further use in at home. First of all they meant cotton and dye stuffs, and at the end of the XIX century they also talked about tea and jute, and after annexing Central Asia in the process of turning it into the source of raw materials irrigation became most urgent. At that period professional and scientific societies, universities and public press got more and more involved in this.

Russian government paid special attention to adoption of eastern economic experience for this difficult matter demanded professional preparations, political accompanying, significant money expenses.

In 1895-1897 Russian government organized the first complex agriculture expedition to the East (India, Ceylon, China and Japan).

It was called «tea expedition», though aimed at a wider task to study tea not only as a plant, but also as an industrial product, including its sales. It was also considered necessary to study climate, soil, natural, historic and economic environment and other features of the region where tea was grown and produced. As a result plantations of tea, orange, tangerine, bamboo and other fruit and decorative subtropical plants appeared in the Russian Caucasus near the town of Batumi. Tea producing steam-plant using local raw material was built there. Nursery garden founded at the plantation prodiced and sold saplings. Reports written by agronomist LN. Klingen and professor A.N. Krasnov, who were at the head of the expedition, were issued soon after their return. These books made another important result of the trip. By 1917 Klingen developed a wider and detailed project of tea expedition to India, which was never realized because of political situation in Russia at the time. It is worth mentioning that up today tea and tangerines remain the main products and export of the Georgian Republic that now occupy this territory.

Another most important economic adoption was realized in construction of irrigation system In Russian Central Asia being part of mastering and developing of this new territory. Russian engineers S. Ostrovsky (1906), N. Epanchin (1911) and V. Chikov (1913) were sent to India and Egypt to learn local methods of irrigation.

As a result irrigation systems were constructed in Central Asia in the Golognaya Steppe that was part of a general plan of development of this new Russian region. Cotton was proposed to be the main product of the zone. To start it Russians also needed eastern experience. In that case another way of cooperation was chosen, which was exchange of seeds and consultations taken from expects. The same refers to jute and flax both being of interest in Russia and India accordingly. As is well known production of cotton started at that period and now remains the main in the region. Jute and flax failed because of local resistance to support outer producers.

Production and processing of skins were also of interest for Russians. In 1916 F. Zholendovsky, a representative of Russian Society of skin producers, went to India to learn this for further cooperation. The trip had no practical results for political disasters of 1917.

Exhibitions of eastern goods and products were held in Russia after expeditions of our specialists. They made a new trend closely connected with assimilating of foreign experience. Some of them became permanent. Thus, a lot of Russians from different strata had now an opportunity to see «gifts from the East» which previously they might know only from lectures and books. From that time al those who were interested in India acquired further ways of accustoming and communicating with its culture in more and wider aspects.

So, learning and mastering oriental economic experience overcame the limits of economy. In scope with other spheres of communication and interaction, especially scientific and cultural, together with

significant number of Russians visiting the East on board the Russian ships regularly going to the East, one could observe that distance between two countries became shorter, which improved mutual understanding and sympathy, gave way to friendly feelings. This enhanced further mutual Interest and brought contacts and cultural interactivity to a new and prosperous level.

Кожекина М.Т.
(Москва)

Заимствование хозяйственного опыта как аспект культурного взаимодействия: Россия и Индия на рубеже XIX-XX веков

С последней трети XIX в. сфера взаимодействия России и Индии значительно расширилась, охватив постепенно политическую, экономическую, научную, культурную и в меньшей степени военную и религиозную области. Эпизодические контакты прежних лет, являвшиеся, как правило, инициативой отдельных лиц, уступали место более или менее устойчивым связям. Все в большей степени включались в эту работу правительственное органы.

Важную роль в этом процессе играли экономические связи. Первостепенной задачей было наладить прямую торговлю, исключив западноевропейское посредничество, наносившее урон российской торговле и промышленности, сравнительно быстро развивавшимся в пореформенной России. Деловые круги страны все настойчивее выступали как за прямую торговлю с Индией, так и за изучение хозяйственного опыта стран Востока с целью дальнейшего внедрения его в России. В первую очередь речь шла о хлопке и красителях, в конце XIX в. также о джуте и чае, после завоевания Средней Азии в процессе превращения ее в сырьевой придаток России – об ирригации. В этот период активно подключились к данной деятельности специализированные профессиональные и научные общества, учебные заведения, печать.

Трудному делу заимствования хозяйственного опыта Востока, в том числе Индии, правительство России уделяло особое внимание, поскольку оно требовало специальной подготовки, политического сопровождения, существенных финансовых затрат.

В 1895-1897 гг. была организована первая комплексная правительственная сельскохозяйственная экспедиция на Восток (Индия, Цейлон, Китай, Япония), называвшаяся «чайной». Однако она ставила своей задачей не только детально изучить культуру чая как растение, но и его промышленное производство, а также вопросы торговли этим продуктом. Помимо этого считалось необходимым изучить климатические, почвенные, естественноисторические и хозяйственные условия районов произрастания чайного куста. Таким образом, впервые ставилась задача широкого заимствования хозяйственного опыта народов Востока. В результате этой экспедиции на Кавказе, в районе Батуми, появились плантации чая, апель-

синов, мандаринов, бамбука и других плодовых и декоративных субтропических растений, была построена паровая чайная фабрика, работавшая на местном сырье, организованы питомники, производившие продажу саженцев. Другим результатом были объемные отчеты, опубликованные руководителями экспедиции инспектором Кавказских удельных имений агрономом И.Н. Клингеном и профессором географии Императорского Харьковского университета А.Н. Красновым. К 1917 г. Клингеном был разработан грандиозный проект новой «чайной» экспедиции в Индию, но из-за политической обстановки в России он не был реализован. Заметим, производство чая и мандаринов до сих пор являются главными в этом районе Кавказа, а эти продукты – его основными экспортными статьями.

Комплексный подход к изучению иностранного опыта хозяйствования сохранялся и при организации последующих экспедиций на Восток.

Другим важнейшим хозяйственным заимствованием является создание ирригационной системы в Средней Азии. Для изучения этого опыта по заданию правительства на Восток ездили инженеры С. Островский (Индия, 1906), Н. Епанчин (Индия и Египет, 1911), В. Чиков (Индия и Египет, 1913).

Ирригационные системы и оросительные каналы были построены в Голодной степи в связи с освоением Туркестана, важнейшей отраслью хозяйства которого был хлопок. Для постановки хлопководства в этом регионе русским был также необходим опыт Востока, в том числе Индии. В этой области было налажено иное взаимодействие – обмен семенами, консультации специалистов. То же касается производства джута. В Индии в свою очередь весьма интересовались русским льном. Как известно, хлопководство стало и до сих пор остается одним из важнейших производств Средней Азии. Попытки производства льна в Индии и джута в России, однако, не смогли преодолеть противодействия местных производителей культур-конкурентов.

В России интересовались также индийским опытом производства и обработки кожи. В 1916 г. с этой целью по заданию правительства в Индии был Ф. Жолендовский. представитель Всероссийского общества кожевенных заводчиков. Практических результатов эта поездка не имела, что объясняется ее близостью к наполненному политическими потрясениями 1917 г.

Новым и плодотворным для России результатом поездок для изучения хозяйственного опыта Индии и возможностей прямой торговли с ней стали не только устные и печатные публикации участников экспедиций, но также выставки восточных товаров и продукции, организованные различными обществами и в ряде случаев ставшие постоянными. Значительное число россиян получило возможность увидеть «дары Востока», а не только услышать или прочитать о них. Заинтересованные лица из самых разных слоев приобщались к культуре Индий.

Взаимодействие России и Индии но рубеже XIX-XX веков по заимствованию хозяйственного опыта выходило далеко за рамки чисто экономических связей. Внедрение его на территории России вовлекало в этот процесс значительные массы населения.

В сочетании с другими сферами общения (особенно научной и культурной), а также в условиях постоянных рейсов русских судов на Восток и т.п. «расстояние» между народами двух стран сокращалось, росли взаимопонимание, дружественное расположение, сочувствие и симпатии. Они в свою очередь стимулировали дальнейший взаимный интерес и выводили контакты и культурное взаимодействие на новый виток развития.

GUSEV M.
(Moscow)

The Problems of Security in South-East Asia (theses)

During the latest decades the parameters of security in South-East Asia have changed drastically mainly due to the outside influences. The short period of relative calm and prosperity after the end of the cold war, when according to the members of ASEAN themselves, ensuring of their economic security was the main element of their joint political activities, was cut short by the events of global significance – the economic crisis of the late 1990s and the tragedy of 11 September 2001 in the USA. The crisis engulfed the real section of economies of practically all the South-East Asian countries followed by negative political processes making these countries highly vulnerable to the outside forces. The period of the South-East Asian countries' coming out of the crisis was in fact a new phase of competition and confrontation between the world's main centers of power – the USA, Japan and China for expanding their influence and presence in this strategically important region, which presents a sizable threat to national security of the countries of the region.

One can not overestimate the multifaceted influence of the terrorist act of 2001 in the USA as well as the Muslim terrorism on the situation in South-East Asia. Under the current situation, according to the regional annalists, the US have not spared the chances to press the states of the region with the aim to strengthen their influence by way of expanding their presence in different spheres of life such as – economics, policy, diplomacy, military cooperation while setting up antiterrorist alliances and in the cause of the following antiterrorist activities. But such developments could have highly troublesome prospects. Growing dependence of the South-East Asian countries on the USA will inevitably stimulate the rise of nationalistic and anti-American sentiments in the Moslem community resulting in terrorism. In case the US influence lessened due to their imperialistic policy, immediate attempts would be made to fill in the vacuum by other countries, first of all by China and

Japan. It will inevitably result in dismantling of military and political balance in South-East Asia, bearing in mind such troublesome problems in the Asia-Pacific region as the Spratley Islands, the Korean Peninsular, Taiwan. Finding themselves in the center of events, influenced by contradictions between the great powers, the ASEAN countries are longing for a «traditional» balance, obviously having in mind the military and political status-quo in South-East Asia of the recent «cold war» period, which was mainly determined by the presence of equal centers of power – the USSR and the USA in the region.

Гусев М.Н.
(Москва)

Проблемы безопасности в ЮВА

За последние десятилетия параметры безопасности в Юго-Восточной Азии претерпели существенные изменения, что в значительной степени определялось воздействием внешних факторов. Короткий промежуток времени относительного спокойствия и благополучия после завершения холодной войны, когда по мнению самих асеановцев обеспечение их экономической безопасности являлось важнейшей составляющей их совместной политической деятельности, был прерван событиями планетарного масштаба – экономическим кризисом конца 90-х годов и трагедией 11 сентября 2001 года в США. Кризис охватил реальный сектор экономики практически всех стран Юго-Восточной Азии и вслед за этим начал оказывать негативное влияние и на политические процессы, сделал эти страны весьма уязвимыми перед внешними силами. Период же, связанный с выходом стран ЮВА из кризиса явился, по существу, новой фазой соперничества и противостояния основных мировых центров силы – США, Японии и Китая за расширения своего влияния и присутствия в этом стратегически важном регионе, что таит немалую угрозу национальной безопасности стран региона.

Исключительно широка многоплановость воздействия террористического акта 2001 г. в США и самого факта исламского терроризма на положение дел в Юго-Восточной Азии. В складывающейся ситуации, как показывают наблюдатели в регионе, США не упускают шанса воздействовать на государства региона для усиления своего влияния посредством экспансии в самые различные сферы жизни – экономику, политику, дипломатию, военное сотрудничество при создании антитеррористических альянсов и последующей борьбе с терроризмом. Но такое развитие событий чревато весьма тревожными перспективами. Рост зависимости государств Юго-Восточной Азии от Соединенных Штатов неизбежно стимулирует усиление националистических и антиамериканских настроений в мусульманской сфере, что выливается в терроризм. Если же влияние США в регионе под воздействием их имперской политики ослабнет, политический вакуум незамедлительно попытаются заполнить другие страны, в первую очередь, Китай и Япония. Это неизбежно приведет к нарушению военно-политического баланса в ЮВА при наличии таких взрывоопасных

точек в АТР, как острова Спратли, Корейский полуостров, Тайвань. Оказавшись в центре событий, диктуемых противоречиями великих держав, асеановские страны вновь испытывают острую потребность в «традиционном» состоянии баланса, очевидно, имея ввиду военно-политический статус-кво в ЮВА недавнего прошлого в период «холодной войны», в значительной мере определявшийся присутствием здесь равных по влиянию центров силы – СССР и США.

ИГНАТОВА О.М.
(Москва)

Турецкие и русские источники по истории османских владений на территории Северного Приморья в XVI-XVIII вв.

История Крыма, к сожалению, изучена не равномерно. В то время как античный и раннесредневековый периоды исследованы более-менее в достаточной степени и отражены во многих научных работах, следующий период – нахождения этой территории под властью Османской империи ждет более глубокого и детального изучения.

В 1475 г. Османская империя завладела Крымским полуостровом и сохраняла свою власть на протяжении трех веков, вплоть до присоединения Крыма к России в 1783 г.

Как известно, во внутренней степной части Крымского полуострова располагалось Крымское ханство, которое было вассалом Османской империи. Прибрежная же часть полуострова, называемая Южным берегом Крыма, Керченский и Таманский полуострова, принадлежали непосредственно турецкому султану. К сожалению, этому факту уделено недостаточно внимания, и соответственно эта часть истории Крыма изучена в меньшей степени.

Наше исследование затрагивает нескольких проблем, а именно определение границ прибрежных султанских кадылыков, сравнение названий и количества их деревень. Опираясь на турецкие источники XVI в. и русские источники XVIII в., мы попытались систематизировать в таблицах результаты исследования и отобразить эти результаты на карте. Несмотря на видимую изученность истории Крыма данный временной промежуток (период османского присутствия в Крыму) никогда не подвергался подобному анализу и не рассматривался в данном аспекте.

PAK B.B.
(Moscow)

Russian Diplomat K.I. Waeber and Russo-Korean Treaty 1884

The struggle of Powers for opening of Korean ports which had been aggravated since the middle of the 60-s XIX-th Century had been concluded by signing treaties with Korea by Japan (1876), USA (1882), Great Britain and Germany (1883). Russian government which to this

day had abstained from displaying any initiative in establishing of official relations with Korea also decided to enter into negotiations with Seoul.

The Ministry of Foreign Affairs had charged Russian Consul in Tientsin Karl Ivanovich Waeber with carrying out negotiations on establishing of diplomatic relations and conclusion of the trade treaty with Korean government. Waeber went to Vladivostok in 1882 for acguaintance with border issues to be discussed during negotiations with Korean government, as it was supposed originally. After returning from trip to Vladivostok K.I. Waeber had submitted an extensive report with information about Russo-Korean border relations and economics of frontier South-Ussuri region.

Russian chargé d'affaires in China S.I. Popov had drawn the instruction for Waeber in March 1884. It was incumbent for Waeber to depart to Seoul. Instruction contained the order for him to sign treaty with Korea. The treaty supposed to be identical with Anglo-Korean and German-Korean treaties with the exception of article containing the term on restriction for Korea the possibility to assign her consuls only by those Russian ports which were already allowed for agents of other states (the question was about Vladivostok). Instruction to Waeber had not contained an order to regulate the border relations between Russia and Korea. The Ministry of Foreign Affairs had intended to sign the separate agreement on this question.

K.I. Waeber had signed the Russo-Korean treaty on Friendship and Trade on 25 June/7 July, 1884. The treaty had opened 4 ports for Russian trade: Chemulpo (Inchon), Wonsan, Pusan, Seoul and Yanghwajin. It had also contained the article about most favored nation. According to the Special protocol, which was submitted to the treaty, Russia was given the right on territorial jurisdiction. The treaty had not touched upon the issue of Korea's vassal relations toward China. Yet Korean king has sent a letter to Russian emperor during signing the treaty. In this letter Korean king had explained, that all obligations of Korean side having it's source in vassal relations toward China, bear no relation to Russia and he (king) will execute all items of the treaty according his "autocratic authority and international law".

Upon returning from Seoul after the signing of the treaty Waeber wrote detailed "Memorandum on Korea", where he stated his first impressions about Korea and her inhabitants, for the first time characterized Korea's international status and position of foreign representatives in Seoul. He also raised the question on structure of the future Russian diplomatic and consulate representatives in Korea and construction of the building of Russian mission. K.I. Waeber had called for devoting more attention to Korea, as due to "Korea's lucky geographical position, in the center between Maritime province, China and Japan, she was fated to play the leading part in the history of the East". All those Waeber's considerations were taken into account by the Russian Ministry of Foreign Affairs in elaboration of it's policy towards the new Far-Eastern neighbor.

Пак Б.Б.
(Москва)

Русский дипломат К.И. Вебер и договор между Россией и Кореей 1884 г.

Обострившаяся с середины 60-х гг. XIX в. борьба держав за открытие корейских портов завершилась подписанием Кореей с Японией (1876 г.), США (1882 г.), Англией и Германией (1883 г.) неравноправных договоров. В этой обстановке российское правительство, не проявлявшее до того времени инициативы в навязывании Корее договора, также решило вступить в договорные отношения с корейским государством.

Ведение переговоров с корейским правительством для установления дипломатических отношений и заключения договора о торговле с Кореей Министерство иностранных дел России поручило русскому консулу в Тяньцзине Карлу Ивановичу Веберу , который для ознакомления с пограничными вопросами, подлежащими, как первоначально предполагалось, обсуждению с ходе переговоров с корейским правительством, в 1882 г. поехал во Владивосток. По возвращении из Владивостока К.И. Вебер представил обширное донесение, содержащее собранные им сведения о пограничных сношениях России с Кореей и о состоянии экономики пограничного с Кореей Южно-Уссурийского края.

В марте 1884 г. российский поверенный в делах в Китае С.И. Попов составил инструкцию К.И. Веберу, которого надлежало отправить в Сеул. Инструкция предписывала, что Веберу предстоит подписать с Кореей трактат, который должен быть тождествен с Англо-Корейским и Германо-Корейскими трактатами, за исключением статьи второй, в которой должно быть указано, что Корея может назначать своих консулов лишь в те из русских портов, в которые допускаются агенты других государств. Речь шла о Владивостоке. Инструкция не возлагала на Вебера урегулирование пограничных сношений между Россией и Кореей. По этому вопросу МИД России предполагало подписать отдельное соглашение.

25 июня/7 июля 1884 г. в Сеуле К.И. Вебер подписал русско-корейский договор о дружбе и торговле. Договор открывал для русской торговли порты, Чемульпо (Инчхон), Вонсан, Пусан, а также города Сеул и Янхваджин; содержал статью о наиболее благоприятствуемой нации. Приложенный к договору Особый протокол предоставлял России права на территориальную юрисдикцию. Вопрос о вассальных отношениях Кореи к Китаю в договоре не затрагивался. Но корейский ван при подписании договора направил русскому императору письмо, в котором разъяснялось, что все обязательства Кореи, вытекающие из вассального отношения к Китаю, не имеют ни малейшего отношения к России и что он (ван) будет исполнять все статьи договора согласно его «самодержавной власти и законам международного права».

По возвращении из Сеула в Тяньцзинь после подписания договора К.И. Вебер написал обстоятельную «Записку о Корее», где изложил свои первые впечатления о Корее и ее жителях, впервые охарактеризовал международное положение Кореи и положение иностранных представителей в Сеуле, поднял вопрос о составе будущего российского дипломатического и консульского представительства в Корее и строительстве здания русской миссии. К.И Вебер призывал усилить внимание к Корее, ибо, «благодаря счастливому географическому положению Кореи, в центре между Приамурским краем, Китаем и Японией, ей суждено в будущем играть важную роль в истории Востока». Все эти соображения К.И. Вебера были приняты во внимание МИД России при разработке политики в отношении нового соседа на дальневосточных рубежах.

AVDAKOV I.,
BELOVA G.
(Moscow)

Roads in Japan of Tokugawa and Meiji periods:
socio-cultural aspect.

In the Tokugawa period journey along the Japanese five main roads (Gokaidō) was not only rather reliable, but also fascinating. Roadside post stations have remained in national consciousness as exiting sights. Travel was an escape from the heavy life of Japanese people, full of reserves, strict duties and regulations to pleasant reflections and entertainments. Numerous souvenir and flower shops, tea houses, public baths, made for relaxation of travelers, created its own specific world. It occupied a real part of life of different social groups: from daimyo up to peasants, merchants and impoverished samurais, and also was reflected in the culture based on travel, meditation, reception of pleasure.

In the epoch of Tokugawa traveling was exiting, but also long and rather unproductive occupation, which philosophy corresponded to logic and culture of that time. The railroads which appeared in the epoch of Meiji, have brought new dimensions to the life, customs and culture of Japanese.

Railroads in Japan did not only push the way to industrial development, but also promoted comprehension of importance, necessity and expediency of changes. They created objective conditions for removal of obstacles in consciousness of Japanese to mastering the European standards and way of life. Even the architectural shapes of railway stations accustomed Japanese to the European patterns. Railway stations became a symbol of modernisation and the state announcements at the railway stations were a source of new information for millions of Japanese in the conditions of absence of radio and newspapers.

With emergence of railway system Japanese perception of travel began to change. The pictures of artists devoted to wanderings and sights were created in more realistic manner. A roadside landscape or stations were painted in the way they were seen from a window of the railway carriage, not from the height of mountains or the bird's flight as earlier; figures of men, buildings, trees became volumetric.

Development of railways and connected changes were also reflected in numerous works of literature, songs and verses.

Авдаков И.Ю.,
Белова Г.В.
(Москва)

Дороги Японии эпох Токугава и Мэйдзи:
культурный аспект.

В эпоху Токугава путешествие по дорогам, входившим в систему центральных дорог Японии (Гокайдо) и административно управляемым из Эдо, было не только относительно надежным, но и увлекательным занятием. Недаром придорожные почтовые станции (сукуба эки) остались в народном сознании достопримечательностями, а путешествие – уходом от тяжелой реальной жизни, полной условностей, строгих обязанностей и регламентаций к приятным размышлениям, развлечениям и наслаждениям. Многочисленные сувенирные лавки и цветочные магазины, чайные дома, общественные бани, создаваемые для отдыха путников, составляли особый мир. Он занимал часть жизни разных слоев общества: от даймё до крестьян, мелких купцов и деклассированных самураев, и нашел свое отражение в культуре укиёэ – культуре, основанной на путешествии, медитации, получении удовольствия.

Но если в эпоху Токугава движение по дорогам было хотя и увлекательным, но продолжительным и относительно малопродуктивным занятием, которое всей своей философией отвечало логике и культуре того времени, то железные дороги, появившиеся в эпоху Мэйдзи, внесли новое в быт, нравы, культуру японцев.

В Японии железные дороги, по существу, не только прокладывали путь индустриального развития, но и способствовали осознанию японцами важности, необходимости и целесообразности перемен. Они создавали объективные условия для устранения препятствий в сознании японцев усвоению европейских стандартов и образа жизни. Даже архитектурный облик вокзалов приучал японцев к европейским формам. Сами вокзалы становились символами модернизации и рупорами политики правительства Мэйдзи, так как в условиях отсутствия радио и газет государственные станционные объявления были источником новой информации для миллионов японцев.

С появлением железных дорог частично стало меняться восприятие путешествия японцами. Так, картины художников, посвя-

щенные странствиям и достопримечательностям, писались уже не в стиле укиёэ, а в реалистической манере. Теперь придорожный ландшафт или станции изображаются именно так, как они видятся из окна железнодорожного вагона, а не с высоты гор или птичьего полета; фигуры, здания, деревья становятся на картинах объемными, появляется многоплановость изображения.

Возникновение железных дорог и связанные с ними перемены нашли свое отражение также в многочисленных произведениях художественной литературы, песнях и стихах.

AVDAKOV I.
(Moscow)

Railway transport in Japan:
socio-economic aspect

By the end of the 20th century the technology progress has become less dynamic. It is surely connected with the shift in economic and financial policy towards monetarism, counterproductive policy in most industrial nations. The other reason for it is that the technology drive cannot always keep the same pace. Hence, a new locomotive of development is needed. The source of an acceleration of world economic and social progress is most likely to be found in the rapid development of transport and communication.

However, railway transport is considered to be less dynamic than other modes of transport: the share of cargo and passengers carried by it declines. But nowadays passenger railway transport gets priorities in economic policy in a number of countries (and Japan in among them). It acquires opportunities for the better future.

Japan started railway construction half a century after Great Britain, Germany, USA and some other countries of Europe and America. However the country caught up with them quickly and became the leader in railway business. It undoubtedly proved to be the best by opening the world first high-speed railway (shinkansen).

The Japan's railway history numbers four main periods of railway development: the first is from the beginning to the nationalisation of railways (1872-1906); the second is from the nationalization to the foundation of Japan National Railways – Kokutetsu (1906-1949); the third is from the dawn of Kokutetsu to its decline (1949-1987); the fourth is from the splitting up the state owned railway network and privatization to nowadays (1987- ...) Each period has it's own drastic characterizing features but dialectically comes from the previous.

In the 21st century Japan's railways face many new grave challenges: decreasing and aging population, stagnant economy, worsening environment. However railway passenger transport has good chances in populated areas.

Авдаков И.Ю.
(Москва)

Железнодорожный транспорт Японии:
социально-экономические проблемы

К концу XX столетия научно-технический прогресс замедлился. Это связано прежде всего со сдвигами в экономической и финансовой политике в сторону монетаризма и экономического либерализма в большинстве экономически-развитых стран. Кроме того, научно-технический прогресс не может быть равнопоступательным. Поэтому мировому хозяйству необходим новый локомотив науки и техники, который придал бы импульс более быстрого развития. Одними из таких важных акселератов мирового экономического прогресса могут стать транспорт, коммуникации и логистика в целом.

Однако, железнодорожный транспорт принято считать наименее динамично развивающимся по сравнению с другими видами транспорта. Действительно, во всем мире доля перевозимых на нем грузов и пассажиров постоянно падает. Правда в последние годы пассажирских железнодорожный транспорт начинает получать приоритеты в экономической политике в области наземного транспорта как экономически менее загрязняющий окружающую среду и способный ответить на вызов перенаселенности вид транспорта в ряде развитых стран, включая Японию.

В Японии железнодорожное строительство началось на полстолетия позже, чем в Англии, США и некоторых других странах Европы и Америки. Однако она быстро догнала их и стала лидером в этой области. Япония бесспорно доказала это – впервые в мире пустив в эксплуатацию в 1964 г. скоростные железные дороги (синкансэн).

В истории развития японских железных дорог целесообразно выделить четыре основных этапа: первый начинается с открытия железнодорожного сообщения (Токио–Иокогама) до первой национализации железных дорог (1872-1906); второй – от национализации до образования государственной корпорации "Японские железные дороги" ("Кокутэцу") (1906-1942); третий – от рассвета до заката "Кокутэцу" (1949-1987); четвертый – от приватизации "Кокутэцу" и до настоящего времени (1987-...). Критерием разграничения истории развития железных дорог Японии на четыре основных периода явились экономические и организационные преобразования на железнодорожном транспорте, сопровождаемые, как правило, изменением форм собственности. Каждый этап имеет особенные, только ему присущие характерные черты, но диалектически вырастает из предыдущего.

В XXI столетии японские железные дороги сталкиваются со многими серьезными проблемами. Это старение и уменьшение численности населения, стагнирующая экономика, ухудшающаяся окружающая среда. Однако, железнодорожный пассажирский транспорт имеет хорошие перспективы в густонаселенный регионах страны.

LEPEKHOVA Elena
(Moscow)

Could the Ishiyama temple' s monks be the authors of " The Tale of Genji"?

During many centuries long ago it was considered, that the greatest masterpiece of the Japanese classical literature was written by the daughter of Fujiwara Tametoki – a representative of so called "north" (junior) branch of Fujiwara clan. In principal, the problem of ascription exist for every work of the Japanese medieval literature. It seems, that it was reason for proposal by Kikumura Toshihiko, who suggest that the author of "The Tale of Genji" was a man, and "surely" Buddhist monk. This argumentation is based on his statement, that during Heian period, women could not read and interpret Sutras and the number of quotations from the Buddhist sutras in novel is inconceivable (not to mention using such words as "sutras", "Buddha", "shastra"). As Kikumura Toshihiko considers, the probable authors were the monks from Ishiyama temple, because they used to study and interpret "Lotus Sutra", which is usually quote in "The Tale of Genji". His argumentation is find unfounded, because all the works, attributed to Murasaki Shikibu, is characterized by one, unique style. Basing on text analysis, we can assert that this author was a woman, which education, ideology and social position belonged to a court. Murasaki Shikibu is connected not only with "The Tale of Genji", "The Diary", and her poems, but with the whole stream in Japanese literature, which she representate. Yasunari Kawabata has told about the "feminine" character of Heian literature. It is imposable to delete Murasaki Shikibu's name from it, because we had to revise all literature of that time and propose the existence of great literatural mystification.

The one reason for Kikumura Toshihiko's doubts in Murasaki's authorship is the author familiarity with the Buddhist texts and rites. But it could be explained by the great influence of Buddhism on Japanese culture during Heian period.

Literature

[1] Kikumura Toshihiko. Shirarezaru bukkyuo (Unknown Buddhism). Tokio.1998, "Uihishya". p.61;
[2] Mizumi Yoichi . Genji – monogatari hikkei (A new course of Genji monogatari). m." Koku Bungaku №50. Tokio "Gaku Toshiya". 1997. p.23-27;
[3] Tanizaki Junichiro. Shigemoto' s mother. M.1984. p.281;
[4] Goreglyad V.N. Diaries and essayes in Japanese literature X – XIII. M. 1975. p. 22.
[5] Kawabata Yasunari. Thousand winged crane. Snow country. M. 1984. p.396.
[6] Konrad N.I. The Japanese literature M. 1974. p.238.
[7] Janeira A. M. Japanese and Western literature. A Comparative Study, Tokio< 1970. p.58;
[8] Grigoryeva T.P. Japanese art tradition.M., 1979, p.242

Лепехова Е.С.
(Москва)

Могли ли монахи из храма Исияма быть авторами «Гэндзи – моногатари»?

На протяжении многих веков традиционно считается, что величайшее произведение японской классической литературы было написано дочерью Фудзивара Тамэтоки – представителя так называемой «северной» (младшей) ветви рода Фудзивара. В принципе, проблема атрибуции, в той или иной степени, существует для каждого памятника средневековой японской литературы. По – видимому, это обстоятельство послужило одним из оснований для предположения о том, что автором «Гэндзи–моногатари» была не Мурасаки Сикибу. Такое предположение выдвинул Кикумура Тосихико, который полагает, что «Гэндзи – моногатари» написал мужчина, и уверен на «сто» процентов, что это был буддийский монах. Аргументация Кикумура Тосихико основана на том, что, как он считает, женщины эпохи Хэйан «не могли читать и толковать сутры», « количество упоминаний (в романе) буддийских обрядов и музыки достойно удивления», в «Гэндзи – моногатари» приводится «невероятное количество цитат из буддийских сутр, не говоря уже о цитировании таких слов, как «Будда», «сутра», «шастра». Предполагаемым автором «Гэндзи – моногатари», считает он, был коллектив монахов из храма Исияма, на том основании, что в храме Исияма было много монахов, изучавших и толковавших «Лотосовую сутру», а в «Повести о Гэндзи», – пишет он, – часто упоминаются цитаты из этой сутры».

Аргументация Кикумура Тосихико признается несостоятельной на том основании, что легко доказать, что все произведения, приписываемые Мурасаки Сикибу, характеризуются единством стиля и, следовательно, были написаны одним автором. На основании текстологического анализа можно утверждать, что этим автором была женщина, по своему воспитанию, мировоззрению и социальному статусу принадлежащая к придворным кругам.

Имя Мурасаки Сикибу тесно связанно не только с «Гэндзи – моногатари», «Дневником» и ее стихотворениями, но с целым направлением в японской литературе, зачинательницей и наиболее ярким представителем, которого она является. О «женственном» характере хэйанской литературы говорил Ясунари Кавабата. Вырвать имя Мурасаки Сикибу из «литературы женского потока» представляется делом невозможным, так как в этом случае пришлось бы пересматривать еще целый ряд памятников той эпохи и предположить существование намеренной литературной мистификации грандиозного масштаба.

По существу, единственным аргументом, побуждающим Кикумура Тосихико сомневаться в авторстве Мурасаки Сикибу, является хорошее знакомство автора романа с буддийскими текстами и обрядами. Но этому бесспорному факту можно дать и другое объяснение. А именно – буддизм в хэйанскую эпоху был распространен и имел влияние в значительно большей степени, чем это представлялось ранее. Поэтому в таком заведомо недидактическом произведении, которым, по мнению большинства современных исследователей, является «Гэндзи-моногатари», органично присутствуют буддийское видение мира и содержатся скрытые (как правило) ссылки на буддийские источники.

Литература

1. Кикумура Тосихико. «Сирарэдзару букке» («Неизвестный буддизм»). Токио, 1998, «Юйхися», с. 6;
2. Мидзуми Еити, сборник «Новый курс «Гэндзи–моногатари», («Син Гэндзи моногатари хиккэй»), ред. Акияма Кэн, (приложение к журналу «Коку бунгаку» № 50, Токио «Гакутося», 1997 г, сс. 23-27;
3. Танидзаки Дзюнъитиро. Мать Сигэмото. Повести, рассказы, эссе. М., 1984, с. 281;
4. Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М., 1975, с. 22;
5. Кавабата Ясунари. Тысячекрылый журавль. Снежная страна. Новеллы, рассказы, эссе. М., 1984, с. 396;
6. Конрад Н.И. Японская литература. М., 1974, с. 238;
7. Janeira A.M. Japanese and Western literature. A comparative study, Tokio. 1970. p. 58;
8. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М., 1979, с. 242.

KHRIASCHEVA N.
(Moscow)

Growing Economic Regionalism in the Asian and Pacific Region

Хрящева Н.М.
(Москва)

Регионализация экономического сотрудничества в Азии

В условиях ускорения развития мировой и региональной экономики на современном этапе в Азиатско-тихоокеанском регионе происходит усиление тенденции к подписанию региональных и двусторонних соглашений, а также к созданию зон свободной торговли. Наиболее заметным явлением становится превращение Северо-Восточной Азии в сильно развитую и интегрированную часть мировой экономики. Япония, Китай и Республика Корея производят 15% всех экспортных товаров в мире, создают 20% общемирового ВВП. Хотя экспорт товаров из этих стран в США и ЕС увеличивается, торговля внутри "треугольника" растет более высокими темпами. Северо-Восточная Азия становится наиболее динамично развивающейся частью мировой экономики.

Особенно заметно влияние на эти процессы КНР: бурный рост торговли является беспрецедентным: ежегодный рост экспорта достиг 35%, импорта – 40% и Китай в 2003 г. занял 3-е место в мире среди ведущих импортеров. По экспорту коммерческих услуг Китай стал лидером в группе развивающихся стран.

Важным направлением остается экономическое сотрудничество в рамках форума АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество). Намечено, что режим свободной торговли развитые страны введут у себя к 2010 г., а развивающиеся – к 2020 г.

Усиливается роль и значение интеграционной группировки АСЕАН, которая объединяет десять стран Юго-Восточной Азии с населением в полмиллиарда человек. В стадии осуществления ряд значительных проектов: "Экономическая интеграция Индонезии, Малайзии, Филиппин (в районе архипелага Сулу), программа развития бассейна реки Меконг; предпринимаются усилия по ускорению создания зон свободной торговли и инвестиций АСЕАН.

В целом на фоне роста экономической глобализации в Азии усиливаются и процессы регионализации. Они становятся многообразнее, им присущи различные модели и уровни, у них появляются новые лидеры при одновременном развитии уже сложившихся институтов и регионального и субрегионального сотрудничества.

TROSHIN A.
(Moscow)

Small and Middle scale industries in the East and South East Asia: the development now

Трошин А.А.
(Москва)

Малый и средний бизнес в странах Восточной и Юго-Восточной Азии: современные тенденции

Малые и средние предприятия (МСП) в странах Восточной и Юго-Восточной Азии играют в экономике своих стран чрезвычайно важную роль и эта роль как средство структурной перестройки и стабилизации экономики не только сохранится в будущем, но и будет возрастать. Изменяются структурные параметры МСП: в развитых азиатских странах растет доля услуг и высоких технологий, в развивающихся – повышается технологический уровень производства и производительности труда, продолжается рост отраслей, не связанных с сельским хозяйством. Хозяйственные связи МСП вышли далеко за пределы местных рынков, идет процесс интернационализации их деятельности, растет их участие в международной торговле.

МСП стран Азии на современном этапе диверсифицируют свою деятельность, правительства поощряют инвестиции малого и среднего бизнеса за границей, содействуют повышению конкурентоспособности этого сектора экономики.

Рост потенциала азиатских МСП, их экспорта, не является результатом, как это часто утверждают, политики открытости. Их подъем обусловлен активной государственной политикой, осуществляемой по двум направлениям: стимулирование роста промышленного экспорта и развитие новых, определяемых и поощряемых правительством, отраслей промышленности.

(Footnotes)

[1] See A.V. Akimov. World Population: Looking Ahead. Moscow, 1992, Russ. A. Akimov. Population Dynamics in Central Asia and Adjacent Countries from 1960 to 2020 / Ethnic Challenges beyond Borders. Oxford, UK, 1998.

[2] World Population in 2300. Proceedings of the UN Expert Meeting on World Population in 2300. UN, 2003.

TSHAIKOVSKAJA A.
(Tallinn)

A systemic approach to the study of Turkish nomination

Чайковская А.
(Таллин)

Системный подход к изучению турецкой номинации

Тенденции и результаты номинационных процессов могут описываться статически, в рамках морфемики, или динамически – в рамках лексикологии и словообразования. Турецкое словопроизводство изучалось почти исключительно с позиций морфемики, что выражалось в основном в инвентаризации словообразовательных аффиксов и описании их семантики: в плане синхронии или диахронии, иногда сравнительно с другими тюркскими языками.

Системный подход позволяет выявить динамику языковых процессов и установить такие элементы системы как словообразовательные модели, типы, словообразовательные форманты и типовые значения, построить цепочки и гнезда, проследить в них закономерности различного сочетания аффиксов и других формантов, описать явления синонимии, полисемии и омонимии морфем.

Изучение номинационных процессов современного турецкого языка показывает, что в структуре аппеллятивов, связанных с именованием человека, с одной стороны, и антропонимов – с другой, наблюдаются тенденции расхождения в использовании словообразовательных моделей. Их выбор различается также в зависимости от функционального качества антропонимических единиц – личных имен и фамилий.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ТЕЗИСОВ
INDEX OF AUTHORS

ABADIAN HOSSEIN (Iran)
Iranians and the Western Civilization in Constitutional Period (1906–1911) 338
ABASHIDZE MEDEA (Georgia)
Atlas of Georgian Saints: King Luarsab II and Queen Ketevan 697
ABBAS NAJAM (London)
Promoting democratization of the Muslim world: Between Rhetoric and Reality 267
AGEEV N. (Moscow)
The Book of Changes (Yijing) and calendar in works of the Han era scientists. 903
AGEEVA N. (Moscow)
Yijing and perception of western culture by the Chinese scientists of the end XIX - beginning XX centuries 897
AHANGAR ABBAS ALI (Zahedan)
The Derivation of Persian Embedded Interrogatives (an MP analysis) 3
AHLUWALIA M.S.(India)
Unity in diversity. Bhakti movement in Medieval India: Some reflections on North South cultural adjustments in the field of ideas 358
AKIMOV A. (Moscow)
Asia Population Forecast for the 21st Century 1075
AKININA O.G. (Moscow)
The Arabic Verb laysa and the Study of the Defective Verbs 3
AKSAKOLOV SULTONBEK (London)
Soviet Orientalist Studies of Ismailism: Methods of Research and Interpretation 233
ALEKSEEV V.A., ALEKSEEVA N.G.(Russia)
Ecological problems presented by tectonic activity in Asia 475
ALEKSEEV V.A., PROKOPENKO L.I., ALEKSEEVA O.V. (Russia)
Dynamics of state of children health at increasing seismic activity in the ecologically clean regions of Turkmenistan 478
ALEXEEV IGOR L., KHALTURINA DARIA A. (Moscow)
Ibn Khaldun's Theory of Political Cycles and Non-Lineal Dynamic Models in Contemporary Social Sciences 933
ALEXEEVA T.I. (Russia)
Anthropoecological Study in Central Asia 472
AL-GOHARI OSAMAH (Saudi Arabia)
Conformity V.S. Diversity: deconstructing oriental influences on Russian architecture 490
AL-HAJ MAJID (Israel)
The Impact of Russian Immigrants in Israel on Peace Prospects in the Middle East 423

ALIEVA N.F. (Moscow)
Typological comparison of the insular and peninsular languages of the Southeast Asia: How to distinguish structural types? 7
ALPATOV V.M. (Moscow)
Multilingualism, language policy and globalization 9
ALQUWAIZANI MOHAMMED (SAUDI Arabia)
Orientalism(s): The Ahistoricity of a Historical Concept 559
ALTANTSETSEG NOOSGOI (Mongolia)
Монголо-китайские отношения в эпоху глобализации 490
ALVES JORGE SANTOS (Portugal)
The Malay Sultanates as Theme for 16th Century Portuguese Sources 539
AMANOVA G. A. (Uzbekistan)
Корейская поэзия 1930-1945х годов 701
AMINI MOHAMMAD REZA(Tehran)
Some steps toward a linguistic and literature approach of the translation of traditional poetry Persian 11
ANAYBAN Z.V. (Russia)
Effects of Socio-Economic Changes in Russia on the Position of Women in the Society (Khakassia and Tuva taken as an example) 966
ANDAROODI ELHAM, ANDRES FREDERIC, KANDO NONKO (JAPAN), LEBIGRE PIERRE (France)
Systematic recognition of Caravansaries of Silk Roads through Designing a Model of Components Using IT (Information Technology) By Focusing on Case Studies of Desert Out City Caravansaries in Iran 363
ANTONIAN KSENIA (Moscow)
Grammaticalization and Lexicalization in Mandarin Chinese 12
ANTOSHCHENKO V.I.(Russia)
Family genealogies and ancestral worship in Vietnam 468
ANTYPA URANIA (Greece)
«Is diversity unity or adversity» Case of Cambodia before and during the French colonization? 265
ANZABI NEJAD REZA (Iran)
Khayyam, le contestataire 382
ARAKELIAN MIKAEL (Armenia)
To the question of catalogization of medieval illuminated Armenian manuscripts in German collections 651
ARISTOVA L. (Moscow)
Kazakhstan. The international cooperation in the area of transport 976
ARKADIEV PETER M.(Moscow)
Split Intransitivity in Japanese from a Semantic and Typological Point of View 13
ARMAND YELENA (Moscow)
The morphological status of preverbs in Persian 15
ARSLAN HÜLYA (Turkey)
The role of ideology in translation. Перевод и идеологическая позиция переводчика 368
ARSLAN MEHMET (Russia)
The power attitudes (relations) between Turkey and Russia: regional and geopolitical aspect 465

ASATIANI R.A. (Tbilisi)
Semantic and Typology of Dative subject 16
AUGUSTAT WILLY (Austria)
Culture - an "abstract" dimension - or the synthesis of all science? 725
AVDAKOV I., BELOVA G. (Moscow)
Roads in Japan of Tokugawa and Meiji periods: socio-cultural aspect 1086
AVDAKOV I.. (Moscow)
Railway transport in Japan: socio-economic aspect 1088
AVER'YANOV U.A. (Russia)
The early period of history of the abode of Hadjji Bektash Veli in Suludja Karahuyuk (province of Kyrshekhir, Turkey) 969
AYTAÇ) BEDRETTIN (Turkey)
The issue of cultural identity in Salama Musa and Cevat Sakir Kabaagach's essays 370
BADGAEV N.B. (Elista)
Problems of the historical phonetics of Kalmyck 17
BADMAEVA L.B. (Ulan-Ude)
Bargu-Buryat linguistic links 18
BADMAEVA T. (Elista)
The concept of «nature» in Kalmyck linguistic culture 19
BAGHBIDI HASSAN REZAI (Tehran)
A Linguistic Analysis of Iranian Lexical Elements in Sanskrit 21
BAGHERI MEHRI (Iran)
Astronomical data in a Middle Persian Text 309
BANDYOPADHYAY N. (Calcutta)
An Onomastic Analysis of the Katha Aranyaka 22
BARLA FR. EMMANUEL S.J. (Ranchi)
Political Unification of Tribals in Jharkhand 271
BARLA MARCUS (India)
Grain Bank: A panacea for reducing food in insecurity among the Tribals of Jharkhand, India 264
BARLAS DILEK (Turkey)
Turkey's place in the European union idea from Aristide Briand to Valery Giscard D'Estain 367
BASSAK HASSAN (Iran)
Art and Science as two important features in Isfahan 308
BEKRI TAHAR (Paris)
Littératures du Maghreb: problématiques d'écriture 22
BELIKOV V.I. (Moscow)
The significance of the convergent processes in language history 23
BÊLOVA A.G. (Moscow)
Substrat lexical en Arabie Méridionale: termes de la culture matérielle 25
BERADZE GRIGOL (Georgia)
A Western-Georgian royal seal of the late seventeenth century with a trilingual inscription 723
BERDZENISHVILI IRMA (Georgia)
The oldest Christian monuments and the issue of the architectural liaisons in the eastern Black Sea coast (Western Georgia) 237

BERNARD Rosemarie
Shinto Shrines, Emperor and War Dead in Japan since Meiji 362
BERNIKOVA O.A. (ST. Petersburg)
The main phonemic markers in Arabian dialects 28
BESSONOVA E.YU. (Moscow)
The Japanese epistolary text and its role in teaching Japanese 29
BHATIA M.L. (India)
Acculturation of medieval society through Indus River Cult 358
BIBIKOVA O.P. (Moscow)
The social-economic and cultural consequences of the presence of the Arab Diaspora in Europe 985
BILYK I.E. (Russia)
The Essential Types of Mythologems in the Literature of Arabic Writers of XX century 275
BISOTRA R.L. (India)
Demographic analysis of Tibetan Buddhism in western Himalayas 431
BITKEEVA A.N. (Moscow)
Sociolinguistic problems of Mongolian languages in Russian Federation (the case study of the Kalmyck language) 30
BOBROVNIKOV VLADIMIR (Moscow)
Arabic language and Caucasian studies 1005
BODRA PRABHAWATI (India)
Effect of modern developmental projects on the ethnobotanical values of indigenous people of Jharkhand 357
BOKSHCHANIN A.A. (Russia)
Changes in the Views of Zhu Yuanzhang, the Founder of Ming Dynasty, by the End of his Reining 949
BOLKVADZE TINATIN(Tbilisi)
Towards the role of translation for Georgian linguistic thought 31
BONDYA SUTANU LAL (India)
Impact of Urbanisation on the socio-cultural and religious organization among the forest dependent population of Jharkhand state 356
BOTOEV IGOR(Sapporo)
Problems of Japanization in the case of Russian Idioms 32
BOYKO VLADIMIR (Barnaul)
Wikh Zalmiyan – the failed experience of all-Afghan political party 249
BOZDEMIR MICHEL(Paris)
Le Turc entre les langues orientales et occidentals 33
BUGROVA MARIA (Russia)
The role of Great Britain in the «opening» process of China by the West in the 2nd part of the 19th century 460
BUI SUPASSORN (Thailand)
Program in Communication Arts at Sukhothai Thammathirat Open University and the advantages of distant education 536

BUKH ALEXANDER (London)
Japan's National Identity and Foreign Policy - In Search for Analytical Framework 288
BURKHANOV A.A. (Kazan)
Irrigated agriculture and cattle-breeding in the Middle Amu Darya region (Ancient Times and Middle Ages) 762
BURLAK S.A., ITKIN I.B. (Moscow)
Once more about «-r-a-absolutive» in Tocharian a 34
BURMAN ALLA (Izrael)
Natpwe [Spirits' Dances] and Theatre in Burma 278
BURYKIN A.A. (ST. Petersburg)
Altaic studies in St. Petersburg in the XXth century 37
BUYANER D.B. (Beit-Shemesh)
Towards the etymology of the Middle Persian bashkuch 'gryphon' 38
BÜYÜKYAZICI MERAL (Turkey)
The surface decoration of the leather in the Turkish leather art 371
BYKOVA S.A. (Moscow)
Lexical features of Japanese dialects 39
CAMPBELL JOEL R. (Japan)
The terrible new game: The new Asian nuclear realities. The Beginning of History: Post-9/11 Northeast Asian Great Power Relations 361
CAMPBELL JOEL R. (Japan)
The Beginning of History: Post-9/11 Northeast Asian Great Power Relations 527
CHAGAL V.E. (Moscow)
The arabization and the problems of translation 40
CHAKRABORTY SATYANARAYAN (India)
Literature for children and adolescents in classical Sanskrit literature and its impact, prospect and future in modern children's literature 430
CHALOUPKOVA LYGŽIMA (Czechia)
About the sutra «Golden light» in Mongolia 448
CHANG JOHANNES HAN-YIN (Taiwan)
Universals as Basis of Unity 842
CHARI V.K. (Canada)
Mysticism and the Problem of Expression in the Arts: A classification in Light of Indian philosophical and Aesthetic Traditions 346
CHAUDHARY ANJU GROVER (USA)
Internet and Broadband Revolution:Changing the Future of News 298
CHEN HUAIYU (Princeton)
Linguistic Connection between Two Chinese Nestorian Christian and Buddhist Texts 41
CHEREVKO K.E. (Moscow)
On the formation of the written literary Japanese (based on the text of «Kojiki» dating back to 712) 42
CHERTYKOVA M.D. (Abakan)
Verbs of emotion in Khakas 44
CHIA NING (USA)
The search for unity in a highly diverse empire: reading the Qinding Lidai Guanzhi Nianbiao of the Ch'ing Dynasty (1636-1911) 506

CHOBANYAN PAVLIK (Armeina)
The Armenian Merchants in the Russian-Indian trade relations 262
CHOUDHARY P.K. (India)
Deviant Behavior of Children in the Age of Globalization 433
CHU KWOK-NUNG (Taiwan)
A study of the view of nationalism by Liang Qichao 417
CHUKHOVICH BORIS (Canada)
The new socialist realism and the auto-orientalism in the Uzbek art in the 1990th. 345
CLARK HUGH R..(USA)
The emergence of a genealogical tradition in Minnan (Fujian) during the early Song Dynasty 484
COHEN AMNON (Izrael)
The Jewish Community Of Ottoman Jerusalem: Was it really segregated? 526
COUTO DEJANIRAH (Franca)
The «Cartas Orientais» of the National Archives of Torre do Tombo (Lisbon): an important collection for the Islamic studies concerning the Indian Ocean 365
CRONIN STAPHANIE (GB)
Army Officers and Constitutionalism in Iran, 1906–1926 360
CRUZ DA ASSUN PAZ REGINA MARILIA DE SOUSA (China)
Anatomy of Loneliness in Macao 259
DALDENIZ ELIF (Istanbul)
Translation studies: researching in the field of «In-between» 45
DATTA NILANJANA Sikdar
Death Rituals. A comparative study 246
DE CASTRO PATRICK ANTHONY (QUEZON City)
From the Settlement (banua) of Bawang to the Capital-city (laum banua) of Jolo: The Search for the historico-geographical factors behind the transformation of a riverine settlement into the capital of a powerful maritime Sultanate in Southern Philippines during the Proto-historic Times 235
DEMIRA YELDA (Turkey)
(In) Stability and Security in South Caucasus 280
DENISOVA T.A. (Moscow)
Muslims in Malay chronicles of XVII-XIX cc. 1065
DERBISHEVA Z.K. (Bishkek)
Lingua-cultural aspect of runic inscriptions 45
DEZFOULI M.R. MOKHBER (Iran)
The Translation movement and its scientific role in Islamic civilization 310
DMITRIEV SERGUEI (Russia)
La capital de Han Anterieur d'apres de "L'Ode de la capital Occidentale" (Hsi chingfu) de Tchang Heng (78-139) et les donnees archeologiques 565
DOBRONRAVIN N. (ST. Petersburg)
One Language, One Script, One Nation: Script Reforms and Language Standardization in Asia 46
DOBROVOLSKAYA M.V. (Russia)
Human palaeodiet: biological adaptations and cultural traditions in the Asia 546

DODYKHUDOEVA LEILA R., REISNER MARINA L. (Russia)
Nasir-i Khusraw : The concept of poetic creation 589
DOROTHEA FREY-BURGHARDT (Germany)
Culture must return into day-to-day's life (including politics) without delay to save civilisation. Revival of "PAX CULTURA" is a must! 724
DROUGOV A.YU. (Russia)
The Society and the Power in Modern Indonesia 893
DUNAEVA ELENA V. (Moscow)
History of Russian-Iranian borders' formation 1063
DYBO A.V. (Moscow)
The lexicostatistical classification of Turkic languages and external dating 48
DYRKHEEVA G.A. (Ulan-Ude)
The national Buryat language: reality and prospects 49
DZHEON A.A. (ST. Petersburg)
The pronoun tan'sin in Korean 50
DZHIKIA M.S. (Tbilisi)
The non-suffixal intensive in the Turkic languages (partially reduplicative word forms) 52
DZITTSOITY YU.A. (Tskhinval)
The ethnonym «Scythian» in the Ossetic language 54
EAZAZI ZANJADI ZADEH (Iran)
The impact of education on women's situation in Iran 310
EDELMAN D.I. (Moscow)
«The Etymological Dictionary of the Iranian Languages» and some problems of comparative historical lexicology of Iranian languages 55
EFIMOVA Z.V. (Moscow)
Referential structure in Japanese 56
EMEL'YANOVA N.M. (Russia)
Islam in the Northern Caucasus: North Ossetia and Kabardino-Balkaria 1018
EMIROV N.Y. (Moscow)
Saudi-Egyptian relations in 50's - 70's years of the XX-th century 1060
ENDŌ TAKATOSHI (Japan)
The order and structure of lineage model in northern Song China 482
ENGELENHOVEN AONE VAN (Leiden)
Linguistic Research in East Timor: the Case of Makuva 57
ENKHTUVSHIN B. (Mongolia)
Present issues of Mongolian nomadic society 438
ERMOLAEVA L.S.(ST. Petersburg)
Towards the typology of Kartvelian languages 58
ESENOVA TAMARA (Elista)
Means of text linking in the Kalmyck language 59
ESIPOVA MARGARITA (Moscow)
Musical Instrument as a Sacral Object In the Buddhist Painting 376
ESMAILPOUR ABOLGHASEM (Iran)
Manichaeism in Iran in the First Century after the Raise of Islam 309
EVDOKIMOV YOURI (Moscow)
The Eastern Arabia society, - Quo vadis - (the experience of the United Arab Emirates) 915

EZHOV G. P. (Russia)
Water resources and water balance in the IRR. 587
FADEEVA I.L. (Moscow)
Les turcs et les minorites apres la guerre d'independance 1918-1922 884
FANKHAUSER ERICH (Switzerland)
Spirituality and Culture - Evolution and Science 726
FEURSTEIN WOLFGANG (Germany)
Langues et cultures minoritaires du Caucase du Sud. L'aspect ethno-linguistique, la menace de l'extinction et les efforts de protection 854
FOMICHEVA EL. (Moscow)
Nature in beliefs and religious views of the Thais 928
FOMIN MAXIM (Colerain)
Exploring Connections between Celtic and Indian Studies: Pitfalls and Fascinations of Comparative Approach 227
FRANTSOUZOFF SERGUEI (Russia)
The So-Called Islamic Apocrypha: Some Remarks on their Origin and Classification 372
FRIEDMANN YOHANAN (Izrael)
Conditions of conversion in early Islam 258
FUTAKI HIROSHI (FUCHU, Japan)
On the Mongolian Regulations of the Sngags pa Grva tshang Enacted by Noyan Khutugtu Danzanravjaa 235
GADILIA KETEVAN (Moscow)
Concerning the Category of Definiteness in the Iranian Languages (synchronic and diachronic typology) 60
GAMZATOVA P.R. (Moscow)
On Self-Identity in the Art of Central Asia and North Caucasus in the 1990s 373
GANIEV F.A. (Kazan)
Some problems of the grammatical structure of Turkic languages 61
GARAEVA NURIA G. (Kazan)
Critics of Arabic and Persian Data on Arab Raids into Caucasus **978**
GARMAEV J.V. (Russia)
Prospect of East-Asian Regionalism Formation 1028
GASRATYAN, A.V. (Moscow)
The state of the foreign trade sphere in Lebanon 1052
GERASIMOVA A.S. (Moscow)
The fate of the Afghan immigrants in the West 984
GERASIMOVA MAYA (Moscow)
The Continuity in the Development of Aesthetic Traditions in Japan 910
GLUSHKOVA I. (Moscow)
Hindu Mythology and North Indian Identity 1073
GLUSHKOVA NATALIYA (Russia)
About Japanese-Canadian successful relationship 457
GOLIGUINA K. (Moscow)
Sou shen ji. Mythological tales of 3-rd-6th Centuries and the Problem of the Genesis of Topical Narrative 863
GOL'MAN M.I. (Russia)
To Periodization of the XX Century History of Mongolia in the Contemporary Mongolian Historiography 1024

GORBATKINA G.A. (Russia)
The main tendency of using folklore in modern Turkish literature 454
GORELOVA L.M. (Moscow)
The means of pragmatic structuring in the Manchu language 62
GORIAEVA L.V. (Moscow)
Adab in the Malay literary tradition: themes and genre forms. 922
GORODETSKAYA OLGA (Moscow)
Souls and Spirits in the ancient culture of Zhou. 877
GOUSAROV V.I. (Russia)
The Arab world: economic results of the century 449
GOUSSEINOVA D. (Moscow)
Some Aspect of Stage Performance in Mysterios «Ta'zie» Theatre 451
GRIGOR'EVA T.P. (Moscow)
Zen as freedom 896
GROVER AMRITA (India)
Methodology of History Writing-Distortions and Bias in History With Special Reference to the History of India 297
GUIMARAES ANGELA (Portugal)
Constitutionnalisme au Portugal 561
GULGUN UCEL - AYBET (England)
Literary and cultural life in Budin and Istambul according to books written in those cities in the 17TH century 422
GULIEV T.I. (Krasnodar)
Some specific features of the meta-language of translation (the case of translations of the constitution of the Republic of Turkey) 64
GUNDI LIEHR (Germany)
Spirituality/Culture - Civilization. The dimension of duality, bi-polarity in the unity of spirit and matter leading to: spirit in matter. 727
GUREVICH T.M. (Moscow)
The concept of MAN in the Japanese linguistic world image 65
GURIEV T.A. (Vladikavkaz)
On terms of sovereign rulers 840
GUSEV M. (Moscow)
The Problems of Security in South-East Asia (theses) 1081
GUZEV V.G. (ST. Petersburg)
Some insights from the experience of developing functional syntax of Turkic languages: parts of the sentence or parts of constructions? 66
HAN SEUNG-EOK (SOUTH Korea)
L'art du zen en Corée et le patrimoine culturel spiritual 485
HAO CHUNWEN (China)
From Conflict to Harmony – the Relationship between the Traditional She Associations and Buddhism in Medieval China 344
HARICHANDAN NILADRI BHUSAN (India)
Social aspect of Dandanata. An ancient form of folk-theatre in Orissa 355

HIRATA SHIOCKI (Japan)
Politicians diaries: politics in private sphere in southern song Lin'an. 482
HOFMANN ANNABELLA CLAUDIA (Munich)
Numbers and Geometrical Forms as an Intercultural Language 67
HOVHANNISYAN NIKOLAY (Armaina)
On the Turkey's Territorial Claims toward Syria and Iraq during the Second World War 279
HOYT FREDERICK G. (USA)
Three rocky mountain states confront the Philippines in 1898 soldier letters reveal the truth 494
IBRAGIMOV ANSARITDIN (Tashkent)
Words of Indian origin in «Babur-Name» 68
ICHIKI TSUYUHIKO (Japan)
Elite self-consciousness and learning in Zhu Xi 483
IMAMUTDINOVA Z.A. (Moscow)
Phenomenology of the Musical Rhetorics of Qur'an 563
INAN Kenan
Trabzon and the Black Sea trade in the second half of the 17th century as reflected in the Kadi court records 233
INOUE TORU (Japan)
Lineage Associations in Guangzhou in the Late Ming dynasty: A real picture found in Mengshuizhai-cundu (1632) 415
ISHIDA KAZUSHI (Japan)
The reception of western music and its development in East Asia 446
IVANOVA INNA P. (Moscow)
Capacite d'adaptation et potenciel d'autodeveloppement dans l'economie des pays arabes 923
JAKUPOV R.L. (Russia)
On the problems of ethnographic studying the Russian East 513
JAWAN JAYUM A., AGUS YUSOFF MOHAMMED (Malaysia)
Federalism in Multy-Ethnic Malaysia managing a Plural Society: Achievments, Challenges and Future Prospects 541
JEONG PYO HONG (Japan)
The superpowers and the Korean peninsula 495
JUNGHARE INDIRA Y., PRASAD RAVI (USA)
Jung and Shankara: The Collective Unconscious and the Brahman 538
KADYRBAEV A. (Russia)
Christians in China under Tang and Yuan dynasties 968
KALINIINA T.M. (Russia)
System of "climates" in the Arabian geography 682
KALINNIKOVA E.J. (Moscow)
Outline of the Report "Who and What Rules the Ball in the Creative Work of Salman Rushdie". 860
KANDIR KUNUL (India)
Ethnomedicinal Plants Used by the tribals of Jharkhand (India) in their Social Rituals 428
KARABEKYAN S.B., OGANESYAN A.P., YAVRUMYAN M.M. (Yerevan)
The structure of the Semitic root revisited (the morphophonological approach) 70

KARAMSHOEV D. (Dyushambe)
Compilation of the comprehensive comparative dictionary of the Pamir languages 71
KARAPETIAN ROUBEN (Armaina)
Armenian communities of South and South-East Asia in 17–19 Centuries 262
KASEVICH V.B., SPESHNEV N.A. (ST. Petersburg)
Lacunarity of text: grammatical, semantic and cultural aspects 72
KASSYMZHANOVA A.A. (Kazakhstan)
Philosophically-aesthetic views of al Farabi 720
KATO HIROFUMI (Sapporo)
Ancient Culture around the Circum Japan Sea Area 253
KAVIANI SHIVA (Iran)
The Golden Equation Oriental – Occidental: Dialogue of Civilizations 339
KAYA MEHMET ALI (Turkey)
The Traces of the Roman Legionary Movements in Anatolia 366
KERKETTA MALTI (India)
Cultural anthropological related to ethnobotany of Jharkhand 354
KHACHATRYAN YEKATERINA (Yerevan)
The Attestation of Satan in Attar's Works On the Positive Role of Dog in Sufi Literature 338
KHACHIKYAN M.L. (Yerevan)
Aspects/Tenses in Hurro-Urartian and Sumerian (typological analysis) 73
KHAGBA L.R. (Sukhum)
The concept of «time» in the linguistic mentality of the Abkhazians 73
KHALMURZAEV T. (Tashkent)
Divergent features in the Urdu language in India and Pakistan 76
KHAN MIR BAIZ (Canada)
Knowledge, Tradition, and Pedagogy: Nasir Khusraw's Approach to Islamic Teaching 276
KHARCHEVNIKOVA R.P. (Elista)
On differentiation the so-called reflexive pronouns in Mongolian languages 77
KHARKOVA S.S. (Elista)
Is it possible to specify the idioethnic in the languages of the world? 79
KHOKHLOVA L.V. (Moscow)
Syntactic oppositions marked by pronominal case systems in Sindhi, Siraiki and Kashmiri 80
KHORAMI ZOFFAGHAR RAHNAMAI (Iran)
Cast at Eastern message (1838–1877) 326
KHORLOO SAMPILDENDEV (Mongolia)
Globalization era and Mongolian culture 438
KHOSHEEMBEKOV KHADIYA (Moscow)
Uzbeks of Northern Afghanistan 1017
KHOSHROO ALIREZA MOHAMMADI ZADEH (Iran)
Islamic Banking 311
KHRIASCHEVA N. (Moscow)
Growing Economic Regionalism in the Asian and Pacific Region 1092

KIKABIDZE E. V. (Russia)
Japanese business and biotechnology 602
KILIC MURAT GAZI (Antep)
Teaching Turkish language in Syria (purpose, methods and techniques) 81
KIM KYUNGHO (SOUTH Korea)
The Foundation of Yul-gok Yi Yi's self-cultivation 330
KIRILLINA SVETLANA (Moscow)
Middle Eastern and Islamic Studies in Russia: A Historical Overview 977
KIRPICHENKO V.N. (Moscow)
Modern Arabic literature as a literature community 984
KLYASHTORNIY S.G. (Russia)
Old Turkic inscriptions as a historical source. 681
KOBAYASHI ENSHO (Japan)
A Case of «Mahayanization» of an Early Sutra: The Mahavastu (Chatravastu) as Prototype for the Vimalakirtinirdesa, and the Suntnigamasamadhi 492
KOKSHAEVA N.O. (Elista)
Chagdorzhab's letters as a major epistolary source for studying the Kalmyck of the XVIII century 82
KOLESNIKOVA N. (Moscow)
Cross-Cultural Literature - a New Phenomenon In the World Culture of the 20-th Century 935
KOLESOVA ELENA (NEW Zeland)
Banal Resistance The History of the Popular Education Research Movement in Hokkaido, Japan 317
KOMAROV ERIK (Russia)
Democratization as non-unulinear process: its stages, forms and regulations. The case of Political Development of South Asian Countries 965
KONOVALOVA I.G. (Moscow)
East European Toponyms of Medieval Arabic geographers 84
KONOVALOVA I.G. (Russia)
East, European Toponyms of Medieval Arabic geographers 681
KORMUSHIN I.V. (Moscow)
Towards a classification of the Tungus languages 85
KOROTAYEV ANDREY (Moscow)
Demo-Ecological Secular Cycles and Sociocultural Millennial Trends 999
KORSUN V.A. (Russia)
The Empire maneuvering 598
KOSMARSKAYA NATALYA DR. (Moscow)
Russian Diasporas: Political Constructions and Grass-Root Perceptions 1003
KOUNINA JULIA (Moscow)
Grammatical status of contemporary Chinese measure words in the works of the Chinese linguists 86
KOZHA KSENIA (Moscow)
Initial abbreviations – «lettered-words» in modern Chinese 87
KOZHEKINA M.T. (Moscow)
Adoption of economic experience as an aspect of cultural interaction: Russia and India at the verge of the XIX-XX centuries 1077

KOZHEMYAKO VICTOR (Vladivostok)
Korean – Russian Parallel Corpora 90
KRADIN NIKOLAY N. (Russia)
Nomadic Empire as a complex society: cross-cultural test 575
KRAVCHENKO S.L. (Moscow)
The role of borrowings in the development of the Amharic lexical system 92
KRIVETS E.A. (Moscow)
Moscow Copts are in Range of West and East churches 908
KRZHIZHEVSKIY MIKHAIL (Russia)
People of Asia in Samarskaya Oblast 576
KUCZERA STANISLAW (Moscow)
The origins of the conception of filial piety (xiao) in Confucianism 895
KULGANEK IRINA V. (Russia)
The Allegory in the Mongolian Aphoristic Poetry 686
KULMAMATOV D.S. (Termezt)
From the history of Turkic borrowing in Russian (yarlik, yerlichek, babr, elbars) 92
KULPIN EDUARD (RUSSIA), PIETKIEWICZ KRZYSTOF (Poland)
Gold Horde and Great Lithuanian 531
KUMAR Mukesh
Khokhar independence: A Reflection of the Tribal resistance in the North Western Frontier Region of Medieval India. 240
KUMARAN S. (KUALA Lumpur)
The relationship between the Japanese Kojiki and Tamil classical literature 250
KUMARI RAJANI (Gaya)
Indigenous Medicinal Values and Practices in The Santhal Tribe of Jharkhand (India) 241
KUPRIN AL.I. (Russia)
Political Power and Islamist Opposition in Tunisia in the Last Quarter of the 20th Century 947
KURIHARA KEISUKE (Japan)
The basic ideals of ancient Chinese sages regarding human existence 416
KURNICKOV IVAN A. (Russia)
ASEAN + 3: coincidence and contradiction of interests 678
KUTELIA N.S. (Tbilisi)
Disintegration of the Colchic linguistic community and integration of Mingrelian and Laz as dialects 95
KUZNETSOVA-FETISOVA MARINA (Russia)
New archaeological data from Yinxu (The Ruins of Yin) 595
LADYNIN IVAN A. (Moscow)
The Near Eastern Interregional States («Empires») Viewed through the Ancient Egyptian Toponymy: The Term Stt/Stt 96
LANDA R.G. (Moscow)
The Mediterranean Region: Common History and Culture 859
LANDER YURY A. (Moscow)
Interpreting a typological cluster: The case of the Circassian/Philippine system 97

LANDO N.S. (Moscow)
The problem of developing oral speech skills in teaching Arabic 99
LAZAREV M.S. (Moscow)
Kurdistan in Modern Geopolitics 1016
LEBEDEVA N.A. (Russia)
Creation of the North - Eastern China literature history (1919-1949) in the context of modern literary criticism issues 592
LEBEDEVA N.B. (Moscow)
International relations in the Indian Ocean region 886
LEBEDINSKI VICTOR V. (Russia)
Underwater Archaeological Finds of the Black Sea. 1042
LEDKOV A.A. (Russia)
The importance of the inscription from Bmimeshwar temple of Dolakha dated 688 of Nepal Samvat (1682 AD) 953
LEPEKHOVA ELENA (Moscow)
Could the Ishiyama temple' s monks be the authors of " The Tale of Genji"? 1090
LESHAKOV P.S. (Moscow)
Korean community in Russia after Soviet disintegration 927
LESNER RENATA (Torun)
Gamelen as a Part of Cultural Identity on Java (on the basis of own research design) 259
LEVIN ARYEH (Jerusalem)
The Arabic dialects of the Upper Galilee 101
LEVIN G.G. (Yakutsk)
Inscriptions of the Lena and Baikal area as a source of studying the history of the Jakut language 101
LEZHAVA IVAN I. (Tbilisi)
A spectographic analysis of sounds in Georgian 102
LI JIANZHONG (China)
Zhou I and Poetic Feature in Chinese Literary Criticism 288
LIELUKHINE D.N. (Russia)
The Rise of the State of Licchavis in Nepal by the materials of the "Gopalarajavamshavali" and epigraphy 961
LIELUKHINE D.N. (Russia)
Internet-resource "Indian Epigraphy" 962
LIJIEV A.B. (Elista)
On the long vowels in Tungus languages (based on the evidence of the Manchu language) 103
LIU JIEYU (UK)
Familialism, women's work and family life in Chinese Danwei 337
LURJE PAVEL (ST. Petersburg)
Dialects of Sogdian from toponymical viewpoint 104
LVOVA ELEONORA (Russia)
Ethiopian chronicls as an historical issue 679
MAEKAWA KANAME (Hachioji)
Результаты 3-летних полевых исследований укрепления Сиракузы 251
MAJUMDAR RANI, HASAN S. ZAHID (India)
Elements of mysticism in Srivara's Kathakautuka 526
MAKHPIROV V.U. (Alma-Ata)
The concept tör in Altaic languages 104

MALIK ANJALI (NEW Delhi)
Women in Early Indian Society 230
MALKONDUEV H.H. (Nalchik)
Karachay-Balkar poem of the 19th century about Joseph the Fine 534
MALYAROV OLEG V. (Moscow)
Socio-economic model of independent India 930
MARCHENKO V.T. (Russia)
Population of Russia - polyethnic system with the centuries-old history of formation 532
MARCHEVKSI M., KORALEVSKI J. (Poland)
Crimea: migrations and ecology 480
MARDANOVA G.B. (NABEREZHNYE Chelny)
Synonymy of phraseological antonyms in English and Tatar 107
MART-OOL, S. (Moscou)
Femmes-chamans de la Republique de Touva et lq bqse de donnees bio-bibliographiques des chamans du Sud de Siberie 1043
MASYUKOVA IRINA (Russia)
The Israeli Society in the 21-st Century: Problems and Perspectives of the Russian-speaking Community 856
MAT ISMAIL (Brunet)
Islam and its Legal Tradition in the Malay World with special reference to Negara Brunei Darussalam 326
MATAHIR HAJI SERBINI HAJI (Bruney)
The Protection of Life in Islamic Legal (shariah) Perspective 321
MATE ZOLTAN (Budapest)
Romanization of Japanese: an unsolved problem of language planning 111
MATSUTO KENJI (Japan)
Japanese medieval cities and Kamakura Buddhism 418
MAYEVSKI EVGENI (Moscow)
Orthography of Japanese Proper Names 112
MAZO O.M. (Moscow)
On some functions and meanings of the Sino-Tibetan suffix *-t 114
MEDNIKOVA M.B. (Moscow)
Population of the Eastern Aral region in the 1st millenium BC. - 1st millenium AD.: Social differentiation on anthropological data 528
MEDVEDKO L.I. (Moscow)
Outline of the Report The Wars of "Terror-Antiterror" in a New Paradigm of East-West 858
MELIKISHVILI IRINA (Tbilisi)
Kartvelian-Indo-European as a Macrofamily of Languages 115
MESHANINOV M.B. (Russia)
Trans-board cooperation of Russia and Mongolia in bilateral dialogue of civilizations 1034
MICHAUX Daniele
The dynamics of Status Quest for the Emergence of Kingship and Civilisation. The role of Trade, Art and Nomads in the Middle East 364

MIKYL'SKIY D.V. (Moscow)
August Muller: "Der Islam im Morgen und Abendland" 869
MIRSAIDOV ULMAS (Dushanbe)
Problems of terrorism: safety strategy and state of illicit trafficking of nuclear materials 702
MISCHIN DMITRIJ (Moscow)
The Spanish Umayyads' Anti-Fatimids Polemics (Xth Century) 883
MISHIN ANDREY (Russia)
About some tendency in word-formation in modern Persian language (after the victory of the Islamic revolution in Iran in 1979) 1025
MISHRA P.P. (India)
Indo-Lao Cultural Rapprochment 281
MISHRA V.D. (India)
Transformation and Social stratification of Ancient Indian Caste System 354
MISHUKOVA D.D. (Vladivostok)
On the nature and origin of classifiers in Vietnamese 116
MKRTYCHEV TIGRAN (Moscow)
The development of traditions in Central Asian Art 388
MOKOULSKI MARK A. (Moscow)
Human Genome and History of the Mankind 802
MOLODIAKOVA E.V. (Moscow)
Japanese model of religious life 920
MOMOTO SHIN (Japan)
Reconsideration of Ismācīlī christology with special reference to Abū Hātirn al-Rāzī 441
MONRAEV M.U., UBUSHAEV N.N. (Elista)
On some problems of the Kalmyck linguistics 118
MOREV LEV N. (Moscow)
Abstract Deverbal Nouns and Variation of Syntactic Structures in Tai 119
MOROZOVA EKATERINA (Moscow)
Mask Nō as synthesis of ritual traditions in Japanese theatre 392
MOROZOVA T.E. (Moscow)
Traditional principle of Indian letter- notation in variety of modern svaralipi systems 394
MOSKALENKO V. (Moscow)
The Political Role of Army in Pakistan 931
MOVSISYAN ARTAK (Yerevan)
On the decipherment of the hieroglyphic script of the Biainili-Urartu-Ararat Kingdom 121
MUDRAK O.A. (Moscow)
The linguistic situation in the North-Eastern Asia through the glottochronological data 122
MUKHAMETDINOV R.F. (Kazan)
The «Sun» phylosophy of the proto-Turks and its traces in the languages of the world 125
MURADYAN PARUYR (Armeina)
Stages and features of «Caucasian cultural world» formation 266
MURAKAMI SHINKAN (Japan)
Origin of the Mahayana - Buddhism 496

MURIAN INNA F. (Moscow)
The Oriental classic sculpture of the antique type in the post-ancient time 398
MUSHAEV V.N. (Elista)
A study of syntactic relations in the Modern Literary Kalmyck 127
MYRZALIEVA NADIRA (Kyrgyzstan)
North -South Division in Kyrgyzstan 560
NAKAJIMA GAKUSHŌ (Japan)
A Pursuit of Lineage Model: The Lineage Formation and Social Mobility Strategy of a Small Scale Descent Group in Huizhou during the Mid-Qing Period 421
NAKAMI MARI (Japan)
Suzuki Daisetsu's Concept of Japan 440
NAKAMI TATSUO (Tokyo)
The Mongol Summer in 1911: The Qing-Manchu Amban, the Mongol Delegation and the Russian Diplomats 243
NAMZHAVIN SODMON (Elista)
The «Clear script» of the Oirats of Xinjiang, the People's Republic of China 127
NANDJI RAI (India)
Ancient Indian Buildings in Agiabir: A Socio-Technological Study with Special reference to the Unity in Diversity 427
NARM SVETLANA G. (Moscow)
Policy of Soviet Government in Respect of Korean National Liberation Movement in 1918-1922 911
NASILOV D.M. (Moscow)
Some Aspects of Reconstruction Turkic Tense Forms in View of the Language Picture of the World 129
NECHAEVA L.T. (Moscow)
What exactly is «a commentary» in a Japanese textbook? 132
NECHITAYLO D.A. (Moscow)
Strategy and Tactics of Islamic Political Movements 1058
NEMCHINOV VICTOR (Moscow)
Will the East Again Meet West in the Mindsets of the 21st Century Generation? A history workshop method for teaching tolerance 995
NEVSKAYA I.A. (Novosibirsk)
Ancient Turkic texts of the pre-Mongolian period 134
NIKOLAEV V.P. (Moscow)
The South Pacific as a place of meeting East and West 1068
NIKOLAEVA M. (Moscow)
La conception mystique de l'homme et de l'univers dans l'oeuvre de M.Nouaime 975
NORMANSKAYA YU.V. (Moscow)
The localisation of Turkic Proto-home on the base of semantic reconstruction of fytonims 134
NOSENKO ELENA E. (SHTEIN) (Moscow)
Origins of the Sabbath: a historical and anthropological perspective 871
NOVAKOVA O.V. (Moscow)
The diffusion of Christianism (Catholicism) In the countries of Confucius civilization (XVI-XVII centuries) 803
NOVICOVA K. (Russia)
The cultural and nature basis interaction, and it's art comprehending in landscape design of Chinese and Japanese garden 961

NUGMANOVA G.G. (Russia)
The dwelling architecture of Kazan Tatars 263
NURMUKHAMMEDOV A. (Ashkhabad)
Turkmen vowels in «Divan» by the Machmud of Kashgar 136
OH MIYOUNG (South Korea)
Changes in the Meaning-based Reading of «Luny». The Analects of Confucius in Japan 333
OKA MOTOSHI (Japan)
Elite family and grave in Southern Song Wenzhou: from the viewpoint of local society 419
OKAMOTO FUJIAKI (Japan)
Entertainments and crimes in the urban areas in song China 414
OMAKAEVA ELLARA (Elista)
The functioning of Kalmyck as the national language in the Republic of Kalmykia 137
ORESHKOVA S.F. (Russia)
Osman Empire and Russia: problems of geopolitical delimitation of the empires' territory. 945
ORLIN SABEV (Bulgaria)
Between theory and practice: Ottoman physicians in the 17th–19th centuries 423
ORLOVSKAYA M.N. (Moscow)
Some specific features of simple sentence constructions in ancient Mongolian texts 139
ORSINI-SADJED SIRNA (France)
Aziz-e Nasafī (XIIIème s.): Métaphysique de la semence (notfe) 492
ORTAG FEUZI RIFAT (Turkey)
Global public goods and finance 369
ORTAG HCLYA SERPIL (Turkey)
Turkish culturel puplish beat Oya 368
OSTROVSKY BORIS Y. (Moscow)
On the system of the verb categories in persian and allied languages 829
PAGE ST. JOHN G. AND HIDALGO I.G. (El Colegio de Mexico)
Digital Indexed Zuozhuan 322
PAK B.B. (Moscow)
Russian Diplomat K.I. Waeber and Russo-Korean Treaty 1884 1083
PAK B.D. (Moscow)
100 years of Russo-Korean Relations: Main Stages and Historical Significance 1013
PAKHOMOVA L.F. (Moscow)
Innovation Models of Socio-Economic Development in South - East Countries 881
PAN LIEN-TAN (Mexico)
The culture in teaching Chinese as Foreign language 142
PANDEY K. AJAY (India)
Archaeology of Kopia:A Note on Ancient Glassmaking Center 353
PAO-MIN CHANG (China)
Hierarchy and Power in Chinese Civilization: Unique Features and Their Implications 290
PARSADANYAN VREZH.KH. (Yerevan)
Lexicological comparison of Persian and Dari 142

PAVLENKO V. V. (Russia)
Origins of ziggurats: to the history of the problem 607
PELEVIN MIKHAIL (St.Petersburg)
Early Afghan poets in Mughal India 562
PETRIKOVSKAYA A.S. (Moscow)
Australia: Changes in the Cultural Characteristics (Paths to Asia) 1070
PHILIPPOV ALEXANDER (Russia)
К вопросу о реформах в политике японского государства эпохи Эдо 295
PILICKOVA SEVIM (Mathedonia)
Diversity and unity in oral interpretation of folk tales Summary 343
PINTO ANA FERNANDES (Portugal)
Portuguese sources and Japanese history 538
PODALKO PETR R. (Japan)
Russian emigrants in Japan and their contribution to the development of the modern Japanese culture (1st half of XX century) 487
POGIBENKO T.G. (Moscow)
Copula of identity in Modern Khmer and Old Khmer 144
POPKHADZE N.B. (Tbilisi)
Reform of Achenaten and Links with Mitani and Karduniash 299
PORKHOMOVSKY V.YA. (Moscow)
The Berber tense-aspect system: a comparative study 146
POTABENKO S. (Russia)
The Artist and the Time 1038
POULATOV Uktam
Greco-Macedonian conquest and Hellenezation of Iranian nation 701
POULATOVA SH. (Dushanbe)
Interference and mutual enrichment of cultures of Tajikistan and India 776
PRANABANANDA JASH (India)
Administrative set up in the Management of the Buddhist Samgha 434
PRASAD RAVI (Minneapolis)
Can increasing randomness in languages be abated? 146
PRIGARINA N. (Moscow)
Mirza Ghalib and Muhammad Iqbal about 'Ajam and Iran 941
PROJOGHINA S. (Moscow)
Aspects du metissage culturel (les Maghrebins en France) 865
PROUSSAKOV D.B. (Moscow)
Nature and state in ancient Egypt 997
PSYANCHIN A.V.(Ufa)
History of the ethnic cartography to Asian Russia in the XVII Century and in the late twenties of XX century 335
PSYANCHIN YU.V. (Ufa)
The special features of the scientific-educational little style in Turkic languages of Ural-Volga region in the second half of the XIX century 147

PÜRBEEV G.TS. (Moscow)
Lexico-semantic field of fate in Mongolian languages 148
QURESHI, M. NAEEM (Pakistan)
The Russian Connection of the Indian Muhajirin, 1920-1924 240
RADICCHI ANNA (Italy)
Kashmir Shaivism and Abhinavagupta: fresh approaches to textual interpretation 342
RADNAEV V.E. (Moscow)
Two alphabets of square writing (the results of the study: metamorphosis and the essence of the truth) 150
RADNAEVA L.D. (ST. Petersburg)
The phonetic system of the Buryat language and new informational possibilities of its investigation and representation 151
RAFFETTA PAOLA E. (Argentine)
Oriental Studies and Technology in the Far South 330
RAGHUVANSHI ANUPAM (India)
Young People of the Contemporary Asia 274
RAMESH MADAN (India)
Hindu religion: not monolithic 429
RASSADIN V.I. (Novosibirsk)
On the principles of parts of speech classification in Mongolian languages 152
RAZAVI SEYYED HOSIEN SHAHAB (Iran)
Novelty of Shahryar's sonnet 306
RAZHBADINOV M.Z. (Moscow)
Islamizm - between moderate and radical pole 889
REDKIN O.I. (St.Petersburg)
The dialects of Yemen and language contacts 153
REMARCHUK V.V. (Moscow)
The Latin alphabet in the Vietnamese culture 154
RESHETNIKOV K.YU. (Moscow)
The split of first syllable vowels in Samoyed and Hungarian 158
RIABININ A.L. (Russia)
The Structure of Supreme Authority in The East During The Middle Ages 955
RIZAEVA A (Moscow)
Some Problems of Contemporary Arabian Cinema 378
ROSHCHIN M. (Moscow)
The Ismailis of Badakshan (an attempt of a field-research in Tajikistan and Afghanistan). 1067
ROSHCHIN M. YU. (Moscow)
St. Catherine's Monastery in Sinai and local Bedouins: experience of a many centuries' mutual interaction. 880
ROUDAKOVA M.V. (Moscow)
The new approach on the problem of the creation of history in the historiography of al-Andalus 936
RUDNITSKAYA E.L. (Moscow)
Evidentiality in Korean 160
RUKMANI T.S.(Canada)
Revisiting the Jivanmukti Concept in Sankhya Philosophy in the Context of the Sankhyasutras 345

RUKODELNIKOVA M.B. (Moscow)
On Chinese swimming verbs semantic description 163
RUMYANTSEV M.K., KAPLUN M.I., POSPELOV B.V. (Moscow)
On the problem of evolution of word tone characteristics into accentual ones 165
SADOKOV N.V. (Moscow)
The development of Philippine literature in 19-20 centuries 1050
SAHAI RAVI S.(India)
Chotanagpur, land of composite tribal culture in India 351
SAHAY RAVI S. (India)
Chotanagpur, Land of Composite Tribal Culture in India 272
SAHU HEEM BACHAN (India)
Threat of modern development/globalization on the socio-cultural existence and survival of the indigenous population in Indian sub-continent 435
SAHU RADHA (India)
Threat of Industrialization to ethno-biological profile and socio-cultural existence of the Asur tribal of Jharkhand 351
SAITO AKIRA (Japan)
Śāntideva's critique of 'I' or Self in the early and later recensions of the Bodhi(sattva)caryāvatāra 441
SAKHOKIA M.M. (Tbilisi)
Materials for the historical morphosyntax of the Persian language 166
SAMARINA IRINA V. (Moscow)
Towards typology of phonological systems of Vietic languages 167
SANAIE MEHDI (Iran)
Civilizational rol of central Asia and present rol of Eurasia 274
SANNI AMIDU OLALEKAN (Nigeria)
The Phenomenology of LAHN in Koranic and Philological Traditions 280
SARABIEV A. (Russia)
The migration of the Syrian and Lebanese Christians in the first half of XXth century and social and political changes. 1027
SAVELIEV ROALD V. (Russia)
The new Russian foreign policy and Russian-Korean relations 502
SAXENA RAKESH (India)
Spirit of Syncretism in Buddhism and its transformation 349
SAYYID A.S. (Pakistan)
Pakistan: Oriental historiography on religion and politics 539
ŜČEKA Y.V. (Moscow)
The principles of Turkic reconstruction 170
SCHOTTENHAMMER ANGELA (Germany)
Reality & Ideology in Wudai China: The Tomb Inscription of Wang Chuzhi as an Example 419
SERDYUK ELENA A. (Moscow)
Spontaneity in the "ARTIST-MATERIAL" Relations in Medieval Japan 613

SERENKO I.N.(Russia)
Elaboration of Education Model for Pakistani Youth 332
SHAIKHULOV A.G. (Ufa)
Specific features of ideographic paradigmatics in the languages of the Volga-Kama-Urals ethnolinguistic area 172
SHAKHBIEVA M.KH. (Moscow)
The category of class: cognitive and grammatical content (based on the material of Nakh languages) 173
SHAKHBIEVA M.KH. (Moscow)
Systematization of scientific information in Caucasian linguistic studies (based on reviews and analytical studies of the Institute of Information in Humanities over the period from 1973 to 2003) 175
SHALYAPINA Z.M., KANOVICH M.I., KOSTYRKIN A.V., LUBCHENKO V.I., MODINA L.S., PANINA A.S., SENINA V.I., SIVTSEVA N.I., TARASOVA YE.S., SHTERNOVA O.A. (Moscow)
The JaRAP system of Japanese-Russian automatic translation in 2004 177
SHAMATOV A.N. (Tashkent)
On the correlation of the notions «direct» and «indirect» interference in areal studies 180
SHAMATOV AZAD N. (Uzbekistan)
K sootnosheniyu ponyatiy "pryamoy" i "kosvennoy" interferencii v arealhnih issledovaniyah 852
SHAMILLI GULTEKIN B. (Moscow)
Witnessing of Beauty. Attempt of the "Musical Reading" of Tabriz Miniature Painting in the beginning of XVI c. 635
SHAPOVALOVA SVETLANA (Moscow)
The Laws of Melaka ("Undang-undang Melaka", XY - XVII) in context of Malay historical sources research 1054
SHARBATOV G.SH. (Moscow)
The development of the secondary root formation in the Arab colloquial speech 181
SHARMA H.P. (India)
Nutri-Medicinal Value of Ethnobotanical Plants, Growing in Tribal Region of Jharkhand State 428
SHAW BRIAN CARL J. (HONG Kong)
Bhutan 1972-2004: a «just-in-time» polity – techniques and achievements 231
SHAW FELICITY (HONG Kong)
Bhutan's school libraries: an overview 238
SHCHUKIN A.A. (Vladivostok)
Repetition as a System in Modern Chinese Text 184
SHEREMET VITALY (Moscow)
Archival orientalistics: principles, purposes, perspectives 918
SHIMIZU Takayoshi(Japan)
Russian Literature Accepted in Japan: Case of Dostoevsky 442
SHIOTSU TORU (Hachioji)
Viewing The Significance Of The Ideas In The Lotus Sutra From The Eyes of Contemporary Constitutional Law 247
SHKARBAN LINA I. (Moscow)
On the syntax of Philippine languages in typological context 184

SHLYKOV PAVEL (Россия)
Charitable and pious foundations (wakfs) and their role in economic and socio-politic life of the Ottoman society in the XVIth century 508
SHRESTHA KRISHNA PRAKASH (Russia)
Mundhum - Religious & Legal Treatise of Kirat people 954
SHUTOVA E.I. (Moscow)
To the problem of language usage in act of speech 187
SIDDHARTHA S. (India)
Roots of cameralism in India and China, with reference to Kautilya and Confucius 650
SIDDHARTHA SUNDARI (India)
Roots of Cameralism in India and China, with reference to Kautilya and Confucius 425
SIGORSKIY ALEXANDER A. (Moscow)
Convergence vs. divergence in closely related language families – Iranian and Indoaryan: a case study of declension in Dakhini 190
SINCLAIR PAUL (Japan)
Early Chinese studies in Japan: The education of the Nagasaki Translators in Tokugawa Japan 444
SINETSKAYA ELVIRA (Moscow)
Feminism in China 915
SINGH A.K.(India)
Medieval western Himalayas wooden Sculptures: new finds and stylistic connection with the art of Kashmir 350
SINGH ASHA (India)
«Health status of tribal women of Jharkhand (India)» Under the theme-human ecology (health & medicine) 438
SINGH HARNAM (India)
Spiritual culture. The intereaithscripture of mankind 359
SINGH HARNAM SHAN (India)
The love-legend of Sassi-Punnun as described in Urdu Language & literature 436
SINGH KAMESHWER PRASAD, SINGH ASHA (India)
A study of Folk methods of medical treatment in Indian society with special focus on Jharkhand State 350
SINKOVA OKSANA M. (Moscow)
Word-formation of neologisms in the sphere of computer technology (on the modern Arabic press material) 193
SINKU USHA (India)
Harmful effects of Rice Beer (Haria) among the tribes of South Chotanagpur (Jharkhand) due to modernization 426
SIRK ULÖ, (Moscow)
Preliminaries to the etymological dictionary of La Galigo Buginese: the physical world and some important directions therein 196
SLEZKINA O.YU. (Moscow)
Spatial relations in a multilingual system of computer translation (English-Russian-Turkish) 199
SOKOLOV ANATOLI (Moscow)
The Literature of Vietnamese Community in the USA 986
SOKOLOV-REMIZOFF S.N. (Moscow)
Xianzhang - Chinese "free" seals summery 618

SOKOLOVSKI A.Ya.(Vladivostok)
Cultural relations between Far-Eastern region of Russia and South-, South-Eastern countries 307
SOLNTSEV A.V. (Moscow)
On hieroglyphic, post-hieroglyphic, and non-hieroglyphic languages 202
SOLNTSEVA N.V. (Moscow)
The Borrowed Morphological Elements in the Nung Language 204
SOTNIKOV VLADIMIR I. (Moscow)
South Asia nuclear future 1008
STARODUB TATIANA (Russia)
The concept of space in the Medieval Islamic visual arts 498
STAROSTIN GEORGE (Moscow)
On the possible ways of click system evolution in Khoisan languages 206
STEFANCHUK L. (Moscow)
Immigration to New Zealand 989
STOLBOVA OLGA (Moscow)
The role of folklore textes in field-research (the case of Kirfi language in Northern Nigeria) 207
STRELKOVA G.V. (Moscow)
From a literary heroine to a woman writer 843
STRIZHAK UL.P. (Moscow)
Some aspects of applying the motivation phenomenon of hieroglyphic characters in teaching Japanese 209
SUE TAKASHI (Japan)
Order in Zhen (township) society: Temples and local elite 422
SUETINA JU.G. (Moscow)
The contrastive analysis of noun morphology in Saharan and Chadic languages 210
SUN WARREN (Australia)
The First Tiananmen Incident Revisited: Elite Politics and Crisis Management at the End of the Maoist Era 303
SUSLINA S.S (Russia)
Modern economic model of the Republic of Korea and globalization: problems and chances. 504
SUVOROVA ANNA (Russia)
Neither a Muslim nor a Hindu: A Convention of the Indian Sufi Poetry 971
SUZUKI MICHITAKA (Okayama)
Orthodox Icons in Japan 234
TADINOVA R.A., EKBA Z.N. (Moscow)
Towards sacral concepts of speakers of Proto-Turkic 211
TADJBAKHSH HASSAN (Iran)
Some new research concerning the scientific works and Medical discovery of Avicenna 340
TAGANOVA M.A. (Ashkhabad)
A functional grammar of the Turkmen language 213
TAKATSU TAKASHI (Japan)
The civil service examination and Chinese culture: The suppression of cultural diversity 445

TAM KWOK-KAN (China)
Hybridity in Language and Identity: Recent Hong Kong Writings in English 291
TANEEVA-SALOMATSHAEVA L.Z. (Moscow)
The immanent logic of the Sufic verse (The example of India's medieval poetry in the Persian language) 983
TANG JIAN (USA)
Shifting between Maroon Glacé and Sapphire Blue as a miracle in world art archaeology: Chinese bronze technology in high Ming and perpetuation of prosperous social life in 1420s 483
TANSUNG SABIHA (Turkey)
Anatollan women headdresses and costumes 365
TAVASSOLI GHOLAM-ABBAS (Iran)
Religious Democracy: Reality and Contradiction (Theory and Practice) 276
TAYURSKAYA K.A. (Khabarovsk)
«Liu-sing-yu» in Modern Chinese 214
TERRY SUI-HAN YIP (China)
Sweet Dreams vs. Nightmares: Globalization and the Search for Identity in Selected Literary Texts from China, Taiwan and Hong Kong 316
TEWARI D.P. (Lucknow)
Social conditions in the Chalcolithic cultures of the Gangetic plains in India. 236
TOKUNAGA MUNEO (Japan)
Some Remarks on the Itihaasas in the MahAbhArata – A study of the textual development of the ZAntiparvan 302
TOOSSII BAHRAM (Iran)
About Zoroaster and His Influence Upon Philosophy, «Erfan» & the World's Civilization 316
TOPRAK FUNDA (Denizli)
Religious terms in Karakhanic, Kharezm and Keptchak Turkish 215
TOPRAK M. FARUK (Turkey)
Assyrian peoples in the classical Arabic sources 371
TORBERT ANTHONY C. (Japan)
Regional economic and the Six-party Talks' effects on North East Asian security 443
TORLAKOVA LUDMILA Bergen)
Fixed Comparative Expressions in Standard Arabic 216
TOSHIKO SATO (Japan)
Pound's and Waley's English translations of a Japanese Noh-Kagekiyo 536
TOURKINA T. (Russia)
Gender Aspects of the Traditional Social Structure of West African Peoples (ibo, yoruba, edo) 292
TROFIMOVA S.M. Ulan-Ude)
Manifestation of the definiteness-indefiniteness category in the pronominal system of Mongolian languages 216
TROSHIN A. (Moscow)
Small and Middle scale industries in the East and South East Asia: the development now 1093
TSHAIKOVSKAJA A. (Tallinn)
A systemic approach to the study of Turkish nomination 1094

TSUCHIYA HARUKO (Japan)
Fa Hsien's route to To-li on the Indus: the Darel Valley Field research in Northern Pakistan 2000-2003 497
TSVETKOVA N.N. (Moscow)
Foreign Direct Investment in Asia and Globalization 870
ULANOVA A.E-G.,UBUSHAEVA B.V. (Elista)
Towards studying the language situation in Kalmykia 217
ULCHENKO NATALIYA (Moscow)
Summing up BSEC's first decade 874
ULYAKHIN V.N. (Moscow)
Developing Asia: Technological Progress and Socio-structural Market Instruments 1012
USOVA EKATERINA (Russia)
Israel in the Modern International Relations System 1021
UTURGAURI S.N. (Moscow)
Turkish Diaspora in Germany. Social and Cultural evolution 983
VAISHNAVA Y.D. (India)
3rd Milinare standard global laingwej sosaitee 435
VANINA E.YU. (Russia)
Time as viewed by medieval Indians (some historical observations) 951
VASILEV DMITRY D. (Moscou)
Les Caravan-Serail's de la Crimee, du Caucase, de l'Asie Centrale et de la Turquie sur les Vieilles Photos des Archives de l'Academie de Scaiences de Russie 1047
VASILIEVA L.A. (Moscow)
The World of Urdu Diaspora Literature 973
VELICKOVSKI BONE (Mathedonia)
Similarities and Differences in the Russian, Turkish and Macedonian Proverbs 343
VERTOGRADOVA V. (Moscow)
Planimetric Patterns in Ancient Indian Painting according to the Citrasutra 939
VIVIANI PAOLA (Italy)
Woman's Role in Society: Some Considerations by M.'Ajam (1888-1965) 278
VOIGT RAINER (Berlin)
Two Suffix Conjugations of Hebrew 218
VOLODINA E.G. (Moscow)
Anglicisms in Turkish and the language reform in Turkey 219
VRADIY S. (Vladivostok)
Some aspects of traditional Chinese biography: the Portrayal of Lin Zexu in Qing historiography 772
VYATKIN ANATOLY (Moscow)
Natural Resources of the Crimea and repatriation of Crimean tatars (1989-2003) 1001
VYRSHCHIKOV YE.G. (Moscow)
Certain aspects of the Old Indian notions of the City 987
WEERDT HILDE DE (USA)
Twelfth-century teacher-images 420
WEN JIAN (ST. Petersburg)
Daocism in Chinese set expressions 221

YACCOB ABDOL RAUH (Brunet)
British policy of intervention in the Middle East 326
YAHAYA MAHAYUDIN BIN HAJI (Brunei)
The social and political background of the Abbasid Revolution: the rise of the Abbasid caliphate 325
YAHAYA MAHAYUDIN HJ (Brunei)
The Islamic schism during the 1st century of Hijrah and its impact on Muslim society 296
YAKHONTOVA N.S. (ST. Petersburg)
Sanscrit names in an oirat dictionary by Zaya-pandita Namhaidzhamco 222
YAKOVLEV V.M. (Moscow)
Principle of gua succession in the "Book of Changes" of Chou time 861
YANG R. (Kowloon)
Conversation Organization in Web-based Academic Discussion 223
YASHKIN V. (Russia)
The Economy of the Pacific Region: Problems of Development and Cooperation 1035
YASKINA G.S. (Russia)
The Main Factors Affecting at Going Closer Each Other 1031
YATSKOVSKAYA K.N. (Moscow)
Djagatai XVII century manuscript "The Heroic Epic of Cinggis Khan" and "The Secret History of the Mongols" 929
YEREKESHEVA, LAURA (Kazakhstan)
Central Asian Civilization and Identity Under New World Order: Challenge Or Answer? 853
YIN SE (China)
On the Syncretism of Buddhism and Shamanism: With a Focus on East Asia 289
YONDEMLY FUAT (Turkey)
Змея как символ здоровья и ее противоречивые стороны 531
YOUSEFIAN PAKZAD (Zahedan)
A Description of Verbal Structure in Baluchi (Laashaari) 223
YURLOV F.N. (Russia)
India: Democracy and Formation of a Multiparty System 950
YURLOVA E.S. (Russia)
The Indian Untouchables: from subordination to self-identification 952
ZAHAREMKO I.A. (Belarus)
National traditions of Russian school of oriental studies (Natives of Belarus - researchers of the East) 542
ZAKAZNIKOVA JE.P. (Moscow)
Australian-Indonesian Relations (The end of 1990s - 2003) 979
ZAKHAROV A.O. (Moscow)
The Problem of Political Organization of the Early Medieval Insular Societies of the Southeast Asia 908
ZAKIEV M.Z. (Kazan)
The lexemes akatsir/agadir [agathirs] and mishar/mad'yar in the system of Turkic ethnonymes 224
ZHA DAOJIONG (China)
Renewal of Vows: China and the United States in East Asia 290

ZHANATAEVA ULBOSYN (Russia)
Social consequences of economic reforms in independent Kazakhstan ... 584
ZHANG BENNAN (HONG Kong)
Language attitude and Putonghua promotion in post colonial Hong Kong ... 225
ZHANG TIAN (China)
On the Common Characteristics and The Differences Between Chinese People and Indian People ... 345
ZHANTIEV D.R. (Russia)
Studies of Islam in Russia. Political aspect ... 570
ZHAROVA O.V. (Moscow)
Ecological risk assessment: in Australian practice ... 1009
ZHELEZNOVA N.A. (Moscow)
Corpus Kundakundae: problem of date ... 943
ZHIGALINA O.I. (Moscow)
The kurdish Tribes of iranian Province of Kermanshah at the begining of the XX-th century ... 868
ZHUKOV KONSTANTIN (Russia)
Emile J. Dillon, Russian Orientalism and the Eastern Question ... 570
ZHUKOVA ANASTASIYA (Russia)
About the principles of tradition music in the Japanese cartoons' composition and imagery ... 586
ZHUKOVA IRINA (Russia)
The Intellectual Japanese Drama of the XXth century second half ... 548
ZHUTAYEV DAR I. (Moscow)
Nine and Twelve Types of Doctrinal Discourse in the Indian Buddhist Tradition ... 937
ZOGRAPH IRINA T. (ST. Petersburg)
The Syntax of Wenyan against that of Ancient Chinese ... 226
ZOMORRODIAN REZA (Mashhad)
Evolution du système phonétique persan des origines à nos jours ... 227
ZORIN ALEXANDER (St-Petersburg)
Hymns (Stotra) in Classical Tibetan literature ... 288
ZORINA A.V. (Russia)
Hymns (stotra) in classical Tibetan literature ... 581
ZUBKOVA LUBOV (Russia)
Dravidian studies in the Netherlands: knowledge to be used ... 581
АБАЕВА Л.Л. (Улан-Удэ)
Этноинтегрирующий феномен буддийской культуры в структуре кочевых традиций монгольских народов ... 728
АВДАКОВ И.Ю. (Москва)
Железнодорожный транспорт Японии: социально-экономические проблемы ... 1089
АВДАКОВ И.Ю., БЕЛОВА Г.В. (Москва)
Дороги Японии эпох Токугава и Мэйдзи: культурный аспект. ... 1087
АВЕРЬЯНОВ Ю.А. (Россия)
Ранний период истории обители Хаджи Бекташа Вели в Сулуджа Карагююке (провинция Кыршехир, Турция) ... 970
АВИДЗБА А.Ф. (Сухум)
О "национальном интересе" малых стран в условиях глобализации (на примере Абхазии). К постановке проблемы ... 813

АВИДЗБА В.Ш. (Сухум)
Художественная литература в первой абхазской газете "Апсны" (1919-1921 гг.) ... 814
АГЕЕВ Н.Ю. (Москва)
Книга Перемен (И цзин) и календарь в творчестве ханьских учёных ... 904
АГЕЕВА Н.Ю. (Москва)
И цзин и восприятие западной культуры китайскими учёными конца XIX - начала XX вв. ... 900
АДЖИНДЖАЛ Е.К. (Сухум)
Деколонизация Абхазии и международное право ... 816
АЗИМОВ КАМИЛ С. (Ташкент)
Конфликты и кризисы на Ближнем Востоке: потенциал и типологические особенности ... 230
АЗИМОВА Д., ХАСАНОВ У., БАХОДЫРОВ М., ОЧИЛОВ Б. (Узбекистан)
Национальная безопасность Узбекистана в контексте глобальной системы безопасности ... 285
АКИМОВ А.В. (Москва)
Прогноз численности населения Азии в XXI веке ... 1076
АКИНИНА О. Г. (Москва)
Арабский глагол laysa в контексте изучения недостаточных глаголов ... 5
АЛЕКСЕЕВ А.К. (Санкт-Петербург)
Некоторые замечания к истории Аштарханидов Средней Азии ... 729
АЛЕКСЕЕВ АН.К (Россия)
Некоторые замечания к истории Аштарханидов Средней Азии ... 331
АЛЕКСЕЕВ В.А., АЛЕКСЕЕВА Н.Г. (Россия)
Экологические проблемы тектонически активных районов Азии ... 476
АЛЕКСЕЕВ В.А., ПРОКОПЕНКО Л.И., АЛЕКСЕЕВА О.В. (Россия)
Динамика состояния здоровья детей при нарастании сейсмической активности в экологически чистых районах Туркмении ... 479
АЛЕКСЕЕВ И.Л., ХАЛТУРИНА Д.А. (Москва)
Теория политических циклов Ибн Халдна и нелинейные динамические модели в современных социальных науках ... 934
АЛЕКСЕЕВ Н.А. (НОВОСИБИРСК), ПЕТРОВА С.И. (Якутск)
Шерпы глазами якутов ... 730
АЛЕКСЕЕВА Т.И. (Россия)
Антропоэкологические исследования в Центральной Азии ... 473
АЛИЕВА Н.Ф. (Москва)
Типологическое сопоставление островных и полуостровных языков Юго-Восточной Азии. Выделение структурных типов ... 8
АЛИМОВА Д. (Узбекистан)
Генетическая основа интеллектуально-социального протеста и слияние философских идей Запада и Востока в воззрениях Джадидов ... 260
АЛПАТОВ В.М. (Москва)
Многоязычие, языковая политика и глобализация ... 10
АМИРОВ Р.К. (Уфа)
Межвузовский научно-образовательный центр "Евразийский проект" ... 731

АМОГОЛОНОВА Д.Д. (Улан-Удэ)
Идеал царской власти и ее реальное воплощение в ведийской Индии 733
АНАЙБАН З.В. (Россия)
Влияние социально-экономических преобразований в России на положение женщин в обществе (на примере Тувы и Хакасии) 967
АНТОЩЕНКО В.И. (Россия)
Семейные генеалогии и культ предков во Вьетнаме 470
АРГУН Ю.Г. (Сухум)
О демократических принципах управления в абхазском обществе 817
АРИСТОВА Л. (Москва)
Казахстан. Международное сотрудничество в области транспорта 976
АРКАДЬЕВ П. М. (Москва)
«Расщеплённая непереходность» в японском языке с семантической и функционально-типологической точек зрения 14
АРСЛАН МЕХМЕТ (Россия)
Энергетические отношения между Турцией и Россией: региональный и геополитический аспект 467
АРХИПОВ А.Ю. (Ростов-на-Дону)
Глобализация и многополярность в мирохозяйственных связях 735
АСАДОВ ФАРДА (Азербайджан)
Проблемы интеграции Запада в зеркале конфликтов в мусульманском мире 554
АСАНКАНОВ А. А. (Кыргызстан)
Параллели в культуре саяно-алтайского и кыргызского народов 710
АСТАШКЕВИЧ С.А.
Мир как органическое целое: русская философия и теистическое учение Веданты 245
АШРАФИ М.М. (Таджикистан)
Самаркандские миниатюры 17 века в английских коллекциях 643
БАДГАЕВ Н.Б. (Элиста)
Проблемы исторической фонетики калмыцкого языка 17
БАДМАЕВА Л.Б. (Улан-Удэ)
Баргу-бурятские языковые связи 18
БАЗАРОВ Б.В. (Улан-Удэ)
Монголоязычные народы: своеобразие контактных геополитических зон 737
БАЗАРОВА Б.З. (Улан-Удэ)
Военное искусство монголов (на материале монгольских летописей) 739
БАЙКАПОВ К.М. (Казахстан)
Гильом де Рубрук в Кайлаке 677
БАКАЕВА Э.П. (Элиста)
К проблеме семантики круга в кочевом жилище 736
БАЛДАНМАКСАРОВА Е.Е. (Улан-Удэ)
Кавьядарша Дандина как основа развития теории поэзии монгольских народов 741
БАРАНЕЦ А.А. (Астрахань)
Телесность в исламе 744

БАРАНОВ С.А. (Россия)
Сепаратизм в Индии: факторы его живучести и опыт борьбы с ним 1020
БАРКОВА М. (Москва)
Северо-восточная Азия в 21 веке: тенденции и перспективы развития 746
БАТОЕВА Д.Б. (Улан-Удэ)
Локализация загробного мира в мифологических представлениях монгольских народов 747
БАЯРТУЕВ Б.Д. (Улан-Удэ)
Философские аспекты гимнографии ваджраяны: Магтаал Ямандаки в бурятской литературе XIX века 749
БАЯЧОРОВА Б.Ж., БАТЫРБАЕВА Ш.Д., ЖАМАКЕЕВ Т.К. (Кыргызстан)
Исторические алгоритмы создания информационно-справочной системы "Генеалогическое древо кыргызов по Санжыре" 644
БЕЙСЕМБИЕВ Т. К. (Казахстан)
Возрождение тагайской государственности идеи в Мавеаннахаре (Конец XVIII - начало XIX в.) 649
БЕКМАХАНОВА Н.Е., НАРБАЕВ Н.Б.
Прикаспий и Приаралье: современные проблемы экологии 463
БЕЛИКОВ В.И. (Москва)
Роль конвергентных процессов в языковой истории 24
БЕЛОВА А.Г. (Москва)
Субстратная лексика Южной Аравии по материальной культуре 26
БЕЛЯЕВА С.А. (Киев)
Северное Причерноморье - арена интенсивного цивилизационного взаимодействия Востока и Запада. 797
БЕРНИКОВА О.А. (Санкт-Петербург)
Основные фонемные маркеры аравийских диалектов 28
БЕРНЮКЕВИЧ Т.В. (Чита)
О философско-методологической основе Санкт-Петербургской буддологической школы 749
БЕСОЛОВ В.Б. (Алагир)
Архитектура древнейших центрических сооружений горной Евразии в свете индоевропейской дилеммы "Orient oder Europa" 751
БЕССОНОВА Е.Ю. (Москва)
Японский эпистолярный текст и его роль в процессе обучения японскому языку 29
БИБИКОВА О.П. (Москва)
Социально-экономические и культурные последствия присутствия арабской диаспоры в Европе 986
БИЧЕЕВ Б.А. (Элиста)
Этноцентризм как свойство этнического самосознания западных монголов 756
БОБРОВНИКОВ В.О. (Москва)
Арабский язык и кавказоведение 1006
БОКЩАНИН А.А. (Россия)
Что изменилось во взглядах основателя династии Мин Чжу Юаньчжана к концу его правления 949
БОРИСЕНКО А.Ю. (Новосибирск)
Немецкие ученые-востоковеды XVII - XIX вв. о военном искусстве азиатских кочевников 756
БРАВИНА Р.И. (Якутск)
Человек и Природа в мифоэкологических представлениях якутов 759

БУГРОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА (Россия)
Роль Великобритании в «открытии» Китая Западом во 2 половине 19 века ... 461
БУДРЯКОВ Ю.Ф. (Узбекистан)
Города и караван-сараи Мавераннахра на Великом шелковом пути (По археологическим источникам) ... 700
БУЖИЛОВА А.П. (Москва)
Мигранты в древнем Приаралье: экологические проблемы адаптации ... 760
БУРЛАК С.А., ИТКИН И.Б. (Москва)
Еще раз об «абсолютиве на -r-a» в тохарском А языке ... 35
БУРХАНОВ А.А. (Казань)
Орошаемое земледелие и скотоводство в среднеамударьинском регионе (древность и средневековье) ... 765
БУРЫКИН А.А. (Санкт-Петербург)
Петербургская алтаистика. XX век ... 37
БУРЬЯН М.О. (Луганск)
Уайтхолл и проблема статуса Египта в межвоенный период ... 797
БУЯНЕР Д.Б. (Бейт-Шемеш)
К этимологии среднеперсидского bashkuch «грифон» ... 38
БЫКОВА С.А. (Москва)
Лексические особенности диалектов японского языка ... 39
ВАЛЕЕВ Р.М. (Казань)
Итоги и перспективы изучения истории российского востоковедения (XIX - XX вв.) ... 767
ВАНИНА Е.Ю. (Россия)
Время в представлениях средневековых индийцев (некоторые исторические замечания) ... 951
ВАРЕНОВ А.В. (Новосибирск)
Древнеиндийские параллели в ритуальной практике воинов-колесничих древнего Китая (по материалам находок в могиле Фу-хао в Аньяне) ... 769
ВАСИЛЬЕВ В.Ф. (Москва)
О противоречиях внутри и вокруг Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) ... 892
ВАСИЛЬЕВ Д.Д. (Москва)
Караван-сараи Крыма, Кавказа и Средней Азии на старых фотографиях из архивов Российской Академии наук ... 1048
ВАСИЛЬЕВА Л.А. (Москва)
Литературный мир диаспоры урду ... 974
ВАТМАН С.В. (Санкт-Петербург)
Исследования бенгальского вайшнавизма ... 771
ВВЕДЕНСКАЯ Э.И. (Россия)
Театральный опыт гаудия-вайшнавов рубежа XX-XXI веков как одна из моделей современного религиозного театра ... 458
ВЕРТОГРАДОВА В. (Москва)
Планиметрические модели в древнеиндийской живописи по "Читрасутре" ... 940
ВОЛОДИНА Е.Г. (Москва)
Англицизмы в турецком языке и реформа языков в Турции ... 219
ВЫРЩИКОВ Е.Г. (Москва)
Некоторые аспекты древнеиндийских представлений о городе ... 988

ВЭНЬ ЦЗЯНЬ (Санкт-Петербург)
Даосизм в устойчивых выражениях китайского языка ... 221
ВЯТКИН А.Р. (Москва)
Природные ресурсы Крыма и репатриация крымских татар (1989-2003 гг.) ... 1002
ГАБЕЛИЯ А.Н. (Сухум)
Из истории греческой колонизации Абхазии ... 819
ГАГЛОЙТИ Ю.С.
О скифском компоненте в этногенезе осетин ... 277
ГАГЛОЙТЫ Ю.С. (Цхинвал)
Бронзовая фигурка оленя ... 853
ГАЗДАНОВ М.Т. (Владикавказ)
Сравнительный анализ свадебных обрядов у памирцев и осетин ... 607
ГАЛЯУТДИНОВ И.Г., САЛИХОВ А.Г. (Уфа)
Востоковедные исследования в Башкортостане на современном этапе ... 827
ГАМЗАТОВА П.Р.(Москва)
Проблема самоидентификации в искусстве Средней Азии и Северного Кавказа (90-е годы XX века) ... 375
ГАНЕЕВА Э.И. (Узбекистан)
Этническая идентичность и толерантность в социальных группах Узбекистана ... 284
ГАНЖУРОВ В.Ц. (Улан-Удэ)
Россия - Монголия: отношения нового тысячелетия ... 830
ГАНИЕВ Р.Т., ОВЧИННИКОВА Б.Б. (Екатеринбург)
Лю Мау-Цай о тюрках-тугю (Тукюе) ... 832
ГАНИЕВ Ф.А. (Казань)
Некоторые проблемы грамматического строя тюркских языков ... 61
ГАРАБЕДЯН АГОП (Болгария)
Кипр. Провал политики национализма ... 348
ГАРМАЕВ Ж.В. (Россия)
Перспективы формирования восточно-азиатского регионализма ... 1029
ГАРМАЕВА С.И. (Улан-Удэ)
К типологии буддистских традиций в прозе XX века ... 834
ГАРРИ И.Р., ГАРРИ И.Е. (Улан-Удэ)
Типологическое сходство Дзогчена и Сото-Дзэн как школ "прямого пути" в тибетском и японском буддизме ... 835
ГАСРАТЯН А.В. (Москва)
Состояние внешнеторговой сферы Ливана ... 1053
ГЕРАСИМОВА А.С. (Москва)
Судьбы афганских эмигрантов на Западе ... 985
ГЕРАСИМОВА М.П. (Москва)
Преемственность развития культурной и художественной традиции в Японии ... 910
ГЛУШКОВА И. (Москва)
Индусская мифология и североиндийская идентичность ... 1073
ГЛУШКОВА НАТАЛЬЯ (Россия)
О перспективах успешного японо-канадского сотрудничества ... 457
ГОЛЫГИНА К.
Соу шэнь цзи Мифологические рассказы 3-6 вв. и проблема генезиса сюжетного повествования ... 864
ГОЛЬМАН М.И. (Россия)
К периодизации истории Монголии XX в. в современной монгольской историографии ... 1024

ГОМБОЕВА М.И. (Чита)
Образ Неба в картине мира народов Байкальской Азии 837
ГОРБАТКИНА Г.А.(Россия)
Основные тенденции использования фольклора в современной турецкой литературе 455
ГОРОДЕЦКАЯ ОЛЬГА (Москва)
Души и духи древней культуры Чжоу 879
ГОРОШКОВ Н.П. (Воронеж)
Исмаил Гаспринский и формирование основ гражданского общества в мусульманском Крыму 839
ГОРЯЕВА Л.В. (Москва)
Адаб в малайской литературной традиции: темы и жанровые формы 922
ГРИГОРЬЕВА Т.П. (Москва)
Дзэн как свобода 896
ГРИЦКИХ И.В.
Экспансия и демократия: опыт Великобритании и Японии теоретический аспект 799
ГРОМОВА Н.В., ДАВИДСОН А.Б. (Москва)
Африканистика как часть востоковедения 839
ГУЗЕВ В.Г. (Санкт-Петербург)
Из опыта разработки функционального синтаксиса тюркских языков: члены предложения или компоненты конструкций? 66
ГУЛИЕВ Т.И. (Краснодар)
Некоторые особенности метаязыка перевода (на примере переводов конституции Турецкой Республики) 64
ГУРЕВИЧ Т.М. (Москва)
Концепт ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира 65
ГУСАРОВ В.И.(Россия)
Арабский мир: экономические итоги века 450
ГУСАЧ И.Р. (Азов)
Турецкая поливная керамика XV - XVIII вв. 841
ГУСЕВ М.Н. (Москва)
Проблемы безопасности в ЮВА 1082
ГУСЕЙНОВА Д.А. (Москва)
Некоторые аспекты сценической выразительности в мистерии «та'зие» 452
ДАГБАИН Б.Б. (Россия)
Восток-Запад: проблема Дальневосточной миграции 518
ДАНИЛОВ С.В. (Россия)
Структура и динамика социальной организации кочевых обществ Центральной Азии 522
ДАСАННА Д.М. (Сухум)
Некоторые вопросы изучения абхазских фамилий 821
ДЕНИСОВА Т.А. (Москва)
Мусульмане в малайских хрониках XVII - XIX вв. 1065
ДЕРБИШЕВА З.К. (Бишкек)
Лингвокультурологический аспект рунических памятников 45
ДЕРЮГИН В.А. (Япония)
Относительно миграции северных тунгусов на северо-западное побережье Охотского моря 296
ДЖАГАЕВА О.А. (Россия)
Россия и Монголия: проблемы культурного сотрудничества после дезинтеграции СССР и монгольской демократической революции 1990 года 590

ДЖАМБИНОВА Р.А. (Россия)
Литература и фольклор как две эстетические системы 556
ДЖАПУА З.Д. (Сухум)
Змей и его избранница (Новая мифологическая интерпретация нартского сюжета о чудесном рождении героя из камня) 823
ДЖЕОН А.А. (Санкт-Петербург)
Местоимение танъсин в корейском языке 50
ДЖИКИЯ М.С. (Тбилиси)
Несуффиксальный интенсив в тюркских языках (частично редуплицированные словоформы) 52
ДЖОЙ Я. (Киев)
Ади Грантх - антология религиозных текстов средневековой Индии (к 400-летию первой редакции) 810
ДЖУНУШАЛИЕВ ДЖ. (Кыргызстан)
Кыргызстан на трассе Великого Шелкового пути 709
ДЖУРАЕВА Г.А. (Узбекистан)
Роль женщин позднесредневековой Бухары в благоустройстве города 700
ДЗИЦЦОЙТЫ Ю.А. (Цхинвал)
Этноним «СКИФ» в осетинском языке 54
ДИДЕНКО И.М. (Украина)
Монгольский след в украинской культуре (XVII-XX ст.) 804
ДМИТРИЕВ С.В. (Россия)
Западноханьская столица в свете "Оды о Западной столице" (Си цзин фу) Чжан Хэна (78-139) и археологическим данным 566
ДОБРОВОЛЬСКАЯ М.В. (Россия)
Питание человека в древности: биологические адаптации и культурные традиции в Азии 547
ДОБРОДЕЕВ С.Ю. (Россия)
Экономико-географические аспекты интеграции Дальнего Востока 524
ДРОБЫШЕВ Ю.И. (Москва)
Святыни свои и чужие в представлениях средневековых монголов 992
ДРУГОВ А.Ю. (Москва)
Общество и власть в современной Индонезии 894
ДУБАЕВ М.Л. (Москва)
Политические организации русских эмигрантов на Востоке 46
ДУГАРОВ В.Д. (Россия)
Монголия - Россия в трудах ученых Восточной Сибири в XX в. 567
ДУНАЕВА Е.В. (Москва)
История формирования границы России и Ирана 1064
ДЫРХЕЕВА Г.А.(Улан-Удэ)
Государственный бурятский язык: реальность и перспективы 49
ЕВДОКИМОВ Ю. И. (Москва)
Тенденции развития современного восточно-аравийского общества (опыт Объединенных Арабских Эмиратов) 916
ЕЖОВ Г.П. (Россия)
Водные ресурсы и баланс воды в ИРИ 588
ЕЛИХИНА Ю. И. (Россия)
Московские серебряные печати изх коллекции Гос. Эрмитажа 563

ЕМЕЛЬЯНОВА Н.М. (Россия)
Ислам на Северном Кавказе: Северная Осетия и Кабардино-Балкария **baranov c.a. Russia** 1018
ЕРМОЛАЕВА Л.С. (Санкт-Петербург)
К типологии картвельских языков 58
ЕСЕНОВА ТАМАРА (Элиста)
Средства текстовой связи в калмыцком языке 59
ЕСИПОВА МАРГАРИТА (Москва)
Музыкальный инструмент как сакральный объект в буддийской живописи 377
ЕФИМОВА З.В. (Москва)
Референциальная структура в японском языке 56
ЖАНАТАЕВА УЛБОСЫН (Россия)
Социальные последствия экономических реформ в суверенном Казахстане 585
ЖАНТИЕВ Д.Р. (Россия)
Исследования ислама в России (90-е гг. XX в. – нач. XXI в.) Политический аспект 570
ЖАРОВА О.В. (Москва)
Австралийская практика оценки экологического риска 1010
ЖЕБИК АЛЕКСАНДР (Россия)
Ядерный кризис в Корее и интересы безопасности России 544
ЖЕБИН АЛЕКСАНДР (Россия)
Ядерный кризис в Корее и безопасность России 286
ЖЕЛЕЗНОВА Н.А. (Москва)
Corpus Kundakundae: проблема датировки. 944
ЖИГАЛИНА О.И. (Москва)
Курдские племена иранской провинции Керманшах в начале XX в. 869
ЖУКОВА А.В. (Россия)
О принципах традиционной музыки в композиции и изобразительности мультипликации Японии 586
ЖУКОВА И.В (Россия)
Интеллектуальная и психологическая драма Японии второй половины XX века 550
ЖУТАЕВ Д.И. (Москва)
Девять и двенадцать видов доктринального дискурса в индийской буддийской традиции 938
ЗАВГОРОДНИЙ Ю.Ю. (Киев)
Изучение индийской философии в Украине: 1840–1930-ые гг. (к постановке вопроса) 240
ЗАВИДОВСКАЯ Е.А. (Россия)
Пути развития китайской литературы конца 1980-90х гг 578
ЗАЙНУЛЛИН Г.Г. (Россия)
Манаджаты казанских татар (на арабском и татарском языках) 579
ЗАКАЗНИКОВА Е.П. (Москва)
Австралийско-индонезийские отношения (конец 1990-х годов - 2003 г.) 981
ЗАКИЕВ М.З. (Казань)
Лексемы акацир/агадир (агафирс) и мишар/мадьяр в системе тюркских этнонимов 224
ЗАХАРЕНКО И. А. (Беларусь)
Национальные традиции российской школы востоковедения (Уроженцы Беларуси - исследователи Востока) 542

ЗАХАРОВ А.О. (Москва)
К проблеме политической организации островных раннесредневековых обществ Юго-Восточной Азии 909
ЗОРИКТУЕВ Б.Р. (Россия)
Ранние монголы и проблема Эргунэ-куна 582
ЗОХИДОВ НИЗОМИДДИН (Таджикистан)
Некоторые соображения об арабоязычном периоде персидско-таджикской литературы 704
ЗУЕВ С.В. (Россия)
Индуизм в России: развитие вайшнавских общин за последние десять лет 519
ИБОАЕВ Ш. (Казахстан)
Вопросы эпического пространства в казахском героическом эпосе 649
ИБРАГИМОВ А. (Ташкент)
Слова индийского пронсхождения в «БАБУР-НАМЕ» 68
ИВАНОВ В.А. (Ташкент)
К вопросу о причинах кризиса раннегородской цивилизации в Средней Азии в эпоху развитой бронзы 786
ИВАНОВ С.М. (Россия)
Традиционализм и современность в условиях глобализации 336
ИВАНОВА И.П. (Москва)
Способность адаптации и потенциал саморазвития в арабской экономике 925
ИВАНОВА С.Ю. (Россия)
Международные отношения в условиях глобализации и этнического возрождения. 543
ИВЛЕВА Р.В.(Россия)
Монгольская проза 1985–2000 гг. 303
ИГНАТОВА О.М. (Москва)
Турецкие и русские источники по истории османских владений на территории Северного Приморья в XVI-XVIII вв. 1083
ИДРИСОВ Э.Ш. (Россия)
Эволюция потестарно-политических отношений кочевых сообществ Евразии (на примере Нижнего Поволжья) 521
ИМАМУТДИНОВА ЗИЛЯ (Москва)
О феноменологии музыкальной риторики Корана 563
ИНОМХОЖАЕВ РАХМОН (Узбекистан)
Место прессы в движении национального возрождения в Афганистане 851
ИСМАНОВ М.-Н.О. (Россия)
Некоторые вопросы о концепции субстанции Аллаха в Коране 382
ИСОГАЙ КЕНЪИЧИ (Japan)
О среднеазиатском документе по оживлению мертвой земли начала XVII в. 488
ЙОНДЕМЛИ ФУАТ (Турция)
Взгляд медицины на обучение танцу «СЕМА» и использование его в профилактике головокружения 276
КАВАХАРА ЯЕИ (Япония)
Святые семейства Маргилана XIX века в Кокандском ханстве 244
КАДЫРБАЕВ А.Ш. (Россия)
Во имя веры Христовой! Христианские конфессии в Китае в средние века 968

КАЗАГАЧЕВА ЗОЯ СЕРГЕЕВНА (Россия)
Сказители Алтая и аспекты текстологии. 691
КАЛАНДАРОВ Т.С. (Таджикистан)
Религиозный синкретизм у народов Горного Бадахшана 841
КАЛИНИНА Т.М. (Россия)
Система "климатов" в арабской географии 683
КАЛИННИКОВА Е.Я. (Москва)
Кто и что правит бал" в творчестве Салмана Рушди". 861
КАМОЛИДДИН Ш.С. (Узбекистан)
О методах определения этнической принадлежности древних народоҷ Средней Азии по данным письменных источников 786
КАМОЛИДДИНОВ Ш. (Ташкент)
Доисламские антропонимы в исторической топонимии Средней Азии 793
КАРАБЕКЯН С.Б., ОГАНЕСЯН А.П., ЯВРУМЯН М.М. (Ереван)
Вновь о структуре семитского корня (морфонологическая постановка проблемы) 70
КАРАМШОЕВ Д. (Душанбе)
Создание сводно-сравнительного словаря по памирским языкам 71
КАРИМОВ К. К. (Россия)
Традиции российского востоковедения в трудах башкирских и татарских исследователей конца XIX- начала XX вв. 684
КАРТАЕВ О.К.
Родоплеменные тамги как источник по этногенезу киргизов 652
КАСЕВИЧ В.Б., СПЕШНЕВ Н.А.(Санкт-Петербург)
Лакунарность текста: грамматические, семантические и культурологические аспекты 72
КАСЫМЖАНОВА А.А (Казахстан)
Философско-эстэтические построение Абу Насра Аль-Фараби 721
КАЦЕР Ж.У (Россия)
Исторические источники о существовании индуизма на территории России 571
КИКАБИДЗЕ Э. В. (Россия)
Японский бизнес и биотехнология 604
КИМ ЕВГЕНИЙ ЕНУНОВИЧ (Россия)
Трудовое право Республики Корея 685
КИМ ЕН УН (Россия)
Миграция и адаптация в России корейцев 686
КИМ КОНСТАНТИН ЕНУНОВИЧ (Россия)
Реализация стандартов МОТ в Республике Корея. 685
КИМ РЕХО (Россия)
Убийство королевы Мин. Новая версия о сеульском инциденте 8 октября 1895 года 572
КИРИЛЛИНА С.А. (Москва)
Ближневосточные и исламские исследования в России в исторической ретроспективе 977
КИРПИЧЕНКО В.Н. (Москва)
Современная арабская литература как литературная общность 984
КЛОБУКОВА (ГОЛУБИНСКАЯ) Н.Ф. (Россия)
Традиционная вокальная поэзия Дзи-ута как зеркало японской поэтики 688

КЛЯШТОРНЫЙ С.Г. (Россия)
Древнетюркские памятники как исторический источник 681
КОБИЩАНОВ Ю.М. (Россия)
Большая феодальная формация и социально-исторический комплекс полюдья в истории неевропейских цивилизаций 601
КОЖА КСЕНИЯ (Москва)
Инициальные аббревиатуры – «буквенные слова» в китайском языке 89
КОЖАХМЕТ-УЛЫ К.
О взаимодействии ООН, НАТО и других региональных организаций в борьбе с вызовами XXI века 718
КОЖЕВНИКОВ А.Е. (Россия)
Формирование предпосылок модернизации в общественно-политической мысли цинского Китая 238
КОЖЕКИНА М.Т. (Москва)
Заимствование хозяйственного опыта как аспект культурного взаимодействия: Россия и Индия на рубеже XIX - XX веков 912
КОЗМОЯН АРМАНУШ (Армения)
Средневековые армянские переводы Корана в рукописях Матенадарана 324
КОКШАЕВА Н.О. (Элиста)
Письма Чагдоржаба как важнейший эпистолярный источник изучения калмыцкого языка XVIII в. 82
КОЛЕСНИКОВА Н.В. (Москва)
Кросскультурная литература - новое явление в мировой культуре XX века 936
КОЛОТОВ В.Н.
Новые религии и региональная безопасность (религиозный фактор в управляемых конфликтах на примере Южного Вьетнама) 242
КОМАРОВ ЭРИК (Россия)
Демократизация как неоднолинейный процесс: этапы, формы и закономерности. На примере политического развития стран Южной Азии 966
КОНОВАЛОВА И.Г. (Москва)
Восточноевропейские топонимы средневековых арабских географов 84
КОРМУШИН И.В. (Москва)
К классификации тунгусо-маньчжурских языков 85
КОРМЫШЕВА Э. (Россия)
Проблемы подготовки отечественных специалистов-египтологов 946
КОРОТАЕВ А.В. (Москва)
Вековые циклы и тысячелетние тренды 1000
КОРСУН В.А. (Россия)
Единство в многообразии 600
КОСМАРСКАЯ НАТАЛЬЯ (Москва)
Русские диаспоры: политические конструкции и низовые восприятия 1004
КОШЕЛЕВ В.С. (Беларусь)
Два лика политического ислама 806
КОШЕЛЕВА Н.В. (Беларусь)
Ислам в США 808
КРАВЧЕНКО С.Л. (Москва)
Роль заимствований в развитии лексической системы амхарского языка 92

КРАСНОДЕМБСКАЯ Н.Г. (Россия)
О новом общем проекте музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунскамера) в Санкт-Петербурге 574
КРИВЕЦ, Е.А. (Москва)
Египетские христиане в системе отношений западных и восточных церквей 908
КРЖИЖЕВСКИЙ М.В. (Россия)
Народы Азии в Самарской области 577
КРИТСКИЙ.В.Г. (Россия)
Опыт ведического образования в России (на примере Московской духовной гимназии) 686
КРУПЕЙ И.И. (Россия)
Суть Дхармы согласно Шримад Бхагаватам 270
КУВШИНОВ Ю.А. (Россия)
Ноосферное мировоззрение как путь выхода из экологического кризиса 596
КУЗНЕЦОВА-ФЕТИСОВА МАРИНА (Россия)
Новые археологические находки в районе Иньсюя (Развалин Иньской столицы) 595
КУЛМАМАТОВ Д.С. (Термез)
Из истории тюркских заимствований в русском языке (ярлык, ерлычек, бабр, елбарс) 93
КУЛЬПИН Э.С. (МОСКВА) ПИТКЕВИЧ КШИШТОФ (Польша)
Золотая Орда и Великое княжество литовское 532
КУМИСБАЕВ У. К. (Казахстан)
Казахская литература и Восток 716
КУНИНА Ю. (Москва)
К вопросу о категориальной природе счётных слов СКЯ в работах китайских лингвистов 86
КУПРИН А.И. (Россия)
Власть и исламистская оппозиция в Тунисе в последней четверти XX века 948
КУРАПОВ А. А. (Россия)
Буддизм в России (Реализация буддийской социально-политической доктрины в политической жизни Калмыцкого ханства) 688
КУРАС Л.В. (Россия)
Атаман Г.М. Семенов и панмонголизм 605
КУРБАНОВ Г.Н. (Узбекистан)
Печати улама Бухарского эмирата 698
КУРНИКОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ (Россия)
АСЕАН плюс три: совпадение и противоречие интересов 678
КУТЕЛИЯ Н.С. (Тбилиси)
Распад колхской языковой общности и интеграция мегрельского и лазского как диалектов 95
КУЧЕРА С. (Москва)
Истоки конфуцианской концепции сяо - сыновней почтительности 895
КУШКУМБАЕВ САНАТ (Казахстан)
Геополитические проблемы транспортных коммуникаций Центральной Азии 714
ЛАЗАРЕВ М.С. (Москва)
Курдистан в современной геополитике 1016
ЛАНДА Р.Г. (Москва)
Средиземноморье: общность истории и культуры 859

ЛАНДО Н.С. (Москва)
Проблема формирования навыков устной речи при преподавании арабского языка 99
ЛАПИНА З.Г., ШИЛИН К.И. (Россия)
Экология культуры Востока (ЭКВ): экологическая культура будущего 593
ЛАШКАРБЕКОВ Б.Б. (Россия)
Основные атрибуты Памиро-Гиндукушского исмаилизма 689
ЛЕБЕДЕВА Н.Б. (Москва)
Международные отношения в Индийском океане в 21в. (вопросы теории и практики) 888
ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В. (Россия)
Памятники подводной археологии Черного моря 1042
ЛЕВИН Г.Г. (Якутск)
Ленско-Прибайкальские надписи как источник исследования истории якутского языка 101
ЛЕДКОВ А.А. (Россия)
Историческое значение надписи из храма Бхимешвара из Долакха от 688 г. Непальской эры (1682 г.) 953
ЛЕЖАВА И.И. (Тбилиси)
Спектрографический анализ звуков грузинского языка 102
ЛЕЛЮХИН Д.Н. (Россия)
Возникновение царства Личчхавов в Непале по материалам "Гопалараджавамшавали" и эпиграфики 962
ЛЕЛЮХИН Д.Н. (Россия)
Интернет-ресурс "Индийская эпиграфика" 964
ЛЕПЕХОВ С.Ю. (Россия)
Символические структуры и стиль буддийской цивилизации 693
ЛЕПЕХОВА Е.С. Москва
Могли ли монахи из храма Исияма быть авторами "Гэндзи - моногатари"? 1091
ЛЕСНИЧИЙ ИЛ. (Россия)
Конфликтогенный потенциал межкультурных коммуникаций в Каспийско-Кавказском регионе 690
ЛЕШАКОВ П.С. (Москва)
Корейская диаспора в России после распада СССР 927
ЛИДЖИЕВ А.Б. (Элиста)
О долгих гласных в тунгусо-маньчжурских языках (на материале маньчжурского языка) 103
ЛОГАЧЕВА Е.С. (Россия)
Историческая память хакасского этноса - духовная основа этнического самосознания 680
ЛУКАШ О. (Киев)
Индия и особенности процесса регионализации в Южной Азии 804
ЛЬВОВА Э. С. (Москва)
Эффиопские хроники как источник по истории Османской империи 680
МААН О.В. (Сухум)
Елыр-ныха 824
МАГОМЕДОВ А.Р. (Дагестан)
К перспективе организации центра востоковедных исследований в Дагестане 384
МАЕВСКИЙ Е.В. (Москва)
Орфография японских имен собственных 113

МАЗО О.М. (Москва)
О некоторых функциях и значениях сино-тибетского суффикса *-t ... 114
МАЛКОНДУЕВ Х.Х. (Нальчик)
Карачаево-Балкарская поэма XIX века об Иосифе Прекрасном ... 535
МАЛЯРОВ О.В. (Москва)
Социально-экономическая модель независимой Индии ... 931
МАРАКЯН С. А. (Армения)
Сага об Ингваре об экспедиции викингов через Кавказ к иранскому побережью Каспийского моря (XI век) ... 695
МАРДАНОВА Г.Б. (НАБЕРЕЖНЫЕ Челны)
Синонимия фразеологических антонимов в английском и татарском языках ... 107
МАРТ-ООЛ, С.А. (Москва)
Женщины-шаманки Тувы и био-библиографическая база данных южно-сибирских шаманов ... 1044
МАРЧЕНКО В.Т. (Россия)
Народонаселение России - полиэтническая система с многовековой историей формирования ... 533
МАРШЕВСКИ МАРИУШ, КОРАЛЕВСКИ ЯКУБ (Польша)
Крым: миграции и экология ... 481
МАСЮКОВА И.В. (Россия)
Израильское общество в XXI веке: проблемы и перспективы русскоязычной общины ... 857
МАТОЧКИН Е.П. (Новосибирск)
Древнее искусство Сибири: проблемы изучения и освоения ... 386
МАХПИРОВ В.У. (Алма-Ата)
Концепт tör в алтайских языках ... 104
МЕДВЕДКО Л.И. (Москва)
Войны Террор-антитеррора" в новой парадигме Восток-Запад ... 858
МЕДНИКОВА М.Б. (Москва)
Население Восточного Приаралья в I тысячелетии до н.э. - 1 тысячелетии н.э.: социальная дифференциация по данным палеоантрапологии ... 529
МЕЩАНИНОВ М.Б. (Россия)
Приграничное сотрудничество России и Монголии в диалоге двух цивилизаций ... 1034
МИКУЛЬСКИЙ Д.В. (Москва)
Подготовка второго издания перевода "Истории ислама..." А.Мюллера: проблема научности и "политической корректности" ... 870
МИРСАИДОВ УЛЬМАС (Душанбе)
Вопросы терроризма: стратегия безопасности и незаконный оборот ядерных материалов в Таджикистане ... 703
МИШИН А.П. (Россия)
О предпочтениях в словообразовании в современном персидском языке (после победы Исламской революции в Иране 1979 г.) ... 1025
МИШИН Д.Е. (Москва)
Идеологические аргументы испанских Омейядов в противоборстве с Фатимидами ... 884
МИШУКОВА Д.Д. (Владивосток)
О природе и происхождении классификаторов во вьетнамском языке ... 116

МКРТЫЧЕВ Т.К. (Москва)
Динамика традиций в искусстве Средней Азии первого тысячелетия нашей эры ... 389
МОИСЕЕВ В.А. (Барнаул)
Востоковедение на Алтае: история, современное состояние, перспективы ... 390
МОКЕЕВ А.М. (Кыргызстан)
К вопросу о преемственности политических традиций тяньшанских кыргызов с енисейскими кыргызами ... 708
МОКУЛЬСКИЙ М.А. (Москва)
Геном человека и история человечества ... 802
МОЛОДЯКОВА Э.В. (Москва)
Японская модель религиозной жизни ... 921
МОНРАЕВ М.У., УБУШАЕВ Н.Н. (Элиста)
О некоторых проблемах калмыцкого языкознания ... 118
МОРЕВ Л.Н. (Москва)
Абстрактные отглагольные существительные и варнативность синтаксических структур в тайских языках ... 120
МОРОЗОВА Е.Б. (Москва)
Маска Но как синтез ритуальных традиций в японском театре ... 393
МОРОЗОВА Т.Е. (Москва)
Традиционный принцип индийской буквенной нотации в разновидностях современных систем сваралипи. ... 395
МОСКАЛЕНКО В. (Москва)
Политическая роль армии в Пакистане ... 932
МУДРАК О.А. (Москва)
Лингвистическая ситуация в Северо-восточной Азии по данным глоттохронологии ... 122
МУЗРАЕВА Д.Н. (Элиста)
Новые сведения об авторе «Повести о Лунной кукушке» Дагпу Лобсан-Данби-Джалцане (1714–1762) ... 401
МУКМИНОВА Р.Г. (Узбекистан)
К истории банковского дела в Средней Азии позднесредневекового периода ... 788
МУРИАН И.Ф. (Москва)
Классическая скульптура античного типа на Востоке в постдревнее время ... 399
МУРТУЗАЛИЕВ С.И. (Дагестан)
Русские центры информации XV–XVII веков по Османской империи ... 334
МУСТАКИМОВ И.А., ШАРАФУТДИНОВ Д.Р. (Татарстан)
Новые документы по истории народов Поволжья из Османского архива (Стамбул): предварительные замечания ... 397
МУСТАФИНА Э.М. (Татарстан)
Концептуальные составляющие культуры Египта во второй половине XX века ... 400
МУХАМЕТДИНОВ Р.Ф. (Казань)
«Солнечная» философия прототюрок и ее следы в языках мира ... 125
МУЧТАДАЕВ Ш. М. (Азербайджан)
Восточная Анатолия и Азербайджан ... 694
МУШАЕВ В.Н. (Элиста)
Исследование синтаксических связей современного калмыцкого литературного языка ... 127

НАБИЕВ Р.А. (Казань)
Религиозная толерантность в структуре идентичности российских мусульман Поволжья 231
НАЗИРОВА Н.Н. (Москва)
Восточная комиссия Московского археологического общества 717
НАМ СВЕТЛАНА Г. (Москва)
Политика советского правительства в отношении корейского национально-освободительного движения в 1918-1922 гг. 912
НАМЖАВИН СОДМОН (Элиста)
«Ясное письмо» ойратов Синьцзяна КНР 127
НАРМАЕВ Б.М. (Санкт-Петербург)
Этика Гэсэриады 227
НАСИЛОВ Д.М. (Москва)
Некоторые аспекты реконструкции тюркских темпоральных форм в свете языковой картины мира 130
НАСРИДДИНОВ А. (Таджикистан)
Персидская текстология в XIV-XVII вв. 774
НЕВСКАЯ И.А. (Новосибирск)
Древнетюркские тексты домонгольского периода 134
НЕМИРОВСКИЙ А.А. (Москва)
Забытый покоритель мира: историческая достоверность традиции о Лугальаннемунду, царе Адаба 252
НЕМЧИНОВ ВИКТОР (Москва)
Встретятся ли снова Восток и Запад в умах и сердцах нового поколения XXI века Новый метод обучения кросс-культурной толерантности 996
НЕЧАЕВА Л.Т. (Москва)
Что такое «комментарий» в учебнике японского языка? 132
НЕЧИТАЙЛО Д.А. (Москва)
Стратегия и тактика исламских политических движений. 1059
НИКОЛАЕВ В.П. (Москва)
Южнотихоокеанский регион: место встречи Востока и Запада 1068
НИКОЛАЕВА М.В. (Москва)
Мистицизм в творчестве Михаила Нуайме 975
НИМЕСТУЛЛАХ, Таджида
Миграция турок на Балканы 491
НИЯЗОВА М.И. (Бухара)
Предметы мужских украшений Бухары XIX - начала XX вв. 790
НОВАКОВА О.В. (Москва)
Распространение христианства (католицизма) в странах конфуцианского мира 803
НОВИКОВА К. (Россия)
Художественное осмысление взаимодействия природного и культурного начал в садах Китая и Японии 961
НОРМАНСКАЯ Ю.В. (Москва)
Локализация тюркской прародины на основе семантической реконструкции фитонимов 134
НОСЕНКО Е.Э. (ШТЕЙН) (Москва)
Происхождение Субботы: историко-антропологический подход 873
НУРКАЕВА Л.Н. (Россия)
Художественные традиции и современная монгольская проза 292

НУРМУХАММЕДОВ А. (Ашхабад)
Отражение в «Диване» Махмуда Кашгарского гласных фонем туркменского языка 136
НУСАЙРИЕВ М.Г. (Хорог)
Оценка риска геологических угроз на западном Памире 775
ОВЧИННИКОВА Б.Б. (Екатеринбург)
Тюркские древности Центральной Азии в контексте культурных взаимодействий Востока и Запада 402
ОДЕРИХА В.В. (Ждановичи)
Проблема суннитско-шиитских отношений в Ираке в Новейшее время 812
ОМАКАЕВА Э. (Элиста)
Функционирование калмыцкого языка как государственного в Республике Калмыкия 137
ОМАРОВ Е. С. (Казахстан)
Казахская цивилизация как часть Евразийской 714
ОМУРБЕКОВ Т. Н. (Киргизия)
К вопросу об объективной оценке роли исторических личностей народов Центральной Азии 706
ОРАЗБАЕВА АЛТАЙЫ И. (Казахстан)
Сравнительная теория цивилизаций применительно к истории кочевников евразийских степей 713
ОРЕШКОВА С.Ф. (Россия)
Османская империя и Россия: проблемы геополитического разграничения территорий двух империй 946
ОРЛОВСКАЯ М.Н. (Москва)
Некоторые особенности в построении простого предложения в древних монгольских текстах 140
ОРМУШЕВ А. С. (Кыргызстан)
Дипломатические отношения Кыргызстана с миром Востока 647
ОРУС-ООЛ С.М. (КЫЗЫЛ, РЕСПУБЛИКА Тыва)
Сравнительное изучение поэтики и стиля тувинского языка 404
ОСИПОВА Л.П. (Россия)
Методология популяционно-генетических исследований и перспективы их использования в ориенталистике 634
ОСМАНОВ А.Н. (Махачкала)
Дагестан – перекресток восточных и западных цивилизаций 405
ОСТРОВСКИЙ Б.Я. (Москва)
О системе глагольных категорий в персидском и близкородственных ему языках 829
ПАВЛЕНКО В.В. (Россия)
Причины появления зиккуратов: к истории изучения вопроса 406
ПАВЛОВА И.К. (С-Петербург)
Российские предприниматели в Иране (втор. пол. XIX – нач. XX вв.). Чаяния и реалии 406
ПАК Б.Б. (Москва)
Русский дипломат К.И. Вебер и договор между Россией и Кореей 1884 г. 1085
ПАК Б.Д. (Москва)
100 лет российско-корейских отношений: основные этапы и историческое значение 1014
ПАНФИЛОВ Н.Н., ТВЕРЕВ К.К.
Интегрирующая роль ведической храмовой архитектуры 244

ПАНЧЕНКО К.А. (Москва)
Исследования Христианского Востока в России в 90-х гг. XX – нач. XXI в. 528
ПАРСАДАНЯН В.Х. (Ереван)
Лексикологическое сопоставление персидского и дари 142
ПАХОМОВА Л.Ф. (Москва)
Инновационные модели социально- экономического развития в странах Юго-Восточной Азии 882
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА Т.В. (Астрахань)
О центральноазиатской политике России (Бухарский эмират до и под протекторатом России второй половины XIX в.) 408
ПЕТРИКОВСКАЯ А.С. (Москва)
Австралия: изменения в культурной характеристике (дороги в Азию) 1071
ПЛОСКИХ В.
Проблемы древней цивилизации Иссык-Куля 646
ПОГИБЕНКО Т.Г. (Москва)
Связка тождества в кхмерском и древне-кхмерском 145
ПОДАЛКО П.Э. (Япония)
Русская эмиграция в Японии в первой половине XX века и ее роль в становлении и развитии современной японской культуры 487
ПОЛЕТАЕВА З.В. (Россия)
Историческое значение «Великого шелкового пути» в формировании и развитии историко-культурных связей средневековой Японии 409
ПОЛЯНСКАЯ О.Н. (Улан-Удэ)
Формирование российской школы монголоведения и О.М. Ковалевский 410
ПОПОВ АРСЕНИЙ (Москва)
Традиционные и современные семейные ценности и семейная политика в КНР: некоторые аспекты законодательной борьбы с семейным насилием в КНР 906
ПОПОВЦЕВ Д.В. (С-Петербург)
«Сутра Драгоценного Царя» и культ божественного коня в буддизме махаяны 412
ПОРХОМОВСКИЙ В.Я. (Москва)
Берберская видо-временная система в сравнительном освещении 146
ПОТАБЕНКО С.И. (Россия)
Художник и время 1040
ПРИГАРИНА Н. (Москва)
Мирза Галиб и Мухаммад Икбал об Аджаме и Иране 942
ПРОЖОГИНА С.В. (Москва)
Аспекты культурной "метисизации" (этнические магрибинцы во Франции) 867
ПРУСАКОВ Д.Б. (Москва)
Природа и государство в древнем Египте 998
ПСЯНЧИН А.В. (Уфа)
История этнического картографирования Азиатской России в XVIII – 20-х гг. XX вв. 335
ПСЯНЧИН Ю.В. (Уфа)
Особенности развития научно-учебного подстиля в тюркских языках Урало-Поволжья во второй половине XIX века 147

ПУЛАТОВ УКТАМ
Греко-македонские завоевания и эллинизация культуры иранских народов. 701
ПУЛАТОВА Ш.П. (Душанбе)
Взаимопроникновения и взаимовлияние просветительских идей и просветительской литературы Таджикистана и Индии 777
ПЮРБЕЕВ Г.Ц. (Москва)
Лексико-семантическое поле судьбы в монгольских языках 149
РАВУТХ ПЕТ (Ростов-на-Дону)
Место Королевства Камбоджи в международном разделении труда и его политика в сфере внешнеэкономических связей 413
РАДЖАБЕКОВ Г.Д. (Таджикистан)
Топливно-энергетический баланс Афганистана (ретроспективный анализ) 268
РАДНАЕВА Л.Д. (Санкт-Петербург)
Фонетический строй бурятского языка и новые информационные возможности его исследования и представления 151
РАЖБАДИНОВ М.З. (Москва)
Исламизм - между умеренным и радикальным полюсом 890
РАССАДИН В.И. (Новосибирск)
О принципах классификации частей речи в монгольских языках 152
РАХИМОВ Р.Р.(Россия)
О спецификации пути в храм у таджиков 328
РЕДЬКИН О.И. (Санкт-Петербург)
Йеменские диалекты и межъязыковые контакты 153
РЕМАРЧУК В.В. (Москва)
Латинский алфавит во вьетнамской культуре 156
РЕМИЗОВА Алена
Рост населения в Индии: причины проблемы и пути их решения 668
РЕШЕТНИКОВ К.Ю. (Москва)
Дробление рефлексов гласных первого слога в самодийском и венгерском 158
РИЗАЕВА А.(Москва)
Некоторые проблемы современной арабской киноматографии 380
РОЩИН М. (Москва)
Исмаилиты Бадахшана (опыт полевого исследования в Таджикистане и Афганистане). 1067
РОЩИН М.Ю. (Москва)
Монастырь св. Екатерины на Синае и местные бедуины: опыт многовекового взаимодействия. 881
РУДАКОВА М.В. (Москва)
Новый взгляд на проблему "созидания истории" в андалусийской историографии 937
РУДНИЦКАЯ Е.Л. (Москва)
Категория эвиденциальности в корейском 161
РУКОДЕЛЬНИКОВА М.Б. (Москва)
К описанию семантики глаголов плавания в китайском языке 163
РУМЯНЦЕВ М.К., КАПЛУН М.И., ПОСПЕЛОВ Б.В. (Москва)
К проблеме эволюции тоновых характеристик слова в акцентные 165

РУСТАМОВА-ТОГИДИ СОЛМАЗ АЛИ КЫЗЫ (Азербайджан)
К истории миграции иранцев на Кавказ: периоды, причины, судьбы 643
РЯБИНИН А.Л. (Россия)
Структура верховной власти на Востоке в период средних веков 958
РЯБЧЕНКО Н.П. (Владивосток)
Исторический опыт народов Востока и глобальная цивилизация 669
САВЕЛЬЕВ Р.В (Россия)
Внешняя политика России в современных условиях и Российско- Корейские отношения 503
САДОКОВ Н.В. (Москва)
Некоторые особенности развития филиппинской литературы XIX-XX веков 1051
САДЫКОВА А.Ю. (Казань)
Общественная инициатива в построении эффективных взаимоотношений между Японией и Республикой Татарстан 638
САДЫКОВА Д.А.
Молодежные организации Японии, Китая и Южной Кореи 633
САЙДУМАРОВ М.Г.(Узбекистан)
Современный саудовский арабский роман (возникновение, становление и этапы развития) 302
САЛИХОВ А.Г. (Уфа)
Новые источники по истории суфизма в Башкортостане 631
САМАРИНА И.В. (Москва)
Вьетические языки: типология фонологических систем 168
САМОЙЛОВ Н.А. (Россия)
Российские планы организации управления Ляодунским полуостровом на рубеже XIX и XX вв. 239
САНЧИРОВ В.П. (Элиста)
Вхождение ойратов в состав государства Чингис-хана 608
САРАБЬЕВ А.В. (Москва)
Миграция сирийских и ливанских христиан в первой половине XX в. и общественно-политические сдвиги 1027
САРТИКОВА Е.В. (Элиста)
Образование как фактор "выживания" малочисленных народов в современном обществе 612
САФРАСТЯН Р.А. (Армения)
Реформы в Османской империи и армяне (кон. 18-го – 70-е годы 19-го веков) 283
САХОКИЯ М.М.(Тбилиси)
Материалы к историческому морфосинтаксису персидского языка 166
СВАНИДЗЕ М.Х. (Грузия)
Из истории грузино-французских отношений (1714 г.) 332
СЕРДЮК Е.А. (Москва)
Спонтанность в отношениях "МАТЕРИАЛ-ХУДОЖНИК" в Японии в средние века 614
СЕРЕНКО И.Н.(Россия)
Разработка модели обучения и воспитания пакистанской молодежи 333
СЕРКИНА Г.А. (С-Петербург)
Орнитоморфная символика в костюме тюрков и монголов 610

СИБАГАТОВ Ф.Ш. (Россия)
Отражение коранических сюжетов в башкирской литературе 512
СИБГАТУЛИНА А.Т. (Елабуга)
Жанр татарской религиозно-суфийской литературы 610
СИГОРСКИЙ А.А. (Москва)
Процессы конвергенции и дивергенции в языках близких языковых семей: индоарийской и иранской на примере склонения существительных в дакхини 191
СИДАКОВ Ю.С. (Россия)
Миротворческий потенциал в обычаях и традициях народов Кавказа 674
СИДАКОВА Т.Н. (Россия)
Национальные конфликты и пути их решения на Северном Кавказе 675
СИМОНОВА-ГУДЗЕНКО Е.К. (Россия)
Оформление пространства древнеяпонского государства Рицуре (База данных географических названий) 318
СИНЕЦКАЯ Э.А. (Москва)
Женский вопрос в Китае 915
СИНЬКОВА О.М. (Москва)
К вопросу о словообразовании неологизмов в сфере компьютерных технологий на материале современной арабской прессы 194
СИРК Ю. (Москва)
Материалы для этимологического словаря бугийского языка «Ла Галиго»: физический мир и направление 197
СКОРОХОДОВА Т.Г. (Пенза)
Концепция демократии в наследии Раммохона Роя (опыт реконструкции) 610
СКРЫННИКОВА Т.Д. (Улан-Удэ)
Власть и термины господства-подчинения в Монгольской империи в эпоху Чингис-хана 616
СЛЕЗКИНА О.Ю. (Москва)
Пространственные отношения в многоязычной системе машинного перевода 200
СМЕРТИН Ю.Г. (Краснодар)
Даосизм и корейская традиционная культура 629
СОДНОМПИЛОВА М.М. (Улан-Удэ)
Образы пространства и мировоззрения монголоязычных народов Внутренней Азии 628
СОКАЕВА Д.В. (Владикавказ)
Пространственная организация осетинской волшебной сказки 617
СОКОЛ В.Б. (Тюмень)
Причина временности марксизма православной России в свете философии древнеиндийских Вед 254
СОКОЛОВ А.А. (Москва)
Литература вьетнамской диаспоры США 986
СОКОЛОВ-РЕМИЗОВ С.Н. (Москва)
Сяньчжан - китайские свободные "досужные печати" 619
СОЛНЦЕВ А.В. (Москва)
Об иероглифических, пост-иероглифических и не-иероглифических языках 202
СОЛНЦЕВА Н.В. (Москва)
Заимствованные морфологические элементы в языке НУНГ 204

СОЛОВЬЕВА О.А. (С-Петербург)
Народный совет и советы старейшин в современной системе управления Туркменистана 621
СОРОКИН В.Б. (Москва)
Мир и ценностная толерантность 627
СОТНИКОВ В.И. (Москва)
Ядерное будущее Южной Азии 1008
СТАВРОВ И.В. (Владивосток)
Итоги изучения проблем национальных меньшинств Северо-Восточного Китая 626
СТАРОДУБ Т.Х. (Россия)
Изучение специфики пространственных построений и концепции пространственно-временных связей в произведениях исламского пластического искусства. 499
СТЕФАНЧУК Л. (Москва)
Иммиграция в Новую Зеландию 990
СТОЛБОВА О.В. (Москва)
Роль фольклорных текстов в полевой работе с бесписьменным языком 208
СТРЕЛКОВ А.М. (Россия)
Эсхатологическая мифология в буддийской легенде о Шамбале 496
СТРЕЛКОВА Г.В. (Москва)
От литературной героини к писательнице 844
СТРИЖАК УЛ.П. (Москва)
О некоторых аспектах использования явления мотивированности иероглифических знаков в процессе преподавания японского языка 209
СУВОРОВ М.Н.(Россия)
Разговор с властью и народная поэзия в Йемене: фестиваль народных искусств в Йафи 320
СУВОРОВА А.А. (Россия)
Несть ни мусульманин, ни индус: тематическая условность суфийской поэзии Индии 972
СУЕТИНА Ю.Г. (Москва)
Контрастивный анализ морфологии существительного в сахарских и чадских языках (на примере канури и хауса) 210
СУЛТАНАЛИЕВА АИТА С. (Кыргызстан)
Образ России как символ цивилизации в акынской поэзии XIX века. 722
СУМБАТЯН Ю.Г. (Москва)
Китай: армия и политика 623
СУСЛИНА С.С. (Россия)
Современная экономическая модель Республики Корея и глобализация: проблемы и шансы 505
СЫЗРАНОВ А.В. (Астрахань)
К вопросу о распространении ислама в Нижнем Поволжье 625
СЫРТЫПОВА С.Д. (Улан-Удэ)
Буддийские рукописи и ксилографы на тибетском и монгольском языках в Трансбайкалье: коллекции и пользователи 621
СЭЦЭНМУНХ О. (Санкт-Петербург)
Современное бытование эпоса о Гэсэр-хане 673
ТАГАНОВА М.А. (Ашхабад)
Функциональная грамматика туркменского языка 213

ТАГИЗАДЕ Т.С. (Махачкала)
Толерантность как альтернатива мирному урегулированию арабо-израильского конфликта в XXI в. 624
ТАДИНОВА Р.А., ЭКБА З.Н. (Москва)
К сакральным представлениям носителей пратюркского языка 211
ТАНЕЕВА-САЛОМАТШАЕВА Л.З. (Москва)
Имманентная логика суфийского стиха (На примере средневековой персоязычной поэзии Индии) 984
ТАРБА С. (Сухум)
К вопросу о магических обрядах и действиях в народной медицине абхазов 825
ТАРБАНАКОВА С.Н. (Горно-Алтайск)
Алтайский кай: историческая ретроспектива и современное состояние 669
ТАЮРСКАЯ К.А. (Хабаровск)
«Люсинъюй» в современном китайском языке 214
ТЕЛЕБАЕВ Г.Т. (Казахстан)
Философские концепции Жусипа Баласагуни и Кожа Ахмета Йассауи в контексте арабской и тюркской культурных традиций 847
ТЕН В.А (Сургут)
Об особенностях этнического самосознания корейцев в США 247
ТЕРЛЕЦКИЙ Н.С. (Россия)
Родословная Кокандских ханов и правовое обоснование верховной власти 327
ТИКАЕВ Г.Г (Россия)
Мамлюкское правление в Египте и его освещение в исторических произведениях египетского писателя Мухаммеда Саида аль-Арйана 300
ТИМОФЕЕВ О.А. (Россия)
Группы влияния на разработку внешнеполитических решений в КНР 322
ТИХОНОВ Ю.Н. (Россия)
Начало второй мировой войны и обострение международных отношений в Центральной Азии. 1939-1940 (по архивным материалам) 640
ТОРЛАНБАЕВА КЕНЖЕ У. (Казахстан)
Политические лидеры Второго восточно-тюркского каганата и Большие тюркские памятники Монголии 711
ТРОФИМОВА С.М. (Улан-Удэ)
Проявление категории определенности-неопределенности в системе местоимений монгольских языков 216
ТРОШИН А.А. (Москва)
Малый и средний бизнес в странах Восточной и Юго-Восточной Азии: современные тенденции 1093
ТУГУЖЕКОВА В.Н. (Абакан)
Хакасский этнос: проблемы здоровья 641
ТУГУТОВ Ч.А. (Элиста)
Проблемы правового менталитета и приоритеты в средневековом японском и русском праве 289
ТЮХТЕНЕВА С.П. (Горно-Алтайск)
Имя - путь - судьба: центрально-азиатские этнографические параллели 642

УЛАНОВА А.Э-Г.,УБУШАЕВА Б.В. (Элиста)
К изучению языковой ситуации в Калмыкии 217
УЛЬЧЕНКО Н.Ю. (Москва)
К итогам первого десятилетия организации Черноморского экономического сотрудничества 876
УЛЯХИН В.Н. (Москва)
Развивающаяся Азия: технологический прогресс и социоструктурные механизмы рынка 1012
УСОВА ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА (Россия)
Израиль в системе международных отношений 1022
УТУРГАУРИ С.Н. (Москва)
Турецкая диаспора в Германии. Социо-культурная эволюция 983
ФАДЕЕВА И.Л. (Москва)
Турки и меньшинства после войны за независимость 1918-1922 885
ФОМИЧЕВА Е.А. (Москва)
Природа в верованиях и религиозных представлениях тайцев 929
ХАГБА Л.Р. (Сухум)
Концепт «время» в лингвистическом менталитете абхазов 73
ХАКОВ ДЖЕНГИЗ (Bulgaria)
Балканы – приоритет региональной политики Турции 424
ХАЛМУРЗАЕВ Т. (Ташкент)
Дивергентные черты в языке урду Индии и Пакистана 76
ХАНХАРАЕВ В.С., БОРОНОВА М.М., САНЖИЕВА Т.Е., СЫДЕНОВА Р.П. (Улан-Удэ)
Новые данные о демографии бурят-буддистов Иркутской губернии в 70 - 90-е гг. XIX в. 758
ХАРЧЕВНИКОВА Р.П. (Элиста)
К вопросу о дифференциации так называемых возвратных местоимений в монгольских языках 77
ХАРЬКОВА С.С. (Элиста)
Возможно ли установление идиоэтнического в языках мира? 79
ХИЖНЯК ОЛЬГА СЕМЕНОВНА (Санкт-Петербург)
Значение ступы в формировании буддийского культа 653
ХОДЖАЕВА М.Ю. (Таджикистан)
Новый фарсиязычный стих Мовараннахре 849
ХОШИМБЕКОВ ХАДИЯ (Москва)
Узбеки Северного Афганистана 849
ХРЯЩЕВА Н.М. (Москва)
Регионализация экономического сотрудничества в Азии 1092
ХУДЯКОВ Ю.С. (Новосибирск)
Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийский период 654
ХУШКАДАМОВА ХАЛИМА (Россия)
Агахан IV в Центральной Азии 676
ЦВЕТКОВА Н.Н. (Москва)
Прямые иностранные инвестиции в Азии и глобализация 871
ЦЕДЕНОВА С.Н. (Элиста)
К вопросу о художественном своеобразии исторической прозы монголов 656
ЦЫБИКТАРОВ А.Д. (Улан-Удэ)
Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Южного Забайкалья и Монголии 657
ЧАБИНЕЦ Е.Н. (Томск)
Восточно-буддистские искусства повседневности как путь к гармонизации личности 659
ЧАЙКОВСКАЯ А. (Таллин)
Системный подход к изучению турецкой номинации 1094

ЧАЧИБАЯ М.А (Грузия)
О взаимоотношении сирийско-грузинских версии «Жития Петра Ибера» 305
ЧЕРВОННАЯ СВЕТЛАНА (Москва)
Роль личности лидера в национальном движении крымских татар в 20 веке: от Исмаила Гаспринского и Нумана Челеби Джихана до Мустафы Джемилева 662
ЧЕРЕВКО К.Е. (Москва)
О становлении японского письменно-литературного языка (на материале «Кодзики» («Запись о деяниях древности 712 г.»)) 42
ЧЕРЕШНЕВА Л.А. (Липецк)
Дискуссионные проблемы политической истории Индии в годы и после второй мировой войны (1939-1947) 660
ЧЕРНОВСКАЯ В.В. (Ярославль)
Демография ислама в Центральной России 664
ЧЕРТЫКОВА М.Д. (Абакан)
Глаголы эмоции в хакасском языке 44
ЧЕЧИЕВ Г.В. (Владикавказ)
Деятельность организаций северокавказской диаспоры в Турции в 1908-1925 гг. 671
ЧИБИРОВ Л.А. (Владикавказ)
Скифские реликты в религии осетин 672
ЧИМИТДОРЖИЕВ Ш.Б. (Улан-Удэ)
Буряты - данники монгольских ханов в российском подданстве (XVII век) 665
ШАБОЗОВ М.Ш. (Таджикистан)
К вопросу о необнаруженном математическом трактате Насира Хусрава 291
ШАГАЛЬ В.Э. (Москва)
Арабизация и проблемы перевода 40
ШАЙХУЛОВ А.Г. (Уфа)
Особенности идеографической парадигматики в языках Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона 172
ШАЛЯПИНА З.М., КАНОВИЧ М.И., КОСТЫРКИН А.В., ЛЮБЧЕНКО В.И., МОДИНА Л.С., ПАНИНА А.С., СЕНИНА В.И., СИВЦЕВА Н.И., ТАРАСОВА Е.С., ШТЕРНОВА О.А. (Москва)
Система японско-русского автоматического перевода ЯРАП в 2004 г. 178
ШАМАТОВ А.Н. (Ташкент)
К соотношению понятий «прямой» и «косвенной» интерференции в ареальных исследованиях 180
ШАМИЛЛИ ГЮЛЬТЕКИН. (Москва)
Свидетельствование Красоты. Опыт "музыкального прочтения" тебризской миниатюрной живописи начала XVI в. 636
ШАПОВАЛОВА С.В. (Москва)
Малаккский Кодекс (Undang-undang Melaka, XY -XVII вв.) в контексте исследований малайских исторических источников. 1056
ШАРБАТОВ Г.Ш. (Москва)
Развитие вторичного корнеобразования в разговорной речи арабов 182
ШАХБИЕВА М.Х. (Москва)
Категория класса: когнитивное и грамматическое содержание (на материале нахских языков) 173
ШАХБИЕВА М.Х. (Москва)
Систематизация научной информации в области лингвистического кавказоведения (по материалам реферативной и обзорно-аналитической работы ИНИОН за 1973–2003 гг.) 175

ШЕРЕМЕТ В.И. (Москва)
Архивное востоковедение: принципы, цели, перспективы 919
ШИХАЛИМБЕЙЛИ З.Э. (Азербайджан)
Развитие арабской философии в Азербайджане 694
ШИШКИНА Г. (Россия)
Японская традиционная живопись и западный зритель 845
ШКАРБАН Л.И. (Москва)
О синтаксисе филиппинских языков в типологическом контексте 185
ШКОПОРОВ Н.Б. (Россия)
Бхагавад-Гита и современная психология 500
ШЛЫКОВ П. (Россия)
Вакфы и их роль в экономической и социально-политической жизни османского общества в XVI в. 510
ШРЕСТХА КРИШНА ПРАКАШ (Россия)
Мундхум - религиозно-правовой трактат киратов 954
ШУТОВА Е.И. (Москва)
К вопросу о сущности процесса речевого употребления 188
ЩЕКА Ю.В. (Москва)
Принципы тюркской реконструкции 171
ЩЕРБАКОВ В.Д. (Россия)
Источники нестабильности в бассейне Каспийского моря и механизмы их нейтрализации 800
ЭМИРОВ Н.Ю. (Москва)
Саудовско-египетские отношения в 50-е - 70-е годы XX века 1061
ЮРЛОВ Ф.Н. (Россия)
Индия: демократия и формирование многопартийной системы 951
ЮРЛОВА Е.С. (Россия)
Индийские неприкасаемые: от подчиненности к самоидентификации 952
ЮСУПОВ М.М. (Грозный)
Конфликт и религиозная идентичность 667
ЯГУДИН Б.М. (Казань)
Принципы современной демократии и политическая система Турции в XX веке 666
ЯКОВЛЕВ В.М. (Москва)
Принцип последовательности символов чжоуской "Книги Пермен" 862
ЯКУБОВ Ю. (Таджикистан)
О возникновении и благоустройстве караванных дорог в Иране и Центральной Азии 784
ЯКУПОВ Р.И. (Россия)
Социоестественная история и этноэкология. Интеграция опыта 515
ЯН ЕН ХИ (Россия)
Отношения между Россией и КНДР: безопасность на корейском полуострове 501
ЯСКИНА Г. (Россия)
Основные факторы, влияющие на сближение западной и восточной цивилизаций 1032
ЯХОНТОВА Н.С. (Санкт-Петербург)
Трансформация названий из санскитских лексиконов на примере ойратского словаря 222
ЯЦКОВСКАЯ К.Н. (Москва)
Джагатайская рукопись XVII в. "Богатырское сказание о Чингисхане" и "Сокровенное сказание монголов" (13 в.) 930
ЯШКИН В.А. (Россия)
Экономика Тихоокеанского региона: проблемы развития и сотрудничества 1037